

Вячеслав ПЕРВУШИН

Слы́шь ты́о я кри́чущая
ты́ою жи́знью...

В. Перушин

В.М. ПЕРВУШИН

Иль это я приснился этой жизни...

Казань
Казанский государственный университет
2004

УДК 82-1: 82-3
ББК 84-44: 84-5
П26

Финансовую помощь в издании сборника оказали:
фирмы «Автостар»; «Салант»; «Био-Тон»; автомагазин «Комета»;
Суровяткина Н.Г.; детский творческий клуб «Костер»; Гузаева О.П.;
Степанова Л.М.; Русанова Г.А.; лидер ЛДПР Жириновский В.В.

Первушин В.М.

П26 Иль это я приснился этой жизни... — К.: Казанский
государственный университет им.В.И.Ульянова-Ленина,
2004. — 342 с.

ISBN 5-98180-094-1

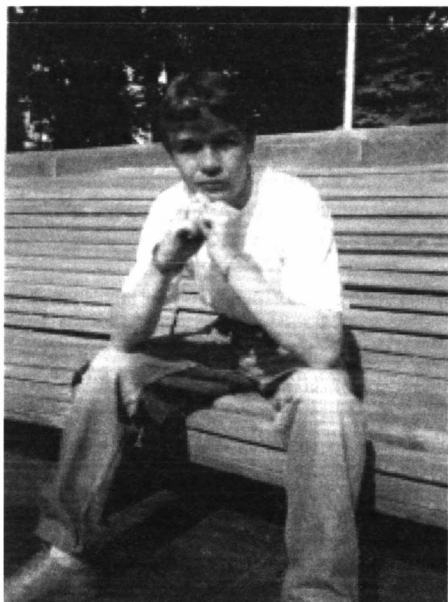
Данный сборник избранных произведений Вячеслава Первушина решением городской писательской организации и мэра города Сергея Морозова, является эксклюзивным подарком городам Казани и Димитровграду, в рамках программы «Культурная столица Поволжья».

УДК 82-1: 82-3
ББК 84-44: 84-5

Художники: Д. Хамидуллин, Е.Первушина

ISBN 5-98180-094-1

© Первушин В.М., 2004

Быть может, друг мой, ты приснился мне?
Иль это я приснился этой жизни?
Как жаль, как жаль, коль это сон, во сне
Не место глубине и укоризне.
И некого винить, что ты умен
Тем злым умом, который не в награду.
И гроыхая сходнями, паром
Ушел. А ты не перейдешь через преграду.
Да и не хочешь, эти берега
Тебе знакомей, и родней, и ближе,
Ты здесь нашел и друга, и врага,
И здесь ты в позолоте, а не рыжий.
И пусть продлится вечно зимний сон,
Тебе забвенье станется наградой,
И то, что ты хоть чуточку умен,
Поверь мне, никому давно не надо.

1987.

Вячеслав Первушин родился 30 сентября 1963 года в городе Димитровграде, Ульяновской области. Писать начал в седьмом классе. Будучи школьником становится членом городского писательского объединения «Черемшан». Окончив среднюю школу в 1980 году, успешно пройдя творческий конкурс, поступает в Казанский государственный университет им. В. И. Ульянова-Ленина, на факультет журналистики.

После окончания учебы в университете работал редактором молодежных программ Ульяновской ТРК «Волга», в ряде редакций областных газет, заведующим литературным отделом Димитровградского театра драмы.

В 1999 году Вячеслав становится членом Союза писателей России.

А с июня 2002 года вступает на должность руководителя пресс-службы ГУВД.

Бог наградил его многими талантами: он пел, играл на гитаре, сочинял музыку. Но главным его талантом было – писать ярко, увлекательно, завораживающе как стихи, так и прозу: рассказы, повести, романы. Они печатались в димитровградских газетах и журнале «Черемшан», в областных журналах «Мономах» и «Симбирск», в Казани в журнале «Идель». Его произведения вышли в сборниках в издательстве Саратова.

Первушин – лирик и мистик, лукавый сочинитель детских новелл и крутой приключенческой повести, глубокий по философичности своих произведений фантаст и переводчик стихов и текстов песен известных в мире рок-групп.

Будучи первым редактором городской газеты «Час Пик», несколько первых номеров газеты Вячеслав сделал полностью литературными. Стиль его очерков, газетных зарисовок, аналитических материалов был неповторим. Но Вячеславу было тесно в рамках газеты. И в очередной раз он круто менял жизнь на вираже. Ему была скучна монотонная обыденность буден, душа его постоянно жаждала свежих впечатлений, встреч, открытий. И он находил их в поездках по белу свету, в знакомствах с новыми людьми разного круга, в своих метаниях из крайности в

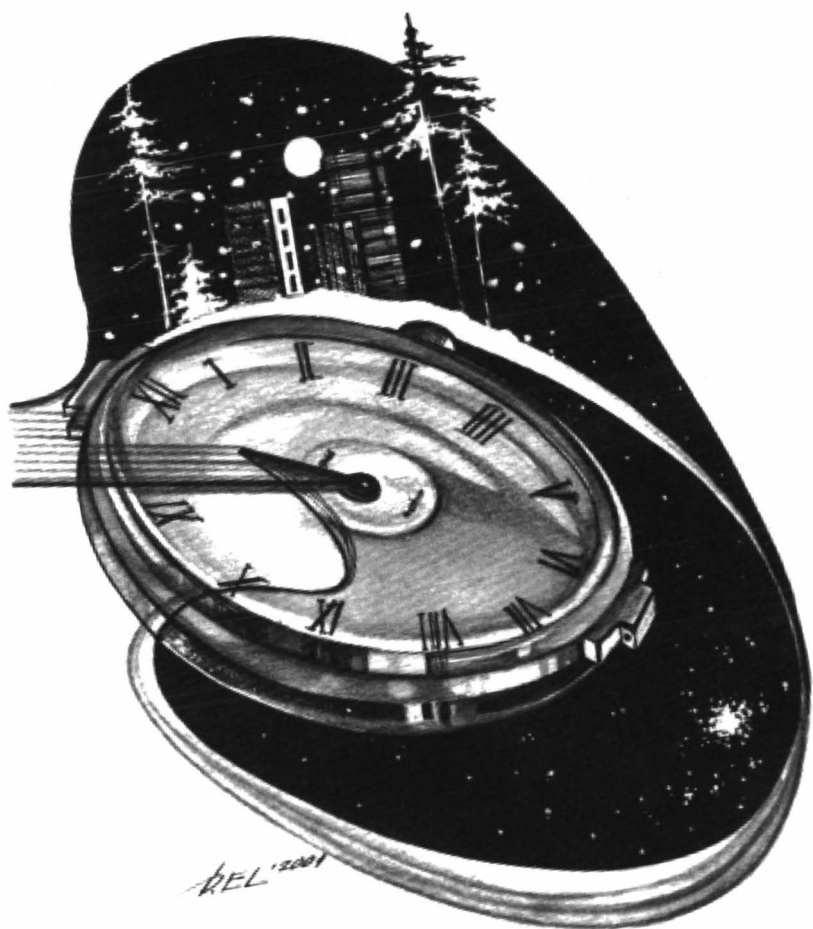
крайность в поисках истины. Все это переплавлялось в душе и голове, чтобы потом из-под его пера вышел очередной захватывающий рассказ, где в жанре «черного фэнтези», в котором он в последнее время работал переплелись вымысел и реальность. Имя Первушина внесено в энциклопедию писателей в жанре фэнтези и фантастики в Екатеринбурге.

Как писал о нем литературный критик Александр Надыктов: «Для прозы Первушина характерно сочетание, переплетение причудливых явлений с реальной жизнью. Призрачность ситуаций, фантазмагория его повествований преследует одну цель: предельно четко вычертить квинтэссенцию души человеческой. Нереальность как бы обнажает ее, экзаменует и определяет суть личности. Заглядывая в будущее, а оно состоит у автора преимущественно из высоких технологий, он пытается проследить за поведением человека, чувствующего одиночество в реальном мире и рвущегося иногда в некий ирреальный мир, и тем самым выявить его сущность, которая не зависит от времени и научно-технических достижений.

Литературный стиль В. Первушина принадлежит последнему десятилетию уходящего века. Для этого стиля характерна экспансивность – порывистая, экстравагантная выразительность...».

Впрочем, порой наша реальность бывает страшнее вымысла. Его мученическая смерть от рук подонков и целых четыре месяца неведения – жив он, или нет – словно страшный сюжет для рассказа. И в разговорах Слава, как часто бывает с поэтами, обладал даром предвидения: недаром во многих его произведениях сквозят мысли о скорой кончине.

Мало ли он прожил? Видно, ему был отмерен именно такой срок. Уже стало ходячей фразой: настоящие поэты долго не живут. Он был настоящим...

ЧАСТЬ 1

*Все мы - дети,
потерявшиеся во времени.*

За таких как ты, мой друг беспечный,
Я готов все горести сносить,
Миллионозвездный пояс млечный
Срезать, и на счастье подарить!
И когда-нибудь, я, полысевший,
Нудный и примерный чей-то муж,
Убегу в тот вечер отшумевший,
Босиком пройду по грязи луж.
Разведу костер в сырой ложбине,
Лягу, и как раньше, озорно,
Подмигнет мне в темно-синей стыни
Детство? Юность? А, скорей, никто...

1983

На машине старой и смешной,
По дороге грязной и разбитой
Проезжало счастье стороной,
Всеми в этом мире позабыто.
Я кричал ему – Не торопись,
Жди меня, уж если показалось.
Только будь со мной, остановись!
Счастье только тихо рассмеялось.
Я кричал – Притормози чуть-чуть,
Вот дела закончу, потолкуем.
А оно продолжило свой путь,
И в страну уехало другую.
Я дела решил, и с той поры
Бегаю за счастьем по дорогам,
Вот уж постарел, и вы стары,
И живем без счастья понемногу.
Телевизор, дача и жена,
Все как у людей, ничуть не хуже,
И уже забыта та весна,
Ветер, счастье и дорога в лужах.

Май пришел в сирень одетый,
Закипая синей пеной,
И прозрачным легким светом
Разукрасил дома стены.
Будет радость ненадолго,
Будут игры понарошку,
И укатит май в двуколке
По утоптанной дорожке.
Май исчезнет на рассвете,
Рассыпая иглы звуков,
Засмеются звонко дети,
Непонятна им разлука,
И сирень за маем канет,
Осыпаясь звездопадом,
Не утешит, не поманит нежным,
Темно-синим взглядом.
Город вздрогнет и очнется
От весенней лихорадки.
Май исчез. И не вернется.
Лето. Значит, все в порядке.

1985

Красива Лена в утренней заре,
Быть может, красивее нет на свете,
Но мне милее Волга в сентябре,
И Черемшан, парящий на рассвете.
Мне улицы-старушки, как родня,
Мне тополь у окна милее брата,
И Крайний Север с горечью кляня
Лечу к тебе, мой дом, моя утрата.
Красива Лена, так же, как и встарь,
Но всё ж прости, Якутия, не сетуй,
Я с Волги, – это значит, я – Волгарь,
И ни за что не променяю землю эту.

Я вновь на Родине, я снова у дверей,
Где все до боли, до слезы знакомо,
Где находил и где терял друзей,
Где все мое. Ну, наконец, я дома,
Не Лена, не Памир, а Волга-мать
Мою коляску волнами качала,
И смертный грех об этом забывать.
Как важно не забыть свое начало!
И в застекленной инеем тайге,
И на отрогах пика Коммунизма
Я знал, что где-то очень вдалеке
Меня дождутся в этой грешной жизни.
Пусть говорят, что есть края в сто крат
Красивее, теплей, где все так ново,
Пусть говорят, а я безумно рад,
Что вновь на Волге у родного дома.
Я не прошу награды у судьбы
За то, что верен отчему порогу,
Мы вместе, а не просто «я» и «ты»
Через года вели к нему дорогу.
Вернулся, стал быть, на круги своя,
Пришел к тому, что в юности покинул,
Будь счастлива, приволжская земля!
Я здесь до смерти якорь жизни кинул.

Дитя во времени.

1.

Значит, так. Записывайте... для того, чтобы попасть в это место, вам нужно... записываете? Не ленитесь. Может быть, сработает, кто знает? У меня же получилось... впрочем, не хотите записывать – запоминайте. Если это вам нужно. Если не нужно, то вы, собственно, не обязаны. Я заметил, что, чем дольше человек живёт, тем меньше ему нужно ЭТО... значит, так. Для того, чтобы попасть в это место, вам нужно для начала кое-что выяснить для себя. Ради экономии времени. Может быть, и стараться-то не стоит.

В один из тихих зимних вечеров, когда огромными кувыркающимися хлопьями снега ваш дом осыпает одинокая заблудившаяся туча, погасите во всем доме свет. Жажгите три белые большие свечи и подойдите к окну. Не смотрите вниз, на припаркованные соседские машины. Посмотрите на небо. Да, звезд вы, конечно, не увидите, но это и не нужно, звезды видят вас – этого достаточно. А вы видите искрящийся в свете уличных фонарей бесконечный беззаботный хоровод снежинок. И этот спокойный и удивительный в своей первозданности и чистоте небесный танец постепенно успокоит вас, а если повезет, подарит нам немножечко забвения. Это – если повезет. И вот тогда, когда не забудете, что вам уже далеко не двадцать, и муж – зануда, или жена «чего-то не то», и работа совсем не так, «как на праздник», и ах, если б все случилось ТОГДА по-другому...

Забвение вам подарит знание, а если уж совсем точно – осознание. Осознание того, что «ТОГДА» – в вас. Оно никуда не делось. Оно всегда было в вас. Где-то между «А помнишь?» и «Вот если б!». «ТОГДА» – это очень просто. Это чудом сохранившийся плюшевый мишка с оторванным черным пластмассовым носом, купленный вам на шести?... восьми?... десятилетие?... Вы не выкинули его. Почему?... Не знаете?... И я не знаю. Может быть, просто чуть-чуть догадываюсь. Я знаю одно – «ТОГДА» и «ТЕПЕРЬ» связаны между собой тысячами паутинок, которые так просто не увидишь. «ТОГДА» – это дурманящий смолисто-морозный запах самой первой в вашей жизни елки, стоящей в углу в колючем реверансе и кокетливо подмигивающей вам то синим, то красным огоньком стеклянной свечки... Вы помните? Помните первую в вашей жизни елку?... Ну, не первую, а первую, которую помните?... Значит, вам нетрудно будет вернуться в ваше «ТОГДА»... да нет, не мысленно. Это было бы уж слишком банально. Вы же не на ярмарочном балагане...

Свечи горят?... Если вы сейчас отвернетесь от окна и посмотрите чуть выше дрожащего огня свечей, то с удивлением и радостью НЕ узнаете своей квартиры. Она стала вроде бы больше, да? Она стала не такой?... Или это вы изменились? Стали меньше ростом – годами? Что сейчас вокруг вас? «ТОГДА» или ТЕПЕРЬ?

И не пытайте себя мыслями: «Если б я уехал в город «Н», все было бы по-другому! Было бы лучше!», «Если б я вышла замуж не за этого, а за... о, тогда!»...

Не мучайтесь. Все мы – дети, потерявшиеся во Времени...

За окном одинокий прохожий шел по чистому, нетронутому снегу, не оставляя следов, и курил.

А снег все падал и падал.

2.

И все меньше людей проходило там, внизу. А если люди и проходили, то очень быстро, потому что они торопились. Потому что на часах было уже двадцать минут двенадцатого.

До Нового года оставалось всего сорок минут. Мальчик стоял на высоком подоконнике, высунув голову в форточку, и старался как можно лучше рассмотреть и расслышать людей, торопящихся к праздничным столам, ведь он видел последних людей и слышал последние слова Старого года. Через сорок минут, ни этих слов, ни этих людей уже не будет. Никогда. Они останутся ПО ТУ СТОРОНУ, в старом году, которого тоже уже никогда не будет.

Хотя мальчик всегда помнил когда-то прочитанную им фразу во «взрослой» книжке, что жизнь – это всегда возвращение назад. Он понял это по-своему: есть где-то та заветная, потаенная дверца, через которую можно попасть в ушедшее. Но где она – эта заветная дверь? Найдёт ли он ее когда-нибудь?.. Если нет, тогда к чему все это? Скрип снега под каблучками смеющейся красивой женщины, запах сосновой смолы, разбитый стеклянный шар, одиноко умирающий со сбросившей его веткой? Так думал мальчик, и сердце его сжималось от непонятной тоски. По радио популярный ВИА пел грустную песню:

Как глухо вьюга плачет,
К утру сугробы спрячут
Следов прерывистую нить.
Откуда, я не знаю,
Пришла зима такая,
Что б нас с тобой разъединить...

И хотя за окном было так тихо, что даже в открытую им настежь форточку пахнувшей хвоей и мандаринами квартиры пятого этажа долетал легкий скрип снега под торопливыми шагами редких прохожих старого года, он знал, что к утру начнется вьюга. Она заметет все следы, обрывки серпантина и промерзшие кружочки конфетти и ничего не оставит от ушедшего навсегда года.

Тебя окликнуть можно,
Еще окликнуть можно,
Но возратить уже нельзя...

Мальчик вздохнул и достал из кармана рубашки смятую пачку болгарских сигарет «Аэрофлот»... маленькая слезинка на ресницах? Ну... это не в счет.

– Возратить уже нельзя, – шепотом пропел он, стараясь попасть голос в голос с неизвестным ему солистом ВИА, и невпопад подумал, отчего это болгары выпускают сигареты с рекламой советского самолета «Ту-134», ведь это же все равно как если бы советская фабрика «Ява» начала выпускать сигареты «БОИНГ-727».

Вполне справедливая, эта мысль, впрочем, быстро исчезла из головы маленького sentimentalного философа, проживающего свой двенадцатый в жизни год. Еще один год детства, уходящий в вечное никуда. Он понимал, что каждый Новый год, притворяясь бесшабашно веселым, шумным и щедрым, всякий раз бессовестно крадет у него частичку детства, ничего не обещая взамен, но он любил его. Он любил этот праздник и верил, что все-все, что успеешь загадать, пока часы бьют двенадцать раз, – обязательно сбудется.

В новом году мальчик больше всего хотел влюбиться. Ведь это только в книжках пишут, что влюбиться в двенадцать лет проще простого. Как бы не так. Влюбиться по-настоящему, как это бывает только в шестом классе, – совсем непросто.

Ну да, конечно, соседка по парте в коротенькой школьной форме с белым кружевным воротничком и передничком... стройные ножки... улыбка – две умопомрачительные ямочки на щеках... но ведь – рыжая! Ведь – конопатая!.. Но самое главное – она не читала писателя Ремарка.

Мальчик читал. Он нашел эту книжку с облезлым черным переплетом на задворках школьной библиотеки и настолько был поражен «отчеством» писателя (Мария!), что единым духом прочитал «Три товарища» и «Черный обелиск», мало что понимая, но очень странно себя чувствуя. Взрослая, чужая жизнь. Взрослые чувства, взрослые слова. Ничего толком не понятно. Мальчикуяснил для себя только одно: дружба и любовь – две самые главные вещи на свете. Дружба... и любовь... или наоборот... с этим еще предстояло разобраться. Ведь даже писатель Ремарк не сумел объяснить мальчику, что же стоит на первом месте в жизни.

Хлопьями холодной сладкой ваты снег засыпал притихший маленький город.

И деревья, и кусты – все тихонько снег украл.

Сразу стало пусто...

Мальчик осторожно, почти благоговейно закурил сигарету и... произошло то, что происходило всякий раз, когда он решался нарушить родительский запрет. Уютная маленькая кухонька маленькой двухкомнатной квартиры расширилась вдруг до размеров пугающе прекрасной Вселенной, отчего закружилась голова, и сердце наполнилось необъяснимой радостью. Перед глазами поплыли разноцветные круги, и все люди на земле стали близкими и родными.

Легкий и общедоступный наркотик никотин вырвал раскрытое и доброму и злому мятущееся детское сознание из ржавых тисков реального мира и швырнул его в междувременье, в мир, где стираются грани реального и волшебного, где самые невероятные фантазии кажутся такими легко исполнимыми... только сделай шаг... только протяни руку. Без страха перед неведомым...

Слегка покачиваясь на непослушных ногах, мальчик прошел темный узкий коридор, на мгновенье отразившись в зеркале мягким туманом больших зеленых глаз, и оказался в большой комнате; в углу которой разными, синими и зелеными лампочками игриво подмигивала пушистая лесная красавица, увенчанная огромной стекленной звездой.

В окно тускло смотрела печальная луна. И ее неверный пепельный свет, и разноцветные елочные огни освещали неподвижную фигуру мужчины в черном, сидевшего скорбившись в кресле возле напольной радиолы «Кантата М». Лицо мужчины показалось мальчику бледным, как у покойника, и до сердечных спазм знакомым. И оно не было мужским... по-настоящему, что ли.

– Н-нет, – поперхнулся он табачным дымом и, словно подкошенный, упал в кресло напротив.

– Т-с-с, не путайся, – глухо сказал мужчина и заговорщически приложил палец, к бледным губам. «Не может быть, – пронеслось в голове у мальчишки. – Этот голос... я знаю этот голос, я уже когда-то слышал его!»

– Я не преступник. Я не сделаю тебе ничего плохого.

– А... а хорошего? – выдавил из себя двенадцатилетний романтик стараясь унять бешено колотившееся сердце.

Мужчина в черном весело рассмеялся:

– Ну, ты даешь! Другой бы на твоём месте... неужели я был таким... с ума сойти! – смех был добрым. Глубоким, грудным и немного грустным. – Включим свет?

Мальчик согласно кивнул, дрожа всем телом и чувствуя, что еще мгновение – и он непременно потеряет сознание.

– Только не падай, пожалуйста, в обморок. У нас с тобой не так много времени, –

гость посмотрел на светящийся циферблат часов. – До Нового года двенадцать минут.

– Торшер включается... – начал было мальчик.

– Я знаю. Я все помню, – сказал мужчина и нажал невидимую в неверном свете маленькой гирлянды и пепельной россыпи лунных лучей кнопку. – Вот и все дела, братец.

Вспыхнувшие ярко-белым лампочки торшера прогнали за окно грустную луну, и разбросали по углам трусливые тени.

– Вы... Вы уже были здесь? Я хотел сказать, Вы уже были в этой квартире? Что значит «я все помню»?

Мальчик с большими ясными зелеными глазами изумленно смотрел на сидевшего напротив мужчину и, в принципе, уже знал ответ, и от этого медленно приходившего знания (узнавания?) его маленькое сердце стучало еще сильнее, а голова кружилась еще больше.

– Ведь ты уже догадался? А? – и зеленоглазый мужчина медленно расстегнул воротник – стойку черной шелковой рубашки. – У многих ты видел точно такую же родинку?..

Мальчик машинально схватился за шею и с каким-то странным чувством раздвоения осторожно нащупал маленькую розовую родинку над правой ключицей.

– Этого не может быть, – еле слышно прошептал он.

– Ну-ну. Ты же ждал чего-нибудь подобного, разве не так? Ты же всегда хотел чуда. А разве Новый год – не самое подходящее время для чудес?.. Понимаю, каково тебе сейчас, да и мне, если честно, не по себе... сам не ожидал... а ты красивый парень... я уже стал забывать, каким был в двенадцать лет...

– Неужели это все вправду?

– Ну, вот заладил. Давай поздороваемся что ли... когда еще доведется?

Мальчик медленно поднялся из кресла на непослушных ногах и протянул худенькую руку.

– Здравствуй, – тихо сказал мужчина и обнял мальчика. – Вот... теперь ты знаешь точно, что доживешь до конца века, так что перестань забывать себе голову мыслями о смерти. Добро?

– А Вы... ты... из какого года? Где ты живешь? Как ты... как я буду жить?

– Через... – мужчина посмотрел на часы и печально улыбнулся, – через семь минут я, а значит, и ты будем жить в 2000 году, и нас это не очень будет радовать, старик.

– Следующий ве-ек... почему нас это не будет радовать?

– О! Долго рассказывать. И, в общем, незачем. Сам все увидишь и сам во всем разберешься. Ждать-то осталось – двадцать лет с хвостиком.

– Двадцать лет?! Да это же вся жизнь!.. Двадцать лет... что же ты такое говоришь?!

– Понимаю. МНЕ ли ТЕБЯ не понять... это тебе сейчас кажется, что тридцатилетние дяденьки и тетеньки – такие ископаемые, издерганные работой, семьей и детьми сопливыми. С ними уже никогда ничего чудесного произойти не может. Но я-то – вот! Перед тобой.

– Но ведь ТЫ – это же Я!

Мужчина рассмеялся.

– Да!.. – на глазах у мальчика выступили чистые, прозрачные слезы, словно утренняя роса на зеленой траве. – Ты улыбаешься, как я. И... ты совсем не старый!

– Тс-с. Спокойствие, только спокойствие. Ты ведь считаешь, насколько еще помню, что чудесное что-то может произойти только с избранными, а не с любым, так?

– Да.

– Кем избранными?

– Звездами... а что, взрослым я уже не буду так считать? — мальчик нахмурился и закусил губу.

— Если бы ты перестал так считать и мечтать об этом... думать об этом каждый вечер, с тоской глядя на звездное небо, меня бы сейчас здесь не было... ведь главное – не предать мечту, главное – сохранить ее в своем сердце, что бы не случилось... да, ты и сам это знаешь. И лучше меня...

– Две минуты, – прошептал мальчик.

– Что?

– До Нового, 1976 года осталось две минуты...

– Уже?.. Да. До Нового, 2000 года осталось две минуты. Пора прощаться.

– Постой! Пожалуйста, подожди еще минуточку! Скажи ... у меня ... у нас в жизни еще будут чудеса? С нами будет что-то происходить?

– Даже не сомневайся. Вся наша с тобой жизнь будет странной, многим непонятной, иногда просто необъяснимой дорогой в ... я еще не знаю куда. Я еще не получил Знака... но я жду его. Правда – правда. Думаешь, я так уж сильно изменился за двадцать лет?

– Думаю, да.

– Это внешне, парень. А вот здесь, – мужчина легонько постучал по левому карману рубашки, – здесь сохранилось главное. Черное, необъятное, необъяснимое звездное небо. Это у нас с тобой на всю жизнь. Иначе мы сегодня с тобой просто бы не встретились... о, черт! Пора закругляться. Принеси мне сигарету, пожалуйста.

– Да, конечно, только ты не уходи... еще одну, только одну минуточку, – кричал мальчик из кухни, разыскивая куда-то подевавшуюся пачку сигарет “Ту — 134”. – Я про самое главное хотел спросить...

... Комната была пуста. Лишь одиноко горела в углу лесная красавица, да грустно смотрела в окно пепельная луна.

Большой желтый стеклянный шар сорвался с самой высокой ветки и разбился на тысячу звездных осколков вместе с первым ударом часов.

Старый год уходил навсегда.

– Со мной будут происходить чудеса, – прошептал мальчик и заплакал.

г. Димитровград январь 1999г.

Дождик в ладошке.

Это было время, когда за каждой дверью скрывался таинственный, неизведанный, удивительный мир. Это было время, когда лунными, призрачными ночами по квартире, тихо поскрипывая половицами, бродило мохнатое и глазастое НЕЧТО, мешая заснуть и заставляя гулко бумкать в груди маленькое горячее сердце.

Это было время мыльных пузырей, время тополиных вьюг и вечерних звездопадов.

Это было время Великих Тайн и Поразительных Открытий.

Ночь, кокетливо заколов бронзовым месяцем пышную прическу из робких ленивых облаков, тихо входила в город.

Короткий теплый летний ливень закончился так же неожиданно, как и начался, заставив безумную тополиную бурю прилипнуть к мокрому асфальту. Хитрые пушинки ждали жаркого июльского утра, когда солнце высушит грязные лужи и влажную черную землю, чтобы вновь заполнить воздух своим сумасшедшим танцем.

А возле деревянного двухэтажного дома, слегка покосившегося, с проржавевшей водосточной трубой, прыгала маленькая девочка в белых стоптанных босоножках. В такт ударявшейся об асфальт скакалке девочка считала:

– Раз – раз – два – три. Три – четыре – раз – раз. Раз – раз...

Высокий черноволосый мужчина появился ниоткуда. Его не было и ... вот он сидит на такой же, под стать домику, деревянной покосившейся скамейке. Сидит и курит.

– Раз – раз... добрый вечер...

Девочка перестала стучать стоптанными каблучками об асфальт, и стало слышно, как где-то вдаль жалобно простонал уходящий в какой-то далекий-далекий город поезд.

– Привет.

– А Вы промочитесь. Скамейка еще не высохла.

– А ничего. Ничего. Не страшно это. Мокрая скамейка – это ерунда. Я привык.

– К мокрому скамейкам? – удивилась девочка.

– Хм... как тебе сказать... вообще к дождям. Я люблю дожди, – и мужчина задумчиво посмотрел в небо. – Дождь – это красиво. И он всегда разный.

– Как это? – Девочка тоже посмотрела в небо, где между уплывающими за город облаками начали проглядывать первые, самые яркие звезды.

– О! Он бывает грибной, морозящий, проливной, он... он бывает даже косой. – При этих словах мужчина как-то странно поморщился, будто слово « косой » он принимал как личное оскорбление.

– Ну, конечно, такие дожди знают даже такие маленькие девочки как, ты.

– А каких дождей не знают девочки?

– Дождик в ладошке. Дождик на лепестках цветов...

– Дождик в ладошке?

– Да. Дождик в ладошке.

Когда ветер переменится, – мужчина опять задумчиво посмотрел на послегрозовое небо, – придет дождик с севера. Ты обязательно попробуй поймать его в ладошку. Совсем немного. Чуть-чуть.

– А ветер переменится?

– Обязательно.

– А зачем мне ловить дождик в ладошку?

– Он принесет тебе счастье.

– А-а...

– Ты знаешь, что такое счастье?

– Н-нет,... наверное, не знаю. Ведь я еще маленькая. А вы знаете?

– Конечно. Я много чего знаю. А счастье – это очень просто. Счастье – это бегать босиком по лужам. Под дождем, который принесет северный ветер... ну, ладно, мне пора. А тебе уже давно нужно быть в постели и видеть цветные сны.

– Я никогда не видела цветных снов, – пожалала плечами девочка, отчего ее скакалка упала на черный потрескавшийся асфальт.

– Сегодня непременно увидишь. Я тебе это обещаю.

– А кто Вы? – спросила девочка, наклонившись за упавшей прыгалкой.

Девочка лишь на мгновение отвела взгляд от мужчины в черном плаще, но его уже не было. Прыгалка во второй раз упала на мокрый асфальт из ее дрожащих рук. Звук ударившихся об асфальт легких пластмассовых ручек показался ей страшным грозным громом.

А наутро во всем городе – на всех тротуарах, дорогах, лужайках и детских площадках исчез тополиный пух.

В эту ночь девочке Кате действительно первый раз в ее жизни приснился цветной сон. Сон был очень ярким. Он был красным, синим, ярко-желтым, зеленым и ... странным.

На удивительном облаке, которое переливалось желтым ослепительным светом, стоял все тот же высокий, в черном плаще человек и что-то говорил ей.

Она прыгала по фиолетовым лужам.

– Я ничего не слышу! – кричала Катя облаку. – Спуститесь, пожалуйста, пониже, если вам нетрудно!

Старый, выше неба тополь, росший возле ее дома, что-то ворчливо бормотал, шелестя клейкими зелеными листьями, но на нем не было белых пушистых сережек. Ни одной.

«Как удивительно, – подумала девочка, – тополиный пух исчез. Не осталось ни одной пушинки... Тополю грустно,... что же теперь будут поджигать мальчишки?.. Наверное, старые деревянные ящики возле продуктового магазина и сосновую хвою в лесу. И может случиться пожар. А сосновая хвоя – очень едучая. А мальчишки еще ее курят, заворачивая в газетные оборвыши – вот! Потому что им не продают сигареты...»

– Теперь ты слышишь меня?

– Ой!

Облако висело теперь над самой крышей Катиного дома, а стоящий на нем человек в черном плаще хитро улыбался. Из кармана его плаща выглядывала серая мышинная мордочка. Мышонок тоже улыбался.

– Серенький хочешь тебе кое-что сказать, – показал мужчина красивым длинным пальцем на мышонка.

– Разве он умеет разговаривать? Разве мыши говорят?

– Этот – большой болтун, – мужчина почесал мышонка между ушами. – Но иногда говорит умные вещи. И он знает много интересных штук: откуда по утрам берется роса и куда потом девается, почему пшеничные зернышки вкуснее ячменных, отчего в городе исчез тополиный пух и что нужно сделать для того, чтобы он снова появился...

Катя топнула ногой прямо в середину фиолетовой лужи:

– Отчего в городе исчез тополиный пух?! Куда он исчез?! И что нужно сделать для того, чтобы он опять появился?! Не бывает июля без тополиных вьюг!

Лужа от удара не разбрызгалась по сторонам, а, превратившись в огромную каплю, перелетела через дом и повисла возле старого, ворчливого тополя.

– Я, между прочим, с отличием окончил Главную мышиную академию! Попрошу не топтать босыми ногами!

– Да, он учился, – согласно кивнул мужчина, – и если серенький обидится, то ты так никогда и не узнаешь, как вернуть тополиные вьюги.

– А не вернутся пушинки, – ехидно заметил мышонок, – никогда не наступит ни август, ни сентябрь, ни октябрь... все время будет Вчера! И ты навсегда останешься вчерашней! Как ши!

Катя не на шутку испугалась, ей не хотелось оставаться навсегда вчерашней, как ши.

– Извините меня, пожалуйста, я не хотела вас обидеть, но как же это может быть всегда Вчера? Вчера – это же хуже, чем Завтра?

– Ну, это как посмотреть...

– А как нужно посмотреть?

– Ты задаешь слишком много вопросов, – рассердился мышонок, но так, понарошку. – Сон заканчивается, а ты не спрашиваешь самого главного – что нужно сделать для того, чтобы вернулись тополиные вьюги!

– Извините, я спрашивала.

– Нет, – отрезал мышонок. – Ты не спросила, что нужно сделать ТЕБЕ для того, чтобы они вернулись.

– Мне?

– Конечно, тебе. У меня такие маленькие лапки, что я даже капельку волшебного дождика не смогу поймать.

– Северного дождика? Когда переменится ветер?

– Угу.

– Что нужно сделать мне?

– Вернуть то, что ты потеряла... и...

Мышонок юркнул в карман плаща, а ярко-желтое облако, на котором стоял высокий черноволосый мужчина, стало вдруг быстро подниматься в синее небо.

– Что?! Что я потеряла?! И что «и»?

– И ветер переменится, – донесся до нее еле слышный голос. – И придет Завтра... верни то, что ты потеряла...

– Что?! Что?!

В то самое время, когда все жители города удивлялись, куда подевался с улиц весь тополиный пух, дворники задумчиво стояли во дворах со своими метлами и шлангами, а мальчишки гадали, что же делать с украденными дома спичечными коробками, Катя сидела на ступеньках своего старенького двухэтажного дома и разговаривала с облупленным носком своей босоножки.

Я никогда не смогу найти то, что потеряла. Нет, не смогу. Я – «ужасная растеряша», так всегда говорит моя мама. И как же, интересно, найти ТО, когда не знаешь, что именно, О-ох, я много чего потеряла. Почти взаправдашнюю золотую брошку – раз, мячик-попрыгунчик – два, волшебную перламутровую пуговицу – три...

– Мою трещотку от велика... ты чего это сама с собой разговариваешь?

– Иди, Пашка, иди, не мешай мне. Твоя трещотка – это глупость.

– Это твоя перламутровая пуговица – глупость, – сказал оскорбленный до глубины души Пашка, живший в большом девятиэтажном доме за речкой. – Никакая эта пуговица не волшебная, а самая обыкновенная – потрескавшаяся и с отколотым краем!

– Пусть, – упрямо сказала девочка, – с отколотым краем, все равно волшебная... уходи, Пашка, ты мне мешаешь.

– А что такого ты делаешь, что я тебе помешал?... Ты видела: весь тополиный пух пропал? Во всем городе!

– Ну и чему ты радуешься? А? Хочешь навсегда остаться вчерашними щами?

– Кем?

– Да не «кем», а где. Ты хочешь остаться во Вчера?

– А при чем тут...

– Ох, какой же ты глупый! Ну, все же просто! Если не вернутся тополиные вьюги, никогда не закончится июль и никогда не наступит август, сентябрь, октябрь, зима...

– Ну!

– Что «ну»? Я должна найти то, что потеряла, тогда переменится ветер и принесет северный дождик.

– И тополиный пух снова появится?

– Да. Так сказал мышонок.

– ... Кто-о сказал так?

– Мышонок. В моем сне... а вчера вечером дядька в черном плаще сказал, что когда с севера придет дождик – его нужно поймать в ладоши.

– Ага. Мышонок. И что же ты потеряла? Что такое ты должна найти? Ты что ли издеваешься надо мной?

– Ты не веришь мне?

– Я?! Чтобы поверил в такую чепуху?! Мышонок, незнакомец в черном плаще!

– Пашка поправил на курносом носу очки и озабоченно вздохнул. – Я слишком большой для таких сказок.

– Ты?! Да ты... ты... метр с кепкой – ты, да и то в прыжке! «Я слишком ба-альсой...» – передразнила его Катя и демонстративно отвернулась.

– Ты что же это... ты хочешь опять со мной разругаться? Ты опять меня дразнишь?!

– А мы с тобой еще и не помирились.

– Ну... ну, знаешь...

– Знаю, знаю. Ромео несчастный!

– Ну да, – грустно пробормотал Пашка. – Ромео не был очкариком, но и ты не похожа на Джульетту.

Пашка развернулся и, слегка хромя, пошел в сторону речки.

– Постой! – сердечко в Катькиной груди странно дрогнуло. – Ты чего хромаешь? – она встала с крыльца, оправила уже слишком короткое ей ситцевое платье. – Ты что, упал?

– Не-а. Он не упал. Он из-за тебя подрался... злючка.

Маленький мышонок из сна сидел на верхней ступеньке крыльца и задумчиво почесывал лапкой за ухом.

– Так ты не приснившийся? – синие Каткины глаза стали размером с чайное блюдце. – Ты настоящий?

– Еще какой, – гордо пискнул мышонок. – Самый настоящий, из самого настоящего сна.

– Паша! Пашка! Вот! Вот этот мышонок из моего сна! Посмотри!

Пашка, не оборачиваясь, махнул рукой и уходил все дальше и дальше.

– Ты, серый! Позови его! Он не верит мне! Позови!

– Я «позови»? Я в него не влюбленный.

– А я... я, – Каткины щеки и даже нос стали пунцовыми. – Я влюбленная?

– Я же говорил, что ничего не получится, – со вздохом сказал мышонок, обращаясь к кому-то невидимому. – Она дотеривает то, что начала терять. Так что я, пожалуй, пойду. Ветер не переменится...

– Что? – Катя растерянно озиралась по сторонам, пытаясь увидеть того, с кем разговаривал мышонок. – Что я до-тери... я потеряла...

– Подтолкни ее, серый, – раздался снисходительный голос. – ВСЕ она поймет позже...

Сбросив босоножки со стоптанными каблукками, девочка побежала по растрескавшемуся асфальту вслед за уходящим маленьким влюбленным мальчишкой. Она догнала Пашку уже почти у самой речки и сухими горячими губами поцеловала его в щеку.

– Я нашла! Я нашла... я вернула...

Обалдевший и ничего не понимающий мальчишка от неожиданности упал на больную ногу, а очки слетели с его носа и потерялись где-то в траве.

Катка встала перед ним на колени и чмокнула его облупленный нос:

– Я чуть-чуть было не потеряла...

В ту же секунду над городом пронесся первый прохладный шквал северного ветра.

– А ты говорил, ветер не переменится, – раздался где-то высоко в голубых небесах Голос.

К вечеру в городе снова танцевали тополиные вьюги.

12.03.1999г. г. Димитровград.

Загадки в игрушечном доме

«В каждом замке есть свое привидение».

(«Путеводитель по Англии», 1986 г.)

1.

Загадка была на первый взгляд абсолютно неразрешимой. Что это всегда движется, но всегда остается на месте? Алешка подумал вначале, и чуть было не выпалил с радостью «Часы!». Но – стоп. Часы – не двигаются, часы идут, а в загадке совершенно определенно спрашивается – «что всегда движется?» Часы не могут двигаться это даже ребенку понятно, а Алешка был уже взрослый, Алешке исполнилось недавно, страшно подумать, аж десять лет... и еще «движется». Движется – это или «она», или «оно», но никак не «они». А часы – «они». Что-что, но русский язык Лешка изучал примерно, правда не всегда с примерным поведением, но это уже, как говорится, частности. Никакой нормальный мальчишка не упустит случая пройтись на перемене на голове. Не в прямом смысле, конечно, ноги из головы не растут, а совсем из другого места – это все знают. В общем, с поведением у Алешки по мнению учителей было совсем плохо...

– Итак, сударь? – облаченный в ярко-пурпурную мантию совершенно седой хранитель дома, представившийся Алешке как господин Брауни, торжественно-серьезно склонил голову к плечу и внимательно посмотрел в зеленые глаза мальчика. – Есть ли у Вас ответ? Осмелюсь напомнить Вам, что если не услышу правильного ответа ровно через минуту, Вы останетесь в этом доме навсегда. И уж тогда я ни за что не могу поручиться. У Вас есть ответ?

– Есть ли у нас ответ? – переспросил Лешка, невольно оборачиваясь по сторонам, потому что никак не мог привыкнуть к тому, что Брауни называет его на «Вы».

– Да. Я жду ответ, – господин Брауни был строг. – Не будет ответа, Вы навсегда останетесь ростом со спичечный коробок и голосом не громче мышиного писка и Вам, как я уже говорил, никогда не покинуть этого дома.

– Да-да-да. Ответ, – засуетился Алешка. – Конечно. Ответ. Минуточку, господин Брауни, одну минуточку... ответ...

– Осталось десять секунд, – сухо сообщил хранитель.

– Да дайте же подумать человеку! – взмолился Алешка. – Что значит «осталось десять секунд»? Мы что, на ракетной стартовой площадке?!

– Семь секунд.

– Совесть иметь надо! А еще старый интеллигентный человек! Это же шантаж!

– Пять секунд.

– Подождите! Подождите!.. Двигается и остается на месте... остается на месте, но всегда движется... так-так... что же это может быть такое? Оно всегда на месте, но...

– Время вышло! – прогремел голос Брауни. – Вы не справились с заданием!

– Но, господин Брауни!

– Никаких «но»! Время!

Алешка почувствовал, как в игрушечном доме поднимается холодный ветер, и увидел, что по огромному залу носятся сухие осенние листья неведомых деревьев и пожелтевшие от времени бумажные листы, исписанные неизвестными словами непонятного языка. И вдруг...

– Река! – закричал что было сил Лешка, стараясь перекрыть воющий ветер. – Река всегда движется, но всегда остается на месте! Я отгадал! Я отгадал! Река!

– Поздно! – захохотал голос коварного хранителя. – Слишком поздно!.. Опоздаешь в школу, балбес!

– Не хочу! Не хочу быть ростом со спичечный коробок! Не хочу!

– Я тебе сейчас дам «не хочу!» – и чувствительный пинок под зад полностью выбил остатки кошмарного сна из Лешкиной головы. – А ну быстро в ванную, чучело! – старший брат Славка это вам не хранитель, это гораздо хуже.

– Иду, иду, – выпутываясь из одеяла, пробормотал Алешка. – И нечего пинаться... Марадонна несчастный. Мне кошмар приснился.

– Через пять минут не будешь за столом, я тебе кошмар наяву устрою! И чтоб зубы почистил!

Вот вам и весь сказ. Брауни – тот хоть на «вы» обращался – интеллигентный человек, хотя и подлец.

– Хочешь загадку? – воспоминания о ночном кошмаре постепенно растворялись в терпком аромате кофе, и Лешка повеселел. – Что такое всегда движется, но всегда остается на месте?

– Твоя успеваемость по математике. Мне бутерброд с сыром, Лобачевский.

– Во-от, опять ты об этой математике! Мама сказала же тебе, что у меня не эрот... как его... не анна... литический склад ума. Потому что я не могу мыслить абстракциями. Вот.

– А по-моему, ты вообще не можешь мыслить. Потому что нечем. До сих пор, как шестилетка, в игрушечный домик играешь, тьфу!

– Да ты просто завидуешь! У тебя никогда не было такого!

– Очень надо. Обыкновенный шотландский замок, картонно-деревянный. Тоже мне сокровище! Я за полчаса в своем компьютере десяток таких построю, да еще и заселю, кем хочу, а твоя бандура только место занимает и пыль собирает... анахронизм.

– Я все маме расскажу, как ты опять при мне матом ругался, – сквозь зубы проговорил Алешка и отхлебнул кофе – Как миленький по шее получишь.

– Село! – презрительно скривился старший брат. – Анахронизм – это не мат, это научный термин. Он означает все устаревшее, потерявшее смысл и пользу, как, например, эта твоя развалина, понял, Эйнштейн?! «Я все-е маме расскажу»... суслик.

– Сам такой. Я не буду с тобой больше разговаривать!

– Сейчас умру от огорчения... поел? Попил?.. Быстро в школу! Еще раз пожалуются, что ты опаздываешь, так накостыляю!

Алешка гордо и в полном молчании вышел из-за стола. Открыв входную дверь, он

— Ах, ты!

—Что?

— Я об этом не задумывался, — сказал Лешка и задумался.

— А про что был кошмар?

– Как интересно, – Галинка широко раскрыла карие, почти черные глаза и хлопнула длинными, как у куклы, ресницами – А какие загадки? Ты помнишь? Ты отгадал их?

Красавица Галя рассыпала по мокрой улице хрупкие колокольчики хрустального смеха.

23

Алешка хотел было на всякий случай обидеться, но не успел. Перед ними непонятно откуда появилась долговязая фигура старика. На старике было древнее долгополое пальто без одной пуговицы, в руке он держал допотопный зонтик с резной деревянной ручкой, а на носу у него непонятно каким образом сидели очки с толстыми стеклами и без одной дужки.

– Я желаю вам приятного доброго утра молодые люди, – серьезно проскрипел старик с седой непокрытой головой.

– Спасибо, – кокетливо прощепетала Галинка и чуть ли не сделала реверанс. – Вам тоже доброго утра.

«Вот воображала – снисходительно подумал Лешка и хмуро кивнул странному старику, украдкой разглядывая его морщинистое, будто вырезанное из дерева, лицо. Лицо показалось ему знакомым. – Наверное, где-то рядом живет, старый черт».

Не понравился он Алешке. А совсем наоборот.

«Старый черт» с нескрываемым интересом рассматривал его, словно муху под микроскопом.

– Пройти разрешите? Лешка решил обойти старика слева. – У нас контрольная по математике первым уроком.

Старик беззубо улыбнулся и сделал шаг влево:

– Не терпится двойку схлопотать?

– Да почему вы так говорите?! – попыталась заступиться за Лешку Галя, перестав улыбаться и даже насупив брови.

– Почему я так говорю? Я так, милая девочка, говорю, потому что ваш очаровательный спутник не может мыслить абстракциями. Видите ли, а него не аналитический склад ума.

У Лешки отвалилась челюсть, и ему стало страшно. Он вдруг понял, на кого похож этот удивительный старик. Он был как две капли воды – господин Брауни из ночного кошмара. Вот если снять с него это нелепое пальто и эти дурацкие очки с одной дужкой – копия хранитель замка – любитель загадок.

– Как можно говорить о человеке, которого вы совсем не знаете? – возмутилась Галя и строго посмотрела на старика, отчего так здорово стала похожа на завуча – Людмилу Макаровну, что Алешка чуть было не рассмеялся, хотя смешного, если честно, ничего в этой ситуации не было.

– О, как вы ошибаетесь, милая девочка! Мы очень хорошо знакомы с Алешей Зиминым. Так ведь, Алексей? – и «старый черт» развязно подмигнул Лешке. – Мы с ним, можно сказать, на короткой ноге, особенно в последнее время. И теперь будем очень часто встречаться...

– Так вы знакомы? – удивилась Самойлова и подозрительно посмотрела на Алешку, который стоял ни жив, ни мертв – бледный, как привидение.

– Ага, – выдавил он и сглотнул вязкую слюну. – Вроде того. Я... я не узнал его вначале. В этом пальто не узнал...

– Он что, твой дедушка что ли?

– Троюродный, – выпилил Лешка, чувствуя, что заливается краской. – Только вчера... приехал... ненадолго.

– А чего это ты цвета, как хамелеон, меняешь? То белый, то красный, как вареный рак?

– Это он от стыда, – встрял «дедушка». – Неловко ему, что деда не узнал. Но это ничего, это простительно, ведь он меня до вчерашнего дня никогда и не видел.

– Я до вчерашнего дня ничего о вас и не слышал, – пробурчал Алешка и решительно шагнул вперед. – Пойдем, Самойлова! Опоздаем! И тогда Славка мне так накостыляет, что я и родного деда забуду, не то, что этого... разрешите?..

– Конечно-конечно, молодые люди, – радостно закивал старик, отходя в сторону, – Алексей, одну секундочку... вот, держи подарок, – и дедушка протянул Лешке кубик Рубика.

– Спасибо, – мрачно поблагодарил Алешка и взял кубик, стараясь не смотреть старику в лицо.

– Пойдем, Галя.

Минуты две они молча шлепали по лужам, искоса поглядывая друг на друга.

– Станный какой-то у тебя дед.

– Псих, – согласно кивнул Лешка. – Он всю жизнь в тайге прожил. Совершенно дикий. Отвык от людей. Ты бы знала, как у меня родители с ним намучились! Во, кубик Рубика подарил. Сейчас любой первоклашка знает, как в Интернет войти, а он мне кубик... .

Лешка подбросил кубик в воздух, и в первых лучах поднимающегося из-за старых домов солнца засветились, закружили разноцветные грани, а на каждом квадратике золотом вспыхивали буквы.

– Ух, ты! – Галка остановилась, как вкопанная, причем прямо в центре лужи.

Сверкающий кубик тяжелой, драгоценной каплей упал обратно в холодную ладонь Алешки. Как будто прилип.

Две маленькие фигурки – застыли посреди лужи, склонившись над кубиком с золотыми буквами. Буквы сложились в слова. По крайней мере, на той грани, что им была видна.

– До-но-вых-за-га-док... се-год-ня ночью... – шепотом прочитала Галя.

2.

*«Подумал о собаке - ищи палку»
(Ирландская пословица)*

Контрольную работу по математике Алешка написал на «пару», как и было предсказано «дедушкой». Но как раз это меньше всего волновало его. Он со страхом ждал ночи. Впервые за свою жизнь. Обычно Алешка с радостью наблюдал, как красное солнце исчезает за старыми домами его старинного города, чтобы когда станет совсем темно, зажечь над своим любимым креслом маленькую лампу с зеленым абажуром, забраться в кресло с ногами и взять в руки одну из своих любимых книжек – потрепанный томик «Водителей фрегатов», «Приключений Тома Сойера» или «20000 лье под водой». И тогда наступало самое любимое Лешкино время, время уходящего навсегда дня.

За окнами, в промозглом холоде вечерних сумерек пряталась зима, чтобы под утро укрыть весь город белым покрывалом искрящихся снежинок, чтобы люди, проснувшиеся под пикиканье китайских пластмассовых будильников, выглянули в окна и в немом изумлении замерли: исчезли рваные, целлофановые пакеты и мятые пустые пачки сигарет, исчезла черная липкая грязь...

Город принял очищение морозом и снегом. Город принял зиму...

Лешка сидел в стареньком кресле, поджав под себя ноги, и бесцельно крутил в руках одну из своих любимых книг – «День чудес». На журнальном столике лежал странный кубик с золотыми буквами на цветных квадратах...

До-но-вых-за-га-док-се-год-ня-ночью.

Огромный, не меньше старого цветного телевизора «Радуга» и все же игрушечный дом стоял в дальнем углу комнаты, возле двери в «темнушку» – пыльный склад забытых и ненужных вещей, выбросить которые почему-то никто из родителей не решался – «а вдруг что-нибудь когда-нибудь пригодится?...» И только сами старые вещи знали, что никогда и никому они уже не понадобятся...

Брат говорит, что это не просто дом, а старинный шотландский замок – «мечта таких сопливых фантазеров», как он – Лешка, и теперь, после того, что с ним произошло всего за одну ночь и один день, Лешка верил, что это, действительно, не просто дом. Это дом с какой-то страшной тайной.

Дверь в комнату бесшумно распахнулась, и на пороге появился Славка. На его лице не было обычной снисходительно-ироничной улыбки, он выглядел совершенно растерянным. Это удивило и испугало Алешку.

– Слушай, – Славка осмотрелся по сторонам и покосился на игрушечный дом. – Ты случайно не ковырялся в компьютере?

– Ты же знаешь, что нет. Я к нему вообще никогда не подхожу, потому что ни фига во всем этом не понимаю.

– Да знаю, – раздраженно махнул рукой старший брат и покачал головой. – Но что же тогда произошло?

– А что произошло?

– Все программы в сбое. Перезагрузка ничего не дает, по электронной почте идут какие-то дурацкие послания неизвестно от кого... черт те что!.. «День чудес»? – кивнул он на книгу.

– Ну, – Алешка все больше утверждался в мысли, что старший брат окончательно свихнулся на почве глобальной компьютерной сети, и со смесью жалости и страха смотрел на поникшую фигуру Славки. – Это была и твоя любимая книга, ты сам рассказывал.

– Да-да... была... а ты случайно никому из своих дружков не давал мой электронный адрес?

– Зачем? К тому же, у меня нет дружков... интересующихся компьютерами.

– Да-да, я знаю, у тебя, по-моему, их вообще нет, – Славка пожал плечами. – Интересно, какому идиоту пришло в голову так шутить?... Ну, ладно, читай, пойду еще раз попробую разобраться...

– А что за послания приходят по электронной почте?

– Да какой-то бред! Загадки какие-то идиотские, шуточки шизондные!.. Ладно, не бери в голову, сам разберусь... читай, читай...

Когда закрылась дверь за братом, Алешка выбрался из кресла и подошел к висевшему

на стене зеркалу. Тяжелое, в богатой раме, оно отразило голубоглазого, вихрастого мальчишку с выражением лица, как у потерянного ежика в тумане.

– А ну-ка, быстро повторй, – строго сказал он отражению. – Я больше никогда не буду верить в детские сказки о том, что в домике кто-то живет! Я больше не буду придумывать истории о том, как ОНИ живут там, потому что там НИКТО не живет!.. Никто не может жить в игрушечном доме... а сон – это просто сон, а старик на улице – это простая случайность, а...

По полированной поверхности журнального столика что-то быстро-быстро застучало, отчего у Лешки сердце ухнуло куда-то в район селезенки и похолодели ладони. Столик был виден в зеркало и Лешка скосил взгляд чуть-чуть левее собственного носа. И он увидел то, что и ожидал увидеть – кубик ожил. Его разноцветные грани бешено вращались, сверкая золотом букв, он подпрыгивал, переворачивался и только каким-то чудом не падал со стола, а острые углы его яростно колотили по полировке стола. Крик уже готов был вырваться из дрожащих Лешкиных легких, когда все прекратилось. Кубик замер на самом краешке стола. Как будто ничего не было.

Лешка медленно подошел к столику и с тоской посмотрел на двадцать пять разноцветных квадратов.

– Ты-ожи-вил-нас-те-перь-позд-но, – прочитал он и медленно попятился к двери.

– Славка! Славка! Ты где?! Ты дома?! Лешка влетел в комнату старшего брата, с обалдевшим видом сидевшего у монитора компьютера, и брякнулся рядом на стул: – У-ф-ф, слава Богу. Мне... мне показалось, что кто-то лезет в окно.

– На третий этаж?.. Нет, ты только посмотри на этих шутников! – Славка ткнул дрожащим пальцем в экран монитора. – Такой шизы я еще никогда не получал ни электронной, ни обычной почтой.

– Ну-ка, – Лешка заглянул в экран монитора и застыл.

«Ты оживил нас. Теперь поздно».

– Ты что-нибудь понимаешь?

– Н-нет, – промямлил Алешка, и это было правдой. Он не понимал, что происходит.

– А нельзя проследить, откуда приходят эти послания? Славка мрачно хмыкнул:

– Если бы. Они могут приходиться откуда угодно, хоть с того света...

Звонок телефона заставил обоих подпрыгнуть, как от удара током.

– Ах, чтоб вас через коромысло! – выругался старший и сорвал трубку. – Слушаю! Какая Галя?.. Какого Алексея?.. Тыфу ты! Минуточку! Леш, тебя. Дама.

– А чего ей надо? – прошептал Алешка и покраснел.

– Ну ты, брат, даешь! Хватай трубку, слушай объяснения в любви.

– Да ладно тебе... алло!.. Да-да, это я... да как обычно, ты же знаешь... вряд ли... что, прямо сейчас?! А родители? Да не мои, мои в командировке на Алтае, я про твоих спрашиваю... ага... понятно. Ну, приходи, раз такое дело. Угу... жду. Пока.

– Слышь, Славка, Самойлова к нам в гости сейчас придет.

– Не глухой, слышу. Сейчас к тебе на свидание придет Самойлова, – Славка сосредоточенно щелкал клавишами. – Самойлова – это которая? Из четырнадцатого дома?

– Ну. Только при чем тут свидание?

– Красивая девочка. Только не уверяй меня, что в полдесятого вечера ей приспичило объяснить тебе, почему за контрольную ты опять схлопотал «пару»... а что, ее родители таких свободных взглядов? Отпускают девушку одну на ночь глядя к гусару-ловеласу.

– Ее родители к кому-то на свадьбу гулять смылись, а ей одной дома страшно, вот она...

– Все ясно, можешь не продолжать. Это любовь, Леха.

– Какая любовь?! – Алешка чуть не задохнулся от стыда.

– Надо полагать – первая, – мечтательно вздохнул брат. – И ничего в этом нет предосудительного. Мученье одно. Лет через пять вспомнишь мои слова. Все через это проходят... она нравится тебе?

–... Да. Но...

– Но тебе кажется, что ты для нее – пустое место?

– Я и есть для нее пустое место, – буркнул Лешка, до невозможности озадаченный тем, что старший брат ведет с ним такие разговоры.

– Я так не думаю... чтоб вам провалиться, хакеры чертовы! Узнаю, какая сволочь мне вирус запустила – уничтожу, как врага народа!.. У тебя, братец, комплекс неполноценности. Знаешь, что это такое?

– Знаю, я твою книжку по психологии прочитал.

– Молоток! – Славка выключил компьютер и закурил (родители наверняка догадывались, что их сын – первокурсник – покуривает, но делали вид, что ничего об этом не знают). – А что нужно делать с комплексами?

– Искоренять.

– Вот и искореняй, Казанова. Запомни: «Чем меньше женщину мы любим...»

– «Тем больше нравимся мы ей».

– Не «тем больше», а «тем легче нравимся мы ей». Разницу улавливаешь?

– Не очень, если честно.

– Со временем уловишь... иди, встречай гостью. Дверь в подъезде хлопнула. А я кофе сварганю по такому случаю... иди, иди. Суслик.

Кофе пили в Славкиной комнате, и Галка просто светилась от удовольствия. «Ах, какие у тебя гитары! Ах, какие у тебя плакаты! Ах, какие у тебя компакт-диски!»

Лешка мрачно слушал ее веселое щебетанье и недоумевал: «Неужели она забыла старика и кубик с золотыми буквами? Ведь я все рассказал ей! И про странный сон, и про загадки, и про то, что старик этот вовсе никакой не дедушка, а самозванец-хранитель Брауни... неужели не поверила? Но ведь она сама видела кубик с золотыми буквами!.. Интересно, что она скажет, когда увидит, что теперь написано на нем?.. «Ах, какая загадочная надпись!» Воображала!»

– А что вы еще изучаете в институте? – всю строила глазки Галя и жеманно потягивала кофе.

– Все! – Славка поднялся с диванчика. – Лекция закончена! Идите, разбирайтесь с математикой, а я еще раз попробую компьютер на путь истинный наставить.

Ветер за окном не просто бушевал, он ревел, как взбешенный дракон, и вековые тополя гнулись под его натиском, словно молоденькие березки.

– Ну, надо же, – прошептала Галка, осторожно входя в Алешкину комнату и с неподдельным испугом прислушиваясь к завыванию северного ветра. – Всего полчаса назад была такая тишина.

Ветер швырнул в черное стекло окна ворох сухих листьев.

– Настоящий ураган, – согласно кивнул Лешка. – Наверное, последний ураган в этой осени.

– Почему?

– Конец ноября. По утрам уже лед на лужах, ты заметила? А значит, скоро выпадет снег и все. Ни листьев, ни дыма, одни белые, ледяные сугробы.

– Но потом будет праздник! Мой любимый праздник! Новый год! Ты ведь тоже любишь Новый год!

– Праздник пройдет, останутся одни белые, ледяные сугробы... как сны. Как долгие, кошмарные сны...

– Леша, ты пугаешь меня. Ты говоришь, как ...

– Как старик? Или как чокнутый?.. Это все он! Вот этот чертов замок! – Алешка ткнул пальцем в игрушечный дом с балкончиками, зарешеченными стрельчатыми окошками и остроконечными крышами. – И я. Вернее, мои дурацкие фантазии. Замок – ерунда. Никто бы никогда в нем из него не появился, если б я в это не верил... а я поверил... я хотел верить... и вот. Пожалуйста – хранитель, сумасшедший кубик... кстати, прочитай, что он совсем недавно выдал, когда я хотел... посмотри, посмотри...

– Сумасшедший кубик? – покосилась на Алешку Галя, осторожно подходя к столу.

– Прочитай, что ТЕПЕРЬ написано на нем... что написал ОН... пожалуйста. Вслух. Может быть, я точно сошел с ума?

Подарок Брауни мирно покоился в ярком круге электрического света, поблескивая тревожными золотыми искрами букв. Галя с опаской склонилась над ним, словно боясь, что тот сейчас оживет и угрожающе клацнет разноцветными квадратами.

«Она как археолог, нашедший НЕЧТО», – подумал Алешка. «Как самый красивый археолог», додумал он и тяжело вздохнул. «Интересно, какая она, когда моется в душе?» – щелкнуло в его голове уж совсем ни к селу, ни к городу.

«Ты оживил нас, теперь поздно», – тихо прочитала Галя и попятилась от столика.

– Ну? – с тревогой спросил Лешка.

– А... а нельзя самому... ну, самому, как обычный кубик Рубика...

– Ты думаешь, что я сам собрал эту фразу? Да? – кисло ухмыльнулся Алешка и покачал головой. – Ты мне не веришь.

– Да нет же! Нет! Я спросила просто... потому что...

– Потому что ты взрослая и не веришь в сказки, – вздохнул Лешка и покосился на замок. – Было бы здорово, если бы это была сказка. Но это не сказка, а что-то совсем другое. Иногда мне кажется, что я знаю, что это такое, но... я не уверен.

– Он же совсем как настоящий, – изумленно сказала Галка, рассматривая замок, слишком большой для игрушечного. Она уже не слушала Лешкиного бормотание. – И двери, и окна открываются... и там можно зажечь свет?

– Угу. По ночам он зажигается сам. Там есть свет. И там движутся бесшумные тени.

– А разве есть шумные тени?

– Ну, привидения, например, воют. А разве они не тени?

– А откуда ты знаешь, что в нем происходит по ночам? Ты не спишь? Ты наблюдаешь? В нем правда кто-то... движется?

– Не только в нем. Вокруг него тоже... скрипят двери, хлопают окна... летучие мыши...

– Что?!

– Мыши... летучие. Они кружатся вокруг вот этих башенок... огромные. Черные.

– Ужас, – покачала головой Галя.

– Правда?! – обрадовался Алешка. – Ты мне веришь?

– Ужас, что бы о нас подумали, если б сейчас услышали. Ты сам-то хоть понимаешь, что говоришь?

– Я говорю то, что видел, – надулся Лешка. – Так мы будем разбирать контрольную?.. Между прочим, можешь пойти спросить у Славки, что у нас нет никакого троюродного и даже двоюродного деда, если мне не поверила.

Алешка принялся доставать из рюкзака учебники и тетради:

– И... я понимаю, что говорю. Если б ты сама все это видела...

– А я хочу увидеть, – неожиданно сказала Галя и тряхнула пшеничными косами.

– Я хочу увидеть! Вот если увижу – поверю, а то, что ты говоришь...

– Тебе мало кубика? Ты же видишь его! Он у тебя перед глазами! Или тебе каждый день сумасшедшие старики на улицах дарят говорящие... то есть, пишущие кубики с золотыми буквами?

– А я хочу увидеть, что ТАМ, – Галка ткнула красивым узеньким пальчиком в сторону игрушечного замка. – И я хочу БЫТЬ ТАМ!

– Но... – Алешка растерялся. – Но это может быть только ночью. До полуночи там ничего не происходит.

– Ерунда! – решительно заявила она. – Ради этого можно и не поспать одну ночь. Моих родителей не будет два дня, никто не прибежит!

Сердце в Лешкиной груди запрыгало, как сумасшедший кролик Багз Банни, а щеки залил предательский румянец. Лешка, конечно, понимал, что бессонная ночь с Галкой – это совсем не то, что вечеринки старшего брата, когда по дому до рассвета бродят пьяненькие полуголые девицы и на столе исполняют танец живота под песенки Таркана, и все же. И все же Галка сама сейчас предлагает остаться на всю ночь. Она – красавица-Галка – у него, влюбленного, всякий раз краснеющего, курносого и не умеющего мыслить абстракциями неисправимого фантазера, который ни разу даже не целовался... «До поцелуев дело не дойдет... и, слава Богу», – вздохнул Алешка и сказал:

– Ну, если ты так хочешь, то, конечно. Мне это будет только приятно.

– Правда? – хитро улыбнулась Галка. – Тебе будет приятно?

– Ну-у, я в том смысле, что... вдвоем ведь не так... – Алешка совсем запутался и только обреченно махнул рукой.

– Вдвоем не так страшно? – Галка вплотную подошла к Лешке, и тот почувствовал запах ее волос, запах неведомого, далекого моря, и закружилась голова, и предательски защипало глаза. Галкины губы были уже в сантиметре от губ Алешки, и неизвестно, чем бы все кончилось, если б в это время не распахнулась дверь и на пороге не возникла фигура старшего брата.

– Шепчетесь? Ну-ну, – рассеянно сказал он и щелкнул пальцами (дурацкая привычка, бесившая Лешку). – Короче, народ! Я отваливаю по невероятно срочным делам, так что не скучайте тут. Когда вернусь, не знаю. Сидите здесь, никуда не высовывайтесь и долбите свою математику или что там еще. Телевизор, видео, музыка в вашем распоряжении – развлекайтесь, только из дома не выходите, мне за вас потом по шее получать не хочется. Усекли?

– Усекли, – серьезно кивнула Галка и нахально подмигнула Славке.

– Ага. Я смотрю, ты девушка серьезная, остаешься за старшую, удовлетворенно проговорил Славка. – Я вам позванивать буду. Все равно раньше двух вы вряд ли уснете... постель для дамы сам знаешь где, – ткнул он пальцем в сторону Лешки и повернулся, чтобы уйти.

– А почему мы не сможем заснуть раньше двух? – неожиданно спросила Галя.

– Полнолуние! – прокричал старший брат уже из коридора. – Парад планет!

Магнитные бури! Газеты читать нужно, математики!

Входная дверь металлически клацнула языком замка, и в квартире стало тихо.

– Парад планет? – Галка недоуменно повернулась к Леше.

– Это когда планеты выстраиваются в один ряд, – рассеянно пробормотал тот. – Друг за другом. Меркурий, Венера, Земля, Марс, Сатурн... редкое явление. Говорят, в такой день всякое случается, – он испытующе посмотрел на Галку. – Все, что угодно. Круче, чем 31-е июля.

– Вот это да-а...

– Радоваться, вообще-то, нечему, – хмуро сказал Лешка. – Даже наоборот. По легендам все наши тайные желания в этот день могут исполниться.

3.

«Расскажите о своей мечте и этим вы убьете ее». (Автор)

– А почему парад планет называется парадом планет? – Галя сидела в любимом Алешкином кресле и рассеянно перелистывала журнал «Химия и жизнь» за ноябрь 1978 года. В кресле она смотрелась так, будто никогда надолго и не отлучалась из его комнаты. Как будто так было всегда. Лешка лежал на кушетке и исподтишка рассматривал ее, словно редкую, драгоценную картину:

– Наверное, потому что планеты в этот день... сегодня, то есть, выстраиваются в ряд, как на параде. По-моему, так.

– «А для чего на свете мед? Чтобы я его ел! По-моему, так», – рассмеялась Галя.

— «Я на ней женюсь, – решил Алешка. – А если не на ней, то вообще не женюсь»
От этой мысли ему вдруг стало спокойно и тепло, и даже господин Брауни стал казаться не опаснее обыкновенного кухонного таракана «Я влюбился в нее и должен жениться, если, конечно, она будет согласна...»

– Интересный журнал.

– Очень интересный, – согласился Леша – А в этом номере напечатал мой любимый рассказ – «Перепутанные провода». Его написал Альфред Бестер – американский фантаст.

– Фантастика, – немного разочарованно протянула Галка. – И о чем этот рассказ?

– О любви.

– Как? Фантастический рассказ о любви? Почему о любви фантастический? Я думала, что фантасты пишут о звездолетах, о далеких планетах, о всяких летающих ящерицах...

– Этот рассказ о необычной, о неземной любви, – горько вздохнул Алешка, словно сам написал этот рассказ, основываясь на собственном опыте. – Вернее, о земной, но... нет, пересказывать не имеет смысла, нужно самому прочитать. Галка внимательно, очень внимательно посмотрела на Лешку и задумчиво сказала:

– Какой ты умный и... серьезный. Как странно...

– Что странно? Что я умный и серьезный?

– Что я раньше этого не замечала.

– Да! ты вообще меня никогда не замечала, – набрался смелости Алешка. – Я для тебя пустое место.

– Неправда!

– Правда!

– Нет! И я не обращала на тебя внимания, просто... просто ты не такой, как все... совсем не такой. Ты сидишь в классе, а сам как будто за миллион километров...

– А ты что, наблюдала за мной?

Галинка сделала вид, что не расслышала вопроса.

– Тебя иногда трудно понять и... и к тебе нужно привыкнуть.

– Да обыкновенный я! – отмахнулся Лешка.

– Нет! – Галка даже покраснелась, отчего стала еще красивее. – С обыкновенными не случается ТАКОЕ. Обыкновенные – они целыми днями катаются на роликах, гоняют в футбол и не читают фантастических рассказов о любви Аль... Фреда...

– Бестера, – подсказал Алешка.

– Они даже не знают, кто это такой. И я не знала, кто это такой! И я не знала, какой... ты...

Неизвестно, до каких бы откровенностей дошел их разговор и чем бы закончился, не начни в этот момент бить настенные часы «Ситизен», оповещающая маленький кусочек вселенной, ограниченный четырьмя стандартными бетонными стенами обыкновенной трехкомнатной квартиры, о том, что в городе наступила полночь.

И в ту же секунду на журнальном столике ожил дьявольский кубик.

– Мама, – еле слышно прошептала Галя, и двадцатилетней давности журнал «Химия и жизнь» выпал из ее рук.

«Интересно, что бы сказали по этому поводу сотрудники журнала», – подумалось Алешке, с отвращением слушавшему «Т-р-р-р-тук-тук-тую» прыгающего кубика. Ему уже не было страшно. Ему было не так страшно, как Галке, которая подобрала ножки и, не дыша, широко распахнутыми глазами наблюдала за подарком «дедушки», обхватив руками колени. С последним ударом часов кубик остановился. И наступившая тишина была куда страшнее его тарактеня.

– Ты ничего не придумал, – так же чуть слышно прошептала Галя, и Лешке почудилось, что она вот-вот расплачется. – Все это происходит на самом деле. Что же сейчас будет? Что сейчас будет с нами?

– Ты только не волнуйся, – Лешка осторожно сполз с кушетки и подошел к столу. – Нам сейчас нельзя волноваться, нам нужно держать себя в руках. Ты сиди, где сидишь, а я посмотрю, что нам написали...

– Я не могу держать себя в руках... мы одни в пустой квартире, и мы не знаем, что с нами сейчас произойдет.

– Что с нами произойдет, мы точно не знаем, – почесал за ухом Алешка, рассматривая кубик. – Но мы здесь не одни.

– Что там написано?

– «Добро пожаловать», – прочитал Леша и пожал плечами. – Ничего страшного.

Лампа под зеленым абажуром над любимым креслом Алешки, где теперь сидела, дрожа, его любимая девочка, взорвалась сухим щелчком пистолетного выстрела, осыпав Галю горячими, острыми, как бритва, осколками. Все произошло так быстро, что Алешкины слова «ничего страшного» просто раскололись о пронзительный крик пере-

пуганной насмерть Гали. И вот тогда Алешке стало страшно. И вовсе не за себя (ну, может быть, совсем чуть-чуть), а за Галку.

– Леша, Леша... ты где?... – сомнений быть не могло, Галинка плакала, а Лешка думал, что никогда в жизни не услышит и не увидит этого, до того она была уверенной в себе и... взрослой. Она не верила в приметы, в гадания, в ужасных, необъяснимых чудовищ, выползающих по ночам из канализационных колодцев, она не боялась ничего. И это было большой ошибкой, по мнению Лешки, потому что страх защищает от испуга.

– Я здесь, здесь, – как можно спокойнее сказал Леша, нащупывая в кармане маленький тайваньский фонарик-ручку, хитрую игрушку, которая, несмотря на свои смешные размеры светила совсем неплохо. Не нужно было в крошечной темноте, на ощупь, натываясь на стулья, искать свечи и спички, когда внезапно отключался свет в их старом квартале, а свет отключали не то чтобы часто, но регулярно...

– Ты главное не шевелись, сиди спокойно, не то порежешься... все нормально... вот. У нас теперь есть свет...

Тонкий ярко-желтый луч ручки-фонарика прорезал вязкую, душную темноту. Галинка сидела в кресле, прикрыв ладошками лицо, и была похожа на маленького, замерзшего воробушка, неожиданно попавшего в ледяной вихрь обезумевшей метели. И нельзя было не почувствовать себя ответственным за его, то есть ее, спасение.

И Алешка почувствовал. Он вообразил себя ни больше ни меньше – рыцарем короля Артура, готовым сразиться с огнедышащим драконом. Вот ведь что с человеком делает первая любовь... не было, конечно, никакого дракона... было кое-что похуже – перед тем, как щелкнуть тайваньским фонариком, Алешка заметил, что окна игрушечного замка засветились мертвым желто-зеленым болотным светом, а за ажурными решетками стрельчатых окон появились тени. И Лешка мог поклясться, что это не были тени людей.

Там мог быть кто угодно – гоблины, паки, риафы, эльфы, ревенанты, доуми, лемуры, баньши, спектры... У НИХ сотни имен, и Алешка знал это, как знал и то, что бороться с ними можно, только если веришь в них. Вера дает силу, неверие не дает ничего. Эти существа были, есть и будут, невзирая на то, верим мы в них или нет «Только бы она не заметила, что дом ожил», – лихорадочно думал Лешка, разыскивая под кушеткой домашние тапочки. – Иначе придется вызывать «скорую помощь»... если, конечно, работает телефон».

– Нашел, – пробормотал Алешка. – Галя, держи тапочки... чтобы не порезаться...

– Я надеюсь, они не белые...

– Что?... Да нет... белые?!

Они смеялись, как могут смеяться только перепуганные дети. Дети, которые еще не знают, что детство уже покидает их. В этом звонком, залившим смехе не было истерических завываний, полупридушенных стонов и ненатуральных слез.

– А у тебя с чувством юмора – полный порядок, – отдышавшись, сказал Алешка и подумал: «Какая же ерунда вся эта книжная психология!»

Он опустил на колени перед креслом:

– Ваши ножки, госпожа... у-ф-ф... белые...

Какой-то особо зловредный осколок шестидесятиваттной лампочки немедленно впился в Лешкину коленку, но он терпел. Ради этих мгновений он сейчас и не такое бы стерпел.

– А теперь тихонечко идем в ванную.

– В ванную?

– Тебе нужно расплести косы и... расческой... осколки. И с одежды, конечно... надеюсь, лампочки полопались не по всей квартире...

Пока Галка приводила себя в порядок в ванной («Она даже дверь не заперла, – с удовлетворением констатировал рыцарь короля Артура – Она доверяет мне»), Алешка осторожно заглянул в комнату старшего брата, где призрачным, неживым светом мерцал монитор компьютера. То, что он увидел на экране монитора, отбило у него всякую охоту веселиться. В тоскливой зловещей полутьме светилась ярко-красная («кровавая»), старинной готикой начертанная, фраза: «Вас двое? Это не по правилам. Девочка должна исчезнуть».

«О Господи! Уже и привидения научились управляться с компьютерами. Исчезнуть! Что это значит, черт побери?! Не «удалиться», не «уйти», а «исчезнуть!»» Лешка захлопнул дверь и закричал, подбегая к двери в ванную комнату.

– Галя! Ты в порядке?!

– Почти, – прошептала Галка – Я была вся, как ежик, в стеклянных колючках. А что еще случилось? Леша?.. Ты где? Ты слышишь меня?

– Все нормально, выдал из себя Алешка – Ничего не случилось... пока не случилось, – добавил он про себя. «Но что-то сейчас произойдет. Я чувствую. Я знаю. Я... верю».

Что-то произошло во Вселенной. На какую то долю мгновенья вздрогнули на своих немислимых орбитах огромные сумасшедшие звезды в миллиардах километров от Земли, и на старинный русский город упала рваная тень гигантских крыльев кого-то или чего-то, чему нет названия ни в одном языке мира. Немигающие, нечеловеческие, страшные глаза смотрели сквозь кирпич и бетон на две маленькие фигурки, тесно прижавшиеся друг к другу. Глаза не выражали ничего, даже равнодушия. Ничего...

– Неужели мы слышали этот голос? – прошептала Галка, сжимая руку Алешки. – Я не могу поверить... там действительно движутся ТЕНИ... и открыта дверь... как будто в черное звездное небо. Голос что-то спрашивал нас о двери?

– Нам задали загадку, – мрачно сказал Алешка, вслушиваясь в завывание ветра за окном. – Когда дверь невозможно открыть? А ведь дом растет. Он стал больше. Глазам своим не верю...

– Дверь невозможно открыть, когда нет ключей... как растет? Этого не может...

– Когда нет ключей, дверь можно открыть отверткой, отмычкой, взорвать ее, наконец. Не-ет, Брауни не будет задавать таких простых загадок, он очень хитрый. Он очень старый и очень хитрый. Ответ не может быть таким простым.

– А что будет, если мы не отгадаем? Алеша? А может быть, это не замок растет, а мы уменьшаемся?.. Не молчи, пожалуйста. Ты же умный, ты все знаешь, ты знаком с этим хранителем. Что он с нами может сделать?

– Ничего я не знаю, Галка, – горько сказал Лешка – Да, я знаком с хранителем, но я ни-че-го о нем не знаю, понимаешь?.. Что он с нами может сделать? Что угодно!.. «Ростом со спичечный коробок и голосом не громче мышинного писка». И очень просто... сволочь!

– Чего же он добивается? Зачем ему мы? Зачем эти загадки?

– Ему нужен я. Ему... им... не нужна ты... даже наоборот, они боятся тебя. Не знаю, почему, но они не хотят, чтобы ты была сейчас здесь... а загадки... загадка – это игра или... игра, Большая Игра, правил которой мы не знаем... это страшная игра, Галя... тебе нужно уйти.

– Ты шутишь? Никуда я не пойду! Ты же сам только что сказал, что они меня боятся. Зачем же мне уходить? Думаешь, мне страшно?! Да, немного страшно... за тебя страшно,

понимаешь?! А ты говоришь – уйди. Я сама напросилась, заварила всю эту кашу и теперь уйду? Брошу тебя одного? Если ты, Зимин, думаешь, что поступаешь поджельменски, то ошибаешься, ты поступаешь глупо. И я больше не хочу говорить на эту тему. Я остаюсь. Так, когда невозможно открыть дверь?

Алешка был похож на лунатика. Он и чувствовал себя, как лунатик (интересно, а знают ли лунатики, как они себя чувствуют?), Галкины слова доносились до него, как из глубокого сырого подполья. А дом (шотландский замок) действительно становился больше. Он на самом деле рос «А что будет, когда замок заполнит (сожрет!) всю комнату? – вялодумалось Лешке. – Всю квартиру, весь дом?» – ...Когда невозможно открыть дверь?!

Алешка вздрогнул. Бешеный рев Брауни – хранителя-загадочника – выдернул его из липких, зеленых лап дремоты. За окном что-то утробно ухнуло и сверкнула неправдоподобно белая молния, разорвав пополам низкое небо над городом. Беспокойно спящий город заворочался во сне под теплыми ватными одеялами.

– Я знаю! – закричала вдруг Галка, отпуская Лешкину руку и вставая во весь рост – Старый ты дурынь!

Лешка не верил своим ушам.

–...Дедушка липовый! Дверь невозможно открыть, когда она уже открыта! Болван! Оставь нас в покое!

Алешка был ошарашен. И совсем не простотой (кажущейся простотой) отпадки, а тем, как Галя разговаривает с могущественным хранителем – бессмертным господином Брауни, повелителем древних, недоступных человеческому пониманию существ. Он не думал, что с ним можно разговаривать ТАК, и уж никак не ожидал услышать таких слов от Гали Самойловой – отличницы с самым примерным поведением в школе.

Лешка был напуган, он просто не знал, чего ожидать теперь, но... ему понравилось Галкино: «Оставь НАС в покое!» «НАС!» Это веселей, чем мимолетный поцелуй в полутемной комнате... это похоже... Лешка не мог подобрать слов, но услужливая память подкинула ему картину, которую он наблюдал пару месяцев назад, когда его соседка - интеллигентнейшая женщина не в шутку отдубасила двух алкашей, приставших к ее мужу возле подъезда. Муж и сам бы справился – мастер по дзю-до в полутяжелом весе – но что-то заставило Светлану Игоревну позабыть о своей интеллигентности и броситься на защиту... «НАС»... Алешка не знал и не думал, что когда-нибудь поймет это, что и подтвердится много лет спустя, когда он и Галинка, несмотря ни на что станут мужем и женой.

Реакция хранителя Брауни не заставила себя долго ждать. Взрыв прогремел в Славкиной комнате, и по квартире пополз удушливый запах горячей проводки. «Иногда и таким образом люди остаются без компьютера», – тоскливо подумал Лешка. – Трудно будет доказать старшему, что компьютер изуродовало привидение»

– Наверное, «болван» – было лишнее, – пробормотала Галя и снова ухватила за руку Алешки. – Мы сгорим?

Лешка машинально кивнул:

– Или задохнемся. Но ты не волнуется. Мы не нужны им мертвые.

– Откуда ты знаешь?

Алешка пожал плечами, как бы говоря: «Просто знаю и все» – и будто заигнотизированный наблюдал, как остроконечные башни замка с жестяными флюгерами впились в свежешелый потолок. Замок уже не казался картонно-фанерным, да он и не был таким. Уже не был. Мрачным, затхлым холодом веяло от

покрытых мхом каменных глыб и гниющего дерева. Один из флигелей уже полностью закрыл окно комнаты, а тяжелая дверь, окованная железом, плотно закрыта возле кушетки. Из-за двери тянуло могильной сыростью.

– Мы можем легко пролезть внутрь, – шепнула Галка – И тогда не задохнемся.

– Там будет хуже.

– Что может быть хуже смерти?

– Войдите и узнаете, – проскрежетал Голос, сотканный из тысяч голосов тысяч ночных кошмаров, и из-за двери старинного замка появилась узкая и сухая, как у мумии, с огромными птичьими когтями на уродливых пальцах, белая, как жабье брюхо, рука.

– Бежим! – закричала Галка и кувыркнулась на пол, увлекая за собой совершенно обалдевшего Лешу. – Скорее! Скорее!.. Пошла вон, уродина! Галинка яростно отбрыкивалась от хищной руки и была похожа на маленькую, красивую и очень разозленную ведьму. Рука, словно зрячая, ловко уворачивалась от пинков и пыталась схватить полузадохнувшегося то ли от дыма, то ли от затхлой вековой сырости замка Алешку...

Галка ничего не могла поделать. Маленькая девочка была не в силах справиться с хихикающей и ухаживающей армией Брауни. Костлявая рука сомкнулась на Алешкином плече, в кожу впелись грязные птичьи когти, и тогда он закричал. Он кричал как никогда в жизни, но ни одного звука не вырвалось из обмякших, маленьких легких, парализованных первобытным ужасом, только по плечу разливался огненной волной холод ледяных пустынь.

– Кричи, кричи, – квакал ржавый Голос. – Кричи – не кричи...

– Не-ет! – взвизгнула Галка, и в то же мгновение и комната, и замок взорвались ослепительным светом... Галка сидела на кушетке с безумными глазами и хлопала длиннющими черными ресницами, все еще мертвой хваткой сжимая кисть Алешки (синяки будут видны почти две недели).

– Ты? – выдохнул он, со смесью страха и радости всматриваясь в такое родное и нагло-хитрое лицо старшего брата.

– Вам что, один сон на двоих приснился? – озадаченно спросил Славка и отпустил Лешкино плечо. – Вы чем тут вообще занимались, братья и сестры? Я понимаю, математика может усыпить кого угодно, но чтобы довести до буйного помешательства... ну, что вы на меня тарашитесь? Быстро пить чай и по постелям!

В семь часов утра Галка, постучавшись, впорхнула в Алешкину комнату:

– Ты видел?! Ночью выпал первый снег! Леша кивнул и неуверенно улыбнулся.

– Вот здорово! Идем? Сегодня первым уроком история. Лешка снова молча кивнул и поднял с пола рюкзачок

– Ты все еще думаешь об ЭТОМ? Леша, но это же был просто сон! Как сказал твой брат – один кошмар на двоих. Сон! Ну что ты?..

– Да, – вздохнул Алешка. – Наверное, сон, – и поглубже в карман запихнул разноцветный кубик, на одной из граней которого золотые буквы сложились в зловещую фразу: «Я не прощаюсь!»

Утро было тихим и солнечным. Две маленькие фигурки, взявшись за руки, шли по белому искрящемуся снегу, и никогда не было на земле ничего более прекрасного.

20.12.1999 г. Димитровград.

Три возраста любви.

1.

Синий в красную подоску мяч, играя каплями солнца, подпрыгивал на вытянутой худенькой ноге. На ноге белые рваные кеды. Мяч упал и покатился под гору. Вихрастый мальчишка побежал за мячом.

Это я. А мяч – мое детство. И этот тихий поволжский город – мое детство. Я в детстве, детство во мне. Так было.

Был синий мяч в красную полосу, была горка и, конечно, был лучший друг. Долговязый, черноволосый и застенчивый. Он верил в вечную дружбу, в путешествия по времени и в то, что я – король по набиванию мяча на одной ноге. Он мне завидовал и заставлял учить его. А мне не хотелось. Не хотелось создавать лишнего конкурента во дворе. Но он был другом, и я учил его. А потом мы шли на лесную горку, в густой ельник и разводили костер. Вечер был тихий и вязкий, костер был маленький и незащитный. Мы доставали из самых дальних карманов мятые польские сигареты «Висла» и закуривали. И чувствовали себя просто здорово. Мы не мечтали, не фантазировали, а рассуждали. Рассуждали, о чем только могут додуматься мальчишеские головы в двенадцать лет. Главной темой наших рассуждений были инопланетяне, девчонки, драки, само собой, и переход из настоящего в прошлое. Почему-то будущее нас совершенно не интересовало.

Прошлым мы бредили и именно ему посвящали долгие часы наших рассуждений. Нас приводила в священный трепет мысль о том, что сосна, возле которой мы сидим, видела людей, которых давно нет на свете, видела наш город маленьким, деревянным и грязным. Может быть, мальчишки, такие же безалаберные как мы, сидели на этом самом месте лет сто назад. Быть может.

И о чем-то тихо шептавший костер, и гудевшая на ветру сосна казались нам ужасно таинственными, а мы сами были не просто сумасбродными пятиклашками, а хранителями великой тайны, которую еще сами смутно сознавали...

Этой тайной было наше детство.

Костер догорал, и загорались звезды. Среди них была и наша звезда. Эта, затерянная в непостижимой дали звезда, никому неизвестная, но самая яркая в черном небе, была покровительницей нашей дружбы. Для нас она горела всегда.

Она была спутницей нашего детства. Звезда разгоралась все ярче и ярче, а костер потухал, пуская к небу синеватые, дрожащие струйки дыма. Сосновые ветки в нем покрывались рыхлым сизым налетом, под которым, как ртуть, плавал красно-синий огонек.

Над лесом неся далекий, как свет звезд, гудок уходящего куда-то поезда. Эта заунывная музыка путалась в хвое вздрагивающей сосны. Или, может быть, это наши спины, прижавшиеся к ее жесткой коре, вздрагивали от неясного страха? Теперь трудно понять.

Поезд уходил все дальше, унося с собой жалобный стон гудка. Костер шипел в агонии. Мы вставали, спускались к домам, покрытым квадратиками лунных окон, оставляя у потухающего костра частицу своего детства. За спинами смыкался темно-синей, полной неясных тайн, стеной лес. Неожиданно хрустнувший сучок под нашими ногами гнал

вперед, и мы, замирая от ужаса, срывались с места и стремглав мчались под гору, стараясь перегнать страх. Но страх не отставал и хватал за штанины, отчего вероятно, мы так часто спотыкались. Мы спотыкались, но не падали. Упасть – значит попасть в лапы неведомого. А неведомое пугало нас до икоты, оттого, что было неведомым. И мы спотыкались, но не падали, а бежали дальше, перепрыгивая через ямы и кустарник...

Мы до сих пор бежим, но уже не от неведомого, а к нему. Оно зовет нас...

2.

Жук медленно летел, поблескивая на майском солнце лакированными крыльями. Он обогнул люстру, развернулся и полетел к классной доске. В классе хохот. Все смеются, только веснушчатый, вихрастый мальчишка у окна сидит мрачно, нахохлившись, словно воробей после дождя.

Это опять я. А вокруг мой класс, и по классу летает мой жук, но мне не смешно. Хотя все смеются. Преподаватель делает вид, что не замечает жука, но тот упорно желает сесть на его голову. Опять взрыв хохота. Но я не смеюсь, я уже забыл о жуке и смотрю в окно, на ярко-синее, весеннее небо. Я все время чего-то ждал, и были секунды, когда я смутно угадывал в себе ЭТО. Что такое ЭТО, я не знал, не мог понять, хотя старался задержать его отголоски в себе хоть на мгновенье. Жук все еще летал, но класс уже не смеялся, а сидел, о чем-то задумавшись. Мне было грустно. Жужжание жука убаюкивало. Я лениво рисовал в тетради. Солнце припекало голову. Мне было тепло и грустно...

Воздушный шар появился внезапно, вернее, я его увидел совсем неожиданно, а висел он, наверное, долго. Меня, казалось, притягивало к нему, и я не мог оторваться от окна. Воздушный шар неподвижно висел над утренним, полусонным городом моего детства. Откуда он прилетел? Куда он летит? Неизвестно. Тихий поволжский город лениво удивлялся. Как вы думаете, кто был на шаре?.. На нем был я. Это был мой шар, я летел на нем к морю, все дальше и дальше от больших городов, туда, где красавица-Волга сливается с солеными бесконечными водами моря, а я летел в страну мечты...

Вечером я сидел на балконе и смотрел на маленькое мутное пятнышко. Я смотрел в сильный бинокль, но пятнышко все уменьшалось и уменьшалось, пока не исчезло совсем. Воздушный шар исчез из моей жизни навсегда. И мне снова стало грустно, так грустно, что хотелось плакать. Мне хотелось плакать, но слез не было. А был теплый майский вечер, и плакал он. Тихо плакал ласковым дождем над тихим поволжским городом. Струи дождя текли по лицу и на вкус были солеными. Вечер плакал.

Я размазал дождь по лицу и убежал в спальню. Этой ночью я долго не мог заснуть, ворочаясь в душной постели. Я вспомнил, как исчез воздушный шар, и слушал, как плачет теплый майский вечер...

Ах, милая, милая моя родина. Любовь моя, и моя боль. Здесь я родился и вырос, здесь полюбил в первый и последний раз. Нашел и потерял любовь. В ветвях твоих бесчисленных тополей запуталась моя первая песня, роняя белые венчики цвета на потрескавшийся тротуар.

Я помню все. Ты мой ребенок и мой учитель – маленький, деревянный и грязный, большой, солидный, каменно - бетонный.

Я помню все. Я помню, как ты смеялся, когда я уезжал навсегда. Прочь. Далеко. Ты шептал мне: «Вернисься». И я возвращался. И снова уезжал. И вновь шел к тебе, радость моя и печаль осенняя. Ты у меня в крови. Проклинаю и благословляю тебя!

Во сне ли все привиделось мне? Белые выпускные платья, дождь, поцелуй той, ради которой был готов на все?

Ты все видел, мой город – и мой беззаботный смех, и мои слезы. В тот вечер ты был ласковым и грустным и снова плакал теплым, соленым дождем. Тебе словно заранее было известно, что мы с ней расстанемся навсегда.

Никогда – страшное, страшное слово.

Мы никогда с ней больше не встретимся. Нет, нет, я не виню тебя. Нет... а где мои друзья? Когда мы виделись в последний раз? Ты мне подарил их и отобрал, когда они были мне нужнее всего. Я знаю, ты учил меня переносить беды в одиночестве.

Не хитри, я все помню.

На берегах Лены, в застекленной морозной тайге я слышал твой зовущий голос. Я ведь понимаю, тебе иногда тоже приходится трудно. Ведь я же твоя плоть. Это всегда до слез больно, когда отрывают от плоти.

Прости, но это жизнь. А жизнь – это старая, хитрая и коварная шлюха...

Опять осень. Ты уже плачешь холодным, колючим дождем. Все чаще и чаще.

Вечер. Вот таким же дождливым вечером я опять сбежал от тебя и думал: «Все, теперь навсегда сбросил твои тяжелые руки со своих плеч. Но горное эхо Тянь-Шаня вторило, мне шепотом твоих улиц. Я слышал, как в твоих парках продрогшие деревья роняют сморщенные, побуревшие листья в стылые, свинцовые лужи. Я слышал ветер в гудящих антеннах твоих домов.

Красивы горы, но я вернулся к тебе...

А помнишь? Это было давно. Расколотое пополам небо, прибитое звездами к черным облакам. Ты помнишь? Сирень пахла так, что кружилась голова. Мы с ней говорили шепотом, еле касаясь губами волос. Мы говорили такие милые и нежные глупости, от которых дрожь пробегала по телу. В сиреновой воде бултыхалась луна.

Я так и не сказал ей самого главного. Не смог.

И мы никогда с ней больше не встретимся. Страшное, безысходное слово – никогда.

Зимой ты самый разный.

Яркое солнце, бешеная, вертящаяся радуга снежинок. Дома, как одуванчики. Ты улыбаешься мне весело и легко и я, кажется, смогу все. Ты бросаешь в лицо хлопья искрящейся, холодной пены облаков. Мальчишка. Ты – веселый, бесшабашный мальчишка. И я верю, мы еще встретимся с ней, и я скажу ей самое главное...

Вечером тяжелые, беременные тучи цепляются за крыши, желая сорвать их с домов.

Холод.

Слепые фонари не разгоняют, а только сгущают темноту, безжалостную и, кажется, вечную.

Холод. На улицах только ветер.

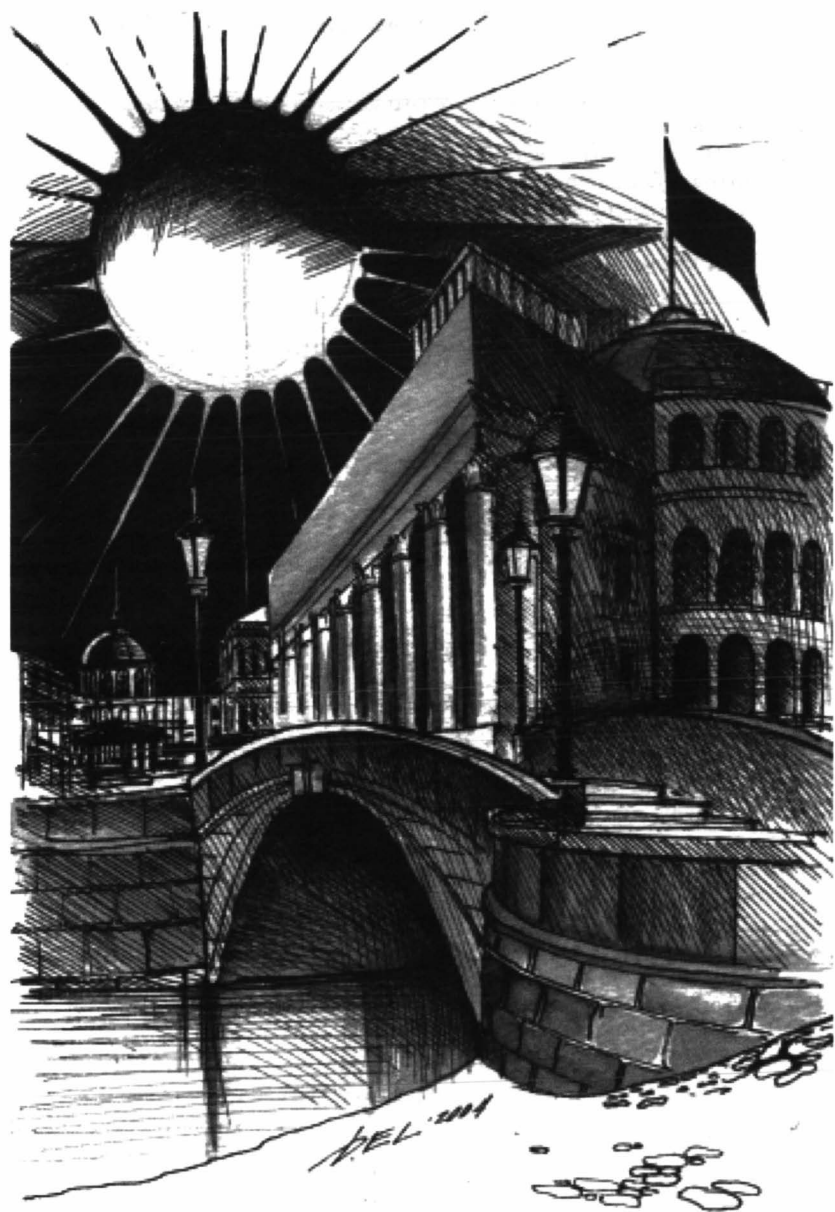
Это тоже ты. Бесконечный ветер и пустынные улицы.

Нет, мы никогда с ней больше не встретимся. Нет.

Ах, милый, милый мой город. Любовь моя и моя боль. Ненавижу тебя и... люблю.

Будь счастлив во веки веков.

Моя песня. Моя родина.

ЧАСТЬ 2

*Лишь линию прямую
признаю, и просто
ненавижу лабиринт.*

Утро.

Торговки зеленыю на лавках,
В аляпистых цветах платков,
Мальчишка – руки в бородавках,
Соплив, нахален и здоров.
Старик в малиновых ботинках
Девчонка с рыжею косой,
Как будто только что с картинки:
«Будь юность вечно молодой!»
Цвета с утра перемешались,
Нырнули лужи в небеса,
Цветы у дождика украли по капле –
Вот вам и роса.
Прозрачные аллеи парка,
Трусцою бегают семья, пока еще не слишком жарко,
Инфаркт без усталости кланя.
У павильона «Пиво-воды» уже скучает первый
гость,
Слегка веселый от природы.
Монет перебирает горсть...

«Спасибо»

Спасибо, Вам, за то, что жив пока,
Что не в больнице и почти здоров,
Что дождь осенний, холод и река,
Пусть даже без кисельных берегов.
Спасибо за наценки и прогресс,
За джинсы и за финский сервелат,
Энергию Чернобыльской АЭС,

Спасибо вам за все. Я жутко рад.
Заводам рад, и рыбам пузом вверх,
Очередям и давке с двух часов,
И усилению необходимых мер.
И повышению удожности коров.
Спасибо. Благоденствие растет,
Улучшен и упрочен соцкультбыт,
Спасибо, что Высоцкий не поет,
Спасибо, что Рубцов почти забыт.
Спасибо вам за множество свобод,
Свободу веры, слова, лжи и склок,
За твердый к новой жизни поворот,
Все веселы и рады – скок да скок.
Я рад. И весел. Бросил пить. Не пью,
Глушу в себе неправильный инстинкт,
Лишь линию прямую признаю,
И просто ненавижу лабиринт...
Спасибо хоть за то, что жив пока,
Что не в больнице и почти здоров,
Что дождь осенний, холод и река.
Широкая. Без всяких берегов.

1986.

Время

Десятый час и недопитый кофе стынет,
За окнами шпана, «маяк» в руках,
Я жду пока экран цвета раздвинет,
И будет нагонять вечерний страх.
Растет и крепнет мощь коварных НАТО,
Плутоний расщепляет Пакистан,
И брат по-прежнему стреляет в брата,

Заглядывая изредка в Коран.
Убили негра, самолет взорвался,
Опять тайфун японцев затопил,
Какой-то гад вновь у поста остался,
И мирных демонстрантов разгромил.
Кошмар! И как они там существуют?,
И тянут виски с содовой с утра,
По Гамбургу фашисты маршируют,
И это им не страшно ни черта!
И пьют-то на ворованные гроши
Поскольку без работы все подряд,
Какой же мир там все же нехороший,
Не зря евреи это говорят,
Помилуйте, как можно ездить в «Форде»,
Когда ты безработный и больной?!
За это дело надо бить по морде,
И отправлять на свеклу в выходной.
И не нужны нам ихние доллары,
На туфли и костюмы наплевать,
Мы эти повседневные товары
Научимся и сами создавать.
Ну, так и что, что с мясом туговато,
У нас дожди и засухи и гром,
Зато такой трески в любом из штатов
Ты не разыщешь даже днем с огнем.
Пугают, полисмены там как звери
И бьют-то все дзю-до и каратэ.
Они же просто не были за дверью
В каком-нибудь из наших РОВД.
А в общем, все у нас благополучно,
И агропромы набирают вес,
И чтобы не было кому-то скучно
Для этого у нас ОБХСС.

04.01.86.

Во сне ли было, наяву ли,
Мальчишка, зелень глаз вразлет,
На поле захлебнулся пулей,
Скрививши в судороге рот.
На автомат свалившись боком,
Суча ногами и хрипя,
Он умирал в стране далекой,
Чужую землю окропя.
А смерть-старуха, вечно сонна
Прикрыла паренька снежком,
И застеклила взгляд зеленым.
С чуть красной краскою стеклом
И вот ведь что больней больного,
И тот и этот – пацаны,
А бьют как зверь один другого
По зверским правилам войны.
Так было. Умирили парни,
Разбрызгав зелень глаз в полях,
Давно красивыми цветами
Поднялся над землей их прах.
Я рву цветы и свято верю
В их символ жизни и любви
И на цветок закрою двери
Перед лицом любой войны.

В этот торжественный день.

Степа Горелов, корреспондент областной «молодежки», безжизненно распластавшись в полукресле, в муках пытался родить название своему очередному очерку для рубрики «Люди труда» и не мог. Очерк этот был восьмым по счету, и все самые ходовые и проверенные заголовки уже использовались в предыдущих опусах.

Степа закурил и, мастерски пустив жирное кольцо в бронзовый бюст Чайковского, переменял позы.

— С него берут пример, — обратился корреспондент к композитору и, подумав, добавил, — наставник молодежи...

В эту минуту крякнул селектор внутренней связи, и Горелов с отвращением выслушал:

— Степан, быстренько забеги ко мне, есть срочное дело!

— Что б вам всем провалиться, — отнесся Степа к селектору и сплюнул в корзину с бумагами.

Открыв дверь в кабинет редактора, он с порога заявил:

— Если куда ехать, то учтите, Алексей Ашотович, мне еще очерк в «Людей труда» сдавать...

— Знаю, слушай, а. Кроме тебя некому, Степа, дорогой. Выручай, да. А на очерк плюнь, потом выправишь. В общем, мотай на открытие памятника павшим в Великой Отечественной. Поярков не может, я его в Лебедевку отправил.

Степа изобразил на лице «ладно, ладно, я вам это припомню» и повернулся к двери.

— Запиши там самую лучшую речь и хватит. Мне нужно строк полтора.

Перспектива в час пик пилить в другую часть города была из мало приятных, поэтому Горелов всю дорогу раздумывал над планом мщения Косте Пояркову, у которого хватило свинства втихоря слить из города на туристический слет в Лебедевку, наверняка зная, что на открытие памятника пошлют его, Горелова. И вот теперь Степа должен был, обливаясь потом и дыша чьим-то перегаром, трястись в раскаленном, дребезжащем автобусе к черту на куличики ради сомнительного удовольствия слушать всем заранее известные речи отцов и матерей города и еле живых ветеранов.

«На Волгу бы сейчас», — подумал Горелов и вспомнив, что Костя Поярков именно на Волге сейчас и находится, утвердился в решении отомстить ему скоро и страшно. «Телефон сломаю. Пусть с протянутой рукой по редакции ходит», — решил Степа, отчего стало немного полегче, но не настолько, чтобы не чувствовать чей-то острый локоть у себя в боку.

— Я бы попросил! — рявкнул он, полуобернувшись и спихивая локоть с ребер. — Чер-рт знает...

— Извини, сынок, извини, — услышал Степа тихий, надломленный голос и буркнул:

— Рассовали свои кости по всему автобусу.

Краем глаза он рассмотрел сухонькую, в черном платке старушку, виновато оглядывающуюся по сторонам. Старушка не знала, куда спрятать руки и почему-то откровенно улыбалась, стараясь встать так, чтобы никого не касаться.

«Ну, несет же ее в такую жару, — подумал Горелов, — Платок еще черный. Хватит солнечный удар и ага».

Когда Степан уже по третьему кругу проклинал Костю Пояркова, редактора и свою судьбу, автобус, наконец, доскрипел до конечной остановки. Отлепившись от сопассажиров и выбравшись на свежий воздух, Горелов немедленно закурил и огляделся

по сторонам. Перед ним простиралась ухоженная лесопарковая зона, где и решено было в свое время возвести мраморную стелу с именами погибших в дни войны жителей города. И не прошло и двух лет, как, нате вам – торжественное открытие памятника, на котором ну, непременно должен присутствовать он – Горелов Степан Михалыч.

Степа докурил, стрельнул окурком в расплавленный под нестерпимым солнцем асфальт и направился к торчащему над соснами мрамору.

Ввинтившись с ходу в довольно приличную толпу, он мастерски проложил дорогу к самому президиуму. Все было как полагается в таких случаях, и пионеры с цветами, и горкомовские «двадцатьчетверки» со своими хозяевами, и даже знакомый оператор из кинохроники.

Благодатная тень от вековых сосен укрыла взмокшего корреспондента от солнца, и откуда-то с запада принесло легкий ветерок, пахнувший смолой и дождем.

«Завтра аванс потребую», – подумал Горелов, автоматически строча в блокноте и наслаждаясь неожиданной прохладой.

– ... И в этот торжественный для всех нас день мы помним о тех, кто кровью своей и жизнью и героизмом...

«И устрою себе выхолз в ресторан, иначе сорвусь к концу недели».

Ветерок усиливался, и вот поползли уже по бирюзовому небу первые тучки, грозившие вскоре обернуться хорошим дождем.

– ... Пioneры нашего города свято хранят память о тех, кто кровью своей и героизмом и...

Пионер в красной с синим пилотке вдохновенно тарабанил с трибуны, отчаянно жестикулируя руками над микрофоном и стреляя горящими глазами в народ.

«Бороду прилепить – вылитый Фидель, – машинально отметил Степа, не отрываясь от блокнота. – Ора-атор».

Исчеркав три страницы, Горелов решительно захлопнул блокнот. Духовой оркестр заиграл что-то из военной классики. Оператор кинохроники упаковал свой «Кинор» и в раздумье осматривался по сторонам, видимо, не решаясь так сразу смотреться с митинга.

На трибуне городские отцы и матери оживленно переговаривались, глазами разыскивая кого-то в толпе. И вот в последний раз сфальшивил тромбон и звякнули тарелки, и к микрофону подошла инструктор горкома Последышева, поправляя твердокаменное сооружение на голове.

– К-хы, – откашлялась она. – А сейчас мы попросим на эту трибуну ветерана труда, мать погибших на войне троих сыновей, Роянову Анастасию Петровну, — инструктор пошарила в толпе глазами и удовлетворенно кивнула. – Настасья Петровна, поднимайтесь к нам. Просим.

Сооружение на партийной голове колыхалось внушительно, как у египетского фараона:

– Анастасия Петровна за один только сорок второй год получила три похоронки на своих, воспитанных в духе патриотизма и любви к советской нашей родине, сыновей... поднимайтесь, поднимайтесь, Анастасия Петровна... они были молоды, но не пощадили своей жизни ради того, чтобы дальше процветало наше государство, чтобы могли жить в мире последующие поколения!.. Вот к этому микрофону, пожалуйста...

Горелов посмотрел на трибуну и вздрогнул. К микрофону подходила та самая старушка, на которую полчаса назад он наорал в автобусе... ну, точно – она!

Горелов поежился и вздохнул. В груди как-то неприятно заныло от пришедшего чувства вины. Так иной раз бывало, когда он встречал на улице калек-уродов от рождения.

Вроде бы и нет никакой вины твоей перед ними, а все как-то неловко. Вот идешь ты по улице – здоровый мужик, руки-ноги ого-го, а тут... «Вот ведь, а!» – вздохнул он еще раз и поспешно закурил, стараясь не смотреть на трибуну.

Старушка подошла к микрофону и опять, как в автобусе, виновато и отрешенно улыбнулась, поправляя черный платок. А на выцветших глазах слезы. Мать молчала. Нетерпеливо звякнула медь в духовом оркестре «Жу - жу - жу - жу», « висело над гражданами собравшимися. Поскрипывали смолистые сосны под все усиливающимся западным ветром. Мать все также отрешенно улыбалась, склонив голову набок и сложив сухонькие руки на животе.

Горелов опять пожегился: «Вот ведь...»

– Пошел котик во лесо-ок,

Нашел котик поясо-ок...

Степа вздрогнул и почувствовал, как вздрогнули ладони.

– Чем люлечку подцепи-ить

Да Ванечку положить...

Над парком повисла такая тишина, что было слышно, как где-то в траве путается жук-бронзовка.

– Ва-ня будет спать,

Котик Ваню качать...

Старушка тихонько покачивалась в такт колыбельной и смотрела невидящими глазами куда-то поверх толпы, поверх верхушек сосен, смотрела туда, где в грозových тучах, умирало летнее солнце.

– А ко-отик его качать,

Да, серенький, величать.

Сон да Дрема,

Усыпи мое дитя...

Инструктор Последышева замерла на полужесте и скользила стеклянным взглядом по гладкому мрамору, на котором золотились фамилии людей, которых никогда не знала и до которых ей, в сущности, не было ровным счетом никакого дела...

Роянов А.С.

– Поше-ел котик во Торжок,

Купил себе пирожок...

Роянов Ф.С.

– Идет котик на лавочке-е,

Ведет киску за лапочку...

Роянов И.С...

Из потемневшего неба упали первые тяжелые капли, и жук-бронзовка, выпутавшись из травы, полетел спасаться, поблескивая лакированными боками. С запада ползла гроза.

А дождь шел все сильнее, поливая собравшихся.

Степа слизал стекающую по щеке струйку. Дождь был соленым... или не дождь?

– Ходят вместе о-ни

– А ты, маленький, усни...

г.Димитровград, 1991г.

Встреча.

– Баба Тоня! Нет, ты только глянь чего твой кобель опять отмочил! От паразит-то, парази-ит...

Надрывный крик разносился по всему двору и, наверняка, был слышен окрест. Гринька с трудом разлепил левый глаз и повернул всклооченную голову к двери. Более энергично на «кобеля» и «паразита» он отреагировать сейчас не мог по причине жуткого похмельного состояния.

То, что «отмочил» именно он, Гринька был уверен, вот только что именно, было покрыто для него глубоким мраком.

– Да, ты за своим недоноском лучше гляди! Принесет какую-нибудь заразу в дом, со шлюхами-то болтаться целыми днями!..

Гринька удовлетворительно хмыкнул, узнав хриплый и грубый, как у хорошего мужика, голос своей матери. Что-то, а если надо, баба Тоня могла так отбрить, что святых выноси.

Гринька еще с минуту послушал, как лениво, от нечего делать переругивается опостылевшая ему коммуналка, и со стоном присел на растерзанной постели.

Голова кружилась, невыносимо тошнило, а во рту до сих пор стоял вкус портвейна «три семерки».

Надрывно проскрипев, отворилась оклеенная голыми девками дверь и проем заслонила расплывшая фигура Гринькиной матери — бабы Тони, как все ее звали во дворе, хотя «бабе» не было еще и сорока. Какое житье-бытье без мужа на девяносто рублей, сами понимаете.

– Не обпился еще? – даже не зло, а как-то безнадежно прогудела она, без тени женственности, утробным голосом.

Гринька с отвращением покосился на ее засаленный, в цветочек, халат и сплюнул на пол, вложив в плевок все свое презрение, и не к матери конкретно, а вкупе ко всему, что окружало его уже двадцать первый год.

– Погоди, недолго осталось, – зло прохрипел он и встал, заправляя рубаху в трико.

– И, куда ты сейчас отправишься? – с ехидством спросила мать, принимая вызывающую позу. – Глянь на образину-то свою, и не стыдно такому по улицам ходить?

Гринька расчесывался перед зеркалом и молчал.

– Вон, Галькин-то Вовка, за ум взялся. На завод устроился, чистый да глаженный ходит как огурчик, а ты штаны последние скоро пропьешь. Весь в отца, алкаш прокляты-ый...

Мать всхлипнула и уткнулась себе в ладони, мыча что-то невразумительное. Гринька невозмутимо закурил, отпихнул ее плечом и нетвердыми шагами, но быстро зашагал по длинному, вонючему коридору, в котором всегда пахло жареным луком и прокисшими щами.

К чему ведут утренние причитания матери, Гринька знал великолепно. Он уже не верил в ее слезы и не пугался ее угроз. Он вообще воспринимал ее как что-то само собой разумеющееся и неизбежное. Ну, живет, ну, зудит по утрам. Покормит вот еще разе, шмотки простирнет. Но, вот сколько Гринька не вспоминал так и не мог вспомнить, чтобы когда-нибудь мать его ласкала или хотя бы сыночком назвала... нет... не было

этого, ей Богу.

Об отце Гриньке напоминали только ночные кошмары, повторяющиеся с завидной регулярностью. И было в них одно и то же. Кто-то до колик страшный и огромный лез красной, слюнявой пастью Гриньке в лицо, дыша чем-то тошнотворным и хрипя что-то пугающее. Потом откуда-то появлялись белые, мертвые глаза без ресниц, и Гринька почему-то точно знал, что глаза эти его матери, а сама мать с проткнутым спицей горлом лежала возле дверей и звала Гриньку на помощь. Под конец все застилал черный, вонючий дым и Гринька просыпался в слезах и холодном поту.

После таких снов Гриньке было жалко мать аж почти целый день, и он старался ей чем-нибудь помочь, понапрасну не расстраивать и выпроваживал дружков с порога.

Гринька, конечно тоже не сахар. Последний год пьет без просыху, да ведь, как не запить от такой жизни!

Может быть, и есть где-то она, красивая жизнь. Может и есть, да только факт, что не в этой тараканьей коммуналке.

Гринька спустился в свой обшарпанный, увешанный стиранными рубашками двор, проверил, на месте ли драгоценный, измусоленный трояк, и решительно направился к пивному ларьку, благо стоял он совсем рядышком, в редкой тени обшипанной сирени.

Разношерстная, полупьяная компания хохотом и набившими оскомину подтырками встретила Гриньку как родного. Чего говорить, он был здесь своим в доску. Может, и дешевый авторитет, но честно заработанный в неисчислимых разборках и драках. Гринька, как и полагается, подержался «за лапу» с каждым, с каждым перебросился парой слов, отхлебнул из кем-то заботливо поданной банки пиво и бесцеремонно вошел в ларек через служебный вход.

В пропитанном запахом кислого пива ларьке священнодействовала хозяйка, разбитная девка лет тридцати, с крашенными в цвет пакли волосами и необъятной задницей.

– Ленок, пузырь в срочном порядке. Помираю, – выдохнул Гринька без предисловий и протянул изувеченные три рубля.

«Ленок» без слов забрала трешницу, вытащила откуда-то грязную бутылку портвейна «три семерки» и снова отвернулась к окошечку, где в нетерпении толпились жаждущие и судорожно пихали в отверстие банки, канистры и бидоны.

Гринька запахнул бутылку под рубаху и вышел на освещенный ласковым, теплым солнцем пятачок перед ларьком, где вокруг эмалированного ведра, как воробы, сидели на короточках все полупьяные обитатели близлежащих дворов, «временю нигде не работающие», имеющие не по одному приводу. Они живо обсуждали одну и ту же утреннюю тему, кто и как вчера добрался домой и добрался ли вообще. Гринька крикнул Володьку Пальцина, своего закадычного друга, и, не дожидаясь, нырнул в кусты сирени. Их излюбленное место между двумя глухими стенами домов было свободно. Земля вокруг была усеяна флаконами из-под тройного одеколона, пластиковыми и алюминиевыми пробками, окурками и пустыми консервными банками.

Приятели расположились, выпили по одной, закурили и приготовились вести беседу, как внезапно откуда-то сбоку выполз неожиданный третий. Это был, что называется настоящий бичара, заросший грязно-белой щетиной от глаз до кадыка, одетый в невообразимую хламиду и доисторические плетенки. Лицо новоявленного было похоже на плохо вымытую, гнилую свеклу. Гринька зло смотрел на старика и многозначительно молчал, всем своим видом являя вопрос «Что надо?».

Старик пожирал глазами бутылку портвея и нервно потирал дрожащие руки с узловатыми, изуродованными пальцами.

– Сынки-и..., – каким-то неживым голосом начал было старик. – Плесните, Христареди... сил нету...

Не найдется слов описать до чего подобная наглость возмутила Гриньку. Это ж надо, тут каждую копейку считаешь на опохмел души, не знаешь чем день продолжишь, растягиваешь удовольствие как можешь, и вдруг является небритая образина и налить просит.

Володька обалдело переводил взгляд со старика на дружка своего и гадал, чем закончится этот неприятный инцидент.

– А не пшел бы ты..., – и Гринька присовокупил пышный букет отборной нецензурины. – Сынки-и... папаша нашелся, мать твою! Иди, иди, хрен старый. Наладан дышит, а туда же «плесни-ите»...

– Да, я ить что... я ить... на нет, как говорится...

Старик, что-то невнятно бормоча, задом-задом исчез в обглоданных кустах сирени.

Злой как черт Гринька разлил по стаканам и закурил.

– Вот ведь, а! – он выразительно посмотрел на Вовку и покачал головой.

Солнце зайчиками играло на зеленой, залапанной бутылке, по которой ползла лакированная божья коровка. День начинался.

И откуда же Гриньке было знать, что старик, которого он только что прогнал, и был его отец...

г. Димитровград.

Самолет.

1.

Запой у Красилина начинались внезапно и, как правило, в самый неподходящий момент. Начинал он вдруг чувствовать необъяснимое томление духа, тупую боль в висках и казалось ему, что все в мире тлен и суета. Всех этих трех компонентов вполне достаточно не то чтобы запить, но и, не дай Бог, повеситься на березке в чистом поле.

Но чистого поля с березой вблизи города Курьина не было, зато было четыре пивных и два специализированных магазина, с лихвой перевыполнявших ежемесячный и прочие планы, подрывая своим существованием бюджеты многих семей.

И вот одним ясным осенним утром (чуть не забыл, происходило все это в те далекие времена, когда горести и печали можно было скрасить всего за 4.12), так вот, осенним ясным утром, после бритья и чая, Григорий Красилин почувствовал вдруг тоску необычайную. Так, ни с чего вроде. Все вроде бы нормально. И на работе все в порядке, и дома. Герань вон на окошке цветет, солнце первыми лучами далекую колоколенку освещает, воробей-подлец за окошком в жестянку тюкает. А все, кажется, что-то не то. Ну, хоть умри. Хоть «фейсом об тейбл», как говорит сосед-Димка, балбес каких мало, бабник и скандалист.

Почувствовав в себе прилив меланхолии и зная, что за этим последует Григорий пересчитал свою наличность – насчет себя Григорий не строил никаких иллюзий. При тщательном подсчете своей кредитоспособности было обнаружено сорок четыре рубля шестнадцать копеек. Цифирь, что и говорить, незначительная, но вполне приемлемая.

Радио пропищало девять утра, за стеной, в квартире скандального соседа Димки, взревела всей своей мощностью стереосистема, и по дому разнесся голос Владимира Кузьмина, оповещавшего жильцов о том, что с раннего детства он играет в спортлото, но очень неудачно, и тем не менее продолжает это неблагодарное занятие. Григорий дослушал песню, пришел к выводу, что певец Кузьмин очень настырный товарищ и распахнул окно.

Воробей, долбивший жестянку на карнизе, обиженно чирикнул и улетел. Григорий вдохнул утренний запах осеннего городка и перегнулся через подоконник. В точно такой же позе из окна рядом свисал Димка и плевал вниз, стараясь попасть в рыжего нахального котятку, который презрительно смотрел снизу вверх на снайпера и поводил обкусанными ушами.

– Зачем в котя плюешь? – спросил Григорий.

– А в кого же мне еще плевать? – резонно возразил Димка. — Могу в тебя, так ведь обидишься. А кот этот – наглый и беспринципный. Посмотри на его морду. Сразу видно, наглая беспринципная тварь. Будь он побольше в размерах, так давно бы меня сожрал. У-у-у, паразит... а ты чего не на работе?

– Отгулы взял.

– Ага, – ухмыльнулся Димка. — Отгулы на загулы. Опять самолет строить будешь?

– Ну, ты, полегче, – обиделся Красилин, – А то и по харе можно схлопотать.

– Грубый ты, Григорий, – укоризненно сказал Димка. – А еще в театре работаешь. «По харе»... ну, хоть «по лицу», а то... нет, грубый ты и невоспитанный. Котов защищаешь, а человека «по харе»...

– Могу и по лицу, – Григорий закрыл окно и задумался. Обижаться, действительно, было не на что. И театр, и самолет – все правда.

В театре Красилин работал уже лет десять. Работал на ответственной должности – осветителем сцены. Мастером света.

Театр в Курьине был хоть и маленький, но старинный и с давними традициями, говорят, на премьерах здесь бывали сами князья Безкопейкины. Правда, при советской власти дела Курьинского театра пошли не ахти. То всем миром врагов народа ловили, то кукурузой поля засевали, потом всей труппой лозунги малевали: «Даешь!», «Обгоним и перегоним!», «Да здравствует!». Лозунг «Даешь!» был очень употребителен по ночам в общении с женой или другой женщиной, а «Обгоним и перегоним» – при покупке дрожжей и сахара. Пьесы же, если и ставили, то исключительно трубопрокатного направления, на которые жителей города даже буфетом со свежим пивом заманить было трудно. Но, несмотря ни на что, театр выжил, а при новом режиссере даже замахнулся на Шекспира. На «Ромео и Джульетту» был аншлаг. Режиссера, который никак не ожидал от жителей города такой любви к Вильяму Шекспиру, отпавляли за кулисами «Старкой». Джульетта от волнения во время спектакля все время пыталась почему-то назвать Ромео Василием Степанычем, а Ромео хватанул для храбрости лишнего и полностью импровизировал, так что от подлинного текста осталась самая малость. Но зритель, истосковавшийся по великому и вечному, прощал актерам все, и выдавший виды зал сотрясался от оваций. Дарились цветы. Всем. Всем, кроме Григория Красилина, который так и остался в тени своих прожекторов. А ведь от его работы во многом и зависел успех премьеры. Думаете, не так?! А что было бы, высвети он, как говорится, отдельные недостатки? Направь он свой прожектор чуть под другим углом, и всему залу было бы видно, что Джульетта чуть ли не ровесница своему персоналу, что у нее сизая бородавка под левым глазом, а из-под слоя грима пробиваются гусарские усики. Представляете? Скользни он лучом ниже-выше, и было бы ясно, что Ромео с глубокого перепоя, и краска на его лице лежит вкривь и вкось. Но Григорий Красилин на то и был мастером света, что всегда светил как надо – правильно и красиво. Так что «Ромео и Джульетта» весь сезон шла на «ура»...

Григорий тяжело вздохнул и закурил сырую «беломорину». Сейчас в театре сменился очередной режиссер и ставил нечто модернистское, с плясками, заумными монологами и голыми ляжками. Красилин не любил этого. Ни уму, ни сердцу. Ни костюмов, ни декораций. И освещать-то толком нечего. Может быть, еще и это было причиной его тоски зеленой. Да тут еще проклятый Димка про самолет напомнил, больную рану разбередил, меломан несчастный.

О самом самолете нужно рассказывать отдельно. Эта история в свое время много шума наделала в Курьине, и чего в ней было больше – смешного или печального, трудно сказать. Во всяком случае, для Красилина во всей этой истории веселого было мало.

2.

А началось все с того, что отремонтировал Красилин как-то, провозившись с месячишко, мотор от автомобиля ГАЗ-53. Бросовый двигатель, совершенно никчемный. Но был Красилин не только мастером света, но и, вообще, мастером на все руки от скуки и довел эту рухлядь до ума. Ну, и, само собой разумеется, встал вопрос: куда эту железяку

пристроить, чтоб зря в сарае не валялась. Маялся Красилин этой мыслью два дня, шастая из пивной в пивную в надежде, что кто-нибудь подбросит ему дельную и оригинальную идею.

Уж неизвестно, чего он там наслушался, а только на третий день подписал у директора театра заявление на отпуск, благо время подоспело, и заперся у себя на даче, на берегу Курьинки, в пяти минутах ходьбы от города. И ни слуху, ни духу. Надо сказать, дача эта была небольшим домом с трех окон, доставшимся Григорию от безвременно почившей троюродной тетки. Дом был еще добротный и даже с огородом, в котором третий год ничего, кроме лопухов и репы, не росло. Садоводом Красилин был никудышным. Так вот. Чего там за забором теткинго дома творил Григорий, знать было невозможно, и соседи маялись от любопытства. Даже посланный на разведку Димка-меломан вернулся ни с чем. Так бы и страдали соседи от неизвестности еще невесть сколько, не вмешайся в ход событий официальные власти. А именно, в одно жаркое летнее утро у Красилинской дачи припарковался целый кортеж – черная, грязная «Волга», из которой немедленно появился солидный и очень сердитый товарищ в шляпе, желто-синий «уазик» с соответствующими милицейскими лицами и новенький «Иж», на котором восседали молодые, бойкие представители авиации, о чем свидетельствовала их форма. Представители небесной профессии почему-то пребывали в развеселом настроении и с любопытством рассматривали открывшего на призывный стук ворота Красилина, обалдело глядевшего то на черную «Волгу», то на красные погоны. Ну, и вся делегация, разумеется, прошла в ворота, бесцеремонно отгеснив хозяина. И то, что увидела во дворе, полностью подтвердило донесение пилота малой колхозной авиации Алексея Брянкина. А Брянкин не далее, как за день до описываемых событий сообщил следующее: что, возвращаясь с очередного опыления пшеничных полей и пролетая на малой высоте над городом Курьиным, обнаружил во дворе частного дома на берегу реки Курьинки самолет неизвестной ему конструкции, размалеванный от носа до хвоста пиковыми сердечками. Далее Брянкин справедливо вопрошал: с каких это пор простые советские граждане стали иметь в своем подсобном хозяйстве самолеты, да еще такой воинственной окраски, явно намекающей на бортовые пулеметы?

Узнав, что в его городе у кого-то в частном владении находится самолет, да еще может быть и военный, мэр города Иосиф Старшинов почувствовал себя, мягко говоря, нехорошо, однако не настолько, чтобы не позвонить начальнику милиции Курьина Геннадию Петровичу Братушкину. Товарищ Братушкин был мужчина хоть и глупый, но бравый и решительный. Участковый инспектор, на чьем участке находился в неизвестных руках самолет, был вызван, отруган и отослан составлять рапорт. Авиатор Брянкин был также вызван, но уже для выяснения деталей. А через полчаса стало известно, что дом, во дворе которого стоял «пиковый» самолет, принадлежит Григорию Емельяновичу Красилену, светотехнику драматического театра, холостому, ранее не судимому, родственников за границей не имеющего и, вообще, личности в крайней степени положительной и ни в каких скандалах не замеченной. А поскольку время было уже позднее, то и решили всем миром, что сподручнее всего инспекционную поездку к вышеупомянутому Красилену совершить на свежую голову утром.

И вот утро. Вот милиция, вот бледный Красилен и, нате вам, во дворе точно – притулился кургузый самолетик, весь в черных сердечках. Все было у самолетика на месте: и серебристый двулопастный винт, и открытая кабина на одного человека, словом, нормальный одноместный прогулочный моноплан пиковой масти. Никаких пулеметов,

конечно, не было. А двор был захламлен до чрезвычайности. И стружка, и мотки проволоки, и какие-то уголки и швеллеры, и еще черт знает что. Короче говоря, сразу было понятно, что агрегат сей крылатый строился непосредственно здесь, во дворе теткингого дома. Можно было заметить, что и краска-то на самолетике еще не подсохла.

– Та-ак, – сказал сердитый товарищ в шляпе, сурово оглядывая двор и подходя к самолету. – Это что же такое?

Вопрос был на редкость дурацкий, и Красилин решил смолчать.

– Это, стал быть, самолет, – задумчиво ответил сам себе представитель исполкома, осторожно трогая дюралевого винт.

Милиция и авиация обступила самолет кругом и в изумлении таращила глаза. Красилин теребил полу черного, в краске, халата и соображал, чем ему грозит приезд такой солидной комиссии. Часть комиссии, состоящая из летчиков и милиционеров, стала бурно спорить о сомнительных летных качествах и внешнем виде несчастного летательного аппарата, а один из наиболее резвых молодых людей даже взобрался в кабину и оттуда яростно кричал:

– Не взлетит! Керогаз!

Представители внутренних органов в красных погонах, однако, были на стороне конструктора. Они сошлись во мнении, что самолет обязательно взлетит, но немедленно разобьется. Только сердитый представитель муниципалитета и злосчастный конструктор не принимали участия в спонтанно возникшем споре и изучающе косились друг на друга. Лишь когда дискуссия приняла слишком крутой характер и перешла на личности, и послышались угрозы засадить кого-то на пятнадцать суток, исполкомовец очнулся от раздумий и встрял в спор:

– Товарищи... та-ва-ри-щи! Успокойтесь, Христа ради! Успокойтесь! Мы не за этим сюда приехали, вам здесь не ВДНХ. Вам здесь самовольное изготовление летающего объекта! И надобно нам решить, как нам, стало быть, поступить в данной конкретной ситуации. Это что же получается? Бери, значит, каждый и строй себе самолет? – Сердитый товарищ от волнения аж шляпу с себя сорвал и, блестя розовой лысиной на ласковом солнышке, продолжал ораторствовать. – Мы так до чего дойти можем? Взбредет кому-нибудь в голову ракету построить или пароход и что же? Строй на здоровье? – Лысый представитель власти впился взглядом в Красилина. Красилин немедленно изобразил на физиономии печаль и угрызение совести. А лысый, держа шляпу на отлете, соображал, что бы ему еще такое сказать, но без привычной бумажки под носом это было сделать практически невозможно. Он только делал зверские глаза незадачливому конструктору и помахивал шляпой из стороны в сторону. Красилин был готов сквозь землю провалиться. Милиция тоже заерзала. Из шекотливого положения всех вывел угрюмый утвердительный бас:

– Мощи не хватит. Хрен он взлетит. Вся публика вздрогнула и обернулась к самолету. Из-под пикового моноплана кряхтя вылезла заросшая щетиной личность в клетчатом пиджаке на голое тело. Личность гордо окинула собравшихся победоносным взглядом, смачно сплюнула под колесо «летающего объекта» сунула руки в карманы и изрекла:

– Не взлетит. На литру спорю.

Когда этот любитель споров пробрался к самолету, никто не видел.

– Хо, да это Кузьмич, – узнала личность авиация и развеселилась. – Механик пассажирского.

Кузьмич снисходительно улыбнулся и подошел к Красилину, не вынимая рук из отвисших карманов.

– На литру. Спорю. Хучь помри, не взлетит. Красилин обалдело переводил взгляд с Кузьмича на самолет, с самолета на лысого с беспомощно повисшей шляпой и не знал, как реагировать на все происходящее.

– Та-аваришч! Не мешайте! Не видите, здесь совещание, а вы со своей литрой, что б вас...

Исполкомовский уполномоченный вновь обрел дар речи и возмущенно нахлобучил шляпу на голову. Два бравых сержанта немедленно вытолкали механика со двора и прикрыли ворота, из-за которых еще некоторое время доносилось то «литра», то «не взлетит». А во дворе опять начался галдеж, быстро, впрочем, прекратившийся с помощью сердитого уполномоченного. Он собрался, было продолжить обличительную речь, состоящую из риторических вопросов, но передумал. Еще раз, сурово оглядев самолет и его конструктора, уполномоченный выразительно крикнул и многозначительно произнес «угу». После «угу» он резко развернулся и печатным шагом покинул двор теткиного дома, заваленный стружкой и разной дребеденью. Вслед за ним двор покинула милиция, последними высыпали представители небесной профессии, причем каждый из них доброжелательно похлопал Красилина по обмякшему плечу.

Делегация быстро расселась по машинам и, грохоча и дымя, исчезла за поворотом, разогнав по всей улице курей.

Красилин стоял ни жив ни мертв и не знал, чего и думать. Из задумчивого состояния его вывел серьезный бас:

– Ну, хошь, не на литр, на поллитру спорим?

Красилин как-то странно посмотрел на механика и исчез за воротами, надежно заперев их изнутри.

Что делал Красилин за воротами, трудно сказать, но что делалось в исполкоме, можно сказать с полной уверенностью. После непродолжительного, но бурного обсуждения было решено, что, так как самолет не представляет никакой угрозы для населения, и сам факт его изготовления криминала не несет, то оставить тов. Красилина в покое, ни во что не вмешиваться и даже, более того, оказать посильное содействие развитию научно-технического творчества населения, ибо тов. Красилин как раз и является неотъемлемой частью этого самого населения, а строительство самолета не что иное, как-то самое научно-техническое творчество. Так что все обошлось как нельзя лучше для обеих сторон. А посильное содействие развитию научно-технического творчества выразилось в том, что Григорий был вынужден прочитать лекцию во дворце пионеров на тему: «Индивидуальное самолетостроение в свете новых решений партии. Перспективы развития».

Но «перспективы развития» самолетостроения в городе Курьине не получило. Прав оказался механик пассажирского Кузьмич – мощи не хватило. Самолетик километра четыре пропылил по проселочной дороге, слегка отрываясь от кочек, но дальше этого страстного желания воспарить дело не пошло. Григорий плюнул и отказался от второй и третьей попытки, чем несказанно огорчил присутствующую на испытаниях публику в лице Димки-соседа, который неизвестно коим образом узнал о дне испытания. Димка как мог успокоил опечаленного конструктора, напомнив о неудачах Курочкина и Туполева, и посоветовал переделать самолет в аэросани, не подозревая, конечно, к чему это в конце

концов приведет.

Пропьянствовав с горя неделю, Григорий принял Димкину идею на вооружение и с энтузиазмом принял ее осуществлять. На этот раз с компаньоном, который и подал идею азросаней. По причине своего постоянного безработного состояния делать Димке все равно было абсолютно нечего, так что он с утра до вечера пропадал с Красиленным на его даче. Так как дело было в разгаре лета, азросани решили делать на колесном ходу. Отпуск у Григория закончился, и теперь он мог работать над своим детищем только по вечерам, но Димка оказался на редкость понятливым балбесом и, как выяснилось, разбирался не только в рок-н-ролле. И меньше чем в две недели азросани на колесах были готовы к испытанию.

Димка вдохновенно докрашивал каркас в ядовито-красный цвет, а по левому борту Красилин лично вывел голубой краской имя детища – «Агрессия». Имя азросаням вымучивали два вечера и, наконец, из трех, не менее броских, остановились на последнем. В числе претендентов были «Каюк» и «Нельсон Мандела», но первое не пошло сразу – и Красилин, и Димка были людьми суеверными, а второе отрунули после безуспешных попыток связать Южно-Африканскую республику с городом Курьиным и пуще того с азросанями. А посему оставили имя женское и напористое.

Эх, Григорий Емельянович! Товарищ Красилин! Говорил вам Димка: «Поставьте защитную сетку на винт», не послушались... не терпелось неудачнику-конструктору поскорее испытать ходовые качества «Агрессии» и хоть этим удовлетворить свои амбиции. Поторопился немного Григорий и с того самого дня испытаний азросаней и по сей день самой мудрой поговоркой русского народа считает «Поспешишь – людей насмешишь» равно как «Спешка полезна только при ловле блох».

Полигоном для испытаний колесных азросаней выбрали все ту же пыльную проселочную дорогу, соединяющую город Курьин с совхозом «Заре навстречу». И вот на рассвете, в 4.45 по курьинскому времени, когда и predisполкома, и начальник милиции товарищ Братушкин еще почивали и видели во снах свой город побратимом Сан-Паулу, на проселочную автостраду Курьин – «Заре навстречу» выкатилась ядовито-красная «Агрессия», влекомая генеральным конструктором Григорием Красиленным и его соавтором Димкой. «Агрессию» выкатили на исходную, разбили о борт бутылку самогонки и, перекрестившись на загоравшуюся зарю, попытались ее завести. Григорий, сидя в кресле пилота, манипулировал рычажками и кнопками, а Димка пытался сдвинуть с места метровый дюралевый винт.

Матерился каждый про себя и материл, кстати говоря, друг друга. Через двадцать минут упорных трудов Григорий проорал почему-то на немецком «Абгемахт!» и выбрался из кресла водителя. Далее события развивались с ужасающей быстротой. Димка в очередной раз крутанул винт и отскочил в сторону. Мотор два раза кудахнул и неожиданно взревел, как «ИЛ-62» на взлете. Винт, словно раздумывая, вначале медленно, потом все резвее и резвее закрутился и слился в один сверкающий диск. Григорий от неожиданности остановился как вкопанный и раскрыл рот. «Агрессия» тряслась как в лихорадке, Димка, отплевываясь от пыли, что-то кричал Красилену и медленно пятился от азросаней. Он, видимо, тоже не ожидал такой прыти от собственного детища и, закрывая ладонями уши, не переставал что-то кричать генеральному конструктору. Красилин никак не реагировал на происходящее и словно загипнотизированный смотрел на сверкающий диск на корме «Агрессии». И тут случилось то непонятное, что и привело конструктора

на больничную койку. Аэросани вдруг, взревев еще сильнее прежнего, мелко-мелко задрожали и начали сами собой разворачиваться, подняв целый силикатно-пылевой смерч. Удар каркаса пришелся Красилину по ногам, и уже ровным счетом ничего нельзя было понять, что там творилось в этой пыли. Димка впоследствии уверял, что слышал истошный, нечеловеческий вопль и, якобы, над дорогой долго кружил, будто бабочка, задний карман красилинских штанов. Не знаю, не знаю, может быть, и кружил, но то, что Григорию начисто срезало винтом «Агрессии» все то, что выступало ниже спины – это точно. Сам узнавал у Знаменитого хирурга. А «Агрессия», вполне оправдав свое имя, сорвав тормозные колодки, умчалась по направлению «Заре навстречу» и сгинула где-то в бескрайних пшеничных полях...

Весть о неудачных испытаниях мигом разнеслась по Курьину, и в травматологическое отделение городской больницы потянулись любопытные и сочувствующие. Первых было несравненно больше, что, собственно, и не удивительно. Даже выдавшие виды врачи не переставали поражаться травме Григория Красилина и только печально вздыхали, изучая, как ловко и гладко дюралевым винтом срезало пострадавшему большую часть ягодиц. Главный врач после осмотра высказался на тот счет, что скальпелем вышло бы намного хуже. А Димка, дежуривший возле постели конструктора, распластанного, как лягушка, на животе, успокаивал его глубокомысленными замечаниями типа: «Хорошо, что с переду не резануло» или «Были бы кости, мясо нарастет». Директор театра Василий Васко де Нант последним узнал о том, что его светотехника покалечило, а узнав как покалечило, призадумался и минуты через две глубокомысленно произнес:

– А как же, извините, он штаны носить будет? На чем они, простите, у него держаться будут?

Механик пассажирского Кузьмич выразился как всегда прямо и безапелляционно:

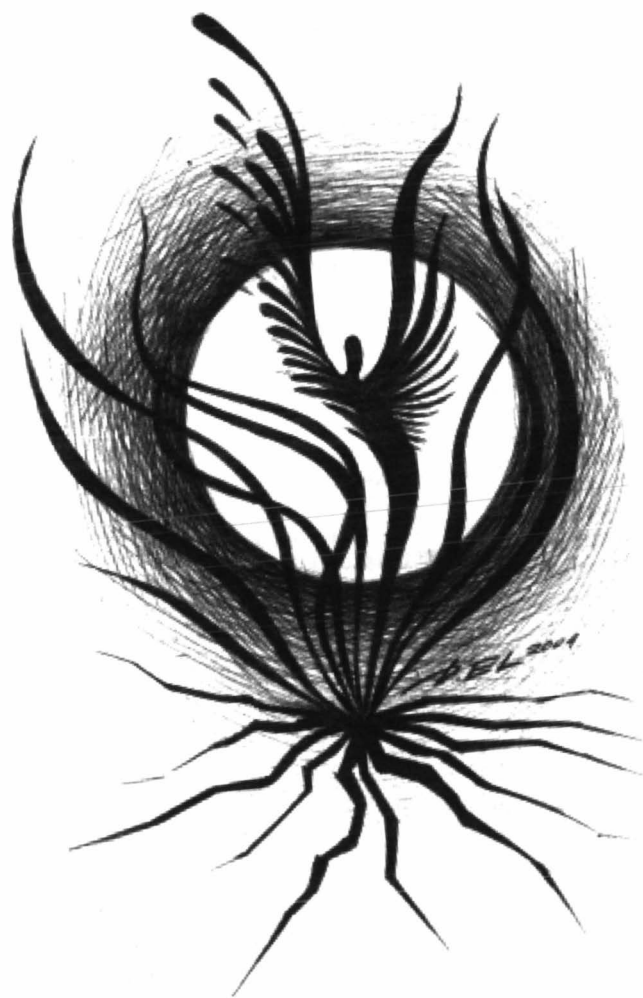
– Ты не баба, тебе задница вовсе ни к чему. Но, в конце концов, все на свете проходит, и все забывается, и Курьин потихоньку успокоился, и зажил обычной тихой, провинциальной жизнью. И сейчас редко кто вспомнит эту трагикомическую историю, разве что приезжему преподнесут ее как местный анекдот. И приезжий, конечно, не поверит, потому что все приезжающие в город Курьин – люди семейные, лысые и с язвой желудка.

3.

За стеной, у Димки-меломана певец Кузьмин под гитарный перебор обещал теперь кому-то, что забудет его голос и нежный взгляд, что постоянно проникает в душу. На часах было 9.15, и Красилин, сунув всю наличность в карман, вышел из дома.

Утро занималось на редкость солнечное и свежее, но на душе у Григория было пасмурно и тускло. Тоска не проходила. И шагая к пивной «Золотой улей» и шуруша опавшими листьями, Григорий размышлял о том, почему это пиво в Курьине всегда разбавленное.

г. Димитровград-1990

ЧАСТЬ 3

*В зеленых искрах нежных
глаз купаюсь.*

Я пил твое дыханье с влажных губ,
В зеленых искрах нежных глаз купаясь.
Мы встретили друг друга как судьбу,
И в тот же день друг друга потеряли.
Душу в себе напрасно боль и стон,
Примеривая безразличья маску.
Спасибо, милая, за этот летний сон,
За грустную, коротенькую сказку.

20.06.87.

О, как мне хочется обнять тебя, малыш,
И верить в счастье и забыть о боли,
Люблю тебя, хоть ты и говоришь,
Что все это заученные роли,
Не буду говорить красивых фраз,
Не буду клясться и просить награды,
Мне ничего, любимая, не надо,
Лишь окунуться в зелень милых глаз.
Люблю тебя, люблю до иступленья,
В ночи шепчу: приходи ко мне, приходи.
Своею лаской беды отведи,
И подари минутное забвенье.
Но ночь глуха и улицы в снегу,
Вино допито. Пустота и скука,
Любить тебя и ждать такая мука,
Но не любить я просто не могу.

Я б не резал вен, и не пил бы гниль,
Не желал бы лихой судьбы,
Целовал бы твоих сапожек пыль,
Если б только хотела ты.
И беда бы не знала пути в твой дом

Не в первой на себя все брать,
Только снег и ночь за моим окном,
И от этого не сбежать.
Фонари заснут под ночной звездой.
Спи и ты, бог храни тебя,
Небеса хранят твой ночной покой,
Навсегда забыв про меня.
И не надо клясть, ни к чему они,
И звезда сгорит без следа,
И февральских ночных поездов огни,
Унесло в туман навсегда.

15. 02. 88.

Милая моя, моя нежная,
С взглядом бездонным как ночь,
Вспомни то утро заснеженное,
И не гони меня прочь.
Время залечит потери,
Девичья память слаба,
И не откроются двери,
И не найдутся слова.
Милая моя, моя чуткая,
Кто же из нас был не прав?
Снег расцветал незабудками
Их у любви своровав,
Я незабудками синими
Плачу в ладони тебе,
Все мы бывали сильными,
Не покоряясь судьбе.
Милая моя, моя хрупкая,
Прости и прощай, не вини,
Я в сердце заблудшем баюкаю
С тобой проведенные дни...

Расплавленное солнце в голубых глазах,
Омытое недавними слезами,
И улетучившийся в поднебесье страх,
Прикинувшийся облаками.
И пыль, и посеревший тротуар,
И слов совсем ненужных мешанина,
И губ твоих немыслимый пожар,
И глаз твоих бездонная трясина.
И радость встреч и легкость расставаний,
Без глупых охов и без суеты,
И хрупкий символ нашего свиданья –
Прохладные, прозрачные цветы.
Я подарю тебе цветок на память,
Пусть будет память, как цветок, хрупка;
Нежна, как наш далекий первый танец,
И, как последний поцелуй, горька.

1982

Вот и все, зима за окном,
Снег украл цвета и цветы,
Отложу дела на потом,
Отложу дела и мечты.
Не вернуть ни часа, ни дня,
Не вернуть ни губ и ни рук,
Что такое дым без огня?
Что такое радость без мук?
Пусть тебя ласкает другой,
Значит, я не стою того,
Купленный в рассрочку покой
Не спасал еще никого.
За измену купленный рай
Не дарил ни яблок, ни Ев,
Как не дарит счастья сарай
Даже с самым милым из всех.

Ах, зима, укрой от забот,
Защити морозной стеной,
Преврати в расколотый лед,
Все, что было с ней и со мной,
Вот и все. А верю с трудом,
Вот и все. Ни смеха, ни слез,
Вот и все. Зима за окном,
Пустота, туман и мороз.

13.05.87.

Оболящай же меня, оболящай,
Улыбайся по-детски открыто,
Обижайся и снова прощай,
Все напомни, что мною забыто.

Смех пустой и пустые слова,
Комплименты с густой бородою...
Ты, наверное, в чем-то права...
Я, наверное, больше не стою...

1983

Я памяти своей порезал вены,
Залив слезами тлеющий костер.
Я шел к расплате этой постепенно
Неся по жизни твой немой укор.
Прости и будь вовек благословенна,
Твой сын, в конце концов, не так уж плох.
Мы позабудем ссоры постепенно,
И пустоту обидных, мелких слов.

Снова вечер дневные заботы украл,
Снова ветер и старый, промокший вокзал,
Снова осень, продрогший кленовый листок,
И вагон, уходящий на Дальний Восток.
Не моли, не проси, не грози. Все прошло,
Мы устали, к чему суета? Посидим.
Извини, дорогая, мне так тяжело,
Так давай помолчим и друг другу простим,
Лишь бы вовремя руки друг другу подать,
Лишь бы вовремя чутче и ласковей стать,
На любовь не грешить и себя не винить,
Этот ветер и вечер в себе сохранить.
Все пройдет как проходит, растает в годах,
Только нежность твою я навек сохраню,
Буду помнить улыбку на милых губах,
В час любой и в любом самом дальнем краю.

15. 10. 85.

Вариации на тему осени.

Соло.

Добропорядочные граждане, выслушав смутные предсказания синоптиков на следующий день, с кряхтением отвернулись от погасших экранов «Темпов» и «Рубинов» и выразительно засопели. Ночь, выглянув из-за изуродованного заводскими трубами горизонта, облегченно вздохнула и тихо вошла в город.

Город был чистенький и провинциальный, с двумя трамвайными линиями, речушкой с асфальтовыми берегами и памятником Кирову на центральной площади. И трамвайные линии, и речка, и Киров утопали в кустах сирени и акаций.

Ночь, проглотив остатки красного заката, побрела по уснувшим улицам, заглядывая в окна домов и из озорства заывая в пыльных, пустых чердаках.

– Меня всегда ждут, – думала Ночь, – Кто-то с нетерпением кто-то с надеждой, кто-то со страхом. Эти кто-то мне не нужны, а я им всегда, – думала высокомерная Ночь, вглядываясь в черные витрины магазинчиков, где неколебимыми, вечными пирамидами высились банки минтая. Ночь подумала и кокетливо воткнула золотой гребешок месяца в пышную прическу из тяжелых гроздовых облаков и рассыпала по ним голубые и белые звезды.

Дуэт.

Он и Она любили друг друга. И поэтому расставались навсегда.

– Ты красива как осень, – сказал Он.

– Ты ласков как весенний ветер, – прошептала Она.

И то и другое было правдой. И не их вина, что один любил осень, а другая любила весну.

Они знали, что не смогут друг без друга. И расставались навсегда. Если вы думаете, что это нелепо, ошибаетесь. Оглянитесь вокруг и вы поймете, что это бывает сплошь и рядом.

Он был поэтом... он был хорошим поэтом и поэтом жил в замурзанной коммуналке, очень редко получал гроши от редакций и уже с утра от него пахло водкой.

Она была... она была просто красивой женщиной. Даже умной. А это уже немало.

Они уже час молча смотрели друг на друга. По щекам у нее текли черные от туши слезы. Он до хруста зубов сжимал челюсти.

– Я буду помнить тебя всю жизнь, – прошептала Она и уткнулась лицом ему в грудь, оставив на белой рубашке мокрое, черное пятно.

– Я знаю, – сказал Он и неизвестно чему улыбнулся.

Любопытная Ночь, затаив дыхание, смотрела на них из-за крыши дома.

– Прощай, – прошептала Она.

– До встречи, – сказал Он и почему-то посмотрел на грозовое небо, прежде чем навсегда уйти от той, которую любил больше всего на свете.

Бронзовый Киров, сдвинув брови к переносице, осуждающе взирал на тихий, провинциальный городок.

Трио.

В полутемной комнате стоял невыносимый чад от табака и тошнотворный запах дешевого портвейна. За окном была Ночь. И казалось, что больше не было ничего.

На низеньком столе безобразной грудой теснились пустые, недопитые и совсем не тронутые бутылки пива. В мокрую от пролитого пива полировку вгрызлись изуродованные окурки сигарет.

Он не подвижно сидел в кресле и уже в девятый раз на протяжении часа повторял одну и ту же фразу:

– О, Господи...

На подлокотнике кресла, ощерив клыки зазубрин, лежала раскрытая, ржавая бритва.

В углу комнаты как-то боком стоял пыльный, пустой аквариум, в котором красной жабой распластался телефон.

Телефон молчал. Он был мертв. А за окном была Ночь. И в окно корявыми пальцами веток тихонько скребся тополь.

А Ночь скулила и назойливо шептала о чем-то навсегда потерянном.

Ему так хотелось верить в чудо! Но Он больше не мог. Он с трудом поднялся из кресла и подошел к окну. С улицы огромными черными глазами на него смотрела и тихо плакала Ночь.

Вдруг ожил и нервно задребезжал телефон в пустом, пыльном аквариуме. Холод пробежал по спине человека. Он подошел к аквариуму и поднял трубку. В трубке было слышно, как капли дождя шуршат о мертвую осеннюю листву.

И больше ничего. Он с хрустом вырвал из брюха телефона шнур и швырнул трубку в окно. Окно разбилось и осколки мокрого стекла засыпали подоконник, по которому, быстро семена, бежал малиновый таракан.

Ночь неслышно вползла в комнату.

Он, в который уже раз прошептал, – О, Господи, – и подошел к креслу, на подлокотнике которого лежала раскрытая ржавая, вся в зазубринах бритва...

Она, догола раздетая, лежала в необъятной, душной постели. Ее гладкое, гибкое тело хотело любимых рук, ее губы шептали одно и то же имя, которое было трудно разобрать.

В изголовье, на стене, оклеенной синими, холодными обоями, сиротливо светил маленький ночничок в виде лотоса...

Лотос судорожно дрожащим светом лизал маленькую, уютную комнату с квадратным, черным окном, за которым пряталась тихо смеющаяся Ночь.

Букет неправдоподобно белых махровых астр сиротливо жался к оконному стеклу.

Ночь, развеселившись, хлестала северным ветром по трамвайным проводам и сбивала с притихших почерневших деревьев последние листья. Листья уносило вдаль по пустым улицам, засыпало ими балконы, на которых сиротливо стояли или дедовский самовар или трехногий, облезлый стул, выставленный за ненадобностью.

Она встала с постели, решительно подошла к зеркалу во всю стену и ударила кулаком по выключателю. Ночь, испуганно ойкнув, отпрыгнула за окно.

В зеркале отразилась красавица с заплаканными глазами и разбухшими от желания грудями. Она провела точеной ладошкой по гладкому, твердому животу, шелкнула намянутой пальцем по ярко-красному соску и улыбнулась. Да, спору нет, она восхитительна. Ночь от черной зависти шарахнула открытой форточкой и швырнула в

комнату горсть бурых, холодных листьев.

Голая красавица захохотала. Да, ее будут любить, ее будут хотеть самые шикарные мужчины. Будут бросать из-за нее жен и детей, разбивать свои машины и крушить чужие челюсти. «Да будет так!» – прошептала красавица.

Ночь криво усмехнулась, заглянула в другой дом на другой улице, где в липкой луже крови, среди бутылок пива, по-детски подогнув под себя колени, лежал Он, вздохнула и медленно побрела на Запад.

Любимая и единственная.

1.

«К восьмилетнему возрасту образ идеальной второй половины уже сформирован в нашем сознании».

Джойс Бразерс, сексолог, «Истоки любви».

Я убедился, что искать какого-то смысла, какого-то объяснения тому, что продельывает с нами, с нашими жизнями, с нашими судьбами Всевышний – занятие бесполезное и даже вредное. Толку всё равно никакого, а здоровью – ущерб. И эта ваша «личная жизнь», она, конечно, ваша, но ведь вам кажется, признайтесь, что есть в ней оттенок чего-то временного, экспериментального. И разве не обидно, что сотни женщин и мужчин, которых вы могли бы любить, которые могли бы любить вас, живут за тысячи километров, даже не предполагая о вашем существовании? И как-то, заметьте, не успокаивает расхожая поговорка, что искал, мол, счастья за тридевять земель, а оно под носом ходит. Ну, несколько не успокаивает, равно как и «от добра добра не ищут» и «на чужом горе счастья не построишь». Короче говоря, люди думающие могут эдак дойти до малопривлекательной констатации факта, что это не они управляют процессом собственной жизни, а процесс управляет ими самими, а дурнее этого придумать что-нибудь довольно сложно...

Вот такие или примерно такие мысли беспорядочно и назойливо роились в голове Андрея Сереброва, ворочавшегося в постели в два часа ночи, в пустой тёмной квартире. В ванной из расхлябанного крана капала вода, в оконные щели задувал северный ветер, в соседней комнате скрипели половицы – это в тоске бродил неприкаянный домовой, не знающий, чем можно помочь своему хозяину и товарищу по одиночеству.

Ещё раз тяжело вздохнув, Андрей сбросил с себя одеяло и решительно поднялся.

– Чёрт знает что такое! – в сердцах выругался он. – Ещё и полнолуние это, дьявол его дер!

Поймав ногами тапочки, он, как был в плавках и тяжёлом серебряном нательном кресте, прошёл к крошечному диванчику и брякнулся перед монитором компьютера. Он положил дрожащие руки на клавиатуру, бездумно посидел минуту-другую и, опять чертыхнувшись, прошлепал на кухню, чтобы сделать себе большую чашку «Максвелл Хаус». Поставив чайник на газ, Андрей закурил и подошел к окну, за которым уже третьи сутки сыпал липкий, тяжелый снег. Молочное небо висело над самыми деревьями и цеплялось за крыши соседних пятиэтажек. Термометр показывал минус один ниже нуля.

– Нет, это не январь, – покачал он стриженной головой, помешивая кофе. – Когда я был в седьмом классе, на улицах в январе не разгуливали нараспашку, без шапок и в кроссовках. Разве что в спортивных лагерях.

Андрей отхлебнул из чашки и глубоко затянулся сигаретой. Он вспомнил свой последний пионерский лагерь. Озеро, сосновый лес, комары, размером с майского жука, земляника и первая любовь, первая страсть к женщине. Ее звали Олей. Вожатая первого отряда Ольга Владимировна. Было ей тогда девятнадцать лет: «Страшно подумать – целых девятнадцать». Он был еще сопливым школьником, еще не вступившим в комсомол, а она уже училась на третьем курсе педагогического института! Было о чем грустить и

предаваться бесплодным эротическим фантазиям короткими, жгучими июльскими ночами. Ах, Оленька... Ольга Владимировна. С такой чудесной фамилией – Цветкова! Вы и сама, Оленька, были, как цветок, как душистый полевой цветок, обласканный летним солнцем и бессовестным южным ветром. Цветок, которым можно любоваться всю жизнь и, лаская нежные, хрупкие лепестки, удивляться, что природа смогла создать такое очарование.

– Оленька, – прошептал Андрей и с чашкой кофе и пачкой «БТ» вернулся в комнатушку, большую часть которой занимал компьютерный стол с двадцатидюймовым монитором «Самсунг».

Диванчик во второй раз предсмертно пискнул под восьмидесятикилограммовым телом бывшего офицера белорусского спецназа «Алмаз», бывшего журналиста-международника, бывшего студента МГУ и уж совсем бывшего пионера, влюбленного в пионервожатую Цветкову. Андрей покосился на черный берет, висевший над монитором, и мрачно помассировал уродливый шрам, пересекающий правую бровь. Н-да, он уже далеко не тот «золотой мальчик», как окрестили его в пионерском лагере за поразительное сходство с заглавным героем одноименного мультфильма, который беспрерывно крутили по всем кинотеатрам СССР.

Андрей рассмеялся и шелкун прокуренным пальцем по клавиатуре. Он не позволял себе слишком далеко уходить в прошлое, он был для этого чересчур сентиментальным, за что его, в общем-то, и поперли из «Алмаза». По-честному, это его несказанно удивило, наградив и даже выделив неизвестно из каких фондов двухкомнатную квартиру в городе также далеко от Минска, как Минск от тех мест, где Андрею приходилось выполнять специальные операции на благо... Серебров старался не задумываться, на благо кому был, скажем, подрыв газораспределительной станции в зачуханном городишке Диярбакыр, в одной из не очень дружественных мусульманских стран. Слава Богу, теперь ему не морочили голову геополитическими интересами Союза России и Беларуси, не заставляли изучать тонкости исламского вероисповедания и зубрить фарси, турецкий и пушту. Теперь Андрей мог спокойно валяться на грязных волжских пляжах и почти благоговейно слушать «оканье» и «яканье» и вспоминать, что им там в университете толковывали о средневожских говорах и диалектах. Возвращение на родину для Сереброва всегда было знаковым, что-нибудь обязательно круто менялось в его жизни, – можно было даже Кашпировскому не звонить. Андрей ждал. Ждал уже второй месяц.

Допив кофе и закулив очередную сигарету, он осмелился наконец посмотреть на монитор, и повторилось всё как всегда. Гормонам в организме экс-журналиста словно дали пинка под зад, и они с рёвом и стоном (видимо, от этого в такие моменты у Андрея шумело в ушах) обрушились на клетки, нейроны, молекулы и прочую мелочь, из которой состоит человек. Этот визуально-гормональный обвал, как называл данное явление сам Серебров, заставлял Андрея задыхаться и потеть липким, холодным дождем.

Через несколько минут гормоны успокоились, и Андрей расслабился, чувствуя себя пятикопеечной монетой на рельсах, по которой только что прогрохотал товарняк в шестьдесят вагонов. Все еще дрожащими руками он достал из-под клавиатуры коллективное фото группы взрослеющих сопляков и соплюшек в пионерских галстуках, собравшихся вокруг молоденькой, но уже взрослой и еще невинно красивой девушки с русыми локонами и обезоруживающей улыбкой. На ней тоже был пионерский галстук, повязанный поверх белоснежной блузки, туго обтягивающей полные груди и спортивную талию. Созревшая, обольстительная женщина, играющая в семиклассницу... Оленька Цветкова

Андрей отложил потрескавшуюся фотографию с надписью поверх соснового бора: «Пионерский лагерь «Березка» и перевёл взгляд на монитор. На экране

русоволосая обнаженная красавица с запрокинутыми за голову руками стояла на пустом песчаном пляже и в упор смотрела на Сереброва, чуть прищурив глаза и призывно улыбаясь. Всякие сомнения отпадали сразу – это была Ольга. Все та же Оленька, только уже тридцатилетняя женщина-наркотик, женщина-дурман. Безмятежное личико студентки третьего курса пединститута со старой фотографии Андрей, конечно, состарил сообразно теперешнему возрасту любимой (спеучебные курсы в «Алмазе» все-таки пригодились), а тело подбирал целых четверо суток, выкачивая с помощью Интернета бесчисленные изображения порнозвезд и секс-бомб из шведских журналов. Тело было идеальным. Идеальным – в смысле идеально похожим на Ольгино, хотя всех тонкостей он не помнил, что неудивительно, учитывая прошедшие пятнадцать лет. Но он помнил её неправдоподобно стройные, спортивные ножки с почти незаметными, прозрачными волосками, вспыхивающими на солнце размытыми тенями кристаллов горного хрусталя. Это сводило с ума... и ещё он помнил её грудь, сильные гладкие бедра, фиалковый запах волос...

2.

«Любовь является основным критерием, определяющим смысл человеческой жизни. Это подлинная ценность человека как такового и конечная цель человеческого существования».
Макс Шелер, «Философская антропология».

Из личного дневника Ольги Цветковой, 19.06.84г.

«Берёзка», 1 ч. 20 мин.

«...И вот наконец-то в лагере всё стихло. Невероятно громко квакают лягушки на озере и ухают совы где-то в лесу. И если б не комары, то все это так похоже на рай. Наш, русский рай, наш советский Эдем. У меня есть даже свой «Адам» – очень красивый, милый, сероглазый «золотой мальчик». Я пока не дала ему отведать яблочка с запретного дерева, очень не хочется, чтобы нас с ним раньше положенного срока выгнали из рая. Но, по-моему, он уже готов попробовать. О, Господи! О чем я думаю?! А интересно, о чем сейчас думает он? Не о линейках же и речёвках? Не может же паренек, прочитавший почти всего Ремарка и всего Есенина, не понимать, что не так просто «строгая жоатая» (очень мне нравится эта роль) крутит перед ним своими прелестями и допоздна засиживается с ним, делая отрядную стенгазету? А какая у него гладкая, нежная кожа... прямо как у девочки! Наверное, пора тебе признаться, дорогая Оленька, что ты по уши втрескалась в Андрюшеньку и он младше на пять лет! У него, наверное, ничего и не было ни с одной девочкой.

А как он смотрит на меня! У меня до сих пор дрожь во всём теле и такая истома... нет, Цветкова, нужно что-то делать со всем этим. Очень скоро его все равно кто-нибудь совратит, уж пусть лучше это буду я. Спокойной мне ночи, и пусть мне приснится мое «сероглазое чудо»...

22.06.84 г. «Берёзка». 12 ч. 15 мин.

«... Вчера я случайно (не ври, не ври, совсем не случайно) во время купания на озере коснулась его своей грудью. Боже, наверное, я все-таки больна, так не может быть, так просто не бывает! Между нами будто электрический разряд пробежал в тысячу

вольт ... он смотрел, нет, мы смотрели друг другу в глаза около минуты, и он все понял, он все-все понял. За эту одну единственную минутку он как будто выпил меня до дна Два тревожных серых омута – его глаза и, похоже, я в них утонула, я в них утонула и нисколько не хочу выплывать на поверхность. Ну почему он такой молоденький! Почему он не учится в моём институте?! Почему в жизни всё так кувыркот?..

Я не писала Алешке уже полторы недели. И не хочется. Все мысли об этом мальчишке, возле которого постоянно увиваются рано созревшие девочки!.. Вот я и ревную. Поздравляю, Цветкова. Если кто-нибудь найдёт и прочитает этот дневник, меня с треском попрут из комсомола и из института и отправят в психушку. Это же чистой воды аморалка!.. Какой же ты подлый, Серебров! На что ты толкаешь спортсменку и активистку? Зачем ты приехал в этот лагерь? Почему именно во вторую смену?.. Любимый, любимый, желанный мой мальчик, счастье моё, никому не отдам тебя. Ох, полетела к чёрту вся «Педагогика» и «Психология»...

25.06.84 г. «Берёзка», 4 ч. 35 мин.

«...Это произошло! Это случилось! Жалею ли я об этом? Да никогда! Единственное, о чем я жалею – что пришлось отпустить его так рано, что в лагере так много любопытных, ехидных глаз, с нетерпением ждущих какого-нибудь скандала... Боже, как дрожат руки! На них ещё не остыли его поцелуи... а вообще, я, наверное, сейчас похожа на довольную, умиротворенную змеюку, переваривающую какую-то вкуснятину. И как-то, честное слово, плевать и на директора лагеря, постоянно заглядывающего мне под юбку, и на старшую пионервожатую, мечтающую залезть директору в штаны, – на всё плевать с самой высокой колокольни... Боже, а я-то, наивная, думала, что что-то знаю о любви и сексе, о любви в сексе или... о сексе в любви? Действительно, всё познается в сравнении. Я думала, что Лешка (до сих пор не написала ему ни словечка) – настоящий мужчина, который знает, что делать с женщиной, который мне нужен, рядом с которым я уже не буду заглядываться на других и мысленно пробовать на вкус их губы... а пришёл сероглазый мальчик и одним прикосновением перевернул во мне всё, заполнил каждую мою клеточку нежностью и теплотой. Если есть на свете волшебство, то сегодняшней ночью было оно. Когда мой маленький волшебник ласкал меня (откуда он знает все эти штуки?!), я хотела только одного – раствориться в нём. Я чувствовала себя маленькой беззащитной девочкой, когда он целовал меня. Мне казалось, что это я, а не он, младше меня на пять, на десять лет! Это не волшебство? Это не магия?..»

28.06.84 г. «Березка», 2 ч. 10 мин.

«...Что же ты наделал, мой миленький, мой родной, как же я без тебя теперь жить буду? Радость моя, душа моя, никто мне теперь не нужен, ничего мне теперь не нужно. Не отпускай, не отдавай меня никому, потому что я только твоя и всегда буду только твоей, что бы там потом ни случилось. То, чего я хотела больше всего в жизни, уже случилось – я встретила тебя – свою половинку, свою кровиночку. Ты только не забудь меня, Андрюшенька, там, в своей школе, пиши мне, пиши хоть по два словечка в месяц, чтобы я знала, что помнишь еще свою «наставницу», а я буду ждать. Не бросаю меня, ласковый мой, не забывай, на коленях поползу за тобой на край света, если скажешь...»

«Мечты, которые сбываются, могут быть такими же несостоявшимися, как и те, что не сбываются».

Брет Батлер, «По колено в раю».

«Я называл ее незабудкой, – вспомнил Андрей и грустно улыбнулся, – хотя её тело, её волосы пахли фиалками, а глаза светились неземным, непонятным светом далёких сумасшедших звезд»

Он написал ей сразу, как только приехал в свой город. Ответа не было. Он терпеливо ждал. Ответа не было. Вначале Андрей проклинал неповоротливые почтово-багажные поезда и каждый день бежал из школы, словно одержимый, и первым делом бросался к почтовому ящику. Потом до его воспаленного ума дошло, что дело было не в халатности почтовых работников, и он написал ещё одно письмо, полное грусти, боли, недоумения и нежности. Ответа не было. И дело было, действительно, не в почтовых работниках.

Откуда Андрею было знать, что мать прячет от него девять, пахнущих фиалками, конвертов, на которых в строке «кому» всегда было приписано лёгким, хрупким почерком «Моему самому любимому и желанному»

Андрей и Оленька плохо разбирались в материнской психологии. В психологии Матери. Виктория Степановна была сама по себе очень хорошей женщиной и слишком хорошей матерью, она до самозабвения любила своего единственного сына, до полного самоотречения. Поэтому, обнаружив в почтовом ящике ярко-голубой конверт с посланием «самому любимому и желанному», она, не задумываясь ни на секунду, вскрыла послание и прочла его. Прочла на одном дыхании. И поняла, что сына у нее отбирают.

Отбирает чужая женщина, совратившая мальчика, её мальчика. Вместо того чтобы следить за тем, чтобы он не утонул во время купания и вовремя ложился спать, она затащила его в постель... ребёнку, которому нужно готовиться к поступлению в престижный вуз на престижный факультет, она запудрила мозги «неземной любовью» и тем, что он «единственный и любимый» для нее на всю жизнь! Девица, старше мальчика на пять лет и наверняка прошедшая огни и воды, да что она вздумала!..

Так или приблизительно так думала Виктория Степановна и решила уничтожить на корню это недоразумение. У неё это получилось. Андрей об этих «играх дьявола» узнал только на первом курсе университета, узнал во всех подробностях. Оказывается, его мать попросила кого-то из своих знакомых написать Ольге письмо от его имени. Поганенькое письмецо, клочок бумажки, который, в конце концов, и сыграл роль той самой соломинки, что сломала спину верблуду...

Андрей прекрасно помнил, как получил ответ на свой запрос о том, куда распределится Ольга Владимировна Цветкова. Деканат сообщал, что «студентка четвертого курса филологического факультета Цветкова О. В. отчислена из института 23 января 1985 года за неуспеваемость и аморальное поведение, несовместимое со званием советского студента». В тот день Серебров отправил открытку мамушке на родину с одной только фразой: «Что же ты наделала?» А потом... «Мы не считали девочек и не считали литров...», как пелось в одной блатной песенке.

Из полудремотных, почти гипнотических воспоминаний Андрея вырвал развязный звонок телефона.

– Я вас тщательно слушаю, – прохрипел в трубку Серебров. На часах было 3.21.

– В доме, где обитал художник, жили серые мыши и малиновые тараканы, – прозвучало в трубке, – И не было в мире великой перемены, которая бы изменила всё.

– Денис, хватит трепаться.

– Ну, наглец! Я среди ночи цитирую его же собственное творение, не сплю, понимаешь.

– Вот-вот, чего не спишь-то?

– А угадай.

– Да пошёл ты!

– Считаю, что уже в пути, готовь угощение и упивание. Нашел я твоего человечка, хоть и пришлось попотеть

– Врешь! – Андрей почувствовал, что задыхается, а ладони покрылись липким потом. – Рассказывай.

– Ага. Ты совсем что ли очумел, парень?.. У тебя, как у всех «бывших», небось такие микрофончики понатыканы, что те, кому надо, совершенно отчетливо слышат, как пишет какая-нибудь бабочка в Бразилии, не то, что наше с тобой перешептывание. Я сейчас заеду за тобой, и мы проедемся куда-нибудь поужинать.

– Идёт. Я уже одеваюсь.

– Слушай, Андрюх, а тебе действительно нужна эта информация? Может...

– Не может, Денис. А какие проблемы?

– У меня никаких... пока, а вот...

– Ну, чего ты тянешь?!

– Вряд ли ты обрадуешься тому, что я наскреб на твою Цветкову. Невесело все это, братишка. Боюсь, как бы твой комплекс вины рецидива не дал.

– Подчаливай, разберёмся, – сказал Серебров, стараясь, чтобы не очень дрожал голос, и повесил трубку. «Вот так. За что, как говорится, боролись, на то и напоролись... быстро Денис её высчитал, ничего не скажешь. Не зря говорил, что ежели человек жив и не закопан на глубине в сотню метров, мы его найдём... и нашли. Всего за две недели... шестнадцать лет неведения...»

В ночном баре «Стрип-Диско» по сравнению с танковым полигоном было довольно тихо. Посетителей в такой час было уже не много, но стрип-девушки отработывали свои деньги вояку, неизвестно на что надеясь. Денис с Андреем сели за карликовый столик, к которому мгновенно подплыла официантка топless и сладострастно улыбнулась.

– Два раза по сто пятьдесят «смирновки» и четыре пива! – проорал Андрей изящно наклонившейся девушке и чмокнул её в ушко. Официантка игриво вздёрнула бровки и погрозила холёным пальчиком.

– Еще лимон и пару бутербродов с чёрной икрой! – проорал Денис и выложил на столик черную, чересчур официальную папку. – Хорошо девчонки пляшут! – крикнул он Сереброву. – А вот вышибалы у дверей слишком уж увлеченно рассматривают нас!

– Хрен с ними. Показывай, что накопал.

– Не гони. Расслабься. Я, например, стриптиз только по телевизору видел...

– Музыка хорошая, – пожал плечами Андрей. – Мы под неё в десятом классе танцевали на школьных вечерах.

Девчонки на сцене демонстрировали свои достоинства под саундтрек «Би-Джиз» к фильму «Лихорадка субботнего вечера». Из лазерных вспышек возле столика возникла уже знакомая официантка с подносом, подмигнула Андрею, как родному, и выставила все заказанное, чуть ли не касаясь голой грудью трёхдневной щетины Сереброва.

– Приятно провести вечер, – прошептала она ему в ухо и лизнула проворным язычком. Когда девушка также неожиданно исчезла в лазерно-цветовом мареве, Денис расхохотался.

– Тебя возжелали, – сообщил он Андрею, замороженно смотревшему в никуда. – А ты со своей первой любовью... ладно, давай выпьем за тебя... кстати, ты которые сутки не спишь?

– Четвёртые, – мрачно сказал Серебров, закуривая.

– Ну что? Приступим? – Денис сорвал с папки крепежные резинки и внимательно посмотрел на Андрея, как обычно смотрят врачи-психиатры на потенциального клиента. – Я тебя предупредил – весёлого мало.

Значит так... ага, вот, держи фото. Здесь ей, по-моему, тридцать, и она более чем просто милашка. Такие глаза... взгляд...

Андрей выхватил из рук Дениса Одинцова черно-белое художественное фото и замер. «Нет, это не она», – было первой его мыслью. Фото было сделано явно в студии и явно неплохим мастером (уж в этом-то Серебров разбирался хорошо, имея на данный момент контракт с русской редакцией латышского эротического журнала «Без границ» в качестве фотохудожника и корреспондента), но женщина, позировавшая фотографу – это... Бог ты мой! Откуда эта развязность? Эта профессионально похотливая поза? Эта дешёвая бижутерия киллограммами, идиотский макияж?

– Не зависай. Она это, она, – проворчал Денис. – Сколько лет прошло, чего ты хотел?

– Да, – прохрипел Андрей. – Это она и... не она.

– Понимаю, – кивнул Денис, разбирая бумаги и потягивая пиво.

– Это её глаза, – прошептал Серебров. – Господи, но как она смотрит! О таком взгляде говорят, что его коснулась тень крыла ангела смерти... как же она должна меня ненавидеть...

– Или наоборот.

– В каком смысле?

– Во всех. Мне читать или куда?.. Короче, в 85-м её отчисляют за аморальное поведение из педвуза, и она уезжает из города в неизвестном направлении... так... 1987 год. Выписка из ЗАГСа Октябрьского района города Волгограда. Зарегистрирован брак г-н р-н Цветковой Ольги Владимировны, 1963 г-н р-н, с г-н р-н Левковичем Леонидом Иосифовичем 1946-го, заметим, года рождения.

– Что?!

– Неравный, надо полагать, брак. По расчету. Я попросил ребят из Управления по Волгоградской области навести справки об этом Левковиче. Занятный тип. Нумизмат, ценитель древностей, роскошная коллекция холодного оружия, приличный особняк и т.д. и т.п. Медовый месяц провели в Италии... ах, да, сын от первого брака – Левкович Андрей Леонидович, 1966 года рождения. Музыкант... спекуляция валютой... не то... ага, 1988-й год. Брак расторгнут. Истцом выступал нумизмат. Ценитель древностей недооценил чар молодой мачехи и талантов пасынка.

– Не ерничай, пожалуйста, Одинцов.

– А ты мне не изображай тут Отелло! – разозлился Денис и допил пиво. – На, бери бумаги и вали в свою конуру пускать сопли над ними! И больше ко мне ни с какими просьбами не обращайся, понял?.. Психопат.

– Ладно, – поднял руку Серебров, чувствуя себя донельзя омерзительно. – Ладно, извини... читай дальше.

Денис покачал головой и тяжело вздохнул.

– Тебе к психиатру нужно... черт!.. «Я в «Алмазе» воевал, башкой плиты разбивал»... Эй, красавица, скажи тем двум жлобам на входе, чтобы не пялились на нас, если хотят на своих ногах до дома дойти... неприлично это – так глазеть... передашь? Вот и умничка... продолжим. Волгоград. С 1988-го по 1990-й год гражданка Цветкова-Левкович Ольга Владимировна работает продавцом-оценщиком в одном из антикварных комиссионных магазинов... надо думать, связь с бывшим мужем не прекращалась. Она покупает квартиру, машину, а потом что-то происходит. Наш объект бросает и квартиру, и машину, а в 1991-м году неожиданно появляется в Вильнюсе, в то время как Левковичей, и старшего и

младшего, благополучно сажают...

— У нее что, теперь двойная фамилия? — неожиданно спросил Андрей. — Цветкова-Левкович?

— Угу, — кивнул Денис, прожевывая бутерброд. — Очень аристократично... ты пей, пей, не сиди, как архиерей на похоронах.

— Цветкова-Левкович, — как сомнамбула повторил Серебров и усмехнулся. — Что она делала в Вильнюсе?

— Работала... фотомodelью, — медленно произнёс Денис, похлопывая по папке. — В журнале. Возможно, ты слышал о нём, он издавался с 1990-го по 1995-й год. «Афродита».

Андрей поперхнулся пивом.

— В этом журнале работают не фотомodelями, а порномodelями, — тихо сказал он.

— Совершенно справедливо, — кивнул Денис. — Именно работают, потому что в 95-м журнал вовсе не закрылся, а просто сменил вывеску и стал печататься в Финляндии под названием «Венус». Сейчас это небольшая корпорация, имеющая дочерние порно-киностудии в Швеции. Журнал и фильмы распространяются в Скандинавии и Прибалтике.

— Она до сих пор...

— Нет, — резко сказал Денис. — В 1993-м году она пыталась покончить с собой. Перерезала себе вены на ногах и руках.

— Боже, — Серебров закрыл ладонями пылающее лицо.

— Её спасли. Полгода лечилась в психиатрической клинике с диагнозом: эндогенная депрессия невыясненной этиологии, истерический невроз, склонность к суициду. В июле 1994-го выписалась, получила литовское гражданство... так, так, так... вот! В июле того же года зачем-то или к кому-то приезжала в городок Сосновка...

— «Берёзка», — прошептал Андрей.

— Почему берёзка?

— В трёх километрах от этой деревни — Сосновка — и был тот самый пионерский лагерь... «Берёзка».

— А... тогда понятно.

— Мать божья! Что она пережила...

— Хватит причитать! Ты в это время тоже не плейбойствовал! В порнушниках не ты снимался! Ты в это время подпулями ползал, и две «Отваги» тебе не за траханье дали! Ты дело делал — в отличие от нее! Ты спился? На иглу сел? Мальчиком по вызову работал?.. А были вы оба, заметь, в одинаковой ситуации. Ты думал, что она тобой поиграла и «тьфу!», она думала, что ты её кинул. Короче, Андрюха, завязывай с этим своим мазохизмом, иначе я тебя сам в дурдом сдам к чёртовой матери.

— Я в спецназ пошел как раз чтобы не спиться и на иглу не сесть, чтобы СПИД не подхватить от какой-нибудь шалавы и не сдохнуть в помойной яме. У меня выбор был.

— У неё тоже выбор был, и она выбрала богатого еврея, чтоб пилося сладко и спалось крепко. У тебя что, не было богатых невест?

— Были. И кончил бы я в результате, как она — суицидом. Только наверняка, по горлу. Ты пойми, мы с ней — одно целое, мы те самые две половинки, потерявшие друг друга. Близнецы — и те не так близки, как мы с ней. Она и я. Мы должны быть вместе.

— Ну не знаю, — вздохнул Денис — Мы, конечно, университетов не кончали, Омара Хайама в подлиннике не читали... может быть, вы и две половинки одного целого, только одна из половин, извини, порядком гниловата.

— Это ты ее, конечно, имеешь в виду, — ткнул Серебров пальцем в фотографию, которую так и не вынул из рук во время всего разговора. — А ты видел мою личную медицинскую книжку? Студентам-медикам достаточно её просто прочитать и идти получать диплом с

отличием. У меня же костей непереломанных нет, связок не порванных...

– Я не о том...

– О том, о том. Мои психотесты тоже не образец душевного здоровья.

– Ну, брат, я сдаюсь, – развёл руками Одинцов. – Я думал, у тебя просто «бзик», тоска по романтическому детству...

– А я – клинический случай? – вяло улыбнулся Андрей.

– Ты – случай летальный. Ты – камикадзе. Я бы на твоём месте харакири сделал.

– Почему?

– Сейчас узнаешь. Так мне продолжать?

– Да. Только покороче, без подробностей.

– Как скажешь – пожал плечами Денис и снова раскрыл папку. – В марте 95-го она заключает контракт с финским модельным агентством «Поляр», под крышей которого издаётся всё тот же журнал «Венус», и находятся всё те же порностудии...

– Она вернулась? – Серебров не верил своим ушам.

– Они всегда возвращаются, – равнодушно сказал Денис. – Должен бы знать, сам сейчас на порножурнал работаешь... и потом, ей что с такими данными в дворники? А это... хм... деньги и не мешки ворочать.

– В марте 95-го я... – начал было Андрей.

– Знаю-знаю, в марте 95-го ты валялся в минском госпитале после очередной командировки... и не делай стеклянных глаз. В марте всё того же года ей выдана рабочая виза финским консульством, а в июле черт, опять в июле, а в июле литовская Мисс Вождение с группой прочих мисок, пардон, девушек, вылетает в Хельсинки и далее в Стокгольм. Да, забыл сказать тебе, что зимой 94-го Цветкова-Левкович приняла участие в конкурсе «Мисс Литва» и не без успеха... вот, собственно, и всё.

– Что значит – все? – очнулся Серебров.

– Это значит, что с июля 1995 по декабрь 1999 года, когда она вернулась в Вильнюс, нам о ее связях, перемещениях по миру и т.п. неизвестно. За этим, пожалуйста, в Интерпол...

Андрей чувствовал себя совершенно опустошенным. До него, словно сквозь толстый слой ваты, доносились жестко аранжированная композиция «Отель Калифорния», а голые девицы, шлифовавшие своими животами металлические стойки подиума, виделись, как сквозь матовое потрескавшееся стекло. Не было ни злости, ни ревности, ни обиды, ни презрения. Ничего не было. Сколько раз надежда найти ее, встретить случайно, объяснить всё, изменить всё, спасала его от срывов, тоски, зеленой безнадёги. Теперь надежда тихо исчезла в лазерном шоу ночного стрип-бара. Теперь у Сереброва было только одно желание. Одно-единственное и последнее – посмотреть ей в глаза, в последний раз окунуться в изумрудный омут её самых красивых в мире глаз и уйти. Навсегда. Поставить точку в их недолюбленном, недосказанном и все-таки волшебном прошлом... и уйти. Андрей понимал, что, не вернувшись хоть на секунду в это прошлое, он так и будет потихоньку сходить с ума, пока Одинцов действительно не сдаст его в дурдом или не проводит в последний путь. Нет, никогда не соединиться двум половинкам в этом мире. Видимо, кому-то так было нужно, ведь не происходит в мире ничего случайного...

– Алло, гараж!

Андрей недоуменно посмотрел на Дениса и схватился за кружку пива, как наркоман хватается за что-то действительно реальное, чувствуя, что через секунду провалится в мир, где всё получается, как ты хочешь.

– Да слушаю я тебя, слушаю, – пробормотал Серебров и бросил фотографию на столик, залитый пивом.

– Я спрашиваю тебя, что надумал? Андрей пожал плечами и, закулив, повернулся к сцене с танцовщицами. Денис невесело улыбнулся. «Парень делает вид, что контролирует себя и ситуацию, а дотронься сейчас до его плеча, с ним случится истерика».

– Что модель для своего журнала присмотрел?

На подиуме танцевали две действительно красивые и «грамотные» девушки. Многие почему-то думают, что стриптиз – это раздевание под музыку, но стриптиз – это, в первую очередь, танец и танец совсем не простой, кто понимает.

Андрей знаком подозвал официантку к столику.

– Ещё водочки? – спросила та, триумфально улыбаясь.

– Пока нет... эти две девушки...

– Они у нас новенькие, могут не понять, – многозначительно повела глазами официантка.

– Ничего не надо, – Андрей протянул девушке чёрную с золотом визитку. – Передайте им. Времени у меня в обрез, так что если захотят поработать, пусть свяжутся побыстрее. Мы хорошо платим.

– О-о, – официантка грациозно удалилась.

– Меня это радует, – сказал Денис.

– Что именно?

– Что ты вспомнил наконец о работе и перестал распускать нюни.

– Ещё не перестал. Ты остановился на 99-м, значит, она уже второй год в России.

– В Литве.

– В Литве, – согласно кивнул Серебров. И что? Что она делает в Литве?

– Не думаю, что предаётся воспоминаниям об июле 1984-го... ох-хо-хо... держи – Денис извлек из недр папки еще одно фото и бросил на стол, демонстративно отвернувшись. – На данной фотографии вы можете лицезреть счастливую пару: господин Крамер и госпожа Крамер, она же Цветкова, она же Цветкова-Левкович Ольга Владимировна. Брак зарегистрирован в Вильнюсе полтора месяца назад...

4.

***« Но в простоте твержу тебе: «Любовь». Все жду
тебя, но не приходишь ты ко мне, печальной,
как я ни просила...»***

Эрика Уонг, «Любовная магия».

Из личных записей Ольги Цветковой -Левкович (расшифровка диктофонной записи), 1994 г.

«...Да, да, да. Ничего не меняется, и все изменилось. Господи, этот полустанок он такой же, как и десять лет назад, даже скамейки, по-моему, те же самые, только тогда они были зеленые, а теперь бесцветные. ... нет никакого цвета, просто серое, потрескавшееся дерево. Наверное, такие станции никогда не меняются, они так и умирают в тоскливом одиночестве, из последних сил заглядывая в сверкающие окна скорых фирменных

поездов, которые здесь никогда не останавливаются... даже коммерческий киоск и тот закрыт. Маленькое окошечко заколочено огромными горбылями, крест на крест. Крест на крест... до поворота на дорогу, ведущую к лагерю совсем немного, совсем немного. Мне просто нужно дойти до конца этого склада, мне просто нужно дойти... не могу.

Я присела на нагретую ленивым, желтым солнцем скамейку и задала себе только один вопрос: зачем я здесь? Глупый вопрос. Я надеюсь, что встречу здесь его. Своего любимого и единственного. Вот сейчас он появится из июльского марева и скажет: «Здравствуй, любимая. Здравствуй, незабудка».

И он обнимет меня своими такими нежными, такими ласковыми руками, он осушит поцелуями мои вечные слезы. Он скажет: « Не плачь, незабудка, я же с тобой...»

Бумага совсем истерлась, но слова на ней еще можно разобрать. Да мне, впрочем, и не надо, я все помню наизусть:

« На ваш запрос от 14.04.1992г. сообщаем, что выпускник нашего университета Серебров Андрей Михайлович после прохождения военных сборов и защиты диплома отказался от работы по специальности и изъявил желание пройти службу в Вооруженных Силах (копия рапорта начальнику военной кафедры прилагается).

28.01.1993г. на имя ректора университета пришло благодарственное письмо Министерства обороны Республики Беларусь (копия текста прилагается)... примите наши соболезнования. Проректор по учебной и воспитательной работе... начальник военной кафедры... мемориальная доска боевой славы выпускников...»

Черт! Черт! Черт!.. Зачем, Андрюшенька?! За что, Андрюшенька?!... Зачем ты оставил меня одну? Мне так холодно без тебя, мне не хочется жить, зная, что тебя нет на одной планете со мной... где ты сейчас, душа моя, радость моя единственная... «министерство обороны Республики Беларусь сообщает, что выпускник вашего университета старший лейтенант Серебров А.М. погиб смертью героя при выполнении особого задания правительства... благодарим Вас... награжден... посмертно...»

...Посмертно... какие цветы сейчас шумят над твоей головушкой, золотой мой мальчик?... (перерыв в записи 6 минут). Ну, все, все, все, хватит... никогда не думала, что в человеке может уместиться столько слез, столько горя... ну, вот, макияж пропал... что вам, мужчина?

— Такая красивая женщина. Кто обидел такую лапочку? Только скажите, я ему голову оторву.

— Ему уже... он уже погиб... скажите-ка лучше, а пионерский лагерь все еще существует? Там, возле озера?

— А куда ж ему деться, красавица? Только пусто там все. То, что шпана не разрушила и не растащила, само догнивает. А зачем вам?

— Я когда-то работала в нем. Хочу посмотреть, хочу вспомнить.

— Я могу проводить.

— Вот, держи «полтинник» и иди похмеляйся, хорошо? Не мешай мне.

— Вот это дело! Вот за это спасибо! Уже исчезаю...

— Послушайте! Выпейте за упокой души убиенного Андрея, раба Божия или как там правильно...

— За это не беспокойтесь. Святое дело... простите, а кто он вам и как помер?

— Да какое это имеет значение.

— Ошибаетесь, красавица. Мы же должны знать, за кого и почему пьем, чай, не нехристи какие. Может, за него и пить-то не следует.

– Любимый он мне... на войне погиб, где-то в Африке. Двадцать три ему было...
– Это дело другое... в Африке... где только наших парней не... извините, коли что не так. В двойном размере помянем, будьте покойны. За мученическую смерть...
– Мученическую?
– Ну, вы же сами сказали, что где-то в Африке. А арабы, они не могут без того, чтобы не поотрезать... тьфу, простите Христа ради. Пойду я.
– Стойте. Возьмите еще вот.
– Благодарствую... Андреем, значит, мальчишку-то звали? А по батюшке как?
– Михайлович.
– Ага, ага. Ну, отдохайте, в лагерь сходите, а на счет... не беспокойтесь. Я к дяку нашему зайду, панихидку закажу... надо же, в Африке... э-эх, ни на могилку взглянуть, ни цветов положить. Ежели чем помочь надо будет, спросите Степаныча. А как вас-то зовут?

– Ольга.
– Угу. Ольга... ну, пошел я, Оленька.
– Он незабудки очень любил. Если найдете, положите поверх стакана.
– Сделаем, как полагается... незабудки... в Африке-то нет, небось, никаких незабудок... (Обрыв записи).

Ольга вышла на пыльную проселочную дорогу, ведущую к лагерю, и замерла. Внизу, где круглое синее озеро в непонятном испуге жалось к вековому сосновому лесу, почти правильным полукругом стояли грязно-серые домики и спасательная вышка. Сохранился даже забор. Деревянный, кое-как покрашенный забор – он уже тогда, десять лет назад, был старым и полусгнившим, а вот надо же... открывшаяся картина напомнила Ольге игрушечные декорации к одному из фильмов, в котором она играла роль соблазняющей мужчин похотливой наяды... только в этих домиках жили точно не сказочные наяды, она чувствовала, в этих домиках обитали звуки. В этих деревянных скелетах памяти жили Голоса, тысячи Голосов и среди тысяч – их. Их шепот в жаркой ночи.

«Андреем, значит, мальчишку-то звали...»

Ольга уже почти доковыляла на своих десятисантиметровых каблуках до озера, когда вспомнила слова Степаныча и, упав на колени прямо посреди дороги, снова разревелась. Томная пегая корова равнодушно посмотрела на красивую, стильную молодую женщину, размазывающую на своем холемом лице губную помаду и тушь, и отвернулась.

Все это было похоже на спектакль. Где-то в глубине души это понимала и сама Ольга. Понимала и ненавидела себя за это. За десять лет панцирь из заученных движений, фраз и показушных эмоций сросся с ней намертво, и разбить его не было под силу никому, даже ей самой. Она знала единственного человека в мире, который бы одним поцелуем, как в сказке, мог разбить этот панцирь, под которым все еще жила та самая Оленька Цветкова, какой ее помнил, и этот столетний лес, и это озеро, и этот покосившийся, облезший забор. Но этот человек ушел. Вначале он ушел из ее мира, а потом ушел совсем. Навсегда. И ничего никогда не повторится. Никогда.

Ольга без труда нашла свою (их) комнатку, а когда среди бумаг и хлама, сваленного в углу почти до потолка, обнаружила стенгазету за июль 1984 года, проплакала всю ночь, сидя на грязном сломанном табурете и глядя на лунную дорожку, перерезавшую пополам озеро.

В 9.30 утра второго июля 1994 года в седьмой купейный вагон на задрипанной

станции Сосновка в пассажирский поезд Новосибирск-Москва вошла элегантная, с иголки одетая женщина с грязным рулоном бумаги в ухоженных руках. Кроме маленькой кожаной сумочки, багажа у женщины не было. Провожал женщину полупьяный мужик неопределенного возраста. Когда поезд уже отходил от станции, проводница услышала что-то вроде: «незабудки» и «чай, мы не нехристи».

5.

***«И мы поцеловались, мы долго прижимались губами
к стеклу».***

Ханс Хайнц Эверс, «Паук».

***«И так по кругу до самого конца света – по кругу, по
кругу, будто какой-то огромный великан все
крутит и крутит в огромных своих ручищах
вонючий грязный апельсин».***

Энтони Берджес. «Заводной апельсин».

Уже подходя к своему подъезду, Андрей нарушил гробовое и становившееся неловким молчание:

– Слушай, Денис, а она по-прежнему работает на это агентство «Полар»? И Крамер, надо думать, тоже каким-то боком прицепился к этим «горячим финским парням»?

– Ту-ту, старлей, бери выше, – пробормотал Денис, нагрузившийся по самую ватерлинию. – Она, милый мой, ни больше, ни меньше, распорядительный директор этого самого агентства. Люди растут, Андрюха, как ни странно. Я тебе точно говорю, что года через два и ты будешь работать не на этот вшивый латышский журналишко, а обзирать всякие сексуальные дела в таких монстрах, как «Пентхаус» или «Плэйгел». Кэти Китон будет мечтать о том, как бы затащить тебя к себе в постель, а «Полар»... тьфу и все этот «Полар».

– Кто такой Крамер?

– Крамер? Да никто. Работал демонстратором моделей, снимался для каталога «Отто», по-моему. А еще стриптиз плясал в заведениях для особо озабоченных дам. Сопляк еще, моложе ее лет на восемь. Не грузись, брат, ничего уже не поделаешь. Кстати, зовут этого Крамера Андрис... ладно, вали спать, а завтра с утра жди посетителей.

– Каких? – тупо спросил Серебров.

– Девчонок из бара, – подмигнул Денис, и не прощаясь развернулся и пошел. Андрей надеялся, что домой.

– Спасибо за все! – крикнул вслед Серебров. – Я верну папку с бумагами!

– Плевать, – донеслось из темноты.

– В самом деле, плевать, – немного подумав, кивнул сам себе Андрей и вошел в подъезд. На площадке третьего этажа он столкнулся с соседкой Аленой, ведущей выгуливать невозмутимого бультерьера Сэма.

– Доброе утро, Андрей, – ослепительно улыбнулась Алена. – С возвращением.
– Спасибо, – глупо ухмыльнулся Серебров. – Доброе утро, Сэм. Как дела?

Сэм грустно посмотрел на Андрея, как бы говоря: «О чем ты, сосед? Какие дела?»

– А который час, Аленка?

– Неплохо погуляли. Почти семь.

– Нормально, – кивнул Серебров. – Пока, соседка. Пока, Сэм.

– Так мне можно как-нибудь зайти и посмотреть Ваши работы? – игриво спросила Алена, придерживая Сэма, желающего следовать дальше. – Например, сегодня?

– Алена, ты никогда не видела голых и полуголых женщин?

– Мне интересно, как фотограф работает с телом.

– Хм-м... все зависит от объекта... а, впрочем, заходи, если интересно.

– Еще как! Обязательно зайду, – и каблучки соседки застучали вниз по лестнице.

Раздевшись до пояса, Андрей поудобнее устроился у компьютера и первым делом послал в офис журнала «без границ» в Ригу сообщение.

«Сегодня материал будет готов. К вечеру перешлю текст и фото... как мы связаны с финским агентством «Полар»? Андрей».

– Зачем я, черт побери, это делаю?! – обратился он к компьютеру, имея в виду вопрос об агентстве. «А потому что сюрпризы еще не закончились, – ехидно прошипел внутренний голос. – А еще потому, что, несмотря на все, что наговорил тебе о ней Денис, ты все равно в нее влюблен. И ты можешь иметь по пять женщин в день, но по-настоящему нужна только она одна».

– Какой ты умный, мать твою, – пробормотал Серебров. – А я вот возьму да и женюсь на Аленке! Думаю, она совсем не против... «Вам сообщение, – загорелось на мониторе. – Подтвердите пароль».

«Алмаз», – отстукал Серебров. «Привет, ранняя птаха! Надеюсь, что девочки к материалу будут в порядке. Не забывай, твой репортаж пойдет на первую, если облажаешься, редактор с меня шкуру снимет. Что за привычка откладывать все на крайний срок?.. Снимки будешь передавать сразу на мой компьютер, мы здесь решим, какие подойдут... откуда узнал о «Поларе»?.. Конфиденциально и только в надежде на ответную любовь: агентство «Полар» является настоящим нашим учредителем и владеет 85 процентами акций издательского дома «Балтика». Не хило? Зачем тебе все это? Отбой. Я на связи. Грета».

«Кто руководит балтийским отделением «Полар»? Мне интересно, на кого я конкретно работаю. Кому я могу пожаловаться, если что, на нашего редактора, как он сам о себе думает? Жду. Андрей».

Серебров не успел закурить, как по монитору поползло: «Самому лень заглянуть на сервер «Полар»? Ах, чего не сделаешь ради любви?! Наш босс по Балтии и СНГ некая Крамер О.В.... офис в Вильнюсе. Можешь жаловаться, только не советую. Говорят, стерва еще та, да еще и с прибабахом. Дерзай. Грета».

То, что прочитал Андрей, мало удивило его. Скорее напугало. «Шестнадцать лет назад она уже была моим «боссом», теперь все повторяется... черт, мистика какая-то... «стерва с прибабахом»... не-ет, господа, 1984-го года с меня хватит...» Серебров снял трубку и набрал прямой рижский номер Греты – выпускающего редактора номера.

– Слушаю, – донеслось с берегов Балтийского моря.

– Это я, солнышко. Только не перебивай, не то я не сформулирую, как надо.

– Да ты пьян, Андрей!

– Это не имеет никакого значения... уже. Короче, я делаю первую полосу, как и обещал, и расторгаю контракт.

– Ты... что случилось?.. Ты ведь шутишь?

– Серьезен, как латышская независимость. Извини, Грета, мне очень нравилось работать с тобой, но появились обстоятельства...

– Это из-за нее? Это из-за О.В. Крамер?

Андрей обалдел. Он, конечно, слышал о «женской интуиции», но чтоб вот так с ходу?!

– Грета, милая, я никогда не видел этой самой О.В. Крамер, но, действительно, не хочу работать под ее руководством.

– Слушай, Андрюша, я понимаю, что держать человека с таким образованием, как у тебя, простым корром – свинство, но давай, ты прилетишь в Ригу, и на совете мы все обсудим. И должность, и жалование. Ты же знаешь, мое слово в совете не последнее...

– Грета, запоминай или записывай. Прошу уволить меня по собственному желанию. А.М.Серебров. Дата сегодняшняя.

– А причина?

– Ах, причина... напиши так. В связи с более выгодным предложением от «Пентхаус Лтд» и лично Кэти Китон.

– Ты это серьезно? Насчет Кэти Китон?

– Пока не знаю, еще не связывался.

– Андрей, у тебя будут большие неприятности. Ты не можешь так просто расторгнуть контракт, тебя по судам затакают.

– Не думаю. Ты заявление перешли по электронке прямо на имя Крамер.

– Значит, во всем виновата она, я была права...

Я дома до шести вечера. Сделай это для меня. Грета, пожалуйста. Можешь добавить: и в связи с невозможностью работать под руководством Цветковой-Левкович О.В.

– И добавлю, черт бы ее побрал! Отбой!

– Спасибо, – прошептал Серебров и закурил. На часах было почти девять. – Испугали судом, – пробурчал он. – Меня хоронили с почестями и к ордену посмертно представляли, а тут...

Андрей набрал домашний номер Одинцова, и минуты через три трубку на том конце сняли.

– Серебров, если это ты...

– Я, Денис. Один вопрос. В спецназ ГУИН офицеры еще нужны?

– Офи... погоди-ка, я пивка глотну... у-ф-ф... вот мы с тобой вчера надербанились. Ты нормально? Что задумал? Мало по зарубежам мотался? В Чечне еще только не был?.. Догадываюсь. Ты с ней говорил?..

– Я только, что уволился. И с ней я не говорил. А вот ты, наверняка, знал, что она владелица и «Бонуса», и «Балтики», и еще не знаю чего. Ты знал, что я работаю на нее?

– Ну, во-первых, ты работаешь на себя, а во-вторых... дьявол! Ты взрослый мужик и, наверное, знаешь, что делаешь... офицеры с такой практикой, как у тебя нужны везде. В спецназ ГУИН тоже. Если нужно посодействовать...

– Да нет, Денис, я сам. Если что, загляну.

Одинцов допил вторую бутылку пива и вдруг почувствовал острую зависть к Андрею.

– Такая любовь дарится богами не каждому, – прошептал он. – Мне точно уже не

светит... я бы на месте Андрюхи не под пули убегал, а поехал в Вильнюс да и повыдергивал ноги этому Крамеру и забрал бы свое... хотя...

... Серебров понимал, что его «бегство в войну» – это, по сути, то же самое, что психиатры называют «бегством в болезнь». Понимать-то он понимал, – но понимать – это ещё не значит менять свои решения, даже если они никого не устраивают, а в первую очередь самого «понимающего». И Андрей потянулся к телефонной рубке, вспоминая номер, который ему дал его бывший ротный, сказавший на прощенье «Всё равно вернешься. Может, ты и классный журналист, но жить там ты не сможешь. У них все «типа по понятиям» или от полочки до полочки. А здесь... ты заметил, что смерть забирает не худших, не лучших, а черт знает по какой схеме? А я заметил, что ты не значишься в этой схеме. Не нужен ты смерти... почему-то... наверное, есть у тебя дела еще здесь... »

– Какие дела, – вяло проговорил Андрей, бессмысленно глядя на фотографию в стальной строгой рамочке. На фото Серебров улыбался, прижимая АКМСУ к груди, как плюшевого медвежонка. И сама улыбка была улыбкой спящего человека, увидевшего красивый, волшебный сон. За спиной высились горы хребта Динара, освещенного рассветным солнцем «Босния. 1992 год».

Андрей включил автоответчик и поднялся из-за стола, как в первый раз примеривая черный берет возле огромного зеркала в импровизированной фотостудии. За зеркальным стеклом стоял среднего роста пьяненький красавчик и улыбался сам себе.

– Момент, – сказал Серебров отражению и достал из встроенного шкафа черную рубашку с бесчисленными карманами и кармашками. На погонах рубахи сияло по три звездочки, а на правом рукаве был пришит красно-черный шеврон с серебряной молнией. Заправив рубашку в джинсы, Андрей подошел к зеркалу и после минутного молчания поведал зеркальному двойнику:

– И все-таки форма сильно влияет на содержание. Протерев рукавом две медали «За отвагу» и помпезный орден иностранной державы, которая чуть было не похоронила его, Андрей развалился в роскошном полукресле, предназначенном для фотомоделей.

Междугородка уже трезвонила три раза, и три раза Серебров слушал свое собственное: «К сожалению, меня сейчас нет дома, или я занят... отправьте сообщение по электронной почте или по факсу...» В четвертый раз он не выдержал и поднял трубку.

– Уже не занят? – услышал он Грету. – В общем, так. Твоя Цветкова-Крамер в отъезде, а господин Крамер, замещающий ее, требует факсимиле заявления.

– А больше он ничего не хочет?

– Хочет. И требует. Может быть, все-таки сам поговоришь с ним, Андрей? Пожалей хоть немного бедную женщину.

– Добро. Я сейчас надену на свою большую голову этот чертов микрофон, включу камеру и пусть он меня не только слышит, но и видит, говнюк. Ты сможешь передать ему по линии через свой компьютер?

– Наверное. Какая у тебя камера?

– Саньё. Разрешение 640 на 480 пиксел плюс эффект разделения экрана на 16, так что господин Крамер будет видеть меня ещё и в движении.

– Хорошо, Андрюша, минут через пять можешь передавать... хм... заявление об уходе. Заодно и я посмотрю на тебя «в движении», а то только маленькая фотография в анкете. Я подключаюсь?

– Поехали, лапочка.

– Ты, котёнок, чего это расселся перед монитором? С Ким Бессинджер в интерактиве собрался пообщаться?

Ольга вошла в гостиную неожиданно и стремительно, бросив на ходу сумку с логотипом авиакомпании «КЛИМ». Андрис вздрогнул, и, отдышавшись, томным, хорошо поставленным голосом пропел:

– Господи, конфетка, ты хочешь, чтобы я от инфаркта умер? Иди ко мне... новая губная помада, другой макияж. У тебя новый имидж?

– Нет, у меня новый стилист, – улынулась Ольга и встала с колен мужа. – Так чего ты ждешь? Надеюсь, в моё отсутствие никаких «чп» не произошло?

– Так, ерунда. Какой-то клоун в редакции «Без границ» возомнил себя гением пера и фотосъёмки и прислал вот это, – Андрис ткнул пальцем в листок бумаги, валяющийся возле телефона. – Я потребовал, чтобы он лично объяснился, вот он сейчас и будет объясняться.

– «Без границ»? Это то, что мы имеем в Риге?

– Точно.

– Ну и чего с этим «клоуном» объясняться? Уволил бы и все, пусть неустойку выплачивает.

– Он, по-моему, тебя оскорбил в своем паршивом заявлении, вот я и всыпал немного Риге.

– Оскорбил? – Ольга стояла посреди гостиной в одних кружевных трусиках, сложив руки на груди, и была похожа на фурию. – Прочитай-ка эту эпистолу. А потом выясни, откуда он узнал мои координаты.

Андрис взял листок бумаги с «фирмой» журнала поверху.

– «Прошу уволить меня по собственному желанию в связи с более выгодным предложением от «Центхаус Лтд» и лично Кэти Китон...» – Вот нахал! – «... и в связи с невозможностью работать под руководством Цветковой-Левкович О.В.»

– Действительно, наглец, – задумчиво проговорила Ольга. – Мне нужно его личное...

– Алло, Вильнюс! Как слышимость? Андрис быстро надел наушник с микрофоном и, придав голосу начальственные нотки, отвечал.

– Да Рига, слышу вас и слушаю. На экране появилось изображение, вначале не очень четкое, но быстро «проявившееся».

– Что за...

– Минутку, Вильнюс, сейчас мыотрегулируем звук и изображение, – голос Греты был немного обалдевшим. – Сообщение идёт от нашего коррес... бывшего корреспондента по Поволжью. Технические накладки.

Андрис с отвисшей челюстью смотрел на экран:

– Господи, кто принимал его на работу?..

– Грета, ну что там? Этот сморчок готов выслушать мое заявление об уходе?

– Готов! – в голосе девушки слышался откровенный смех. – Мы здесь, в Риге, тоже готовы. У редактора сейчас глаза выпадут на стол...

Андрис Крамер был слишком занят всем происходящим и не заметил, что его супруга неожиданно побелела как полотно и облокотилась на бронзовую статую Адониса.

– Спасибо, Грета. За мной должок... эй, заместитель, ты видишь меня?

– Я.. э, – Андрис не знал, как разговаривать с парнем, у которого на груди сверкали

три боевые награды, причём одна явно иностранная. Что их сотрудник (бывший) в чине старшего лейтенанта, Андрис смог определить, а вот такую форму видел впервые. Крамер в своё время успешно «откосил» от армейской службы, но таких вот ребят боялся. «У нас в охране, кажется, есть один бывший спецназовец, надо будет выяснить, что это за войска такие... чёрные». – Да, я слушаю вас.

– Да нет, это я тебя слушаю, – ответил офицер и встал, подойдя ближе к камере. – Чем тебя не устроило моё заявление?

– Вы же понимаете, что контракт...

– Да подотришься ты своим контрактом. Тебя не устраивает причина расторжения контракта?

– Да, это не причина. Ну, если бы вы хоть раз общались с Ольгой Владимировной, то вопрос о «невозможности работать под её руководством» можно было бы рассмотреть, а так...

– Ничего не надо рассматривать, топ-модель. У меня уже подписан новый контракт, который бьёт твой по всем статьям. Через пару дней я буду уже далеко в горах. Так что не страдай, я думаю, Ольга Владимировна легко и быстро найдёт мне замену...

– Дай мне микрофон, Андрис, – руки Ольги были холоднее льда.

– Что с тобой? Тебе плохо?

Ольга села, а вернее сказать, упала в кресло перед монитором и застыла, сжав ободок головного микрофона так, что хрустнул пластик.

– Что происходит, Ольга?

– Не уезжай, Андриюшенька, не бросай меня в третий раз, – прошептала в микрофон женщина. – Я ничего не знала... ничего... я люблю тебя. Я люблю тебя...

Андрис схватил со стола «Уоки-токи» и закричал:

– Охрана! Быстро вверх! И вызовите «скорую»! Быстро!.. Чер-рт! – Андрис оттащил бесчувственную Ольгу на тахту и прикрыл платьем.

– Ты, мурло! Что ты наделал?! Кто ты такой?! – заорал он в микрофон.

– Я бы так к нему не обращался, – раздался за спиной голос одного из охранников, вбежавшего на вопли Крамера в гостиную.

– Да кто он такой? Понавешал погремушек на...

– Не надо так о боевых наградах, – рассудительно сказал бывший сержант армейского спецназа лежащему на полу Андрису, пытавшемуся что-то сказать. – Когда этот хорек придет в себя, скажешь, что я уволился, – обратился он ко второму охраннику и вышел, потирая левый кулак.

– Алло, Вильнюс, это Рига. Что у вас случилось? Волга ещё на связи. Ответьте кто-нибудь.

– Некому отвечать, – равнодушно сказал в микрофон охранник. Муж с женой в отключке.

– Пожелай им счастливой семейной жизни, браток.

– Конечно, старлей. Как прикажешь.

– Счастливо, Рига. Отбой... ты где служил, брат?

– 31-я бригада ВДВ. Ульяновск.

– Землячок, значит...

– Андрей, это Грета. Не забывай, за тобой должок.

– Никогда.

***«Маргарита Николаевна не нуждалась в деньгах.
Маргарита Николаевна могла купить всё, что
ей понравится... Словом... Она была
счастлива?»***

М. Булгаков, «Мастер и Маргарита»

Через две недели после его увольнения из журнала «Без границ», в дверь Серебров, полностью отключившего себя от внешнего мира, настойчиво и нагло позвонили. Открыв дверь, Андрей обнаружил двух стильно одетых молодых людей, источавших медово-цветочные улыбки.

– Чем обязан? – недружелюбно осведомился он.

– Служба доставки «Интер-экспресс», – радостно сообщил один из парней, лучезарно улыбаясь и доставая из фирменного пакета объёмистую, квадратную коробку в разноцветных и разнокалиберных штемпелях. – Это вам. Ведь вы – Серебров А.М.?

– Он самый. Только я ничего не выписывал и не заказывал, ребята.

– У нас не бывает ошибок, – еще раз сверкнул улыбкой почтальон. – Вот, пожалуйста, накладная. Швеция, Гетеборг, «Магнетик Юроп Лтд»... все правильно. Распишитесь, пожалуйста, мы же все-таки «экспресс», а если что-то не так, то претензии к шведскому королевству.

– Сколько я должен? – хмуро спросил Андрей, расписываясь в бланке.

– Ничего, всё оплачено отправляющей стороной... спасибо. Всего наилучшего.

– И вам того же, – закрыл дверь Андрей, взвешивая в руках коробку. – Очень надеюсь, что это не бомба...

Это была не бомба, не в прямом смысле бомба. В посылке из Гётеборга было четыре трёхчасовых видеокассеты киностудии «Магнетик Юроп» в запечатанных пластиковых коробках. На всех кассетах стояло по три «икс».*

Разорвав целлофан и открыв первую, Андрей понял, что настоящих, не «левых» порнокассет еще не видел. Из коробки выпали небольшая глянцевая книжечка и пачка великолепного качества фотографий актеров фильма – бесплатный презент от фирмы. На наклейке значилось название фильма: «Тайные игры с горничной».

– Очень интересно, – пожал плечами Серебров и вставил кассету в видеодвойку. – Кто это в Швеции решил позаботиться о моём досуге? – и он распечатал остальные кассеты. – Угу. «Вечеринка свингеров»**, «В монастыре под сенью вязов»... хороший наборчик... «Счастливая семья»... ну-ну. Андрей сел на тахту. После заставки киностудии и бодрого обещания невидимого диктора о том, что вот, мол, сейчас наше новое открытие – суперзвезда из Финляндии немного расскажет об этом фильме и о своих дальнейших планах в работе с компанией «Магнетик», на экране возникла роскошная гостиная с

* Видео, маркированное тремя буквами «икс», запрещено к продаже несовершеннолетним (в США – это до 21 года).

** Супружеские пары (обычно 2-3), живущие вместе или просто обменивающиеся сексуальными партнерами.

огромным полукреслом-полудиваном по центру, в котором сидела дива-блондинка в белых туфельках. Кроме туфелек на красавице из одежды была цепочка на шее и такая же цепочка на лодыжке... если бы предполагаемому киллеру показали сейчас лицо предполагаемой жертвы – Сереброва А. М. киллер, перекрестившись, перестрелял бы заказчиков и попросил бы Господа никогда не сталкивать его с предполагаемой жертвой, даже во сне... Андрей смотрел на свою бывшую пионервожатую, свою бывшую работодательницу Оленьку, сидящую в бежевом кресле, и слушал ее плохой английский.

Просмотрев пятнадцать минут «шедевр» «Магнетик Юроп», Андрей медленно поднялся, также медленно, словно сомнамбула, прошел к журнальному столику, взял с него несколько листочков и тщательно порвал их до размеров конфетти. Это были билеты. Один авиабилет до Вильнюса и два билета «Вильнюс-Москва-Самара». Немного постояв над этой кучкой рухнувших авианадежд, Серебров достал мобильный телефон, вставил батарейки и набрал домашний номер Греты.

– Я слушаю. Говорите быстрее, я уже убегаю на работу.

– Это я, солнышко.

– Боже, ты куда пропал?! Ты откуда, Андрюша?

– Гретхен, сделай для меня одолжение.

– Ещё? Тебе как джентльмену придется жениться на мне, воин. Откуда ты звонишь? Я каждый день пытаюсь связаться с тобой...

– Из Таджикистана, – соврал Андрей. – Грета, свяжи меня с Андрисом Крамером, пожалуйста. Я ему ещё не всё сказал.

– О, господи, у нас здесь и так творится черт знает что после той «конференции»... не отключайся, сейчас попробую связаться, тебе, наверное, некогда трепаться...

«Да, Гретхен, мне некогда трепаться, я очень занят просмотром порнухи с о своей любимой в главной роли».

– Алло, Андрюша, шефа нет в Литве. Секретарша сообщила, что он в Швеции, в командировке... алло, ты слышишь?

– Да, да, солнышко, спасибо... умный мальчик...

– Что?

– Я перезвоню тебе. Обязательно. Целую.

... Андрей досмотрел фильм до конца и поставил следующую кассету с фильмом про тайную монастырскую жизнь. В нём Оленька играла знакомую для себя роль – настоятельницы женского монастыря кармелиток. Не хватало только пионерского галстука... в сердце Андрея было пусто, как в глазах Клаудии Шиффер, чей постер висел на входной двери. И чем больше Серебров смотрел, тем больше образ девятнадцатилетней девочки из пионерского лагеря «Берёзка» исчезал из его памяти. Он всматривался в лакированную порноактрису и, как ни старался, не мог связать ту Оленьку, обласанную июльским волжским солнцем и эту, что вытворяла на экране сейчас чудеса акробатики...

Андрей закурил и набрал номер офиса журнала «Без границ».

– Да. Офис...

– Это я, Гретхен.

– Я сегодня самая счастливая!

– С чего бы?

– Ты мне позвонил два раза!

– Ты выйдешь за меня?

— ... Да.

— Постой, ты, наверное, не поняла...

— Я всё поняла и... «да»... если ты серьёзно.

— И ты пойдёшь за мной на край света? Ты бросишь работу? Ты не...

— Когда мне нужно прилететь к тебе?

— Да ты же совсем не знаешь меня!

— Я знаю тебя гораздо лучше, чем ты сам себя, милый.

— И ты думаешь, что сможешь сделать меня счастливым?

— Я очень-очень постараюсь. Я буду...

— Минуточку, Грета, там стучат, не отключайся... Андрей распахнул дверь с твёрдым намерением послать визитёра туда, куда обычно посылают, если только не бьют в морду.

Он стоял в проёме двери с мобильным телефоном в руке и чувствовал, как сердце сползает куда-то в район желудка.

На пороге стояла Оленька Цветкова с букетом незабудок в замерзшей, тоненькой руке. И черт его знает, откуда она их достала в середине января...

г.Димитровград. 2000-2001 гг.

А наутро была метель.

1.

«Мне сказали, что город ослеп от снега.

Я не заметил...»

Рей Чарлз.

Если бы его сейчас остановили и спросили: «А куда это ты, собственно, направляешься?», он совершенно искренне бы ответил: «Понятия не имею», и пошел бы дальше, опустив голову и не обращая внимания на прохожих, тренькающие трамваи, убогую музыку, брещающую из Третьесортного коммерческого ларька, и снег. Сотни тонн замерзших где-то возле Луны водяных капель, сыпавшихся с неба огромными, мохнатыми снежинками.

Был тихий морозный вечер двухтысячного года. В магазинных витринах мерцали неживым светом китайских гирлянд неживые пластмассовые елочки, а сами витрины были расписаны кефирными узорами несуществующего мороза и калеками – Дедами – Морозами с огромными мешками за горбатыми спинами.

Сане Туманову было тридцать лет, и он был художником в последней стадии развода со своей первой женой. На плече у него болталась спортивная сумка, в которой лежали банка консервов «Лосось дальневосточный натуральный» и бутылка водки «Абсолют». Он решил отметить Новый год. Он хотел встретить Новый год, но не знал, с кем это сделать.

Не то, чтобы выбор у него был очень велик – он был приглашен всего в два места, и оба эти места ему не нравились. Не нравились своей унылой предсказуемостью, что, по мнению Туманова, никак не вязалось с таким праздником, им, вообще-то, не очень почитаемым, так как член Союза художников России Саня Туманов был ортодоксальным мистиком с резким уклоном в сторону древнекельтской мифологии. Наверное поэтому Саня достаточно серьезно относился и праздновал с немногими своими единомышленниками только один праздник в году – Праздник Смерти, приходящийся на 31 октября, если верить старинным друидским легендам и который американцы опошлили и превратили в балаган, обозвав его Хеллоуином, а Энн Рейс*, помещенная на вампирах и летучих мышах, низвела мрачный, магический обряд воинственных кельтов до уровня низкопробного шоу. Но в эту ночь Туманову не хотелось корчить из себя анахорета и в гордом одиночестве гадать самому себе Старшими арканами Таро. Несмотря на весь свой мистицизм и мизантропию, Саня был все же человеком социума – он нуждался в общении. Но общение с многочисленными поэтами и поэтессами, каковыми они сами себя считали, мгновенно пьянеющими от ста граммов водки и чтения своих стихов, было для Туманова малопривлекательным, особенно в такой вечер. Ему не хотелось слушать стихов, ему не хотелось слышать сопливые рассуждения девочек с

* Энн Рейс – американская писательница «фентэзи». Автор бестселлера «Любовь вампира», по которому снят одноименный фильм с Томом Крузом в главной роли. Рейс в рекламных целях ежегодно выпускает по книге точно 31 октября на Хеллоуин.

небрityми ногами о богоборческих мотивах в поэзии и жизни Артюра Рембо. Женщина, которая не следит за собой, не имеет права рассуждать о поэзии, тем более о Рембо... короче говоря, небритые подмышки и волосатые ноги никак не ассоциировались у Туманова с хрупким стеклом стихотворных строк... с коллегами-художниками встречаться также не хотелось. Графики еще туда-сюда – люди практически нормальные: и пьют по-человечески, и в морду дать могут, и не говорят «достаточно» вместо простого «хватит!», но маслянисты-маринисты-примитивисты... увольте.

И шел Саня через трамвайные пути, мучительно вспоминая телефон одного старинного приятеля-одноклассника, который не писал стихов (и не любил их читать), не рисовал (и не скрывал, что не умеет этого делать), в подпитии не гундосил «Милая моя, солнышко лесное» (и в общем-то не подозревал, что солнышки подразделяются на лесные, степные и лесотундровые) и, главное, не рассуждал о Рембо.

Задумчивость на проезжей части дороги редко приводит к чему-нибудь хорошему. Туманов каким-то чудом умудрился увернуться от ослепленного снегом, сияющего ярко-желтыми огнями трамвая № 8, запутавшись в полах пижонского кожаного плаща и с удивлением услышав возмущенное трамвайное «дринь-дринь-дринь – совсем что ли одурел!», но выскользнувшую белой змеей из никому неизвестного черного переулка «Вольво» заметил слишком поздно. Бампер машины-призрака зацепил полу плаща, и последними отчетливыми звуками, услышанными Тумановым, был оглушающий хруст рвущейся кожи и стеклянный вопль разбивающейся бутылки водки.

2.

«Криком делу не поможешь».

Л. Бетховен.

Наталья сорвалась. Она думала, что ее хватит надолго, но вот вам, пожалуйста, – истерика не истерика, но что-то очень похожее, когда непрочный лак воспитания и высшего образования мгновенно смывается бешеным потоком адреналина, и наружу прет осканенная морда безжалостного, древнего животного, о существовании которого вы и не подозревали.

– Ты – урод, – тихо сказала она, и зрачки ее ярко-синих глаз сузились. – Ты хоть догадываешься об этом?

Она не глядя складывала в сумочку косметику и прочую ерунду.

– Н-да? – Он был до смешного самодоволен. – А не ты ли сама называла меня и моего дружка красавчиками? – Он выразительно похлопал себя по ширинке. – И не ты одна. Подружки твои...

– Ты – моральный урод, – опять тихо сказала она. – И думаешь ты своим «дружком», потому что вместо мозгов у тебя один сплошной член... к слову говоря, не такой уж и выдающийся, как ты считаешь.

– А-а, тебе, значит, гений нужен. Богатый и умный нужен, да? Так вот, милая моя, запомни: талант и деньги – вещи несовместимые, ха-ха-ха...

– Какую ересь ты несешь. Мне нужен богатый? Мне?

– Ах, конечно, твой папа...

– Да-да, мой папа. Одно мое слово – и он сделает тебя бомжом. А, впрочем, живи, как говорится, уродом и занимайся тем, что получается у тебя лучше всего. Торгуй мукой и паленой водкой, Спиноза.

– Ну, подожди, подожди, Наташа, давай поговорим как нормальные люди...

– Пошел ты!..

В машине она попыталась успокоиться и даже сделала пару глотков из полупустой бутылки «Хеннеси». Помогло мало, и «Вольво» мотало из стороны в сторону. «Черт с ним, доеду как-нибудь, не бог весть как далеко», – подумала Наталья, и в это самое мгновение из-за трамвая выскочила залепленная снегом фигура в пижонском плаще до пят. Пока автомобиль несло по гололеду, несмотря на вжатую до упора педаль тормоза, парень (Наталья успела рассмотреть, что это был парень), не двигаясь, смотрел на лобовое стекло, словно видел ее сквозь тонированное стекло, в темном салоне. Но самое ужасное, в его взгляде не было ни испуга, ни страха, будто он заранее знал, что все именно так и случится, словно он ждал ее. Наталье показалось даже, что взгляд его кошачьих глаз был издевательски ироничным, хотя, разумеется, в такой ситуации она просто не могла рассмотреть ни цвета его глаз, ни, тем более, их выражения... что случилось, то случилось, как говорят ирландцы. Когда Наталья показала, что столкновения каким-то чудом удалось избежать, в зеркале заднего вида она увидела, что парень исчез, а когда машину развернуло поперек дороги, ей стало видно то, чего она боялась больше всего – неподвижно лежащего метра в десяти от «Вольво» человека и рядом с ним белую спортивную сумку с режущими глаза черными буквами «Пума». «Вот и все, – пронеслось у нее в голове, – лет пять, как минимум... если не вмешается папа... я убила человека. Я, пьяная, убила человека...». Женщина заплакала, вцепившись себе в волосы. «Все одно к одному, все одно к одному», – шептала она сквозь слезы и шептала бы, вероятно, до бесконечности, если бы не услышала вдруг настойчивый стук в дверцу автомобиля.

«Вот и все», – опять подумала она и раскрыла дверь.

– Может быть, заодно и подвезете, если никуда не торопитесь? Да и линять надо, пока машин нет.

Она не верила своим глазам и смотрела на Туманова, как на явившегося с того света.

– Войти - то можно? – с улыбкой спросил он, сжимая в руке спортивную сумку.

– Да-да-да, – закивала Наталья, слизывая с губ ядовито-соленые слезы.

Чуть прихрамывая, Туманов забрался в теплый, кондиционированный и дезодорированный салон и бросил под ноги воняющую «Абсолютом» сумку.

– Такие дела, – разговаривал как бы с самим собой художник, пока Наталья немислимыми выражениями парковала машину на обочину проезжей части. – Все одно к одному (при этих словах Наталья вздрогнула), единственная верхняя одежда в ключья, единственная бутылка водки вдребезги, так и придется ехать к поэтам – трезвому и порядком изжеванному... Вы в состоянии вести машину?

– Что? А, конечно, конечно. Где у нас ближайший пункт «скорой»? У меня сейчас в голове...

Саня внимательно посмотрел в глаза женщины (Наталье показалось, что он просто раздел ее догола) и вздохнул:

– Да какая «скорая»? Я прошу вас подбросить меня на проспект Гончарова. Знаете где? Литературный клуб «Линия».

– Да, знаю, – медленно кивнула Наталья, пытаясь выпутаться из зеленой паутины глаз сбитого ею парня. – Я живу на Гончарова и как раз сейчас ехала домой. «Боже, на мне же один коротенький свитер и колготки!». Но я должна отвезти вас к врачу...

– Вы должны мне бутылку водки «Абсолют», она разбилась в сумке, когда я кувыркался, а врачи мне ни к чему. Кстати, я начинаю таять, и сиденье потом придется долго чистить, может быть, поедем?

– Минутку, – Наталья достала из-под сиденья бутылку «Хеннеси» и сделала еще пару глотков. – Ну вот, руки, вроде бы, перестали дрожать. Хотите?

– Еще бы... хорошая штука, – отер он губы рукавом плаща – Дешевая, главное. Как и машина...

– Понимаю вашу иронию, попыталась улыбнуться Наталья – Это отец балует меня, он...

– Я знаю, Наташа, – спокойно сказал парень – Эй, эй, осторожнее, – схватил он ее за руку видя, что «Вольво» опять бросило в сторону. – Давайте сегодня никого больше не будем сбивать, даже если ваш отец – председатель областной думы.

– Кто вы? – спросила она, вырывая на проспект Гончарова и пролетая мимо клуба «Линия».

– Остановитесь.

– Что?

– Мы проскочили мимо клуба, остановитесь, пожалуйста.

Наталья остановила машину.

– Подождите, – поспешно сказала она, видя, что парень открывает дверцу – Откуда вы знаете как меня зовут? Откуда вы знаете, что мой отец... откуда? Кстати, мы так и не познакомились, а я ведь чуть не убила вас. К тому же, вы знаете как меня зовут, а я вас – нет.

– Саша. Туманов. Очень приятно было познакомиться лично, – и Саня снова взялся за дверцу. – У вас очень красивые ноги...

– Да оставьте вы дверь в покое! Куда вы сейчас пойдете в таком виде?!

– Ерунда. Там меня и не в таком виде видели.

– Так вы литератор?

– Не-а, художник. Так что насчет ног – это я вам как профессионал говорю.

– Вам ведь не хочется идти в этот клуб?

– Не хочется, но мне больше некуда.

– Хотите, поедем ко мне и встретим новое тысячелетие вдвоем? К тому же я не привыкла быть в долгу, а вам я должна целую бутылку «Абсолюта» и кожаный плащ.

– Нет, спасибо, Наташа. Мне не хочется встречаться с вашим жлобом - мужем, а он обязательно припрется мириться с вами часов в двенадцать. А полбутылки этого коньяка, насколько я знаю, будут подороже, чем два литра «Абсолюта», так что мы в расчете.

– Я не хочу отпускать вас, – неожиданно для себя самой сказала Наталья. – А жлоб-муж не знает о существовании моей второй квартиры, поэтому не припрется в полночь мириться со мной. К тому же вы заинтриговали меня.

– Откуда я так много про вас знаю?

– Точно. У меня просто в голове не укладывается.

– Не думаю, что вам будет приятно об этом узнать.

– Ну, новогодние сказки не всегда бывают приятными, – пожала плечами Наталья и осторожно повела машину по улицам и переулкам престижного жилого комплекса.

«Мойте руки перед едой».
Правило личной гигиены.

Трехкомнатная двухъярусная квартира была не очень большой (больших помещений Саня не любил, испытывая нечто вроде боязни открытых пространств), уютной и как-то по-особенному домашней. Никакого железо-чугунного модерна, никакого псевдоитальянского псевдоренессанса из какого-нибудь псевдобутика «Милано».

– Мне нравится у вас, – искренне сказал Туманов, стаскивая с себя плащ, разорванный почти до подмышки. – Видео и стереосистема – что еще нужно отшельнику, по месяцу не вылезавшему из квартиры? Боже! Что еще?

– Ваш плащ скончался.

– Ничего подобного, он просто тяжело ранен, я его спасу, – улыбнулся Саня, и только теперь Наталья увидела, какой он красивый, и решила, что если дело дойдет до... в общем, хорошо, что она надела новое и очень красивое белье.

– Один не заблудишься? Давай на «ты».

– Давно пора. Не заблужусь. А что?

– Да хотелось бы что-нибудь надеть на себя, – рассмеялась Наталья, сбрасывая туфельки. – Праздничное. Все-таки, Новый год. Новый век.

Когда она легко, словно девочка, упорхнула на второй этаж, Туманов сбросил, наконец-то, свою хламиду и прошел в, как он понимал, гостиную, украшенную домашним кинотеатром «Джи-Ви-Си» и стереосистемой «Томсон». Стеллажи с видеокассетами и компакт-дисками привлекали его внимание не столько внушительными габаритами, сколько разнообразием тематики фильмов и музыки.

– С ума сойти, – сказал сам себе Саня и поставил только что вышедший компакт Носкова «Дышу тишиной». Потом он попытался разыскать ванную, обнаружив, что руки у него не только ободраны, но и вымазаны дорожной грязью. Ванную он нашел и долго не мог решить, намного ли меньше площадка для игры в мини-футбол.

– Площадка побольше будет, – с облегчением решил он, и обогнув джакузи, в замешательстве остановился перед кранами. На стеклянном столике возле раковины лежала книга в кожаном переплете с золотым тесненным крестом на обложке. Туманов, конечно, тоже почитывал, нежась в теплой ванне, – «Пентхаус» или «Форум», – но чтобы «Библию»...

– С ума сойти, – опять сказал он сам себе и открыл книгу.

«20.11.2000. Третий день без тебя... мне кажется, я больше не выдержу, милый мой, душа моя, ясноглазый мой. Тебя нет рядом, и словно кровь остановилась в венах. О, Господи, если бы ты знал, как я счастлива, когда вижу, слышу, ласкаю тебя! Без тебя нет жизни, нет ничего...»

Саня задумчиво закрыл книгу и вдруг почувствовал такую огненную волну ревности, что пошатнулся, хотя головокружение могло быть простым следствием удара о дорогу и выпитым коньяком. Он открыл холодную воду и, кое-как отмыв руки, долго поливал горевшее лицо и голову ледяной струей. Со злостью посмотрев на свое отражение в зеркале, Туманов прислонился к стене и подумал: «Ничего удивительного, черт меня побери. Когда видишь женщину голой в течение месяца, поневоле начинаешь считать ее своей».

Он, чуть пошатываясь, вышел из ванной комнаты и прошел в гостиную. Стереосистема звучала голосом Николая Носкова:

«В этом мире я гость непрощенный,
Отовсюду здесь веет холодом.
Не покинутый, но брошенный,
Я один на один с городом...»

Наташа стояла посреди комнаты, нервно покручивая на изящном, почти прозрачном пальчике тоненькое золотое колечко с сапфиром, и была до боли похожа на заблудившуюся в лесу девочку. Она улыбалась. Это была улыбка: «Я ведь все правильно сделала? Успокой меня».

Все было красиво, все было, как надо, как на сотнях похожих картин, что рисовал Саня на заказ сотням мужчин и женщин, желающим сделать друг другу модный и довольно дорогой подарок к Новому году (Туманов брал за свои работы дорого). Пара широких и очень удобных кресел, обитых черным флоком, в центре – трехэтажный стеклянный столик с дорогими алкогольными напитками, черной и красной икрой и, непременно, свечи в таких хитронавороченных подсвечниках, что увидь их Сальвадор Дали, сподвигся бы еще на сотню абсолютно сумасшедших картин...

А вот – женщина выпадала из композиции. Саня слизывал капавшую с волос и лица воду и с совершенно четким чувством, что его обокрали, любовался Натальей. На ней была белоснежная, полупрозрачная блузка с умопомрачительным вырезом и легкая, длинная голубая юбка до пола. Волосы были гладко зачесаны. Прямой пробор. С правой стороны заколка – золотая змейка с сапфировыми глазами. Тонкая цепочка с покоящимся в ложбинке между заодно торчащими грудками православным крестом...

«... Тебя нет рядом, и словно кровь остановилась в венах... без тебя не живу, без тебя я – просто зомби...».

– Красиво, – равнодушно кивнул Саня.

Реакция Наташи была мгновенной:

– Что случилось, Саша? Тебе плохо? Почему ты не вытерся?.. Я выгляжу по-дураски, да?

Саня сделал над собой невероятное усилие и улыбнулся:

– Все хорошо. И выглядишь ты... с ума сойти. Как десятиклассница на выпускном вечере.

Тревожные огоньки исчезли из ее глаз, и снова улыбка – две ямочки на щеках:

– Да уж, десятиклассница... сейчас я принесу полотенце.

Пока она доставала из раздвижного шкафа свежее полотенце, Туманов рассеянно думал: «Она чувствует каждую интонацию. Соврать ей, чтобы она приняла за чистую монету, – это нужно очень постараться».

– Вот, – подошла она к нему вплотную, протягивая пахнущее цветами полотенце. – Можно я буду ухаживать за тобой?

– Не надо, Наташа, я взрослый мальчик, – попытался как можно искреннее улыбнуться Туманов и почти вырвал полотенце из рук женщины. – Сколько там... о, черт!

Только сейчас он заметил, что его «Сейко» разбиты вдрызг и горько рассмеялся:

– Это называется, ни хрена себе сходил водки выпить... ну, что за жизнь такая! Лучше бы ты уж меня совсем задавила.

– Не говори так, пожалуйста... Боже, у тебя вся кожа на руках... сейчас я йод принесу.

– Не надо я привит против столбняка. Давай лучше проводим старый год, век да и тысячелетие заодно... дай расческу, пожалуйста.

Было двадцать минут двенадцатого, когда они сели за столик и зажгли свечи. Туманов всеми силами старался выбить из своей головы то, что прочитал в Натальином дневнике, и это у него получалось, хотя и не так хорошо, как хотелось бы. В самом деле, Саня не понимал, хоть убей, как можно месяц назад писать, что «... есть только Бог, ты и я...», а теперь совершенно спокойно говорить «жлоб-муж». «Черт возьми, еще и переплет библейский!».

– Мне «Мартини», если не трудно, – сказал художник, закуривая «Салем».

– Как-то все странно, – робко улыбнулась Наталья, наливая вермут и чувствуя себя, действительно, как, десятиклассница на первом свидании с любимым человеком. – У тебя нет такого чувства, что все это происходит как во сне? Как-то все это немного нереально?

– Для меня все это нереально с той самой минуты, когда я увидел, кто находится за рулем «Вольво», – с еле заметным сарказмом сказал Туманов и улыбнулся. – За уходящий век?

– За уходящее тысячелетие.

Саня выпил, сделал затяжку и ляпнул ни с того, ни с сего:

– Аминь. Есть только Бог, ты и я.

Наталья мужественно допила стакан, медленно поставила его на хрупкий столик и закрыла лицо руками.

– Какая я дура, – прошептала она. Сапфир на золотом колечке ехидно подмигивал Туманову: «В самую точку, парень! Добивай!»

– Ты ничего не подумай такого, просто мне показалось, что Библия в таком романтическом месте – на полочке возле шестиметровой ванны с гидромассажем – это круто, и решил посмотреть Евангелие от кого читают люди, веселящиеся...

– Все не так. Все совсем не так, поверь мне, – Туманову показалось, что женщина плачет. – Это не дневник...

– Ага. Это Евангелие от Наталии, я понимаю, – сказал Саня, разливая по стаканам.

– Это цитатник, – Наталья смахнула с ресниц хрустальные капельки слез. – Это слова, которые я никому никогда не говорила... и очень хотела сказать... Господи... ты мне веришь?

– А это имеет какое-нибудь значение?

– Ты мне мстишь за то, что я тебя сбила? Ты ведь не ревнуешь, ты же совсем меня не знаешь, у нас с тобой вообще ничего не было, даже поцелуй на брудершафт.

Туманов рассмеялся. Наталья знала, что так смеются люди, которые только что услышали заведомую глупость. Так смеются люди, знающие намного больше, чем хотят показать, люди, владеющие какой-то тайной. Чужой тайной. Но что знает этот странный... этот необычный художник?.. «Я, кажется, потихоньку в него влюбляюсь».

– Тогда выпьем на брудершафт? – подмигнул ей Саня.

– Да, выпьем. А потом, обещай мне, ты мне все-все расскажешь.

– Как пожелаешь, – мрачно усмехнулся Туманов.

«Повелитель желаний», – улыбнулась Наташа, и они выпили на брудершафт. Но поцелуй их получился не «дружеским».

– Ты задушишь меня, – мягко отстранила она художника и уткнулась ему в плечо.
– У тебя сосок вырвался из плена, – прошептал Туманов и, быстро наклонившись, лизнул его.

– Перестань, – Наталья откинулась на спинку кресла и закрыла грудь руками. Ее «перестань» звучало как «не сейчас, ладно, милый». – Зачем искушать слабую женщину?

– Да я мечтал об этом почти два месяца, каждый день, каждую ночь, черт побери! – сказал Туманов и поднялся из кресла – А, дьявол! Голеностоп все-таки «ку-ку»...

– Два месяца? О чем ты говоришь? Ах да, конечно! Ты видел меня в финале конкурса «Мисс Желание»?

Туманов изобразил на лице гримасу глубочайшего отвращения.

– Во-первых, я не смотрю подобное... шоу. Во-вторых, разве вы на этом финале по сцене голышом ходите?

– Нет. Ну, что ты, конечно, нет.

– Очень хорошо. Чуть ниже пупка у тебя две маленькие розовые родинки и еще одна на левой ягодице, ближе к пояснице. Под правой грудью небольшой шрам, сантиметра два, как от укуса... продолжать?

Наталья молчала, и если сказать, что вид был у нее ошарашенный – значит, ничего не сказать.

– Хорошо, – удовлетворенно сказал Саня и вновь разлил по стаканам «Мартини». Несмотря на полное обалдение, Наталья заметила, как сильно хромает Туманов, и как сильно дрожат у него ободренные до крови руки.

– Последний штрих, если позволите, – художник поднял стакан на уровень груди, что автоматически повторила и Наташа. – Чуть ниже родинки под пупком, там, где все аккуратно выбрито, татуировочка – красно-бирюзовая бабочка. Мило и очень сексуально. Работал мастер.

Туманов опрокинул стакан себе в рот и прохромал в коридор, не глядя на хозяйку квартиры. Пьян не пьян, но поддат он был неплохо, а вот чувствовал себя мерзко. Шарф был мокрым и грязным, но для Сани это было таким малозначительным фактом, что он наматывал его вокруг шеи очень аккуратно, как дорогое шелковое кашне.

– Что ты делаешь?

Наталья стояла в двух шагах от него и смотрела, как командир роты на потенциального дезертира.

– Ухожу, – Саня с трудом запикивал распухшую ногу в сапог. – Не хочу вконец испортить тебе праздник, ты же все равно ехала сюда, чтобы остаться одной. Или нет?.. Разумеется, нет. Ты бы позвонила какому-нибудь старому другу, или позвонили бы тебе... кстати, зачем ты отключила телефон? Можешь подключать, я мигом... я уже исчезаю. – Туманов начал влезать в остатки своего плаща.

– Я не знаю, почему ты говоришь мне гадости, – тихо и твердо начала Наталья. – Я не знаю, откуда ты узнал все эти... подробности моего тела...

– А вот это я тебе могу сказать и даже показать, – Саня порылся в нагрудном кармане плаща и вытащил пакет из вошеной бумаги. – На, держи, мне они больше не нужны. Передай своему мужу. Здесь все пятнадцать фотографий, все по-честному.

– Что?.. Я...

Дрожащими руками Наталья открыла конверт, и разноцветная радуга фирмы «Агфа» глянец рассыпалась по прихожей. Щеки женщины запылали румянцем: на всех фото (великолепного качества) была изображена она в той самой ванне с гидромассажем, на полочке возле которой Туманов обнаружил «цитатник» в библейской обложке.

4.

*«Женщина - это всего лишь женщина, а хорошая
сигара - это дым».*
Редьярд Киплинг.

— Зачем он это сделал?

Вопрос был не к нему, но Туманов все-таки пояснил:

— Он заказал мне картину два месяца назад...

— О Господи, вы еще и знакомы...

— Он заказал мне картину и принес эти снимки. Я помню, как поразился и сказал ему: «Надо же, до чего у вас раскрепощенная жена, не каждый согласится позировать так», а он заржал, извини, как сивый мерин, и сказал, что когда человек не знает, что его фотографируют, он еще и не таким раскрепощенным может быть. Это-то я сразу понял, когда на двух фотографиях увидел в ванне тебя с какой-то белокурой кошечкой...

— Это совсем не то, — еле слышно прошептала Наталья, совсем опустившись на колени. — Подружка — это не то, что ты думаешь.

— Да мне пловать на подружку. Одного не могу понять — зачем ты мне врала, что твой Вадим не знает о существовании этой квартиры, про то, что дневник твой — это цитатник... ну, ладно, открой этот чертов замок, я никак не соображу, что здесь на что нажимать.

— Где картина?

— У меня. Я, можно сказать, в тебя, в смысле, в нее, всю душу вложил и вдруг представил, что она висит в его офисе... короче говоря, сообщил я твоему благоверному, что в запое, что ни хрена у меня не получается, даже какие-то наброски ему показал, заплатил неустойку, и мы с ним распрощались.

— А фотографии?

— Он сказал, что я их могу себе оставить на память, что у него этого добра... открывай дверь. Ты хотела новогоднюю сказку, ты ее получила. А мне еще к поэтам ковылять.

— Никуда я тебя не пушу, — Наталья аккуратно собрала все снимки и запихала их обратно в конверт. — До Нового года осталось десять минут, и ты уже не успеешь к своим поэтам, — она, наконец, поднялась с колен и стала расстегивать тумановский плащ. — Я тоже, как ты говоришь, уже не успею позвонить какому-нибудь своему... давай встретим Новый год вдвоем? Я прошу тебя.

— Ну, раз такие дела, — нарочито беспечно вздохнул Саня и стал раздеваться. Когда он снимал сапог с больной ноги, на него вдруг накатило такое яркое дежа-вю, что он на секунду застыл и пробормотал «Да, все повторяется».

— Что? — крикнула из гостиной Наталья и тут же вбежала в прихожую. — Ты звал меня?

– Да нет. Просто, говорю, если дежа-вю – это короткое воспоминание из прошлых прожитых жизней, то мы с тобой уже встречали Новый год. Может быть, тысяча первый, а?..

– Послушаем президента, – спросил художник, вертя в руках бутылку шампанского «Дон Периньон», стоимостью долларов в шестьдесят. – Ты слышишь меня?

– Что? Ах, да, конечно, сейчас. Не помню, где пульт валялся, – встала Наталья, размышляя явно не о президенте и пульте дистанционного управления. – Я не могу понять, как это ему удалось.

– Да проще пареной репы... а пульт ты уже минут пять в руках вертишь.

– Ой, извини, – Наташа ткнула пультом в сторону телевизора, и тот загорелся какой-то невообразимой новогодней заставкой. На часах было 23.57.

– За стол, дамы и господа! – оживился Саня. – Человечество вступает в третье тысячелетие. Шампанское к бою!

– У меня где-то были бенгальские огни, – растерянно пробормотала Наталья.

– Бог с ними. Бери фужер и загадывай желание. Пьем стоя...

С последним ударом курантов в груди Наташи что-то словно взорвалось.

– С Новым годом, любимая, – тихо сказал Туманов и тронул своим бокалом бокал Наташи.

– С новым счастьем, Саша.

А потом они целовались. Страстно и обреченно, как в последний раз.

– Удивительно, – сказал Туманов – Я не думал, что доживу до третьего тысячелетия. Честное слово, не думал. И еще несколько часов назад и мечтать не мог, что встречу его с тобой... прости за избитые фразы, но словно кто-то там, наверху, рассчитал все. По секундам, по мгновеньям... черт, если бы мне кто сказал, что в реальной жизни может произойти такая история...

– А она произошла? – тихо спросила Наталья. – Она уже закончилась? – на ее ресницах снова заблестели слезы.

– Да, как ни странно, она произошла, а для меня и закончилась. Ты, скорее всего, помирись со своим мужем, потому что денежно-клановые браки практически нерушимы, вы смотаетесь куда-нибудь в Эмираты, и все у вас наладится. Я, как человек разведенный и свободный, продам свою раздолбанную «девятку» и уеду куда-нибудь в Архангельскую губернию, куплю домик в Богом забытой деревне и буду писать портреты пышнотелых доярок и пить самогон.

– А как же я? Ведь ты говорил, что когда рисовал мою картину, то... я не была для тебя просто объектом, натурой, на которой можно заработать деньги. Или...

– Ну-ну, не надо, Наташа. Ты мне предложи замуж еще за тебя выйти... кстати, давай еще чего-нибудь выпьем и откроем балкон – нужно запустить Новый год в квартиру.

– Хорошо, мы сейчас выпьем по стаканчику «Джек Дэниэлс», откроем балкон, и потом ты мне покажешь, как он делал эти снимки. Ты мне обещал. Сказал, что «это проще пареной репы».

Туманов рассмеялся.

– А ты женщина дотошная, – многозначительно помахал в воздухе сигаретой. – Хочешь потом ошарашить его своим знанием?

– Допустим, да, – Наталья выглядела агрессивной. – Хотя ты и расписал здесь всю мою с мужем жизнь вплоть до отдыха в Эмиратах – полная чушь, между прочим говоря, но... а, дьявол со всем! Твое здоровье!

– Вот представь себе, что ты должна незаметно снять меня голого, пока я резвлюсь в этой шикарной ванной, и пораскинь мозгами.

– Раздевайся и – вперед.

– Ты серьезно? Я ведь без комплексов.

– Вот и полезай. Я сейчас все включу. Залезай, залезай, проведем следственный эксперимент.

– Это не ванная, а какой-то зеркальный ящик, – пробормотал Саня, стаскивая с себя джинсы. – Я готов, – сообщил он Наталье, колдовавшей с сенсорной системой управления.

– Минутку.

Наконец панель замелькала малопонятными цифрами и словами, из труб хлынула вода, и хозяйка повернулась к Туманову.

О, Господи, – прошептала Наташа, испуганно разглядывая художника. А посмотреть было на что. Плечо, часть шеи и грудную мышцу украшала филигранной работы татуировка, какую Наталья видела только в фильмах про «Якудзу». Красный, бирюзовый, черный цвета будто светились под мощными лампами, создавая эффект объемного изображения.

– Обалденно, – прошептала она – Это сколько же часов работы? А какое терпение?! – Наташа осторожно дотронулась до груди Туманова. – Ты в Москве делал?

– Почему же? Здесь. Живет такой мастер Андрей Костин – его работа... а что, покруче твоей бабочки будет?

– Снимай плавки – и в бассейн, – ткнула Наташа Туманова в пупок

– Мне, конечно, не трудно, – пожал плечами Саня. – Но учти, аппаратура уже работает. Я так полагаю. Скорее всего, камеры включаются автоматически, как только ты начинаешь задавать программу на пульте управления.

– Камеры?

– Разумеется. Те снимки, – Туманов ткнул в сторону двери, – сняты с двух точек. Я думаю, – осмотрелся по сторонам Туманов, – что работают две компактные цифровые видеокамеры за какими-то из этих зеркал. Учитывая, что фото я знаю лучше своих пяти пальцев, то найти мне их сейчас – раз плюнуть...

– Не надо, – покачала головой Наташа, сбрасывая с себя блузку и юбку, под которыми не оказалось ничего. Туманова это почему-то не удивило...

– Ты не пожалеешь потом? – спросил он, забираясь в ванну к Наталье, стоявшей с закрытыми глазами по колено в бурлящей пузырьками воде.

Ответа не было. Красно-бирюзовая бабочка прижалась к дрожащему бедру художника.

1 января 2001 года Туманов проснулся в 9 часов 20 минут, в трехкомнатной квартире элитного жилого комплекса «Аркада». Кроме чувства глубокого похмелья и боли в левом голеностопе, Саня почему-то никак не мог отвязаться от навязчивой мысли, что с этого дня все в его жизни будет светло, радостно и хорошо.

Он поднялся и, героически перенося боль в голове и ноге, спустился в гостиную. Квартира была пуста. Туманов открыл бутылку пива «Туборг» и как был в коротеньком женском халатике, вышел на балкон.

Двор был освещен гирляндами и неоновыми надписями, сообщавшими, что он, Саня Туманов, похмеляется уже в третьем тысячелетии. Небо было застлано облаками, и легкая

метель кружила по земле пустые пачки из-под сигарет и тихонько засыпала снегом Санин плащ, валяющийся под балконом.

– С ума сойти, – пробормотал художник. Трель телефона заставила его вздрогнуть и зайти в квартиру.

– Туманов у аппарата, – поднял он трубку.

– Это так здорово, – услышал он тихий голос Наташи.

– Ты где? Почему бросила меня одного?

– Я еду к тебе. Я уже близко. А я была у своих родителей. Надо же было поздравить их с Новым годом и получить родительское благословение.

– Что?

– Мои родители благословили наш брак. Или не нужно было...

– Я люблю тебя. Приезжай скорее.

– Выгляни в окно.

Туманов подошел к окну и увидел только что затормозившую во дворе «Вольво».

Метель усиливалась, а художник подумал, что неосторожность на дорогах приводит иногда к удивительным последствиям.

Казань - Димитровград. 2000г.

«И будем играть в прятки...»

*«Фантазмата — есть род ночных существ,
обладающих некоторой долей человеческого
разума, то любящих человека, то преследующих
его, делающих ему то добро, то зло»*
ТЕОФРАСТ БОМБАСТ фон ГОГЕНГЕЙМ

- Поди к черту, Влад!.. Хватит!.. Ну же! Оставь меня... о, Боже...
- Хватит?
- М... м...
- Ну?... Хватит?
- Уф-ф!.. Мне уже пора. Правда. Уже давно пора. А?
- Ну, валяй.
- Не обижайся, слышишь? Не смей обижаться.
- Все нормально.
- Точно?
- Как в аптеке.
- Я тебе понравилась сегодня?
- Ага. Особенно ротик.
- На том держимся!.. Ладно, я бегу. Мой олень северный уже, наверное, копытом бьет – где я, что я. Господи, полдвенадцатого! Подзадержалась я у подруги.
- Валяй.
- Нежный ты – просто ужас.
- Тебе мало нежности было? Может быть, тебя еще постегать на десерт, как ты любишь?
- Все, все, все, в другой раз. Ухожу, бегу.

Дом 14 по улице Рокотова был самым обычным домом а la Finland и располагался на самой обычной улице самого среднего городка Средневосточной возвышенности.

В тот час дом был погружен во тьму, только одинокий, ржавый фонарь над козырьком гаража лениво покачивался на ветру. Беспокойно спали по своим комнатам отец и его семилетний сын. За окнами, на пустой улице было промозгло и ветрено, за окнами в доме было тихо.

И то, что двигалось в этой вязкой тишине, двигалось бесшумно.

«Мы с тобой никогда не играли в прятки. Помоги мне – найди меня. Помоги мне – увидь меня... мы с тобой никогда не играли в прятки... помоги мне... помоги-и-и мне...».

Мальчику снился огромный, синий океан. Океан был добрым. Океан был теплым и живым. Мальчик тихо улыбался во сне и думал о дельфинах. Он сидел на белом — белом песке и ждал дельфина. Волны лениво пробовали на вкус песчаный берег и тихо откатывались назад. Мальчик смешно шурился на солнце и с ожиданием всматривался в синие волны, и он увидел то, что хотел увидеть — дельфина. Дельфин был черным, мокрым и грустным.

— Поиграй со мной в прятки, — тихо попросил дельфин. — Мы с тобой никогда не играли в прятки.

Мальчик, которого звали Женей, вздрогнул:

— А мы, что, разве знакомы? Дельфин фыркнул и покачал красивой головой:

— Нет, мой милый Женечка, — сказал он почему-то женским голосом. — Мы с тобой пока не знакомы, но очень скоро познакомимся и подружмся. Очень скоро. Ты полюбишь меня, Женя, только помоги мне. Поиграй со мной. Помоги мне — увидь меня. Помоги мне — найди меня. Мы с тобой никогда не играли в прятки...

Мальчику почему-то вдруг стало страшно. И хотя дельфин был красивым и говорил ласковым голосом — он говорил странные вещи. Мальчик не понимал дельфина.

— Ты будешь дружить со мной, Женечка? — шептал дельфин выползая на берег и пытаясь ткнуться мокрым, черным носом в ногу мальчика. — Мы поиграем с тобой в прятки? Ведь мы с тобой никогда не играли в прятки?

— Разве дельфины играют в прятки? — тихо спросил мальчик осторожно убирая ногу от улыбающейся морды дельфина.

— О, конечно, играют, милый мой, конечно играют... ты только увидь меня. Ты только найди меня... ты поможешь мне? Мы поиграем в прятки? Ты поможешь мне, Женечка? Поможешь?

Мальчику даже показалось, что дельфин стал всплакивать.

— Не плачь, — попросил он. — Я буду играть с тобой. А кто ты?

Но дельфина уже не было. А огромный, теплый океан внезапно превратился в маленькую грязную лужу. Мальчик заплакал.

— Не плачь глупенький, не плачь. Ты проснешься и все будет хорошо, мы будем играть с тобой... в прятки... в прятки...

Мальчик сидел в кровати, судорожно прижав острые коленки к груди, и беззвучно плакал, натянув одеяло до подбородка. Его голубые глаза испуганно смотрели на незнакомую, ужасно красивую женщину, стоявшую возле его постели.

— Не плачь, глупенький, не плачь. Не бойся меня, — ласково сказала женщина. — Я никогда не сделаю тебе больно.

— Ты... мне снишься? — успокаиваясь, спросил мальчик, удивляясь почему на женщине нет никакой одежды.

— Конечно, глупыш.

— Я не глупыш, — сказал Женя и шмыгнул носом. — ... Ты пахнешь океаном. Ты из океана?

— Я отовсюду. Я могу быть везде. И я могу быть всегда с тобой. Хочешь? Хочешь я буду твоей подружкой?

Мальчик подумал, что, наверное, здорово иметь такую красивую подружку.

– У меня есть мама и она...

– Она может не понять этого? Да?

– Ну, ведь ты... ты такая красивая и такая... взрослая...

– Я красивее твоей мамы?

– Не... не знаю...

– Ну-ну, не опускай глаза. Ведь мы друзья? Да? Посмотри на меня... смотри внимательно, не торопись... я красивая?

– Очень, – выдохнул Женя, во все глаза рассматривая свою новую подружку, легко присевшую на его постель и закинув ногу на ногу.

– Твоя мама такая же красивая? Только не обманывай меня, – женщина потрепала Женку по пылающей голове. – Друзья не должны обманывать друг друга.

Словно ласковый морской ветер прикоснулся к его лбу.

– А ты ничего ей не расскажешь, – тихо спросил Женька, пододвигаясь к женщине из океана.

– Твоей маме? О, нет. Я ничего не расскажу ей. Женька вздохнул, изучая женщину и шепнул:

– Красивее.

– Умничка, – улыбнулась женщина и поцеловала Женку в лоб.

– А теперь спи. Спи и не думай ни о чем плохом. Теперь мы всегда будем вместе.

– Ага, – сказал Женька, расслабленно опускаясь на подушку и закрывая глаза. – А ты не бросишь меня? Ты не уйдешь обратно в море?

– Теперь никогда, – прошептала женщина, – Кейя полюбила тебя.

– Кейя – так тебя зовут? – из последних сил борясь с дремотой спросил Женька, поворачиваясь на бок.

– Да... меня зовут Кейя.

– Здесь, что ли тебе, – уныло спросил безразличный ко всему на свете таксист, притормаживая возле аккуратного домика с флигелем.

– Да-да, здесь, здесь, – закивала раскрасневшаяся, возбужденная женщина лет тридцати, протягивая водителю десятку. – Спасибо, Вам.

– Не за что, – ухмыльнулся водила. – Пламенный привет мужу.

– А что, собственно...

Но машина, рванув с места с пробуксовкой, уже исчезала в конце улицы.

– Вот сволочь какая. У меня что, на лице написано что ли, – бормотала женщина, стуча каблучками по бетонированной дорожке, ведущей через черный сад к высокому крыльцу дома 14 по улице Рокотова.

– Хм... «Пламенный привет...» Женщина остановилась возле двери и, поправив сбившиеся чулки с ажурной резинкой, закурила «KiM». – Передавай пламенный привет своей жене-сучке, придурок. Она-то за ночь побольше тебя километраж накручивает... козел!

Швырнув окурок в ветер, женщина осторожно отперла дверь и вошла в темную прихожую.

– Так, так-так, значит «пламенный привет», – бормотала она, сбрасывая с аккуратных ножек туфли на высоченной шпильке, и осторожно вешая плащ и сумочку на огромные лосиные рога, приспособленные под вешалку. На секунду ее взгляд задержался на рогах и она, опустившись на пуфик, тихо засмеялась, давясь и зажимая рот обеими руками. На ее глазах выступили слезы и потекла несмываемая, китайская тушь «MAX FACTOR».

– Это не смешно, – раздался вдруг в гулкой, темной тишине гостиной жесткий, резкий голос.

Булкнув где-то внутри легких, смех съехал до размеров удивления и сошел на нет. Женщина резко обернулась в сторону лестницы, ведущей на второй этаж – в спальни, и оторопела.

На верхней ступеньке с черт знает откуда взявшейся свечой в руках, стояла абсолютно голая, не по-человечески красивая брюнетка:

– Это совсем не смешно, Марина. Мужа нужно уважать и любить. Голос у женщины был грудной и глубокий:

– За то, что делаешь ты – пятьсот лет назад забивали камнями на городской площади.

Марина, с трудом взяв себя в руки, медленно поднялась с пуфика. Животный испуг потихоньку проходил.

– Я не знаю, что... что там делали пятьсот лет назад, а вот какого черта делаешь ты в моем доме в... таком виде? Где Сергей? Где Женя? Кто ты такая?!

– Ну, во-первых, дом этот не твой, во-вторых, вид мой хм... обычный вид, в общем-то, ничего, по-моему. И Женечке понравилось. А в третьих, я – новая мать твоего сына и жена твоего мужа. Ты – не мать. Ты – не жена. Ты – помойная яма, в которую сливают свои отходы такие дегенераты, как Влад и его друзья — ублюдки, которые не знали бы чем заняться в жизни, не будь у них этих штук между ног. Гордиться им больше нечем, сама знаешь.

– Да как ты... как ты смеешь! Сука!.. Сергей!

– Не кричи. Мужчины тебя не слышат. Маленький мужчина сейчас разговаривает с дельфином, большой мужчина любит роскошную, достойную его женщину. Им не до тебя сейчас... впрочем, насколько я могу судить и Владу в данный момент не до тебя. Он уже ждет другую... стерву.

– Ты врешь, сволочь! Ты все врешь! Ты ничего не знаешь! Откуда ты, вообще, взялась?! Ладно. Ладно. Милиция разберется! Милиция во всем разберется!

Марина подбежала к высокому стеллажу, на котором стояли красивые, толстые книги, названия которых она не смогла бы и вспомнить, бронзовые статуэтки и гипсовые бюсты неизвестных никому людей.

– Сейчас! Сейчас мы выясним кто мать, кто не мать! И кто из нас помойная яма!.. Сука!.. Телефон молчал.

– Что за...

Аккуратно обрезанный провод мертвой, белой змеей свернулся на ковре.

И тогда Марине по-настоящему стало страшно и захотелось кричать.

Странная и страшная женщина медленно спускалась по лестнице, едва касаясь ступенек. Пламя свечи в ее руках разгоралось все ярче и ярче.

– Ты недостойна быть ни матерью, ни женой, ни любовницей, – медленно и четко говорила она, не отрывая черных, блестящих глаз от побелевшего лица Марины. – Ты просто грязная, подзаборная шлюха. В своем развитии ты не выросла даже до приматов. Больше всего ты мне напоминаешь грязную самку хорька...

– Не подходи!.. Сергей!.. Не подходи ко мне, ты, отродье! Сережа!!!

Ужас свинцовыми цепями сковал Марину по рукам и ногам. Она прижалась к стеллажу, одной рукой прикрывая грудь, другой шаря по полке, на которой стояли тяжелые, хрустальные вазы.

Женщина улыбалась, приближаясь все ближе и ближе.

– Прочь! – истошно закричала Марина, сдернув с полки квадратную вазу со смертельно острыми углами. — Не подходи ко мне ведьма! Не подходи!

Женщина остановилась в двух шагах от Марины и, изящно прогнувшись, поставила свечу на пол.

– Не нужно так сильно размахивать вазой, – улыбнулась она. – Стеллаж трясется.

– Заткнись! Заткнись, отродье!.. Еще шаг и я тебе башку проломлю! И суд... любой суд меня оправдает!

– Я думаю, до суда дело не дойдет, – улыбнулась женщина, глядя куда-то на верхние полки стеллажа. В неверном свете свечи было видно, как все сильнее и сильнее раскачивается двухкилограммовая бронзовая статуэтка всадника – рыцаря с победоносно поднятым вверх мечом.

– Замолчи! Замолчи, гадина! И быстро выметайся! Выметайся из моего дома!

– О, да, конечно, – криво улыбнулась женщина, поворачиваясь спиной к Марине. – И все же не надо было так раскачивать стеллаж... как странно. Тебя убьет рыцарь... ну, что ж, хоть умрешь от руки достойного человека.

– Пошла вон!!! – уже в полной истерике закричала Марина, замахаясь для броска...

Бронзовый рыцарь в последний раз медленно покачнулся и соскользнул с трехметровой высоты стеллажа. Победоносно поднятый меч с костным хрустом вонзился в темечко неверной жены, сбив ее с ног. Хрустальная ваза выпала из надломившихся рук. Изуродованная голова, расколотая почти пополам, глухо ударилась о ковер, заливая все вокруг черной, липкой кровью. Красивые, полные ноги дернулись в последней конвульсии и замерли.

В прихожей сиротливо валялись сиреневые, модельные туфли на высокой шпильке, еще хранившие тепло этих когда-то соблазнительных ножек.

Поминки по своей жене, так нелепо погибшей «в результате несчастного случая», Сергей делать не стал. Собственно говоря, – помянуть-то ее особенно было некому. Две-три ее приятельницы-подруги – не пойми кто, отец – алкаш, стигнувший где-то на Севере лет десять назад, какой-то дебил, пришедший пьяным в лоскуты на кладбище – «работали вместе» – вот и все кого так, или иначе взволновала, или как-то могла взволновать смерть

Марины Бекетовой.

Кошка, которая гуляла сама по себе.

«Догулялась», – шептались соседние домики и особняки ехидными, женскими голосами.

«Не ищи любви, в пустых глазах» – стучали глиняные комки о крышку обитого синим гроба...

Родители Сергея хотели забрать мальчика с собой в Брянск, но внук наотрез отказался уезжать от отца и закатил бурную истерику, которая закончилась перепугавшим всех странным припадком. В беспамятстве мальчик все время бормотал что-то о дельфинах и океане.

Озадаченные бабушка с дедом в конце концов уехали к себе на родину, посетовав на то, что внук становится таким же странноватым, как сын.

«Живете, как будто ждете чего-то. С минуты на минуту. Ничего ТАКОГО в этой жизни не случается...»

– А бывает так, что дельфин и женщина – одно и то же? – спросил внук с какой-то болезненной надеждой, глядя на подмороженные лужи за окном в саду.

Родители Сергея молча переглянулись.

– Не бывает так, Женя – растерянно сказала бабушка. – Дельфин – это... это рыба...

– А женщина?

– О, Господи... Женщина это... это человек. Это женщина.

– Так человек, или женщина?

– Тыфу, ты! — махнула рукой бабушка и вскоре скрипевший всем, чем можно, поезд, уносил родителей Сергея далеко – в Брянск, где никто никогда не задавал таких странных вопросов...

Два месяца спустя...

Слушай, Жень... как бы тебе это сказать-то... а, черт? Короче говоря, сегодня на ужин я пригласил одну свою знакомую... она к нам в отдел на работу устроилась с месяц назад... вот... ты как?

– Нормально, – кивнул мальчик, задумчиво разглядывая морозные узоры на стеклах. – Она ничего?

– Даже очень... на мой взгляд.

– Ну, значит и на мой. Чего-чего, а взгляды на женщин у нас, по-моему, похожие.

– ... Ну... ну, ты даешь! – рассмеялся отец.

– Она любит дельфинов?

– Дель... не знаю... ты меня своими вопросами и ответами когда-нибудь доконаешь, ей Богу.

– Да ладно, пап... тебя-то она хоть любит? Это было бы здорово, а то ведь ты такой человек... тебя нелегко любить, ты знаешь об этом?

– Ну, ты, психолог, – совсем несерьезно погрозил пальцем отец. – Ты мне эти штучки брось – отца критиковать... значит договорились? Насчет ужина?

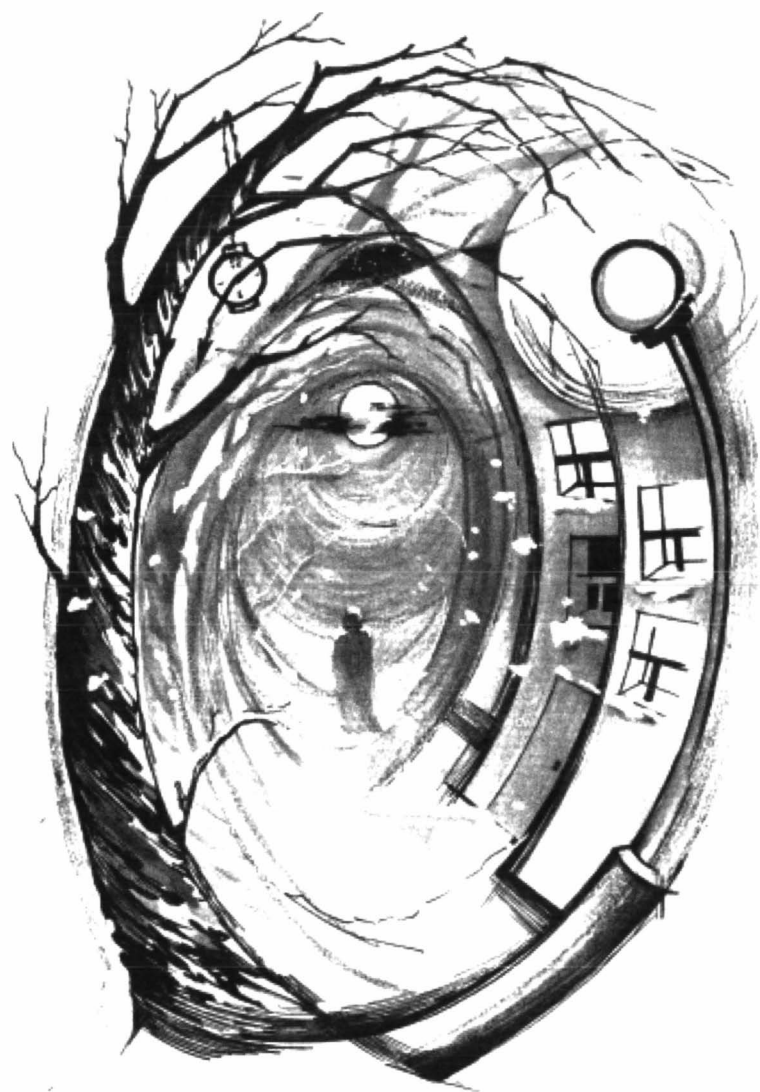
– Да без проблем. Как хоть зовут-то ее?

– А-а, зовут. Она, понимаешь, латышка и имя у нее редкое... – Кейя... эй, эй, что с тобой... сынок, сынок! О, Господи! Лежи, лежи... да лежи, ты спокойно! Я сейчас. Сейчас я врача вызову. Вот, черт!...

«03» была все время занята...

– Она... она не обманула меня. Теперь мы всегда будем вместе, – еле слышно шептал сын, лежащий без сил на ярко-красной тахте и укрытый теплым одеялом. – И мы будем играть в прятки...

г. Димитровград, 10.11.98г.

ЧАСТЬ 4

*В размытом рисунке не
видно разумного с вежным.*

Не возвращайтесь в минуты душевных смятений
На кладбище ваших давнишних и легких побед,
Не ждите от сломанной скрипки звучанья без фальши,
Мы помнили, только забыли великий секрет.
Не верьте, что все расставанья не очень надолго,
За льдами не будет рассвета и чистой воды,
В размытом рисунке не видно разумного с вечным,
В замолкших сердцах только пепел сгоревшей беды.
Я видел, как двое читали страницы прозрений
В книге любви, запивая глотками разлук,
Они навсегда расставались, не зная об этом.
Я знал. Я видел, как рвется придуманный круг.

07.03.87.

Увы, наступит в жизни срок,
Когда теряясь и краснея,
Бездарность, скажем, не порок,
Строчить стихи не все умеют,
И в самом деле, кто виной,
Что рифмовать умеешь быстро?
Но вот частенько, не порой,
За рифмами не видно смысла.
Красиво, сильно, делово,
Цветасто даже, скажем прямо,
Мы пишем то, да про того,
Насилюя перо упрямо.
И для меня наступит срок,
И я свое перо отброшу,
Когда мне скажут, что не смог
Родить я ничего хорошего.

Глушу димедролом бессонницу,
Хватит бессонных ночей,

И в шею гоню поклонницу
Своих полупьяных речей.
Наверное, звезды попадали
В руки совсем не тем.
И, кажется, пахнет падалью
От всем надоевших тем,
Опять ты скулишь, недобитый,
И все-то ты «не» и «не до...»
По лужам луна разлита,
А лужи разлиты во мне.

На мраморных ступенях тени,
На мраморных ступенях сны,
Ничто картины не изменит,
Увы, мы не во всем сильны.
Во веки вечны сны и тени,
Наш разум – тень, а жизнь – лишь сон,
Я боли вечной вечный гений,
Посланник четырех сторон.
Рождается из боли счастье –
Скупая плата за мечту,
И изменить не в нашей власти
Земных желаний нищету.
Опять туман и чьи-то тени,
На черном мраморе слеза.
Запястья, плечи и колени
И ярко-синие глаза.

1985.

Мне ночь ворвалась выстрелом в глаза,
Разбив очков малиновые стекла,
И разразилась летняя гроза,
Залив слюной моей квартиры окна.
Не пишется, хоть тем – невпроворот.

Не спится, хоть бессонницей замучен,
И все вокруг, как пошлый анекдот,
Который слушать каждый день приучен.
Спаси от одиночества и мук,
Спаси от пустоты и наваждений,
Дай сохранить тепло любимых рук
И прогони уродливые тени.

9.11.86.

Театр.

Театральную афишу
Гонит ветер под дождем,
Черепицы старой крыши
Защищают старый дом.
Дом Чудес и Превращений,
Дом Любви и Горя дом,
Здесь за каждой дверью тени,
В свете темно – голубом.
Здесь Таланты и Бездарность,
Здесь Шуты и Короли.
Здесь Любовь и здесь Коварность,
Все ужились, все смогли.
Тут красавица – невеста,
Там уроды – женихи,
Разодетые повесы,
Разношерстные стихи.
Все мне мило в доме этом,
В этом доме жил и рос.
Здесь секреты как ответы,
И ответы как вопрос.

Ночь белого орла.

1.

Ночь, проглотив остатки кровавого заката, тихо вошла в город, и город погрузился в беспросветную темноту, не нарушаемую ни огнями реклам, ни светящимися квадратами окон. Впрочем, ничего удивительного – город был маленький, провинциальный и тихий. Назывался город Черноводском.

Добропорядочные граждане даже сопели, равнодушно просмотрев последние ночные новости в ожидании пока подействует снотворное.

В трехэтажной сталинской постройке гостинице «Легенда» тоже было тихо: мало кто приезжал в этот город, а если кто и приезжал, то задолго до ночи напивался в стельку и в бесчувствие валялся в номере до следующего утра, пока не откроют пивные ларьки и не проснутся бабки, торгующие самогоном.

Одноместные номера в «Легенде» были маленькие, с низкими потолками, но с душем и широкой деревянной постелью, застеленной пледом с оскаленной тигриной пастью.

Максим Панфилов был приезжим, но до потери сознания еще не нагрузился, а вяло поднимался по грязной лестнице на свой второй этаж, ругая про себя провинциальные развлечения и собственную дурь. Говорили же эту дружки, что от знаменитого храма 16-го века в городке осталась только память, подкрепленная заросшими крапивой развалинами, так нет, надо было самому все посмотреть, все потрогать, чтобы убедиться, что от знаменитых резных иконостасов остались одни скелеты. Морду бы набить городским властям и местным малолеткам, устроившим из исторического памятника сексодром со всем, что полагается такому заведению – грязными матрацами на полу, чугунными подсвечниками с оплывшими свечами и грудой пустых бутылок от двадцатиградусной «косорыловки», которой торгуют в местных магазинах.

Максим присел на ступеньку обшарпанной лестницы и закурил. Алкоголь брал свое, мысли становились спутаннее, движения медленнее, и очень хотелось добавить. В здании было тихо, где-то звучала музыка. Он прислушался и с удивлением узнал «Органную мессу» Баха. «Ничего себе! – пронеслось в голове. – Вот вам и провинция, вот вам и любимая певица Толкунова, а верх таланта «Агата Кристи»!

Максим поднялся и, осторожно ступая, пошел по темному, без единой лампочки, коридору, пока не остановился перед дверью с табличкой «Горничная», из-за которой и слышался орган. «Так это моя горничная такая высокоинтеллектуальная», – подумал он и усмехнулся, повертев в руках погнутый ключ с пластиковое биркой, на которой значилось – № 17.

«А вот интересно, какая она из себя?» – и тихонько приоткрыл дверь. Та, надсадно скрипнув, отворилась, и Максим обалдело уставился в красный полумрак, где в огромнее кресле, подогнув под себя ноги в белых носочках сидела полуголая красавица, закрыв глаза и сложив руки на точеном колене, возле которого билась синяя жилка.

Плюгавый секретарь Ее Высочества принцессы Амалии с лисьим конопатым личиком подошел к Ронгу и прошепелявил:

– Благородный рыцарь, принцесса ждет Вас, – и едва заметно ухмыльнулся в рыжие усишки.

Ронг, не удостоив Севеджа даже взглядом, бряцая доспехами, прошел в покои принцессы, закрыв за собой мощную, обитую кованым дверь. Принцесса вздрогнула, и ее лицо покрылось розовыми пятнами.

– Боже, рыцарь Ронг, Вы... так всегда... так шумны.

– Извини просто меня из себя выводит твой секретарь. Более уродливой жабы ты не могла найти во всем королевстве.

– Ты же знаешь, это желание моей матери. А я ничего не могу поделать с ее причудами.

Ронг вздохнул и медленно пошел к окну. За окном была поздняя осень и беспросветная ночь. Ущербная, грязная луна отражалась в болотной воде крепостного рва.

– Я больше не могу ни минуты без тебя, Амалия, – глухо проговорил рыцарь и ударил кулаком по широкому подоконнику.

Золотая цепь ордена белого Орла звякнула на широкой, закованной в медь груди. Принцесса широко раскрыла глаза, словно услышала что-то невозможное, непостижимое и облизнула вмиг высохшие губы. Господи, сколько ночей она мечтала об этих словах! Сколько слез было пролито в необъятной одинокой постели! Нет, ей не верилось, что благородный рыцарь Ронг произнес именно эти слова. Ей хотелось слушать еще и еще.

– Я люблю тебя, принцесса, – не оборачиваясь, все так же глухо сказал Ронг. – Где бы я ни был, я думаю только о тебе. Мысленно я целую твою упругую грудь, глажу твои атласные бедра... Боже! Как я хотел обладать тобой, где бы ни был – будь то Большой турнир или прием у короля. Я сходил с ума от этого желания и искал утешения в вине и объятиях продажных фрейлин. Мне казалось, что еще немного и я просто, просто покончу с собой и... вот я здесь,... потому что не могу больше выносить эти муки. Благородный рыцарь Ронг готов стать твоей служанкой, лишь бы прикоснуться к своему телу, почувствовать запах твоего платья, мыть на ночь твои ноги... и сторожить твой сон, словно верный королевский волкодав, готовый умереть за одну твою ласку...

Принцесса, не шелохнувшись, сидела на диванчике, спрятав пылающее лицо в ладони, и чувствовала, как кровь бешеными толчками бьет в ее сердце, как слабеют ноги и высокая девичья, не знающая мужских рук грудь набухает от неведомого, непреодолимого желания. Из под дрожащих ладошек слышалось только одно беспрестанно повторяемое слово:

– Любимый, любимый, любимый...

В наступившей тишине рыцарь услышал это слово и, бросившись к ней, встал на колени перед плачущей от счастья девушкой. Он спрятал лицо в складках ее платья, сжимая огрубевшими ладонями тонкие, гладкие лодыжки, и целовал, целовал пахнущую осенней ночью материю, вжимаясь лицом туда, где в тысячах шуршащих складок трепетало молодое, горячее тело шестнадцатилетней наследной принцессы Амалии.

«Вот, оказывается, что такое – быть женщиной», – пронеслось у нее в голове, и

девушка со стоном запустила тоненькие пальчики в опыленную серебром шевелюру благородного, владетельного рыцаря ордена Белого Орла Рога и бессильно откинулась на диван.

Ронг уже не владел собой, скользнув руками вверх по судорожно сжатым, чуть дрожащим рукам, задрав молочно белое платье на колени, стал осыпать поцелуями смуглую кожу с еле заметными черными волосиками на ней. И под этими поцелуями ноги девушки раздвигались: словно раскрывались двери покоренного замка, отдавая все свои сокровища на милость победителя.

Влюбленные не слышали и не видели ничего вокруг. Они не видели что за черными окнами, над замком и тысячелетним лесом вокруг него, словно сумасшедшее видение, пронесся и мгновенно растаял звездопад. И где-то глубоко в небесах раздался еле слышный смех, похожий на стон.

Они не увидели, как, захлебнувшись, утонула в черной болотной воде крепостного рва ущербная луна, пустив по грязной жиже прощальные круги.

Отдаваясь долгожданным, нетерпеливым ласкам друг друга, они не знали, что за потайной дверью, согнувшись и суча кривыми ногами, стоял плюгавый секретарь принцессы и, тыча волосатым пальцем в окошечко, шептал на ухо королеве матери, в волнении вздымающей еле прикрытую огромную грудь:

– Вот она, дочь твоя невинная, хи-хи-хи... не тебя ласкает сейчас твой ненаглядный, благородный Ронг, не твои ягодицы ласкают руки его...

– Он умрет! – тонкое лицо королевы исказила сатанинская ярость. – Он должен умереть завтра на рассвете! Это будет его первая, и последняя ночь с Амалией... нет, не могу смотреть на это... хочешь меня, Севедж? Ну, говори! Хочешь? Твоя королева предлагает себя тебе – ничтожному рабу!

Севедж стер со своего сморщенного лица злобную ухмылку, и обхватив королеву за горячие, широкие бедра, припал слюнявыми губами к влажной ложбинке между смуглыми, как у дочери, грудями. Исступленная женщина с силой рванула на себе тонкое полупрозрачное платье и плача простонала:

– Здесь, Севедж! Сейчас же! Дай сюда твою... руку... сильнее, ну... сильнее!

Откуда-то, со стороны тысячелетнего леса донесся леденящий вой одинокой волчицы, возвещающей, что над землей пробил час Сатаны.

3.

Горничная сидела полубоком к двери и не слышала ничего, кроме фантастической музыки. Она даже не обернулась, когда Панфилов прикрыл за собой дверь и тихонько кашлянул, поправив на плече сумку с фотоаппаратом и набором сменных объективов. «Сдохну, но сделаю ее фотопортрет, – винными парами стучала в виске одна мысль. — В такой дыре... такая... такое... чудо». Женщина была уже не молода, он прикинул и решил, что за тридцать, но, Бог ты мой, какая красота! На плечи женщины было накинуто что-то типа пеньюара и все. Ах, да, были еще беленькие короткие носочки и тонкое золотое колечко с голубым камешком на указательном пальце. Все это Максим отметил так... произвольно. Профессиональная привычка художника. Но что там носочки! Под тонкой материей угадывалась стройная, маленькая ножка, такая хрупкая, что Мак-

симу захотелось взять ее в ладонь и осыпать поцелуями каждый пальчик, так захотелось, что в теплой, даже жаркой, комнате по его спине побежали мурашки.

Звуки органа, доносившиеся из маленького переносного магнитофона, казалось, становились громче и громче, и комната становилась им тесной, и они давили на черные стекла окна, пытаясь вырваться на уснувшие улицы маленького городка.

Панфилов, словно околдованный, не отрываясь смотрел то на крутую линию бедра, то на торчащие темно-коричневые соски, приподнявшие воздушную ткань, и чувствовал, что не уйдет. Никогда не уйдет от этой женщины. Не может уйти.

И вдруг в красном полумраке ему показалось, что в густых, зачесанных назад волосах женщины поблескивает маленькая призрачная корона, и от нее во все стороны исходит еле видимое зеленоватое сияние.

Видение длилось не больше секунды, и через мгновение было ясно, что это просто блики света от уличного фонаря, что своей неумытой квадратной мордой заглядывал в комнату. Максим поежился и нечаянно звякнул своей аппаратурой, и женщина обернулась. Он увидел чуть раскосые, удлинненные глаза в опущенных, бархатных ресницах, чувственный рот с влажными подрагивающими губами, слегка вздернутый носик с глубоко вырезанными ноздрями...

– Извините... услышал Баха и решил посмотреть, кто это слушает...

Женщина встала и набросила халатик. Высокая, не ниже самого Максима.

– Ну, и как?

Голос глубокий и обволакивающий.

– Обалдеть, — искренне сказал Панфилов. — До сих пор в себя не приду, честное слово...

– Проходи, раз зашел... хоть в себя придеешь, — она улыбнулась, и на щеках заиграли две ямочки. Я сейчас кофе сварю.

Максим не заставил себя долго упрашивать и, прикрыв дверь, прошел в комнату:

– А я тут, признаться, имел сегодня битву с зеленым змием... так тошно стало, как посмотрел, что стало с вашей церковью святого Александра Невского. Хотел слайды сделать, а тут...

– Да, храмы у нас не в почете... и кто победил?

– ...Меня зовут Максим. Я фотохудожник. Работаю...

– Я знаю, — улыбнулась женщина и тряхнула копной русых волос, — тебя устроили в гостиницу по удостоверению. Журнал «Огонек». И хоть не положено не по паспорту — устроили. Солидная корочка... а меня зовут Ия.

– Вот, черт!

– А что? — удивилась Ия.

– Да нет, ничего. Просто я так и думал... ну, не совсем так, а что-нибудь в этом роде. Почему-то показалось так... бывает же так?

– Да так бывает, — серьезно сказала она, — редко, но бывает. Садись. Кофе готов.

– Ия, знаешь... так хочется поцеловать тебя... в ямочки...

Ия присела на край кресла и тихо сказала:

– Мне тоже хочется, чтобы ты это сделал... но, нам нельзя... нам нельзя с тобой ничего...

– Почему, — спросил Панфилов удивленно.

– Не надо, Максим. Нам потом будет очень плохо... очень...

– Так не бывает, Ия.

– Так будет, Максим. Я знаю, что будет очень плохо. Нам с тобой никак не нужно было встречаться. Никогда.

Панфилов улыбнулся:

– От судьбы не уйдешь.

– Не шути, прошу тебя...

– Все, все, все, – он поднял вверх руки, – сдаюсь. Давай, пить кофе.

Он разлил его по миниатюрным из тонкого белоснежного фарфора чашечкам.

Пили молча. Отставив кофе в сторону, Максим достал из сумки новенький «Никон» и широкоугольный объектив:

– Если не сделаю твой портрет – повешусь!

Казалось, что Ия повеселела, и улыбка снова заиграла на ее губах оттененными ямочками, с ума сводившими Панфилова.

– Портрет, конечно, актовый?

Максим рассмеялся:

– Если ты не против.

Ия поднялась с кресла и медленно сняла халатик, отбросив его к двери. Максим почувствовал, как кровь ударила в голову горячей шальной волной. Коротышка-пеньюар полетел туда же, и на женщине остались только носочки и тоненькое золотое колечко с голубым камнем. Она пристально смотрела на Максима, и тонкие ноздри слегка подрагивали, а губы манили к поцелую.

Максим поежился:

– С ума сойти...

– Иди ко мне, – прошептала Ия. – Все равно ничего не изменить...

Максим словно во сне отложил фотоаппарат на столик, и медленно подошел к ней. Ноги отказывались повиноваться и противно дрожали, как перед прыжком в бездну. Казалось, вечность стояли они друг против друга, прежде чем слились в безумном объятии, стараясь раствориться друг в друге.

Максим ласкал ее грудь, как котенка, тихонько сжимая пальцами набухшие соски, чувствуя, как они твердеют, наливаясь кровью. Ия, крепко обхватив его, прижимала к себе все сильнее и сильнее, и ее жаркое дыхание стоном обжигало ему шею:

– Милый мой, милый... хороший мой, иди ко мне, иди же...

– Подожди, Ия. Я...

Срывая с себя одежду, Максим ловил себя на мысли, что абсолютно потерял чувство реальности, что вот сейчас его пихнут в бок и окажется, что на дворе утро и нужно идти в душ, вспоминая этот сумасшедший сон.

Но нет. Это ее поцелуи горели на его шее, а в виски молотило так, что, кажется, череп сейчас разлетится на маленькие кусочки.

В голове почему-то упрямо вертелась мелодия хита Клиффа Ричарда «Колдунья», который он и слышал-то всего пару раз в жизни.

Максим, отчаявшись справиться с маленькими пуговицами на рубашке, рванул ее на груди, и пуговицы запрыгали по паркетному полу, закатываясь под кресло и под столик. Одна пуговка, отпрыгнув далеко в сторону, попала в недопитую чашку Ии и, секунду помедлив, утонула. Максим проводил ее взглядом и подумал, что, наверное, жутко тонуть в кофе.

Максим взялся за брюки, но Ия быстро подойдя к нему, отвела руки:

– Дай, я сама, – и опустилась на колени.

«Если это сон, – подумалось, – то лучше бы никогда не просыпаться».

«Все, больше не могу», – подумал Максим и развернул женщину к себе спиной, прижав губами к шее, прямо в завитки пахнущих цветами волос. Этот чуть сладковатый запах напоминал Максиму что-то далекое – далекое, до спазма дорогое, и навсегда потерянное. Такое с ним уже бывало. Только вот когда и где?.. И казалось, что было все точно так же, как сейчас. И этот красный полумрак и горячая, чуть влажная от пота спина желанной женщины, и пуговица, утонувшая в фарфоровой чашке.

4.

Безмолвные слуги Князя Тьмы, оседлав темно-красных, с пеной на мордах, собак, неслись по черному небу, и от бешеной скачки гнулись вековые деревья, и масляными волнами ходила болотная жижа в крепостном рву. Темно – красные собаки остервенело лязгали черными зубами и по взбесившемуся небу чертили огненные молнии. С отвисших губ падала ядовитая слюна и на том месте, где она падала на землю, вырастал синий цветок смерти Кротум.

Это была ночь, безраздельно отданная во власть Ангела зла, и никто в мире не знал, чем она закончится.

И навсегда исчезло в Книге Судеб имя Ронг...

– Как должен умереть рыцарь Ронг, королева? Этот наглый, всем «тыкающий» Ронг. Этот...

– Хватит! – рявкнула королева.

Севедж гладил разомлевшую госпожу по широкой спине, щекоча ее между лопаток:

– Я готов исполнить самую ужасную и беспощадную казнь. Этот рыцарь слишком много возомнил о себе...

– Рыцарь Ронг имеет право говорить «ты» всем. Даже королю. Это право дано ему навечно. Ему и всем его наследникам мужского пола...

Севедж тихо и злобно рассмеялся:

– Насколько я понимаю, королева, у рыцаря Ронга никогда не будет наследников. Ни мужского, ни женского пола... если, конечно там, за стеной сейчас Принцесса Амалия не зачинает этого самого наследника...

– О, Боги! Замолчи!

Королева передернулась всем своим пышным телом и застонала в бессильной злобе. Приподнявшись на ковре, она внимательно осмотрела себя, не пропустив ни одного изгиба, ни одного волосика внизу живота и на ногах и покачала головой, рассыпав по плечам иссиня-черные кудри.

– Неужели его больше прельстила эта тощая, худобедрая девчонка... не понимаю...

– Он глуп, – Севедж припал слюнявыми губами к колену королевы, обхватив руками полные икры. – Он непроходимо глуп. Он, видимо, не понимает, в чем разница между зрелой и опытной женщиной и ничего не знающей девчонкой, которая будет лежать под ним как деревяшка.

– Хватит! – королева встала с ковра и прошла к окну, за которым бушевал ураганный ветер, и полыхали молнии. — Принцесса – моя дочь, и у нее в крови умение любить и отдавать себя до последней капли... они сейчас счастливы...

Королева закрыла лицо руками и прислонилась лбом к холодному оконному стеклу, чувствуя, как слезы струятся по еще таким упругим и круглым щекам:

– О, ты ответишь за эти слезы, Ронг, – прошептала она еле слышно и громко сказала, уняв дрожь в голосе. – Когда он выйдет от нее... перережь ему горло и принеси мне бокал его крови...

Севедж, кряхтя поднимаясь с пола, кивнул уродливой головой:

– С удовольствием, моя госпожа. С бо-о-льшим удовольствием.

Ронг, бессильно раскинув руки, лежал на широкой постели принцессы и не верил своему счастью. Над ним склонилась та, которою он хотел больше всего в мире, та, которая оказалась такой искусной в любви и ненасытной в ласках, та, тело которой не знало усталости в постели и притягивало его тем больше, чем больше он обладал им. Ее бедра сжимают его, ее страстное лицо склонилось над ним, ее влажные губы шепчут что-то такое, от чего сладкая истома разливается по всему телу. Ронг протянул руки и обхватил крепкие, напряженные ягодицы девушки. Ему казалось, что он сможет обладать ей до бесконечности, и эта мысль придавала ему неизъяснимую радость.

Снова и снова их тела переплетались в пульсирующий клубок рук и ног. Самые немислимые позы находили влюбленные, чтобы доставить друг другу радость. Амалия удивлялась сама себе – как все хорошо у нее получается, словно она занималась этим уже невесть сколько раз, а Ронг, восхищаясь своей маленькой женщиной, отыскивал все новые и новые ласки никем еще не придуманные и поэтому вдвое сладостные.

Время летело сумасшедшим ураганом. И уже выдохлись красные псы безмолвных слуг Сатаны, и уже с востока неумолимо надвигался рассвет. Последний рассвет рыцаря Белого Орла – Ронга.

5.

Максим сидел в широком кресле, крепко сжав ноги, и приподнимал и опускал на себе Ию, подхватив ладонями ее полные смуглые бедра. Словно боясь потерять драгоценные секунды, он осыпал нетерпеливыми поцелуями ее груди, шею, щекал языком ее крохотные ушки и брал их в рот, как будто хотел сейчас же проглотить.

Ия, обвив его шею, то со стоном откидывалась назад, изогнувшись как змея, то изо всех сил прижималась к нему, стараясь коснуться его своими отвердевшими сосками.

Движения их становились все быстрее и нетерпеливее, и уже никакими силами не удавалось остановить вырывающиеся из их груди стоны. Да они и не сдерживали их, давая понять друг другу, как им хорошо.

Ия дрожала, как в лихорадке. Ей никогда не хотелось так ни одного мужчины, хотя этого добра всегда вилось возле нее – выбирай на любой вкус.

То, что сейчас испытывал Максим, было чем-то похоже на то состояние, когда кажется, что вся прожитая жизнь была только ожиданием этого счастья.

Портативный магнитофончик крутил вновь поставленного Баха, и Максиму чудилось, что куда-то исчезает и гостиничная комнатенка горничной, наверное, затрапезная, если бы не красный полумрак, и зачуханный городишко этот с загаженным храмом Александра Невского.

И что-то уж совсем несусветное лезло в затуманенную голову. И вот из темноты появился золоченый резной иконостас, и лики святых с безнадежным смирением взирали на совершаемое кощунство в храме Божьем, возле алтаря. И от восковых свечей стоял ком в горле.

Как мираж колыхались перед Максимом картинки одна за другой, и напрасно он мотал головой, не понимая что с ним происходит, видения не исчезали. Колодой пущенных в воздух фокусником карт замелькали они перед ним, и казалось, еще секунда и призрачный мир навсегда унесет его из этого провинциального городка.

Но все исчезло так же внезапно, как и появилось.

Максим со стоном сполз с кресла, повалив женщину на себя:

– Ия, милая, хорошая моя... это просто колдовство... так хорошо быть не может...

– О, не думай ни о чем, родной, – зашептала она, глядя его по слипшимся волосам, – бери меня всю, всю до капельки... утром мы должны расстаться, любимый...

Он ни о чем не расспрашивал ее, но твердо решил ни утром, ни через год, ни через вечность не расставаться с ней.

А далеко на востоке, за развалившейся церковью святого Невского, уже выпирал из земли бордовый бок солнца, и было ясно, что наступал день, и уходила в небытие эта сумасшедшая ночь.

По грязным квартирам просыпались мучимые ранним похмельем алкаши и подонки.

Грязные старухи готовили для них мутно-белую самогонку, а пропахшие солярой шофера по-быстрому залазили на своих жен, чтобы, по крайней мере, быть первыми у них за весь длинный, бестолковый день.

И уже проснулся обиженный столичным фраером слесарь Саня, пообещавший тому еще встретиться на узкой дорожке. Сигаретки пожалел. Падла.

6.

С первыми лучами солнца, заигравшими в цветных витражах опочивальни королевы, Севедж, низко поклонившись заплаканной госпоже, осторожно вышел во внутреннюю галерею замка, что вела через всю крепость в глухой задний двор, через который, несомненно, должен будет пройти рыцарь Ронг, чтобы попасть в свое жилище.

Под полой черного, до пят плаща он прятал подаренный королевой кинжал с рукоятью, выточенной из бедренной кости святого Воха и украшенный огромным изумрудом, который по преданию был ни чем иным, как оком Духа Мести. Это оружие никогда не промахивается, и тот, кто владеет им, всегда выходит победителем из схватки.

Укрывшись в тени огромного вяза, Севедж приготовился терпеливо ждать, чтобы сделать то, что было самым страстным желанием всей его гаденькой жизни. Убить Ронга! Убить его – значит держать в своих руках все невидимые ниточки власти. О, из-

за этого стоит померзнуть одно туманное утро!

Ронг выходил от Амалии обессиленный, будто после кровавой, жуткой сечи, но с таким же чувством радости и эйфории, как если бы уничтожил добрую сотню самых лютых своих врагов. И хоть утро выдалось туманное и какое-то слепое, словно на него накинули тончайшую паутину, было так светло на сердце, как не было уже давно – с тех времен, когда был найден Священный Грааль.

«Сегодня же расскажу королю о своем намерении взять в жены его дочь. Он не должен отказать. Род Ронгов равен роду королей Сида», – думал рыцарь, выходя в пустой, сжатый со всех сторон стенами двор. Морозный осенний воздух опьянил его.

Он так и не успел понять, что произошло. Перед тем, как навсегда закрыть глаза, рыцарь увидел смутную тень, отделившуюся от дерева, и почувствовал, как обожгло огнем горло.

И наступила Вечность.

Золотая цепь ордена Белого Орла глухо стукнула о влажный от росы булыжник, а алая кровь, хлынувшая волной из перерезанного горла, наполнила живительной силой древнее дерево.

И в ту же самую минуту в далеком, незнакомом, маленьком городе, затерянном в непостижимых лабиринтах времени, на грязном тротуаре умирал, хлюпая распоротым горлом, последний из потомков грозных рыцарей ордена Белого Орла, и последним словом, которое он прошептал, булькая кровью, почему-то было: «Амалия».

7.

Пьяный слесарь Саня, вытерев о рукав спецовки кухонный нож, удовлетворенно сплюнул на скорчившегося возле ног и что-то лепечущего человека.

– Впредь, сука, неповадно будет, – промычал он и пошел допивать припасенную на черный день банку браги. Утренний, затхлый воздух Черноводска разорвала сирена «Скорой помощи».

г.Дмитровград, 1990 г.

Я вернусь.

1.

Я не признаю колдовства в любой его ипостаси. Я не признаю ни черной магии, ни белой, ни черно-белой, если угодно. Я не верю в домовых, в русалок, леших, гномов, троллей и баньши. По мне каждый разглагольствующий об общении с «космическими голосами» достоин посещения (если нужно, принудительного) психиатрической клиники и тщательного лечения, хотя, как известно, лечение это сплошная фикция.

– И, конечно, Вы не верите в так называемых «вернувшихся»? – язвительно осведомился репортер очень популярной частной радиостанции «33 1/3» и глуповато хохотнул.

– Абсолютно справедливо, — с достоинством наклонил голову говоривший.

– А как же Зимин? – нервно пожал плечами человек с аккуратным пробором на голове и солидным брюшком – редактор пропрезидентской городской газеты, – и растерянно оглядел стихийно организованную пресс-конференцию.

– Я предствить себе не могу, кому же это выгодно распускать такие... э... нелепые слухи, – благородно вознегодовал седой солидный господин на ораторском месте и сорвал дымчатые очки с орлиной переносицы. – В конце концов, товарищи, мы же не в средневековье! Этак мы черт знает до чего можем договориться. Я могу с полной ответственностью заявить, что убийца Ольги Огаревой не найден...

– И это доказывает то, что его не существует? – откровенно насмехался журналист свободного поиска Максим Панфилов, обращаясь к собственному диктофону.

Негодующий прокурор от злости аж поперхнулся и выразительно посмотрел на журналиста.

В глазах обвинения можно было легко прочитать: «Попал бы ты, сукин сын, на скамью подсудимых за клетку, где тебе самое место, я бы упрятал тебя, латрыгу, на максимально возможный срок, если только по статье не предусмотрен расстрел».

– Убийца, безусловно, существует...

– Даже так?! – веселился журналист.

– ... Существует, – настырничал прокурор, – И, разумеется, будет рано или поздно задержан или передан суду. А беспочвенные, ложные и сумасшедшие идеи о трупe, восставшем из гроба и совершившем якобы это убийство... гм... видимо, распускает тот, – и прокурор обличающее воззрелся на Панфилова, – кому выгодны дешевые, сиюминутные сенсации, дабы немедленно ткнуть в газетку очередной опус, засира... запудрива... э... ющий мозги читателям.

– Радуйся, что в нашем кодексе нет статьи за клевету на покойников, – прошептал на ухо Панфилову репортер радиостанции «33 1/3». – А привлечь тебя за осквернение места захоронения не получится.

– Я очень прошу, – продолжал прокурор, – представителей средств массовой информации не пускать на страницы газет и в теле и радиоэфир заведомую утку. Население области, да и, чего греха таить, всей страны и так запуганно разгулом преступности, чтобы потчевать его еще и страшилками о зомби. И как такой бред только в голову кому-то пришел, не понимаю.

– Значит, разговоры о фотографии... – начал было редактор пропрезидентской газеты.

– О, Господи! – возвел руки к засиженному мухами потолку служитель закона. – Да не существует никакой фотографии. Все это разговоры. Все это чья-то болезненная

фантазия. Вот, собственно, что я хотел сказать, това... э... господа, попросив вас собраться сегодня здесь, в здании городского суда, — прокурор улыбнулся улыбкой умудренного жизнью, все на светезнающего человека. — Надеюсь, мы все достаточно здоровы, чтобы не тревожить наших людей, жителей нашего города и района, я имею в виду подобной ерундой.

— Никогда, — громко заверил свой диктофон Максим Панфилов, вызвав довольно легкомысленные смешки среди пишущей и вещающей братии, и отключил его.

Прокурор в очередной раз уничтожающе посмотрел на журналиста и вместе с секретаршей, похожей на крашенную болонку, поспешно покинул зал судебных заседаний, превращенный на время в пресс-центр.

— Панфилов, — раздраженно пробублькала редактор с аккуратным пробором. — Ты со всеми так обращаешься?

— Со всеми, пан редактор. Я еще «тыкаю» всем, не взирая, как говорится, — вздохнул Панфилов, пряча диктофон в карман. — Со всеми я общаюсь, и очень часто с такими сволочами... что... а, кстати, как это «так»?

— По-хамски.

— Значит, просто ты хамов не видел, мой пухлый друг.

Уже на выходе журналист еще раз обернулся в сторону редактора:

— И если бы ты только знал, сколько мне попадаете таких сволочей, «правильных» сукиных сынов, у которых задница давно срослась с мягким креслом в единый, руководящий конгломерат.

Открыв расшатанный, дышащий на ладан замок двери своей однокомнатной «хрущевки», Максим первым долгом споткнулся о Бездну.

Бездной звали совершенно белую, голубоглазую и поразительно толстую кошку Панфилова. Он торжественно присвоил ей это имя, когда убедился, что накормить это создание досыта не представляется никакой реальной возможности.

Бездна с удовольствием поглощала и «Вискас», и «Педигри», и «Китикет», была, как и заверяла реклама, абсолютно здорова, но также ненасытна.

Выловив из вчерашних щей добротный кусок мяса, Максим плюхнул его в миску:

— Бездна, должен сообщить, что ты очень полезная кошка. Ты оказала мне неоценимую услугу, наглядно продемонстрировав, что такое есть бесконечность.

На письменном столе Панфилова творилось то, что интеллигентные и околочультурные люди называют творческим беспорядком, а люди простые — бардаком.

Затреханная пишущая машинка «Москва» была завалена отпечатанными листами, испещренными бесплощадной правкой, красочная, пластиковая пепельница «Пан Ам» представляла из себя пирамиду фараона Хуфу, слепленную из выкуренных до фильтра сигарет.

Среди сломанных карандашей, толстых, как сосиски, фломастеров, скрепок и разорванных или скомканных листов можно было (хотя и с трудом) обнаружить даже все принадлежности для ретуши фотографий.

Панфилов был из той разновидности журналистов, которые сами же и делали снимки к своим репортажам и очеркам, не доверяя вечно недовольным фотокорреспондентам, считающим, что в редакции только они и занимаются чем-то путным.

Максим аккуратно отставил в сторону расхлябанное кресло-качалку и присел на короточки возле письменного стола. Он осторожно выгнул из пазов верхний ящик с давно не действующим замочком, и вскоре пакет, приклеенный скотчем к дну ящика, был торжественно водружен на усыпанный пеплом стол.

В пакете была одна-единственная фотография, причем не нуждающаяся ни в какой ретуши.

Это контрастное черно-белое фото было настоящей разрушительной силы бомбой, обнародовав которую, Панфилов не только сорвал бы оставшийся лоск с прокурора, но и сильно бы расшатал позиции тех, кто стоит на так называемой рационалистической позиции, отрицающей оккультизм, экстрасенсорику, милосердие, сострадание, участие.

Журналист, не прикасаясь к матовой, тисненой фотографии, вытряхнул ее из безликого пакета. И уже в который раз его охватило чувство, что все происшедшее с ним за последние пару дней не более чем сумасшедший сон, от которого мучаешься, насмотревшись фильмов Альфреда Хичкока.

Для непосвященных фото не отличалось ничем примечательным от тысячи подобных ему, если бы не одна деталь, которая для неосведомленных, в общем-то, ни о чем не говорила.

Однако попади эта фотография на страницы местных изданий, жители Черноводска были бы повержены в такую панику, что объявление о начале ядерной войны было бы воспринято гораздо спокойней.

Тисненая матовая фотобумага несла на себе изображение педантично, по-девичьи обставленной комнаты, в одном из углов которой можно было рассмотреть телевизор «Джи-Ви-Си», видеомагнитофон на нем и две-три кассеты, валяющиеся возле тумбы.

На тахте, покрытой шкурой облезлого бурого медведя, в неестественной позе лежала белокурая женщина лет тридцати с хвостиком с широко раскрытыми глазами, в которых застыла необыкновенная смесь ужаса и удивления.

Патологоанатомы говорят, что очень часто можно видеть это выражение крайнего удивления на лицах покойников. Словно умирающий крайне поражен внезапно открывшейся картиной потустороннего, которое абсолютно не соответствовало его прижизненным представлениям о том свете.

Никаких видимых следов насилия на трупе заметно не было, однако с первого взгляда было ясно, что это не что иное, как красивый труп, а совсем не спящая красавица.

Но вовсе не соблазнительные формы покойной и не шикарная видеодвойка привлекали внимание журналиста, а сидевший в изголовье девушки мужчина в расстегнутой на груди рубашке, с презрительной – одним уголком губ – ухмылкой.

Несмотря на ухмылку, взгляд мужчины был какой-то отсутствующий. На его груди висел большой и, по-видимому, очень тяжелый медальон на шнурке с изображением египетского сфинкса. Переплетенные на колене тонкие длинные пальцы пианиста были словно вылеплены из совершенно белого алебастра. На безымянном пальце правой руки тускло отсвечивал массивный, скорее всего серебряный, перстень, хотя по черно-белому фото с полной уверенностью сказать было сложно. Высокий лоб, красивые губы. ... Словом, в изголовье покойницы сидел Александр Зимин собственной персоной – всем в городе известный художник классического направления, убежденный пьяница и неисправимый бабник. Мертвая девушка при жизни также была достаточно популярна – средней руки актриса городского театра.

И все бы ничего – об этой колоритной связи было известно всему городу, если бы не

тот факт, что Панфилов лично присутствовал семь месяцев назад на похоронах Саши, убитого в туалете ресторана «Звездный» ударом ножа под левую лопатку.

Первое, что приходило на ум, – это то, что снимок, мол, был сделан год назад, и мертвая Ольга Огарева, совсем не мертвая, а репетирует роль Дездемоны, а странный взгляд Саши вовсе не отсутствующий и не присутствующий, а просто обычный взгляд пьяного в стельку человека.

Это первое, что приходило на ум, а второе – что вам необходимо срочно проконсультироваться у психиатра, потому что бедра девушки прикрывал номер газеты «Смутное время» за прошлую пятницу. Газета была расстелена так, чтобы каждому становились видны и номер, и год, и число, и даже заголовок передовицы – «НАТО продолжает бомбардировки сербских позиций».

Но больше всего Максима беспокоило не то, что изображено на снимке, хотя сам по себе он мог ввести кого угодно в ступор, а тот факт, что фотография была обнаружена им в своем собственном почтовом ящике сразу же на следующий день после убийства актрисы. На пакете не было ни адреса Панфилова, ни обратного адреса. «Что и не мудрено, – кисло подумал Максим и закурил. – Представляю себе: Преисподняя, улица Кипящих котлов, номер 438, Зимину Александру. Марки подлунного мира недействительны».

Однако, несмотря на весь свой сарказм и скепсис, присущий всем журналистам вообще, а Панфилову в большей степени, чем всем вместе взятым, репортер испытывал острое предчувствие грядущих перемен в жизни, кое высказывает приятный холодок в груди и бесшабашно-веселое настроение, словно хватанул стакан водки.

Но, в общем-то, Панфилов был не настолько глуп, чтобы не понимать, что ничего приятного эти перемены не предвещают. Когда твой хороший приятель восстает из мертвых, убивает свою бывшую подругу и в подтверждение этого присылает тебе фотографию, – чего уж тут хорошего можно ожидать.

Панфилов невольно поехал, вспомнив вдруг фильм «Кладбище домашних животных» Стивена Кинга в гениальной постановке Рубинштейна.

Особенно ярко виделось, как трехлетний дитенок, выбравшись из могилы с помощью своего безупречного отца, в конце концов кромсает соседа и мать хирургическим скальпелем на куски, предварительно перерезав им сухожилия на ногах, чтобы далеко уйти не смогли.

Когда где-то в глубине распечатанных и исчерканных бумаг глухо завопил телефон, Панфилов покрылся липким потом.

Видение кинговских кошмаров рассыпалось на микроскопические кусочки каких-то цветных пятен, похожих на те, что вам тычут в глаза нервные патологи, проверяя вас на предмет дееспособности и возможности водить автомобиль.

Когда журналист поднес трубку к уху, то услышал всего одну фразу, доносившуюся будто из подземелья:

– Привет, Макс. Ты следующий. Друг.

Практичный радиотелефон «Панасонию» мягко плюхнулся на незаконченную статью о проститутках.

Панфилов узнал голос. Это был голос умершего семь месяцев назад Саши Зимина.

2.

На кладбище было, в общем-то, спокойно, если не принимать во внимание человек пять ветеранов афганской войны, относительно тихо поминавших своего товарища по

оружию. И Панфилов, миновав аллею Памяти, углубился в лабиринт дорожек, петляющих между могил с оградками и без, с памятниками и без оных, со свежими цветами и поблекшими, выцветшими венками. «От безутешных мамы, жены и Женечки», «Скорбящие родственники...»

От могил поднимался пар – давал знать о себе всю ветреную ночь хлеставший дождь, и, казалось, что это мертвецы в своих последних малогабаритных квартирах дышат – не надыхаются ядреным осенним воздухом, пахнущим прелыми листьями кленов и осин.

Могила Зимина притупилась на отшибе. За ней сразу начинался овраг с никогда не пересыхающим болотцем.

На скромном, с уже пожелтой кашкой холмике кривился уродливый обелиск из цементно-мраморной крошки, на котором не было ничего, кроме лаконичной надписи: «1965 - 1992».

Прямо возле обелиска рос крепенький дубок со все еще зелеными листьями, несмотря на конец сентября.

Что заставило журналиста прийти в это царство мертвых, он, пожалуй, и сам бы не смог объяснить. Наверное, хотел удостовериться, что могила и уродливый памятник на ней находятся на месте. Холм вместе с плитой, конечно, заметно осел, но не более того. Земля на могиле была плотно утрамбованной.

«А чего я, собственно, ожидал? Разрыхленный, как после боронования, дерн, из которого торчали бы изуродованные незабудки и кукушкин хлеб?»

Желто-красный кленовый лист, неведь откуда принесенный стылым ветром, неожиданно коснулся разгоряченной щеки Панфилова и тот, отчаянно замотав головой, отпрыгнул от заброшенной всеми живыми могилы художника, судорожно замахав руками, будто отгоняя невидимую пчелу.

– Теплый, – дрожащим голосом прошептал он. – Теплый лист... Саша... Саша, это ты? Ты меня слышишь? Саша...

«По-моему, я схожу с ума», – подумал журналист безрадостно.

– Поверь же мне, черт возьми! Она сама затащила меня в постель! Я был пьян и... Дьявол! Ты же прекрасно знаешь, как это все происходит! Почему я? Почему меня?! Мы были с тобой приятелями, нет? Я бывал у тебя дома, ты частенько пьянствовал у меня... За что?

Панфилов бессильно опустил голову возле могилы на не просохшую от дождя траву и беззвучно заплакал, закрывая холодное лицо ладонями.

«Из-за какой-то подстилки! Из-за какой-то дырки для члена! Да, будьте вы все прокляты! Будьте прокляты и живые и мертвые!»

Макс поднялся и, кое-как утерев обветренное лицо от бессильных слез, в сердцах плюнул на безрадостную могилу своего бывшего товарища и собутыльника. Где-то в кронах еще не совсем облетевших кленов ему послышался еле различимый, зловещий смех.

Послышался...

3.

Бисерный, холодный дождь моросил с самой ночи. Небо от горизонта до горизонта было вымазано грязными, рваными тучами, и если бы не картавый и самодовольный голос ведущего утренней программы «Начало», Панфилов так бы и не сообразил, поздний ли это вечер или раннее утро.

«Опять утро, – вяло подумал журналист и кряхтя дотянулся до пачки «Салема». – Машины урчат по-утреннему, дети пищат от нежелания идти в детские сады, соседи за стеной уже похмелились и завели Шуфутинского... «Душа болит, а сердце плачет, и ночка темная была...»

Изо дня в день одно и то же. Шуфутинский, дети, машины.

– Убийства тоже происходят изо дня в день, – прошептал чей-то голос, и Панфилов, подскочивший к скомканной-перекомканной постели, надрывно закашлялся.

В дверном проеме, небрежно облокотясь о косяк, стоял Зимин.

– Правда, похоже на сон? – глухо проговорил покойный художник и криво, по своему обыкновению, усмехнулся. – Открою тебе по старой дружбе секрет. Мне и самому иногда кажется, что это сон... а-ах, отвык я от запаха ментола. ТАМ у нас это строго возбраняется.

– Си... сигареты с ментолом?

– Не только с ментолом, – почему-то перешел на свистящий шепот покойный. – Вообще все сигареты. Выпивка, кстати, тоже.

– И женщины, небось? – попытался придать своему голосу разухабисто – небрежное выражение Панфилов и осекся под неживым, мертвенно-бледным взглядом Зимина.

– Тебе страшно, Макс, – все также глухо и безжизненно проговорил труп, оставив последний вопрос журналиста без внимания.

Панфилову не было страшно, он чувствовал каждой порой своего пропитанного алкоголем тела животный ужас.

Когда ты услышал в трубке, что будешь следующим, наверняка, подумал о том, что я собираюсь отгрызть тебе голову или что-нибудь в этом роде, то, что литераторы школы «черного романтизма» описывают довольно красочно? А-сь?

– А... а ты бы что подумал, я ведь...

– Тысяча девятьсот восемьдесят девятый год. Июль. Двадцать третье.

Панфилов передернулся. Он прекрасно помнил и этот год, и этот месяц и даже этот день. Он никогда по-настоящему и не забывал их, просто прятал это в самые глубокие лабиринты своей памяти и затапливал эти лабиринты ядами «Далляр» или «Осенний сад».

– Ты, я вижу, хочешь узнать, кто тебя предал? Ты ведь хотел это узнать все последние шесть лет?

– Кто? – еле слышно выдохнул Панфилов и надрывно закашлялся.

– У нее родинка на левой груди... Ха-ха-ха-ха!.. Я отомстил за тебя, Максимка... ты хотел узнать правду? Ты ее получил. Желаю весело прожить остаток дней.

– Это был сон. Это был кошмарный сон, – пробормотал свободный журналист Максим Панфилов, проснувшийся в холодном поту, едва за окнами забрезжил темносиний, почти фиолетовый рассвет.

– Сон, сон, сон, – вторило ему бесплотное эхо, бесцеремонно врываясь в раскрытую форточку с треснутым стеклом.

– Сон, сон, сон, – щебетали Панфилову неведомые птицы в облетевших кленах и тополях.

– Да, сон! – откидывая мокрую от холодного пота простыню, твердо повторил Максим и прошлепал на кухню, где, настойчиво сидя у миски и ожидая пробуждения хозяина, ждала Бездна.

От привычного уюта кухни, от нетерпеливого урчания Бездны, ожидающей традиционного завтрака, от невнятно бубнившего радио Панфилову стало легко и спокойно.

Утро начиналось. А раннее утро, когда все нормальные, не обремененные штурмом утренних автобусов, граждане еще пускают слюни в своих постелях, согласитесь, хорошее время.

Время, когда многое хочется сделать.

Панфилов по утрам не делал ни черта. Он бокалами поглащал «Мокку» и смолил «Салем».

Ментоловый бодрящий дым змеей выползал в расхлябанную форточку, и коты, снующие возле мусорных баков, смущенно принохивались к незнакомому запаху удушливого виргинского табака и прядали обгрызанными ушами.

Панфилов мастерски пустил жирное, чуть дрожащее кольцо молочно-белого дыма и закинул было ноги на облитый портвейном и еще Бог знает чем табурет.

Кольцо дыма проплыло над газовой плитой, над трехпрограммником «Сириус» и разбилось возле старинной, в серебряном окладе за стеклом, иконе, изображавшей Николая Угодника.

Панфилов сдавленно вскрикнул, и сигарета выпала из его заходивших ходуном рук.

Вместо Николая Угодника за стеклом была фотография улыбающегося мужчины с финкой вместо Святого Распятая.

Мужчиной был покойный Александр Зимин.

4.

– То, что вы мне только что рассказали, откровенно говоря, смахивает...

– На приступ острой шизофрении?

– Я бы не был столь категоричен...

– Однако подумали об этом, не так ли?

– Да мало ли, черт побери, что я об этом подумал! В моей практике были случаи и похлеще!

– Вам повезло, доктор, с чем я вас и поздравляю, а вот в моей практике такой случай впервые, черт побери!

– Так вы говорите, что фото появляется каждое утро?

– Регулярно. То этот покойный с ножом, я даже могу рассмотреть капельки крови на лезвии, то на фоне могильных крестов...

– Он был вашим другом, не так ли?

– А какое это имеет значение?... Скорее, хорошим знакомым, собутыльником, впрочем, теперь эти понятия нивелировались...

– Вы ссорились? Ну, я имею в виду женщины...

– Ссорились? Разве по поводу рок - групп или статей в журналах. Впрочем...

– Женщина?

– Шлюха.

– Шлюха тоже женщина. Шлюх также любят, ревнуют, дарят им цветы, убивают из-за них.

Панфилов так криво и презрительно ухмыльнулся, что доктор Каюров расхохотался:

– Вы, похоже, женоненавистник?

– Я слишком многих любил.

– Понимаю.

– Вы бы лучше поняли, почему вместо Николая Угодника в иконе появляется эта нагло ухмыляющаяся морда.

– Вы просите о невозможном. Откровенно говоря, если бы я пережил такое, наверняка свихнулся бы бесповоротно...

– Хотите совет? Сходите к оккультисту, экстрасенсу, к бабке там какой-нибудь – знахарке. А я... я не смогу вам помочь.

Панфилов ловко швырнул дымящийся окурок «Салема» в мусорную корзину:

– Да ладно, – безнадежно махнул он рукой и поднялся из неудобного, как все казенные, кресла. – Я, собственно ни на что не надеялся. ...Оккультисты, говорите?..

«Per Adonal Eloin Adonal lechova Adonal Sabaoth Metraton On Agia Adonai Mathon verbum pithonicum misterium Salamandrae conventus silphorum antra gnomorum daemonia Coeli Gad, Almousin Girop, Evam, Zariatnatmic, veni, veni, veni»

Кроваво-красный от толстых восковых свечей, гипнотизирующий свет действовал на Панфилова угнетающе вкупе с заунывно-истерическими завываниями молодящегося старца с сединой, косматой гривой, перетянутой черной лентой.

Комнатка, где находился журналист, полностью соответствовала его представлению о свихнувшихся на астрологии, хиромантии и спиритизме людях, наглухо драпирующих окна красными занавесями, имеющих в качестве пепельницы человеческий череп и использующих свечи в качестве единственных источников освещения.

Правда, это не мешало им иметь телевизоры и даже видеомэгафоны. Маг и прорицатель, к которому по совету психиатра, обратился Максим, беспрерывно дымил анашой и нараспев повторял одно и то же заклинание. При этом он время от времени касался то лба, то груди журналиста раздвоенной на конце веточкой орешника, отчего Панфилова передергивало и появлялось крамольное желание двинуть мага и прорицателю в бородатую морду.

– Это заклинание Великого Гримуара, которое приведено в «Красном Драконе», – подняв вверх желтый прокуренный палец, многозначительно проговорил прорицатель.

С таким же успехом он мог сообщить Панфилову о том, что сенатор от штата Айова лоббирует повышение цен на кукурузу, и бедняги американские фермеры вынуждены посему влачить жалкое существование в своих трехэтажных домишках, пользуясь всего лишь двумя тракторами вместо пяти.

– Ему можно верить, этому вашему Великому?

– Вера – есть единственный способ существования смертных, – изрек старец, со своей черной повязкой на лохмах более походивший на Джимми Хендрикса, и снова возвел крючковатый желтый палец к закопченному потолку, должествующему означать небеса, хотя Панфилову было известно, что за потолком живет горький пропойца и талантливый портной с какой-то мудреной еврейской фамилией, напивающийся по субботам и воскресеньям до положения риз и матеревший всех святых и угодников.

– Это смотря кто во что верит, – вяло проговорил Максим, надышавшийся афганской травки и вообще переставший что-либо соображать. – Вы, отец, верите в своего Великого, а я верю в свой «Кодаю». Вы верите в то, что Сашка Зимин после вашей абракадабры

вернется назад в могилу, а я верю в то, что ни черта такого не произойдет. И мне до конца дней своих придется общаться вместо Николая Угодника с расстригой-художником, укокошившим свою пессию и не желающим возвращаться в лучший из миров.

– Кому известно, где он есть – этот лучший из миров? И есть ли он вообще – этот лучший? Человек человеку брат и товарищ.

– В связи с распадом Советского Союза, – как подал недавно заявку в Госдуму тамбовский волк, – впредь прошу товарищем меня не называть, – пробормотал Максим и с трудом поднялся с воняющего кошачьей мочой топчана. – Помогите мне, Пречистая!

Проходя мимо закрывающегося уже ресторана «Маяк» и слегка покачиваясь после заклинающе-конопляного общения с прорицателем, Панфилов неожиданно заметил возле покосившегося и, как ни странно, горевшего фонаря одинокую фигуру, небрежно опершуюся о бетонный столб и пускавшую в насыщенный влагой воздух жирные струи дыма.

Панфилов огляделся по сторонам – улица была пустыня.

– Ну, что, не помог Великий Гримуар? – со смехом осведомился Зимин, даже не глядя в сторону остолбеневшего журналиста.

Панфилову неожиданно показалось, что у восставшего из мертвых художника вместо блекло-молочных глаз абсолютно пустые глазницы.

– Как же ты мне надоел, – устало сказал Гена и закурил. – Тебя, вероятно, и ни молитвы и ни Крестное Знамение не отправят туда, откуда ты пришел?

– Я знал, что человек – неблагодарное животное, но не до такой же степени, – все так же глядя в сторону, промолвил мертвец. – Тот, кто послал меня в этот, теперь уже не мой мир, хотел одного – справедливости, и вот она – благодарность!

– Ты убил Огареву, пусть! Возможно, она была достойна этого...

– Тот, кто послал меня, не ошибается.

– ... Но почему ты изводишь меня? Я тоже достоин смерти? Я должен умереть?! Так убей меня! Убей! – Панфилов устало опустился на влажный выщербленный асфальт и до боли в ладонях сжал разгоряченную голову, уже перестающую что-либо соображать.

– Убей меня, – еле слышно прошептал он, выронив дымящийся окурочек к ногам. Ответа не было.

Панфилов приподнял голову и увидел, что почти возле самых его ног, там, где дотлевал окурочек, лежит что-то черное, бесформенное и, как показалось ему шевелящееся.

Мертвый Зимин исчез.

Максим с трудом встал на колени и наклонил голову почти к самому предмету, лежащему возле ног.

Пустынную улицу огласил звериный вопль.

Перед глазами Панфилова лежало и медленно сокращалось почти абсолютно человеческое сердце...

5.

– Я просто сошел с ума. Я сошел с ума, и мне все это привиделось. Мне просто меньше нужно было читать мистической литературы – вот я и сбрендил. Тысячи людей ежедневно сходят с ума. И я свихнулся, и нет в этом ничего особенного.

– А это что?! – взревел заместитель помощника прокурора Черноводска. – Хрен собачий?! Откуда это?!

Он тряс перед осунувшимся и отекившим лицом Панфилова фотографией с ухмыляющимся Сашей Зиминным и мертвой Огаревой:

– Наши эксперты доказали, что это не фотомонтаж!.. По моему городу ходят покойники, убивают бл... женщин, а ты мне тут гонишь про сумасшествие и невменяемость!

– Не я же, мать вашу, пришел Огареву! – не выдержал и Панфилов.

– Трахал ее тоже не ты?

– Если вы будете подозревать в сообществе всех, кто с ней спал, вам во всей области КПЗ не хватит. Причем, для мэра города вам придется готовить специальную камеру со всеми удобствами, радиотелефоном и факсом.

– Ты это на что же, сукин сын, намекаешь? Ты на кого тянешь, шелкопер?

– А мне плевать на твои вопли, понял? Как ты думаешь, кто настроил телегу на имя начальника милиции, в которой уверяется, что я наркоман, и разрешение на хранение и ношение оружия мне выдали по ошибке? Ее счастье, что она теперь покойница, как и Сашка, иначе ни вам, ни ей, ни жилось бы спокойно. Статья за заведомую клевету у нас пока еще не отменена.

Зампомощника на секунду растерялся:

– Прокуратуре об этом неизвестно.

– Прокуратуре много чего неизвестно, что творится в ментовке. И на кой ляд в вашем штате только существует прокурор по надзору!

– Погоди, погоди. Лицензия на оружие здесь ни при чем. Ты в любой момент можешь обжаловать отказ о выдаче разрешения нового образца в суде...

– Уж обязательно.

– ...А сейчас я хочу узнать, как к тебе попала эта фотография?

– А что, ни прокуратуре, ни ФСБ не известно, что я занимаюсь ВУДУ и оживляю покойников, которые потом мстят всем моим обидчикам и просто недругам?

– Чем ты занимаешься?

– ВУДУ. Африканская магия, если угодно. Специализация – оживление покойников и прочие приятные в том же духе вещи.

– Ты, Панфилов, не юродствуй. Откуда фото?

– Да не знаю я, – Максим прикурил одну сигарету от другой, только что докуренной. – В моем почтовом ящике лежал конверт. В конверте и была упакована эта фотография. Ни штемпеля, ни марок на конверте.

– Почему именно в твой почтовый ящик попал конверт?

– А это вы уж поинтересуйтесь у Зимина, ... кстати, Андрей Петрович, как вы думаете, за всю историю практики судопроизводства был кто-нибудь осужден по статье за доведение до самоубийства?

– А при чем здесь в огороде бузина?

– Достал меня этот художник. Так достал, что хоть в петлю лезь.

Несмотря на свою должность, Андрей Петрович был человеком суеверным и склонным к мистицизму, поэтому разговоры о восставшем из мертвых его ни в малейшей степени не смущали, скорее, наоборот.

Всю свою жизнь, заполненную рутинной работой в городской прокуратуре, он ждал, что случится что-то такое, что перевернет весь его унылый и ненавистный уклад жизни

с нелюбимой женой, неверной любовницей и бестолковым сыном.

– Значит, говоришь, Зимин претендовал на место Николая Угодника?

– Да не претендовал, а просто занимал его место в образе.

– Вот я и говорю, покажи-ка мне эту икону.

Панфилов вдруг страшно и истерически рассмеялся:

– Представляю себе, если такой протокол ляжет на стол прокурора!

– Не волнуйся, в психушке я попрошу положить нас рядышком.

На доске иконы, за грязным, засиженным мухами стеклом был, и довольно искусно, намалеван Святой Николай.

«Прокуратор», как мысленно окрестил его Максим, поскреб лысеющий затылок:

– Слушай, парень, а может, ты правда принимаешь наркотики? ЛСД или что-то в этом роде?

– Падлой буду по-ростовски, сукой буду по-тамбовски, с рожей битой по-псковски – век свободы не видать. ... В натуре...

– Да не обижайся ты. На мне висит убийство, а убийца...

– А убийца сам давно покойник.

– Я получил разрешение на эксгумацию трупа.

– Хотелось бы посмотреть.

– Думаешь, трупа там нет?

– Хо! Это ни Чикаго времен сухого закона. Я уверен, труп на месте, полугнилой, изъеденный червями и личинками «Большого Саркофага». В общем, предстанет перед вами субъект – трупее не бывает.

– Тогда как...

– Не знаю, Андрей Петрович, не знаю. Неисповедимы пути...

– Н-да-а...

– Он вернулся, значит, так было нужно.

– Кому?

– Н-ну-у...

Панфилов ткнул желтым от никотина пальцем куда-то не то вверх, не то вниз, не то, ... в общем, черт знает куда.

– Справедливость, Андрей Петрович, категория философская, и тем, кто повыше нас, простите за каламбур, виднее, кого наказывать и когда.

– Она была хороша в постели?

– Да Боже ты мой! Я с ней и был-то всего один раз.

– М-да, одного раза маловато, – согласился Зампомощника и помолчал. – Наверное, неплоха, раз, как ты уверяешь, с ней переспало полгорода.

– Простите, я этого не говорил.

– Какая разница, – отмахался «прокуратор», потягивая из выщербленного бокала с надписью «Время – дело, потехе – час» поганый бразильский кофе «Пеле». – Ну, надо же, дьявол меня подери, расскажи мне кто-нибудь, что я буду когда-нибудь в жизни заниматься таким делом, плюнул бы ему в левый глаз.

– Почему в левый? – вяло удивился Панфилов.

– Как говорил мой дружок по университету, так главнее.

После «так главнее» молчание затянулось. Дым сигарет в уютно обставленной кухоньке с цветным телевизором «Юность» на раздудырянном холодильнике висел, что называется, коромыслом.

Панфилов думал о не заплаченных за четыре месяца алиментах – «элиментах», как он говорил, и подскочивших ценах на пленку «Кодак». Андрей Петрович – об опостылевшей жене, о неверной любовнице и о тормозных шлангах к старой, разваливающейся на глазах, «Тойоте». Жена была, но спать с ней он не хотел. С любовницей спать было негде и некогда. О тормозных шлангах приходилось только мечтать.

За окном стремительно темнело, и неожиданно налетевшим порывом ветра с грохотом распахнуло форточку.

Оба – и журналист и помпрокурора – вздрогнули и многозначительно переглянулись.

В форточку влетел сморщенный багряный кленовый лист и опустился как раз между банкой кофе и доверху набитой пепельницей.

И побледневшему «прокуратору», и покрывшемуся испариной журналисту послышался еле слышимый, угасающий шепот: «Я еще вернусь»...

А, может быть, это был вовсе и не шепот, а шум поздней, последней этой осенью грозы.

г. Димитровград. Осень 1995 г.

Ангел безумия.

«Стремление к цели еще не означает достижения этой цели, и, вообще, цель достижима только в приближении».

Т. Фехнер

По большому счету, я уже забыл ее. Да, забыл. Не верите? Ваше дело. Но я говорю: я забыл ее... или почти забыл. Что там говорят психоаналитики и дианетики про подсознание, про «тени прошлого»? Так вот, она была для меня именно такой тенью, тенью давнего прошлого. Ну, уж если откровенно, не такой «тенью» и не такого «давнего», но, тем не менее, все то безумие, что принято называть любовью или страстью, ежели вам угодно, прошло двадцать лет назад. По крайней мере, мне тогда так казалось. А впрочем... если бы не она, я бы тогда не написал одной из самых своих лучших новелл. Ее опубликовали в университетском альманахе «Блуждающие звезды», и я, как говорится, в одночасье «проснулся знаменитым». Что значит «Блуждающие звезды»? Ну, все очень просто. Юношеский максимализм, если хотите. Вся наша братия считала себя тогда «звездами», избранными, что называется... возможно, так оно и было. Да просто наверняка, мать ее! Что, простите? Ха-ха-ха. За что, как говорится, и люблю себя – за красоту и скромность... а «блуждающие»? Мы тогда все блуждали. Кто-то «блуждал» от кабака до кабака, от бляди до бляди, а мы «блуждали» от редакции до редакции, от гитары до письменного стола, от стихотворения до эссе...

Из новеллы «Проклятье», опубликованной в литературном альманахе Р-ского университета «Блуждающие звезды». 1981год.

...Будьте, прокляты Вы, чьей волей в одно мгновение перевернулся мир. Что-то в одну секунду сместилось во Вселенной, и на крохотной пылинке под глупым названием Земля двое начали непонятный путь друг к другу. Непонятный и ненужный Путь ведущий в никуда, путь, понятный лишь тем, кто с тихим смехом взирал со звездных высот на бессмысленную пылинку с глупым названием Земля. Вы видели, как ранним утром в непонятной стране, в неизвестном городе, в заброшенном парке, где сохранилась только одна нежно-белая роза, вы видели, как по полупрозрачному лепестку медленно стекает росинка, вобравшая в себя миллион солнечных радуг? Вы видели, как поздно вечером из черного, в золотой раме зеркала на вас глядят те, кого вы когда-то любили и предали? Тени минувшего проходят чередой в непознаваемой глубине этого треснувшего зеркала. Все так же, как всегда. Те же далекие синие годы, подернутые дымкой облаков. И так же кричат ни на что не похожие птицы в заброшенном, пустом парке. Что-то должно случиться. Время сдается и уходит в другой мир, в недоступные человеческому пониманию дали, где с тихим смехом с недосягаемой высоты вирают на нас те, кто лепит из хрупких секунд человеческие радости и страдания. Веранда, засыпанная съезжившимися осенними листьями и озаренные заходящим солнцем далекие синие горы. Мягко льется музыка, что слышалась здесь и двадцать и двести лет назад...

Знаете, что я вам скажу? У меня была тогда куча любовниц. Этакая небольшая толпа. И, знаете, что было самым странным? Некоторые из них действительно меня любили.

Правда-правда. Некоторые любили меня. И не так, как сейчас, – за машину, видео, доллары. Тогда у меня не было ни черта. Ни гроша ломанного за душой. Я как мог помогал вино-водочной промышленности. Но зато у меня была душа. Вы понимаете, о чем я? Я чувствовал женщин. Настоящих женщин и проституток я не беру в счет. У них не так много желаний. И женщины хотят, чтобы их любили. Просто, да? Именно любили, искренне, а не делали вид, что любят. Настоящая женщина распознает это за версту. Вы ей цветы охапками, шампанское ведрами, турецкие спагетти на уши, а в ответ? Вот именно, она уходит от вас к нищете закоренелой, пьяни беспробудной. И ублажает это «отребье» как может, отдает последние деньги на гнилой портвейн своему избраннику, пропускает лекции по психологии, не ночует дома, скандала с родителями и, вообще, ведет себя как выражаетесь вы, психиатры, «неадекватно». Вы никогда не интересовались, почему так происходит? А жаль. Разгадка-то проста, как сатиновые трусы за рупь двадцать. Девушка вам в глаза глядит и видит, что вы не собираетесь ее покупать, а просто-напросто любите. Причем любите, не планируя заранее затащить ее в обрызганную французским интимным дезодорантом постель. Вы любите ее как красивую звезду на ночном небе. Упадет к вам в руки – прекрасно, нет – да ради Христа; продолжай светить, маленькая, я - то знаю, что звезду нельзя купить. И какой идиот придумал это выражение: «то, что нельзя купить за деньги, можно купить за большие деньги»? Впрочем, я знаю. Это выражение принадлежит американскому миллиардеру Полю Гетти, ныне покойному. Миллиардеру, конечно, виднее, но я полагаю, что все это дерьмо собачье. ...Ну, разумеется, все имеет свою цену. Во сколько вы, к примеру, оцениваете распятие Назарея римлянами? А какова цена мимолетного поцелуя прекрасной незнакомки, не обязывающего вас ни к чему?..

Однако мы отклонились от темы нашей беседы... вам ведь, вероятно, интересно, каким образом я попал в разряд некрофилов? Ну, что ж... ну, что ж... у меня был тогда один приятель-собутельник из студентов-медиков, подрабатывающий в морге. Как и все студенты-медики, подрабатывающие в морге, мой приятель был человек малопьющий, в смысле – сколько ни пьет, все мало. И я частенько оставался с ним на ночные дежурства. Мы коротали длинные ночи за сеткой дешевого портвейна прямо возле распухших мироморно-белых или черно-зеленых трупов. Мы полегоныку тянули эту восемнадцатиградусную косорыловку, курили сырую астраханскую «Астру» и были вполне счастливы. Странно, правда? И в то время с покойниками мне было гораздо спокойнее, пардон за невольный каламбур, но это было, действительно, так. Какую бы пьяно- философскую чухню мы с Ромой ни несли, трупы не возражали, не дискутировали, не спорили с пеной у рта и не опровергали заведомой лабуды. Они просто слушали. Да. Я просто уверен, что все они видели и все слышали, а если у какого-то из них из пустых глазниц выступал грязно-белый мозг, казалось, что он шевелится. Казалось, что мозговые клетки что-то там кумекают, что-то соображают, прислушиваются к нашему пьяному бреду. Чего греха таить, мне и сейчас гораздо спокойнее с мертвецами, чем с живыми. Вы ведь, доктор, встречали «живых трупов»?.. Да какой там к дьяволу зомби! Я имею в виду: говори те вы с человеком, а в глазах у него такая мертвечина, что просто не по себе становится. Пустые глаза, пустая жизнь. Ему только кажется, что он живет, ест, пьет. Сам-то он, естественно, уверен, что все в полном ажуре, что так и надо... но глаза... ангел смерти ему еще при рождении на какую-то долю секунды затмил невинные, косящие

глазенки тенью черных перепончатых крыл. Гадалки и чернокнижники говорят, что по фотографии можно узнать, скоро ли умрет человек. Наверное, так оно и есть. Не знаю...

Из новеллы В. Шереметьева «Проклятие», опубликованной в литературном альманахе Р-ского университета «Блуждающие звезды». 1981.

...И двести лет назад кто-то, кого уже Бог знает сколько поколений нет на Земле, ранним сырым утром уронил одну-единственную слезинку на прозрачно-белый лепесток розы и удивился. Роса высохла, а на лепестке белой розы, чудом уцелевшей в этом заброшенном парке – росинка. Росинка, собравшая в себя миллион солнц и мириады далеких, непостижимо далеких звезд. И тот, чьи кости теперь рассыпятся в прах при одном лишь прикосновении, сам не зная почему, вспомнил и прочитал вдруг странное четверостишие:

Я слушаю листопад и знаю, что все проходящее,

Как этот пустеющий сад, под огненным шаром горящий.

Не смотрите на часы. Прошу вас, не смотрите на эти настойчиво тикающие кругляшки и квадратики. Не они мерило. Не верьте тому умничающему бездельнику, который сказал, что в одну и ту же реку нельзя войти дважды. Маленький, кое-как слепленный из лунного света, человек посыпает наши головы серебряной пылью и шелкает кривым безобразным пальцем по нашим сердцам. Наши головы опутывает седина. Наши сердца не выдерживают и лопаются сквозь ребра. Вот что такое время. Не покидай меня! Не покидай! Сейчас я полуживой, а если мы расстанемся, я уже не буду живым. Маленький, беспощадный лунный человечек просто вырвет мое сердце... время...

Нет, я точно не могу сказать, когда я начал регулярно посещать моего «завморгом», а вот когда привезли ЕЕ... Разве, док, забудешь, когда-нибудь свою первую и последнюю любовь. Я разумею Любовь с большой буквы, когда «готов целовать ее сапожек пыль». Вы не помните, из какой это песни? Ну, и Бог с ней, с этой песней. На ней не было ни единой царапины, ни одного, самого малого, синячка. Она была как жавая. Понимаете? Как-будто заснула на минутку и вот-вот распахнет свои ресницы и произнесет, как в сказке, «Ах, как же долго я спала». С вами бывало такое, док, – напьешься вдребадан, наутро не помнишь ни хрена, а какая-то незначительная, во-от этакая малюсенькая деталь врезалась в память так, что и по прошествии тридцати лет помнишь ее, будто от этого когда-то зависела ваша собственная жизнь? Было? Да-да, и запахи, и цвета, и вообще... все.

Вот и в тучно со мной произошла такая хреновина. Я запомнил эту мертвячку так, словно в моем пропитанном суррогатным алкоголем мозгу стояла «кодаковская» пленка. Щелк. Щелк. Щелк. Помните, у Эдгара По в рассказе «Тайна Мари Роже» влюбленный опознает эту самую Мари по волоскам на руках? Так вот: я бы узнал эту женщину со спины по повороту головы, причем в полной темноте.

Когда пьяные, естественно, нещадно матерившиеся менты заволокли ее, будто мешок с трубами, в мертвецкую и швырнули на стол, я, честное слово, готов был полезть в драку, словно неизвестная и никогда не виденная мной покойница была моей женой или матерью или сестрой... а-а, вы понимаете?... Это здорово. Я-то до сих пор ни черта не понимаю, а вы вон как махом вникли... короче, влюбился я в неё. С первого взгляда. Втрескался, втюрился, врезался! ... Я же сказал, никаких внешних повреждений. В регистрационной книге, кажется, записали, «острая сердечная недостаточность» или что-то в этом роде. Вы же лучше меня знаете, что в нашей отечественной медицине диагноз

устанавливается после вскрытия. ... У нее была замечательная родинка... нет, не над губой, а немного в стороне. Знаете, при старом режиме мушки носили? Вот-вот, и это была мушка, только не приклеенная, а своя, натуральная. А прямо под мушкой – ямочка. О, силы небесные! Да я был готов за эту ямочку и родинку полжизни отдать! Я и обмывал ее не бешеным напором струи из черного, потрескавшегося шланга, а губкой. Нашел среди ромкиного барахла губку, с которой он третий год собирался в баню сходить, и обмыл... что я чувствовал при этом? Если бы видели ее, то не задавали бы этого вопроса. Нет, ради Бога! Никакого сексуального влечения! Просто у меня было такое ощущение, что я прикасаюсь к существу, не рожденному в этой сточной канаве... что я имею в виду? Я Землю имею в виду. Теперь-то я точно знаю, что так оно и было. Для нее Земля была такой же «прекрасной», как для «зека» карцер, извините за сравнение. Это... это был ангел, неведомыми путями оказавшийся среди нас, «гомо», которые совсем не «сапиенс». И ангел погиб. Как я познакомился с женщиной, похожей на ту? Да я вам в сотый раз повторяю, это и была она. Выбросьте из головы эти бредни про двойников, прошу вас. Это была она. Ангелы бессмертны.

Городок Черноводск был расположен в глубокой долине, заросшей древними вязами и кленами, вдаль от железных дорог, а до ближайшего населенного пункта, где находился аэропорт, и вовсе было чуть ли не тысяча километров. Река Черная, от названия которой и пошло название старого и медленно приходившего в запустение городка, была не судоходна, хотя имела в некоторых местах больше километра в ширину, а глубина местами доходила, если верить старожилам, до сорока метров. Рыбаки-любители, которых, впрочем, было не так уж и много, хорошо знали такие места, но по возможности избегали их.

Древние старухи рассказывают, будто в этих омутах полупрозрачные, прекрасные, как детские сны, русалки водят свои бесконечные подводные хороводы под неслышную для человеческого уха потустороннюю музыку, сотканную из лунных лучей и света бесчисленных, далеких звезд. В это, естественно, мало кто верил, но все то непонятное, непознаваемое, древнее, то, что таится в каждом из нас где-то в бездонных глубинах, диктовало свое, нашептывало тихими мутными ночами: «Не ходи! Это погубит тебя! Не ходи и не думай». И такими же тихими, туманными утрами жители Черноводска, косясь на голубые с золотыми звездами пазухи купола старой православной церкви, мысленно осеняли себя крестным знамением и старались по возможности избегать странных и пугающих мест, которых в таком маленьком городке, как Черноводск, было чересчур. Даже слишком. «Богом забытое место – вздыхали древние старики, сворачивая дрожащими пальцами огромные «козлиные ножки», засыпая штаны крупчатой махоркой, и глядели пустыми бесцветными глазами в сторону скоростной автостралы Ленинград-Псков, по которой изо дня в день на бешеной скорости пронеслись многотонные «МАЗы» – фургоны, никогда не останавливаясь, по совершенно непонятным причинам, в Черноводске. Воистину, проклятое место.

И вот в один из таких тихих, как кладбище, и туманных от болотных испарений ранних, дремотных часов в городке появился незнакомец. Немного поразмыслив, он направился в гостиницу. «Центральная» и долго, но настойчиво тарабанил в массивную, изрисованную непристойными картинками дверь, пока на пороге не появилась заспанная, донельзя рассерженная, толстая и неопрятная дежурная и для начала смерила мужчину

презрительно-недоверчивым взглядом, после чего прохрипела:

– Ты что же это, прощелыга, весь город разбудить хочешь?! А? Чай, тут не какая-нибудь ночлежка, где можно перекантоваться, когда жена из дому выставила. Как же вы меня, алкаши, достали, гребаный свет!

– Я не пью и я не местный, – хмуро произнес человек. – Я добрался до вашего городишки на попутке, и у меня здесь никого нет,

– На попутке он добрался, – ворчала женщина, пропуская мужчину в вестибюль.

– В городе у него никого, а сам приехал. Курорт тебе здесь что ли? Хотя лучшее место для отдыха, действительно, трудно найти. Только в такой дыре и можно отдохнуть... а-а, вы ведь не пьете... тогда Вы здесь не отдохнете, а с ума сойдете. В нашем городе нельзя не пить.

– Я ищу одну женщину.

– Понятно. Женщину. Она красивая?

– Очень.

– Что-то я не припомню в нашем городе ОЧЕНЬ красивых женщин. Смазливые потаскушки – это сколько душе угодно, но ведь Ваша женщина не такая?

– Нет, – отрешенно покачал головой мужчина. – МОЯ женщина, как ангел, и лицом, и душой.

Дежурная порывлась в кособоком ящике доисторического бюро достала безобразный на удивление ключ, намертво привязанный к деревянной колотушке с выжженной на ней цифрой 11.

– Вот чего-чего, а ангелов в нашем Черноводске Вы вряд ли найдете, – хрипло рассмеялась она, обнажив гнилые, пожелтевшие от никотина зубы. – Ангелы стороной облетают наш город... ха-ха-ха... в нашей дыре не только ангелам, а и чертям тошно будет. Так что зря Вы сюда приехали. Меня разбудили ни свет ни заря. Я Вам вот что скажу: уж если она действительно такая, как Вы мне тут ее обрисовали, то первой об этом узнала бы я. Зря Вы сюда приехали.

Словоохотливая полупьяная администраторша мельком перелистала паспорт искателя ангелов и скабрёзно ухмыльнулась:

– Вот что, Эдгар Ростов, дело мое, конечно, маленькое, но какого-никакого завалившего ангела я Вам тут сосватать могу. Крылышек у нее, правда, нет, но все остальное ну просто ангельское. Видали Вы ангела с пятым размером? А-а... то-то.

– Благодарю за работу, – устало сказал Эдгар, мягко улыбаясь. – Я обдумал Ваше предложение. Вот только отосплюсь как следует.

– Да, конечно! Господи! Чай, не горит! Вижу, вымотались Вы порядочно, а я тут про ангелов, дура старая! Одиннадцатый по коридору, налево... может, чайку или покрепче чего... ах, да, Вы ведь не пьете. Тогда идите, обживайтесь, а я сейчас мигом самоварчик сооружу.

– Да что Вы. Не стоит...

– Эх, если не стоит, тогда не стоит, а за таким приятным мужчиной грех не поухаживать... и не спорьте даже, я женщина настойчивая.

– Ну, раз так, спасибо, – все так же устало улыбнулся мужчина и отправился искать одиннадцатый номер.

...Люби меня, люби, не верь словам,
Что истаскал себя по ресторанам.
А, впрочем, я уж, верно, никогда
Тебе не стану ни родным, ни даже равным.
Ах, милый друг мой, терпкое вино
Мне не волнует кровь, как было прежде. Устал я. И устал уже давно,
Забыв холеное лицо тупой надежды.

...Змеинные глаза черных окон заснувших пятиэтажек ненавидяще смотрели в спину и о чем-то злорадно перешептывались. Сумасшедшие светофоры подмигивали желтыми стрекозиными глазами, словно знали что-то такое, чего, кроме них, не мог знать никто. Подземные переходы ухмылялись беззубыми бездонными глотками и приглашали спуститься туда, где бледными, сморщенными тенями бродят бесприютные кто-то (или что-то?), отторгнутые и из рая и из ада. Но полз уже с Востока мертворожденный рассвет. ...Утренние улицы были фиолетовыми. Совсем как во сне. Фиолетовые, в розовых лужах. Широкие, абсолютно пустые улицы. И на какую-то секунду, на одно еле уловимое мгновение могло показаться, что город мертв. Качающаяся, будто маятник, черно-глянцевая телефонная трубка в кабинке с расколотыми стеклами. Прилипшая газета на витрине гастронома. Тишина и пустота обрели плоть...

Одиннадцатый номер походил на все одиннадцатые номера всех гостиниц с названием «Центральная». Человек устало опустился на кровать, покрытую застиранным до дыр покрывалом и вздрогнул. Ошибки быть не могло. Она останавливалась в этом номере! Она была здесь! Мужчина каждой клеточкой, каждой порой своего тела чувствовал, что она провела здесь какое-то время. Может быть, прямо перед тем, как этот номер поступил в распоряжение его самого. Никому не известно, какими духами пользуются бессмертные, но человек был готов поклониться, что этот волнующий до спазм запах неизвестных духов оставила именно она – та, что ускользала от него в тот самый миг, когда, казалось, встреча была неминуемой. Он помнил этот запах еще с того времени, когда желтой губкой обмывал ее безукоризненное, без единого изъяна тело в морге города Р-ска. О, Боже мой! Неужели с того времени прошло пять лет? Пять лет непрерывных поисков, пять лет бесконечных дорог, фешенебельных и задрипанных, типа этой, гостиниц, отелей и «Домов колхозника»? И когда казалось, что он потерял ее уже навсегда, вдруг замечал знакомое прекрасное, как детский смех, лицо то в разношерстной толпе туристов, то в проезжающем мимо троллейбусе. Иногда ему казалось, что и ОНА узнает и поддразнивает его своими внезапными исчезновениями, причем на губах, похожих на лепестки розы, появлялась загадочная улыбка по сравнению с которой улыбка леонардовой «Джоконды» – просто фальшивая ухмылка третьесортной актриски из самого занюханного в стране театра.

– ...Ты, приятель, свихнулся, – не уставал повторять собутыльник-Ромка.

– Я совершенно, то есть абсолютно точно знаю, что ее кремировали. У меня мировой кореш спивается в крематории. Так что лечиться нужно, мой портвейный друг... нигде и никогда ты ее не встретишь и не встречал, как пытаешься меня уверить. Хотя... я вполне допускаю мысль, что ты все-таки встретишь ее, но только в том случае, если вы оба попадете в Ад. Как ты сам понимаешь, Рая тебе не видать как собственных ушей...

«А все-таки я иду по ее следу», – с каким-то чувством самодовольствия шептал про себя молодой и уже изрядно поседевший человек.

– Она была здесь! Она была здесь! – словно магическое заклинание иступленно шептал человек, порывистыми нервными шагами меряя вдоль и поперек непрезентабельный одиннадцатый номер гостиницы «Центральная». – Это ее духи! Конечно, это ее духи! Стало быть... стало быть, она была здесь совсем недавно! Может статься, что она только сегодня утром покинула эту постельку!

Эх, черт, если бы не эти венгерско-дружественные «Икарусы», ломающиеся в самое неподходящее время, то, возможно, он и застал бы ее в этой «Центральной» гостинице и... и... а вот об этом он как-то не задумывался. Не скажешь же, в самом деле, женщине: «Помните, лет пяток назад я в морге Вас собственноручно обмывал? У Вас, как сейчас помню, под, извините, левой грудкой такой рубчатый шрамчик...» Н-да, хорошее начало, нечего сказать. А вдруг это, действительно, не ОНА, не та, кого он обмывал в морге желтой Ромкиной губкой, намыленной «Бархатистым», и нежной, словно кожа новорожденного. В конце концов, доказано же, что существуют практически идентичные двойники, никакие даже не родственники, а люди, живущие в разных странах и даже на разных континентах. Тогда вполне логично предположить, чем закончится такое знакомство...

Мысли человека скакали в раскаленном мозгу, словно окосевшие мартовские зайцы. А он все так же методично и бесцельно продолжал мерять широким, пружинящим шагом захудалый номер пустующей, почти полуразвалившейся гостиницы «Центральная». В его голове бешеным колесом вертелись бесчисленные вопросы, на которые он не в силах был дать ни одного сколь-нибудь вразумительного ответа. Разумеется, Ромкин друг, работающий в морге не за страх, а за совесть «777», мог по ошибке и сжечь кого-нибудь другого, в смысле, другую, такую же неопознанную и никем не разыскиваемую, но тогда возникает вполне резонный вопрос: куда девался труп ТОЙ, обмытой им самим собственноручно и собственноручно же прикрытый желтой, дырявой, в кровавых пятнах простыней. Нет, нет! Это, конечно, ОНА, та самая, по пятам которой Эдгар мытарился вот уже пять с лишком лет. Да просто быть не могло ни у какой другой женщины на всем земном шаре такой ямочки на щеке и мушки возле нее! Он готов был заложить дьяволу душу, и, вообще, все что имел, лишь бы перемолвиться хотя бы парой слов с этой загадочной женщиной, и в то же самое время боялся встречи с ней больше всего на свете. Это один из парадоксов человеческой натуры: всегда стремиться к непонятному, необъяснимому и одновременно бояться его до желудочных спазмов. Идти навстречу опасности – это еще не значит оказаться победителем, избавившимся от страха. Самая большая на свете трусость – это полная потеря чувства самосохранения. Почему-то всегда это называлось отвагой и героизмом...

Не став ждать обещанного администраторшей ангела с пятым размером бюста, Ростов вышел из гостиницы и в раздумье остановился возле закрытого еще в это раннее утро коммерческого ларька.

А город потихоньку просыпался. Зашуршали метлами полупьяные дворники, поднимая в воздух неимоверное количество пыли, которая сразу оседала на витринах ларьков и окнах первых и вторых этажей жилых домов. По улицам загрохотали молочные фургоны и хлебозовки, опьяняя редких прохожих ни с чем не сравнимым запахом свежеевыпеченного хлеба.

Эдгар тревожно посмотрел на восток, откуда своей пыльно-палящей громадой накатывался на Черноводск беспокойный июльский день, и, порывшись в карманах,

вытащил измятую пустую пачку «Родопи».

– А-а, черт! Если не везет, то это надолго, – пробормотал он и в сердцах метнул скомканную в бесформенный шар пачку в чугунную кривобокую урну...

– Сабонис! – неожиданно раздался за спиной приятный жизнерадостный мужской голос.

Эдгар вздрогнул и обернулся. Голос принадлежал парню лет двадцати пяти, одетому в черную футболку с английской надписью «I love «Lord – extra». По сиреневым мешкам под глазами и прическе а-ля «Полюби меня с разбега, я за деревом стою» было ясно, что небрежно аплодирующий ему любитель сигарет «Лорд — Экстра» провел прошедшую ночь отнюдь не за чтением молитв и что добротетель и воздержание не являются его главными жизненными принципами. Парень был удивительно похож на Билл Зейна и в общем производил приятное впечатление.

– Не запаса, – пожал плечами приезжий и попытался улыбнуться.

– Хуже не бывает, – кивнул двойник Зейна и протянул полупустую пачку «Салема».

– Как к ментолу?

– Вполне.

– Рад слышать, – снова кивнул помятый парень и закурил за компанию. – Надолго к нам? – как бы, между прочим, спросил он и протянул руку.

– Максим. Панфилов. Свободный художник.

Эдгар пожал протянутую для приветствия руку:

– Эдгар Ростов... профессия идентичная.

– О! – хрипло рассмеялся Панфилов и прищелкнул пальцами.

– Рыбак рыбака... живопись? Фото? Литература?

– Музыка, – с некоторым отвращением пробурчал Эдгар и описал сигаретой в воздухе что-то неопределенное.

– Я так и подумал, – сказал неожиданно собеседник приезжего. – Гитара?

– Сакс-баритон.

– С ума сойти! – воскликнул тот и с уважением покачал головой. – Мечтал. Мечтал я вместо того, чтобы тарабанить по клавишам пишущей машинки, перебирать золотые пуговицы саксофона. Но вот... «Сгорел архив МВД», «Мафия скупает все»... и подобная этому хренотня, Эдгар. А нервы-то не стальные, а? Эта сучка - журналистика – тянет, тянет, тянет жилы из меня... слушай, если ты не спешишь, пойдем ко мне? Сермакашева давно слушал? Ты ведь первый раз в Черноводске?... О, тогда я много чего интересного могу тебе порассказать. У нас тут время от времени оч-чень интересные вещи происходят.

– Вообще-то я здесь должен найти одного человека, – неуверенно проговорил Эдгар и закурил вторую предложенную новым знакомым сигарету.

– Тогда вообще никаких возражений быть не может! Мы идем в мое бунгало, я произвожу себе реанимацию с помощью «Зубровки», а вот после этого я тебе хоть черта лысого смогут отыскать в нашей дыре. За пятнадцать лет журналистской работы в городе, наверное, не осталось ни одного человечки, с кем бы я не был знаком. Нет в этой вонючей дыре ни одной скотины, которая сама бы меня не считала скотиной.

– Понимаешь, Макс... понимаешь, она приезжая... в смысле – проездом. Так что не знаю, как ты можешь мне помочь, даже не знаю.

На секунду Эдгару показалось, что глаза журналиста стали какими-то пустыми. Абсолютно трезвыми и пустыми. Такие глаза бывают... Такие глаза он часто видел... такие глаза.. (У трупов, Эдди! У трупов, которые вы с алкашом-Ромкой обмывали!).

– А с приезжающими и того легче, – странно изменившимся голосом проговорил черноводский журналист. – Их и искать не нужно. Они сами меня находят... с ними я вообще на короткой ноге. Один такой проездом из Чистилища в Ад с полгода назад так меня нашел! Так достал! Любо дорого!..

Если бы не эти пустые, мертвые глаза и хриплый срывающийся голос нового знакомого, Эдгар все сказанное принял бы просто за шутку, за не очень умную шутку еще не протрезвевшего человека, но... эти глаза и голос...

– Насчет проезжающих, отъезжающих, и уходящих навсегда у меня имеется кое-какой опыт, – стараясь совладать с голосом и тщетно принять бесшабашно-веселое выражение лица, неестественно громко сказал журналист. – Ну, что? Гребем ко мне?

Эдгар, поразмышляв о чем-то еще с минуту, кивнул поседевшей головой в знак согласия.

Всю дорогу до обшарпанной пятиэтажки, стоявшей на отшибе в окружении высоких, толстых, словно баобабов, тополей, новый знакомый Эдгара угрюмо молчал и курил сигареты одну за другой. Было видно, что мысли журналиста, летают (нет уж, скорее ползут, обливаясь кровью) так далеко, что человеческое воображение просто не в состоянии составить хотя бы приблизительное представление о том... потустороннем.

– Видишь вон то окошко? – ткнул журналист дрожащим желтым от никотина пальцем под самую крышу пятиэтажки. – Возле балкона с канадским флагом?

С удивлением Эдгар рассмотрел на фанере углового балкона хрущевки намалеванный развевающийся канадский флаг. Было полное и какое-то дурацкое впечатление, что именно там находилось посольство, консульство или на худой конец торгпредство северо-американской державы.

– А почему канадский?

– Да, черт его знает, – потер щетину на подбородке Панфилов. – Вероятно, потому, что об этой стране, да еще, наверное, об Австралии никогда ничего не говорится ни в новостях, ни во «Времени». А это первый признак того, что в стране все нормально, уж поверьте мне, как профессионалу. Лесорубы сыты, медведи целы, министр финансов не вор, проституция под контролем.

Эдгар откровенно и с облегчением рассмеялся. Журналист начинал ему нравиться:

– А что там, за окошком?

– Там кухня. А на месте, где стояла очень хорошая икона Николая Угодника, стоит теперь очень хорошая подделка «Корабля дураков» Босха.

– Почему?

– А все из-за того проезжающего, – нервно пожал плечами Панфилов и шагнул в затхлую темноту подъезда. – Он, видите ли, возмнил себя... мать его так... в общем, в одно чертовое утро наглая покойная морда этого та-аварисча заслонила собой лик досточтимого святого. ... На бред похоже, да?

– Ну, почему... – поспешно откликнулся Эдгар.

– А-а, вот и ты не веришь, – победоносно воскликнул журналист, раскрывая дверь своей однокомнатной квартиры перед гостем. – А какой, спрашивается, нормальный человек поверит в такую чепуху?

– Психиатр, – печально сказал Ростов, криво ухмыльнувшись.

– Абсолютно справедливо, – задумчиво проговорил Панфилов, разглядывая неожиданного и нежданного гостя так, словно в первый раз увидел его.

– А что, имеется опыт общения?

– Имеется.

– Осмелюсь предположить, что сие связано с твоим проезжающим, – скорее, утверждая, чем вопрошая, проговорил Панфилов, доставая из холодильника поллитровку водки «Финляндия», блюдечко с нарезанной колбасой и сыром и пожухлый пучок зеленого лука.

– Проезжающей, – вздохнул Эдгар.

– Проезжающей?! Это меняет дело! Это в корне меняет дело! – облегчением зарокотал воспрянувший духом журналист, разливая водку по рюмкам. – А то уж я подумал, что опять придется иметь дело с каким-нибудь сумасшедшим сукиным сыном, а потом менять в квартире всю мебель, а не то и саму квартиру.

– Боюсь, что с таким сумасшедшим ты уже имеешь дело, – криво ухмыльнулся Эд.

– Да брось ты! – отмахнулся Максим и опрокинул стопку, даже не поморщившись. – Повидал я на своем веку сумасшедших! Повидал. Ты непохож на них, хотя и подошел почти вплотную... ты закусывай, закусывай. ... Ты, милый друг, уже возле стенки, но тебя еще не расстреляли. Я, конечно, не знаю, почему или для чего от тебя бежит эта женщина и для чего или почему ты ее догоняешь...

– Моя женщина – труп.

Панфилов застыл с поднесенной к губам рюмкой в одной руке и парой просоленных перышек лука в другой.

– Т... труп?..

– По крайней мере, так было. Я хочу сказать, что она пряталась под маской трупа, когда я в первый раз ее увидел. Я в морге работал в то время, я... а, черт! Короче говоря, психиатры считают, что у меня сдвиг по фазе на почве некрофилии. Эдгар единым духом выпил водку и нервно закурил.

– Она пряталась под маской трупа, – продекламировал Панфилов и в сердцах сплюнул на пол. – Это прямо заголовок на первую полосу, честное слово. Но, короче говоря, меня мало интересует, что там считают ваши психиатры, мне интересно услышать вою эту историю с самого начала.

Из новеллы Шереметьева «Проклятье», опубликованной в литературном альманахе» Р-ского университета «Блуждающие звезды»:

... Тишина и пустота обретала плоть, а старинные дома на центральной улице, наоборот, словно растворялись в промозглом предутреннем тумане. За грязными витринами невообразимо уродливого магазина «Одежда» манекены с облупленными лицами тарасились из-за стекол мертвыми глазами, растянув восковые губы в бессмысленных улыбках идиотов, готовых в любой момент броситься на вас и придушить. Без ненависти и злобы, а только чтобы посмотреть, как вылезут из орбит ваши глаза, и вывалится изо рта почерневший распухший язык. Посмотреть, как в предсмертной конвульсии забьются по заплыванному асфальту ваши «Саламандры», как от животного ужаса станет мокрой и теплой ваша «ливайсовская» промежность. Ах, люди, люди, людишечки! Кто из вас понимает настоящую глубинную сущность ужаса? Кто из вас сможет объяснить, почему вы вдруг ни с того ни с сего среди бела дня покрываетесь испариной от безотчетного страха и бормочете, глупо ухмыляясь посиневшими губами: «Только что по тому месту, где будет моя могила, гусь прошел?» ...«Жили у бабуси два веселых гуся». ... Первые

лучи неправдоподобного оранжевого солнца падают на загаженные голубиным пометом стекла магазинных витрин, и еле уловимый стон бессильной ярости слышится за ними. Манекены отдергивают желтые, гладкие, с грубо нарисованным маникюром на ногтях руки от вашего горла и снова застывают, будто ничего не было. А не было ли НИЧЕГО?..

Когда Эдгар закончил свое фантастическое повествование, и Панфилов и сам рассказчик были уже изрядно под шофе, а маревое утро вступило в свои полные права, заполнив гнетущую пустоту перебранками птиц, звонками и скрежетом трамваев, мяуканьем облезлых котов в подворотнях.

– Хорошая история, – со вздохом облегчения сделал резюме журналист, непрестанно дымя сигаретой. – По крайней мере, во всех твоих похождениях можно проследить рациональную нить. Как оказали бы эти самые психиатры, которых ты необдуманно определил словом «нормальные», твоему мистическому рассказу можно очень легко найти логическое объяснение... чего не скажешь о моем случае. ... Ну, да Бог с ним, с моим случаем. В конце концов, я все-таки выдержал и не сошел с ума, хотя и был очень близок к тому, примерно как ты сейчас. Не веришь?

– Да нет. Я вот все думаю, случайно ли мы с тобой столкнулись? Это же, согласись, поразительно. Я всего полчаса нахожусь в совершенно мне незнакомом городе и первый человек, с которым знакомлюсь – ты. Вероятно, единственный человек в столыянском городе, кто смог бы серьезно отнестись к моему рассказу. Не-ет, это не похоже на случай.

– Ну, если это не случай, значит, предопределение. Я в том смысле, что дурак дурака...

– Нет, я серьезно!

– А уж как я серьезно! Ты не обращаешь внимания на мою... э-э... своеобразную манеру высказываться и не ищи никакого подтекста. Нет его. В кухне минут на пять повисла нездоровая, гнетущая тишина, наполненная, казалось, призраками, восставшими из могил покойниками, сбежавшими из морга трупами.

– Ну, как? Есть какие-нибудь идеи? – нарушил молчание Панфилов, испытующе глядя на захмелевшего охотника за трупами.

– Какие идеи? Нужно искать! Сидя здесь, и хлеща водку, мы вряд ли чего добьемся.

– Н-да? У меня был приятель, помешанный на кладах, на кладоискательстве. У них, оказывается, по всей стране есть какие-то филиалы, общества взаимной поддержки, что-то вроде тайных жидо-масонских лож. Так вот, он мне как-то рассказывал, что неизвестных кладов в мире осталось не так уж и много. Он имел в виду – солидных, способных в мгновение ока вывести человека из грязи в князи. Все более менее крупные клады давным-давно известны: мало того, они весьма и весьма детально занесены в какие-то международные реестры – есть и такие, оказывается. Клады Моргана, Кидда, Дрейка. Время от времени то там, то, соответственно, сям, всплывают на свет Божий какие-то таинственные «подлинные» карты с, естественно, «точным» указанием, где их искать и, что немаловажно, как их добыть, чтобы не остаться навеки вечные очередным скелетообразным охранником заколдованных сокровищ. Поразительно, но известно даже, что за бесценные финтифлюшки покоятся в окованных медью сундуках. Тут и трехфунтовый золотой крест, украшенный изумрудами и сапфирами, и жемчужное ожерелье о семистах черных жемчужин размером со сливу, сорванное в одна тысяча семьсот каком-то году с благородной шеи дочки губернатора испанских владений Вест-Индии!.. Всё, ну или почти всё знают эти романтически-порочные, кладоискатели о цели

своих поисков, однако, клады так и не найдены!

– Ты о том, что...

– Да, Эдди, именно о том. Именно о том, о чем ты подумал. Ни черта ты не добьешься, гоняясь по всей стране за своей девушкой. Проще говоря – ни хрена лысого. Это как клад. Ты знаешь, как он выглядит, у тебя в руках путеводная ниточка (как тебе кажется); он, то есть клад, нет-нет да и мелькнет пред твоим полусвихнувшимся взором, а в руках, тем не менее, раз за разом оказывается пустота. Проще говоря, шиш с маслом. Это, брат, бег по кругу. А бег по кругу заканчивается тем, что однажды ты уткнешься мордой в грязь и уже не сможешь подняться, не то, что бежать. Доступно?

– И что же мне делать? – обалдело спросил Ростов.

– А ничего не делать, – пожал плечами журналист и невольно покосился на Босха. – Абсолютно ничего.

– К-как?

– Лениво, по возможности. Слушай сюда. Почему бы тебе не плясать от противного?

– То есть?

– То есть передохнуть, успокоиться и дать возможность твоей женщине самой тебя поискать? Кто слишком настойчиво чего-то добивается, то ничего не добьется, поверь моему опыту. И если она заинтересована, чтобы за ней бегали, а она, судя по твоему рассказу, заинтересована, то рано или поздно объявится.

– Но ведь она же... она же. ... Ангел! Ангелы так запросто не объявляются!

– Все ангелы, и черти, кстати, тоже, у нас вот тут, – Панфилов постучал костяшками прокуренных напроць пальцев по лбу. – Если ты не можешь без них, то и они не могут без тебя существовать. И еще вопрос, кто в ком больше нуждается... а стало быть, твой ангел куда не денется – влюбится и женится, в смысле, замуж выйдет. Вспомним хотя бы браки в Древней Греции между богами и простыми смертными, а если...

– Теория, конечно, занимательная, – задумчиво проговорил озадаченный Ростов.

– Конечно.

– Но я не могу ждать.

– Можешь! Главное – не дергайся и не суетись! Я, например, совсем, недавно вообще ничего подобного не ждал, а пришло. Да еще как пришло! Вот в эту самую занюханную квартирешку, именно сюда, именно в эту кухню, чтоб ему! «Ангелы так просто не объявляются!» Ангелы, может быть, и нет...

– Ты уже что-то говорил об этом возле гостиницы?

– Ага, говорил, – согласился Панфилов и в который раз с опаской покосился на «Корабль дураков».

– И все же, почему ты убрал икону? – перехватил его взгляд Ростов. – Это как-то связано...

– Связано. Но это, как говорится, уже мои проблемы. А у тебя сейчас своих под завязку. Когда-нибудь я тебе расскажу эту историю с иконой. А пока предлагаю увеселительную прогулку по местным достопримечательностям. Да расслабься ты! Моя интуиция еще никогда меня не подводила. Вот и сейчас она говорит, что твоя беглянка здесь. В этом Богом проклятом Черноводске, чтоб его! Мы найдем ее. Найдем! Как говорил старикашка Рюккерт: «До чего нельзя долететь, надо дойти хромая». Вник? Ведь, как я понял из твоего рассказа, догнать ты ее все равно не можешь, даже летая самолетами «Аэрофлота», так что хромай потихоньку. Заруливай в ангар (надеюсь, против моего ты ничего не имеешь?) и отдыхай. Здесь все-таки, получше, чем в дурильнике. Так?

– Так.

– Вот и договорились. А найти-то мы ее найдем, сомневаться нечего. Я бы даже сказал – она нас сама найдет.

Лучшим рестораником в городке был, разумеется, «Тополь», хотя растущие в изобилии по всем улицам деревья данного вида были начисто вырублены под корень именом вокруг ресторана. Однако и это было – «разумеется».

– Знаешь за что я люблю эту забегаловку? – делился с Ростовым порядком нагружившийся журналист. – За то, что меня здесь все знают и, полагаю, некоторые даже любят, хотя вопрос этот, конечно, и спорный. Но одна девушка меня точно любит. Точно! За что – до сих пор понять не могу. Только один мой личный долг ей составляет порядка трех-четырех ее месячных зарплат, включая чаевые и протчая-протчая. Э-эх, неисповедимы пути женского сердца и все ведут в ЗАГС.

– За что женщина любит определенного мужчину, мне кажется, вообще не поддается никакому анализу, исключая случаи, что называется, явного расчета. Но это не любовь.

– Как это не любовь? – возразил пропускающий вперед себя в рестораник Ростова Максим. – Это самая сильная любовь – любовь к деньгам!

– Это не любовь, Максим. Это – страсть!

– Еще неизвестно, что сильнее, еще неизвестно, дорогой мой человек, и еще не доказано, что долговечней, вот так. ... К опрятному, покрытому белоснежной хрустящей скатертью столику со скромной вазочкой, в которой стояли не менее скромные полевые цветы, подпорхнула, другого слова просто не подберешь, чистенькая, молоденькая и такая же опрятная, как столик, который она обслуживала, девушка в сатиновом однотонном мини с кокетливой наколочкой на голове.

– Ох, Оленька! – притворно тяжело вздохнул Панфилов, сводя к переносице брови. – Отрада моих заплывших глаз! Ты просто как луч света...

– В пьяном царстве, – закончила Оленька с восхитительной улыбкой и присела на свободный стул, стыдливо натягивая юбку на безупречные колени.

– Ты же знаешь, что кроме тебя я никогда и никого не буду любить, – сексуальным шепотом сказал Максим, поправляя у девушки выбившийся из-под наколки светлый локон.

– Это свинство, Панфилов, – ответила девушка, не отстраняясь, однако, пока Панфилов занимался ее прической.

– Видал, Эдгар, как в нашем милом Черноводске называется то самое чувство, о котором мы имели честь беседовать последние полчаса?

– Прекрати паясничать! Ты же знаешь, о чем я, – смутилась девушка и неожиданно покраснела.

– Ой, Ольга, – восхищенно всплеснул руками Максим и ткнул в бок Ростова. – Ты, искатель, где-нибудь видел девушку, которая так восхитительно бы краснела, причем побывав уже единожды замужем?

– Нет, – выдавил из себя Эдгар и глупо ухмыльнулся.

– И я нет. Пока в тридцать пять лет не встретил вот ее, – и он попытался погладить пухленькое колено под телесным капроном.

Оленька, полностью приняв облик распустившейся во всю красу розы, хлопнула журналиста по руке и встала, олицетворяя собой неприкосновенность, целомудрие, оскорбленность и еще черт знает что:

– Ты же прекрасно понимаешь, о чем я, Максим! Я вчера целый вечер, как кукушка,

от окна к окну прыгала — ждала тебя, а ты... а ты являешься под утро с похмелья, от тебя воняет, как от старого козла и... и они, — здесь Оля обратилась уже к обоим визитерам, — они, как ни в чем не бывало, беседуют о любви!

— Нет, — опять выдавил из себя Эдгар неизвестно к чему и мечтательно добавил. — Какая же Вы, Оля, красивая...

Ярко-красная роза превратилась в пылающий букет маков и удалилась, возмущенно стуча каблукчиками.

— Везет тебе, — завистливо прошептал Ростов. — Пойду-ка я пока в буфет.

— Да, везет, отрицать не стану. Правда, характерец еще тот. Хотя по сравнению с моим, — Панфилов махнул рукой. — Бери «Шампанского» и пива!

— Пива — это хорошо, — согласился с Панфиловым небрежно одетый человек, присаживаясь за столик. Человек был в очках и совершенно лысый — Пиво, шампанское. Хорошо живешь, Макс. Надо полагать на пособие по безработице?

— А у тебя трубы горят надо полагать, после вчерашнего банкета у головы городской думы?

— Ай, ай, ай, все такой же пикировщик, — нарочито сокрушенно покачал головой лысый очкарик.

— Я бы на твоём месте не ругался, у меня для тебя ха-арошая информация имеется. Недорого продам.

— Вот гнида! Сам только что сокрушался по поводу моей безработицы и тут же фарцует информацией. Подлый ты человек Скуратов, как и твоя фамилия.

— Ладно, ты во мне пробудил милосердие, — кивнул Скуратов, наблюдая, как подошедший Эдгар разгружает спиртное. — Пара банок «Баварии» и владей!

— Заметано! Хотя ты и сволочь.

Скуратов склонил голову в знак согласия и одним махом выпил поллитровую банку пива.

— В морге труп, — отдышавшись произнес он и закурил. — Женщина невиданной красоты. Подобрали сегодня утром возле водонапорной башни, без внешних признаков насилия, но голая.

Ростов, услышав это, расплескал все шампанское по столу, рубашке Скуратова и джинсам Панфилова. Глаза его, казалось сейчас выпадут из орбит и бросятся вон из рестораника «Тополь» напрямик в городской morg.

— Спокойно, Эдди, — похлопал его по колену опытный и не одну собаку съевший на туфте журналист. — Спокойно, искатель... — голос Максима стал каким-то деревянным и похожим на голос прокурора во время допроса.

— Труп уже осматривали?

— Милиция, конечно, осмотрела, ну, да ты знаешь, как они осматривают. Попылились на нее, словно живую Нефертити увидели, и в морг. Паталогоанатомы будут только к обеду. Запарки никакой, труп один на весь морг (зачем только такую громадину нужно было отстраивать?), так что торопиться нечего.

— Угу... ага... — издавал междометья Максим. — Значит, так! Что, Скуратов, Дарья на месте? С похмелья?

— Это уж тебе лучше знать, — поморщился лысый Скуратов, вминая окурки «Мальборо» в пепельницу. — Это по твоей части, стервятник.

— Ой, ой, ой, а-аррол ты наш небесный! — Я тебе ничего не... — Ой, Рома, — вздохнул Панфилов, надвигаясь на Скуратова всей своей немалой массой. — Ты меня сколько лет знаешь? Я тебя хоть раз подводил?

– Все же...

– Я тебя не видел, я тебя, сукиного сына, вообще в упор не знаю, и вообще трое суток, включая и эти, я валялся в беспмятстве в своей собственной квартире, чему есть как раз два необходимых свидетеля! Олюшка, ты свидетель? – заорал он куда-то в глубину ресторана. – Ты, само собой, – ткнул он в ничего не соображающего Ростова.

Скуратов исчез так же, как и появился – задумчиво.

– Да, да! Я свидетель! – почти прокричала подбежавшая Оля, обводя сидящих за столиком ничего не понимающим взглядом. – Что еще стряслось? Что? Что ты опять натворил, Панфилов?!

– Ничего. Честное благородное слово! Просто я хотел призвать тебя в свидетели, что я пью, как лошадь, не взирая на время дня, погоду, направление ветра и урожай кукурузы в Коста-Рике.

Ольга укоризненно и в то же время с явным облегчением покачала своей хорошенькой головкой и, ни слова не говоря, ушла куда-то в недра рестораника «Тополь».

– Ну, что, не говорил я тебе, Ростов, что проезжающие с этого на тот свет товарищи обладают каким-то прямо-таки необъяснимый благоволением к моей невзрачной и ничем не примечательной персоне. Говорил?

– Го... говорил, – еле выдохнул Эдгар.

– Ты пей, искатель, и не вращай глазами, пока они не упали в фужер. Вкус шампанского испортится.

– Мне нужно немедленно увидеть ее, Макс, – еле слышно прошептал Эдгар.

– А как ты думаешь, куда мы сейчас направимся, после того, как допьем пиво? Мы, дорогой мой друг, будем самыми первыми посетителями моего любимого городского морга. Так что расстраиваться нечего.

Дарья – приемщица, заведующая и еще Бог – ведь кто в единственном в городе морге – была женщиной необычных размеров, всеобъемлющего цинизма, меланхолического характера и неутолимой жажды. К Панфилову она относилась, как к некоему особому существу, которое по непонятным ей причинам время от времени утоляло эту ее жажду великолепными напитками типа портвейн «Лучистый» в обмен на дерьмовую информацию о вновь поступающих трупах. Дарья была женщиной строгих правил: раз уж он труп, то пусть и остается трупом, а не информацией. И не только для журналиста, а и для медиков и ментов. Труп должен общаться с трупом!

Морг, как и сама центральная больница, был построен в тысяча девятьсот пятьдесят седьмом году и с тех пор ни разу не ремонтировался, не говоря уже о реконструкции или модернизации (модернизация морга – хорошо звучит, не правда ли?). Больница была построена в «гиблом месте», как говорили старики. Может быть, именно поэтому в ней так часто умирали. И умирали порой очень странно. Например, как-то в терапевтическом отделении из запертого изнутри туалета одной туманной ночью выволокли мужчину с вогнанным в глаз остроотточенным карандашом «KOSCH-I-NOOR». Второй глаз просто отсутствовал. Мужчина был мертв, хотя поставленный врачами диагноз – «обструктивный бронхит» – никак не предполагал ближайшей смерти и уж тем более такой.

Впрочем, Панфилову и больница и морг нравились. Было в них что-то такое... УХОДЯЩЕЕ. ... Далеко?... Навсегда?... Эти вопросы, на которые никто и никогда не найдет ответа, частенько и давно донимали Максима, который и сам неоднократно лежал в том самом терапевтическом и с тем же самым «обструктивным бронхитом». Блуждая по

стонущему, хрипящему и храпящему коридору длиной никак не меньше 200 метров, Панфилов испытывал даже какую-то эйфорию от одной только мысли, что десятки тысяч умерших спокойно и ушедших необъяснимо аж с 1957 года, так же мучаясь бессонницей и болью, меряли шагами этот бесконечный, бесконечный коридор. Бесконечный путь, начинающийся здесь, на четвертом этаже центральной больницы, и ведущий все живущее через неразгаданные миры в миры непознаваемые. Чем ближе подходили наши пьяные, но трезвосоображающие друзья к больничным корпусам, которые вырисовывались уже детскими облупленными кубиками на фоне удивительно высоких и удивительно стройных сосен, укоризненно качающих лохматыми кронам, тем нервнее становился Эдгар и меланхоличнее Панфилов.

– Люблю я, черт побери, такие места, – со вздохом сказал он, подбирая с земли черный сосновый сучок. – А кладбища? Это ж мило. Просто мило!

– Что ж милого в кладбищах, больницах и моргах?

– Э, не скажи, искатель. Вот ты сам работал в морге? Так? Значит, хоть разок присутствовал при вскрытии. Приятное зрелище?

Ростов в ответ только поморщился, откинув со лба седую прядь.

– Конечно, неприятное, – как ни в чем не бывало продолжал Панфилов, с интересом рассматривая под разными углами подобранный сучок. – Сидение в стрип-баре со стаканом в руке и глазами под трусиками длинноногих танцовщиц принесло бы гораздо большее удовольствие, чем созерцание полупротухших кишок, вывалившихся из черно-синего живота какого-нибудь утопленника. Но запомни, искатель, принцип удовольствия смертельно опасен для самосохранения организма, если, конечно, этот организм еще необходим твоему серому веществу.

– ?

– А чего тут объяснять-то? Неужели не ясно?.. Сидишь ты в баре. Так?

– Так.

– Пьешь, как лошадь. Так?

– Так.

– На тебя кладет глаз одна из танцовщиц или просто посетительница. Так?

– Ну-у, ... это как сказать...

– Кладет! Ты, конечно, в ответ строишь ей всякие пьяные глупые рожи, которые должны означать, что ты крутой, как вареное яйцо и вроде, парень ничего, и представляешь уже, как снимаешь с нее тонкие чулочки, а в результате оказываешься или в травматологии, – Панфилов ткнул сучком в один из корпусов больницы, – или в морге с колото-резаными ранами области живота и шеи. Ты же был не в состоянии предположить, что у этой красавицы есть стокилограммовый и очень ревнивый приятель, который отвалил из кабака на полчаса по «разборочным» делам. Вот так-и дела, друг Ростов. А когда с твоего высокооухотворенного лица исчезнет это переваривающе-идиотское выражение, до тебя надеюсь, дойдет мой постулат. И ты не будешь спорить с тем, что жить по принципу удовольствия – смертельно опасно. И, в конце концов, принцип удовольствия сменится принципом реальности. А реальность – вот она, – царственным жестом обвел журналист близлежащие и не очень окрестности. – Реальность – это одиночество, геморрой и тоска. Зеленая тоска, которая медленно затягивает на твоей шее удавку обреченности.

Ростов невольно потер шею дрожащей рукой и остановился, нервно закуривая.

– Инвазия – еле слышно прошептал он.

– Чего-чего?

– Я думаю, все это чертова инвазия. Прошлое проникает в наше настоящее и будущее,

то есть диктует наше поведение в настоящем и формирует таким образом наше будущее. И, наверное, ничего с этим сделать невозможно.

– Да-да. Конечно. Выходит, наше настоящее обременено прошлым и, увы, чревато будущим, – кивнул Панфилов, отбросив, наконец, сосновый сучок в сторону. – Ты бы, парень, завязывал с такими рассуждениями, а то от инвазии недалеко и до шизофрении, а то и, не приведи Господи, до хаббардовской «Дианетики». Может быть, он и был хорошим писателем фэнтези, но вот со своей «универсальной методикой» малость лопухнулся.

– Конечно, конечно. Да, – совершенно безумным взглядом шаря по ярко-зеленым кронам сосен, пробормотал Эдгар.

– Нельзя же, в конце концов, познавать мир без осознания повторяемости и однотипности событий.

– Ты о дежа-вю, что ли?

– Да не совсем...

– Так! Стоп! Похоже, друг мой, у тебя интеллект омара. И я должен с прискорбием констатировать, что отнюдь не Омара Хайама, а этакого морского членистоногого. Рака такого большого. Через минуту ему, понимаешь, предстоит увидеть своего ангела, а он, трясаясь, словно осиновый лист, и чадя так, что скоро какой-нибудь случайный наблюдатель вызовет пожарную команду, стоит тут, как пень, и вешает мне на уши разную философско-психологическую чепуху...

– Это не чепуха...

– «Время – деньги» – вот это точно не чепуха, искатель. Пока мы тут, грубо говоря, рассусоливаем о «пространственно-временном континууме», иная временная субстанция данного понятия у нас стремительно приближается к абсолютному нулю. Так что шевели копытами, если еще хочешь тет-а-тет пообщаться со своим ангелом небесным, пока я, мягко говоря, буду стоять на стреме с ангелом вполне земным, то бишь теткой Дарьей. Знаю, звучит не очень, но поверь на слово, она тоже ангел в своем роде, конечно. Так что, давай, давай, вали! Времени у тебя будет достаточно, по крайней мере, для того, чтобы удостовериться, та ли это девушка, что мотает тебя по бескрайним просторам нашей родины. Пойдем, я тебя провожу, осталось совсем немного. Видишь, во-он за теми кустами сирени. Красиво и удобно. Насколько я понял Скуратова, она сейчас там одна. То есть совершенно... да и вообще, в нашем городе морг – не самое посещаемое место, даже покойниками. В последнее время они просто... исчезают.

– Что?!

Когда перед ранними путниками открылось обветшалое, облупленное, с болтающимися на честном слове дверьми здание морга, Ростова внезапно охватило яркое и долго не отпускавшее чувство ранее уже виденного, так называемое дежа-вю, о котором они с Панфиловым только что упоминали. Эдгар пошатнулся.

– Что?! Что такое опять?!

– Я.. я ЭТО уже видел. Готов поклясться чем угодно, я здесь уже был. Я... я боюсь. Макс.

– Н-да, – покачал головой Панфилов. – Подумал о собаке, как говорят англичане, ищи палку.

– В каком смысле?

– В том смысле, что сейчас наглядно подтверждается теория Карла Юнга о синхронии, то бишь о повторяемости событий. Ну, это же только подумать! Только стоило заговорить о дежа-вю и нате вам, примите, не побрезгуйте! Чем можем... ну, прошло?

- ..Не... не пойму...
- Давай, двигай. Потом поймешь. Дьявол! Ты что, не понимаешь что времени у нас в обрез?! Желаете присутствовать при вскрытии?
- Нет, нет! Иду. Уже иду.

Разболтанные двери морга захлопнулись за Ростовым неожиданно плавно и основательно, и его окружил страшный мрак, наполненный скользкими ползучими тенями. Но один из цинковых столов был словно обмазан фосфором и светился зелено-синеватым светом. Холодным и абсолютно нереальным.

Эдгар на негнущихся ногах проковылял к светящемуся столу и увидел ЕЕ. Теперь Эдгару было видно, что светился не стол. Легким сквознячком в голове прошелестела фраза, невесть откуда и почему возникала: «Смерть является фактором и прогрессом в эволюции». Эта фраза, это нелепое утверждение не понравилось Ростову. Совсем не понравилось. Хотя где же еще прозвучать такому абсурду, как не в морге. «И все-таки мне непонятно, почему люди так пугаются смерти». Эдгар дернулся, как от удара по челюсти и чтобы не упасть, поневоле ухватился за холодный шершавый от ржавчины стол. Случайно кончиками пальцев он коснулся безукоризненной ножки лежащей перед ним любимой женщины, и за стол пришлось ухватиться обеими руками. Нога была теплой. «Не бойся, милый, я не мертва». «Милый» почувствовал, что сейчас грохнется в обморок, потому что изумрудные глаза красавицы широко раскрылись и с каким-то непонятным сочувствием изучали одинокого посетителя городского морга.

Голос женщины был мягким и нежным, как звучание струн «форте профешнл» на хорошей гитаре. И все бы хорошо, только губы любимой не раскрывались, за это Ростов готов был поручиться.

Голос раздавался прямо в закипающем мозгу Эдгара, минуя барабанные перепонки и прочую ерунду.

– Жи... жива, – прохрипел ошалевший влюбленный, вглядываясь в изумрудные, ласковые глаза женщины и постепенно успокаиваясь. И чем дольше он смотрел в эти странные глаза, тем более ощущал необычайное умиротворение и какое-то неземное спокойствие. Просто неземное. Неземное... – А как же... жива, – выдавил из себя Эдгар и попытался улыбнуться.

Красавица неувовимо для нормального человеческого зрения переменяла позу на ледяном фосфорисцирующем столе и теперь сидела перед Ростовым, по-турецки поджав под себя ноги.

- Свет, – прошептал Ростов и дрожащей рукой дотронулся до идеального колена.
- Ты светишься.

– Да, – грустно улыбнулась женщина. – Это значит – мне пора.

В голове Эдгара что-то так гроыхнуло, что он с удвоенной силой вцепился в цинк.

- Пора? – прошептал он, обливаясь холодным потом. – Куда? Почему?
- Ты же все уже давно понял, – ласково сказала светящаяся женщина. – Так ведь, родной мой? Ты же знаешь, что я не ваша?
- Знаю, – откуда-то со стороны услышал Ростов свой собственный голос. – Ты не наша. Но если ты уйдешь, я умру.
- И это было правдой. И она знала, что это было правдой.
- Вы, люди, теряете время?
- Мы? Д... да. Теряем. Я потерял очень, очень много времени, – с горечью произнес Эдгар и покачал головой.

– Прости меня, милый. Я понимаю, о чем ты говоришь. Но я спросила об общевселенском понятии времени. Я потеряла миг, одно лишь мгновение в нашем мире и оказалась в вашем...

– Ах, общевселенском... Понимаю.

– Поверь, поверь мне, я не хотела делать тебе больно! Я не могла не видеть тебя и не хотела давать тебе надежду.

– Мне не на что надеяться?

– Раньше я знала, что сознание возникает лишь на месте воспоминания, что принцип удовольствия не управляет течением психических процессов. Стремление – да. Но конечный исход не обязательно соответствует этому принципу.

– А теперь?

– А теперь я испытываю удовольствие лишь от одного прикосновения твоих пальцев. И мне совсем не хочется верить учению наших мудрецов, что посредством принципа реальности можно достичь примирения с принципом неудовольствия.

– Как тебя зовут?

– Май.

И впервые за много лет Ростов улыбнулся легко и светло.

– Это красиво.

Внезапно мрачное здание морга города Черноводска вспыхнуло ярко-зеленым холодным светом, а все тело Май опутали пляшущие колючие огоньки.

Эдгар вздрогнул.

– Что это?

– Нам пора, милый.

– Нам?! — поперхнулся Ростов. – Ты сказала: «Нам»? Я не...

– Нет-нет ты не ослышался. Наши судьбы – теперь одна судьба. Хочешь ты этого или нет.

– Боже мой, Боже мой, конечно, хочу! Да я готов умереть и...

– Ты не боишься смерти?

– Рядом с тобой я не боюсь ничего!

– ...И все-таки вы – люди – странные. Вы так и не смогли понять, что цель всякой жизни – смерть или, как мы говорим, «уравновешивание химических напряжений».

Пляшущие зеленые огоньки перекинулись с тела Май на Ростова и окутали его дрожащими, искрящимися кольцами. И Эдгар увидел, вернее сказать, почувствовал далекий незнакомый мир, в котором огромные хрустальные звезды величаво проплывают над странными, полуреальными городами, в которых живут бессмертные, красивые, но такие же полуреальные люди.

– Нам пора, – тихо прошептала Май, протягивая руки к Ростову. И два тела слились в одно.

Когда Панфилов осторожно приоткрыл надрывно скрипящие двери морга, то он увидел медленно кружащиеся в воздухе зеленые снежинки и услышал женский счастливый смех.

И снежинки и смех растаяли, прежде чем он сумел разглядеть, что морг пуст.

г. Димитровград, 1996г.

Бродящий по снам.

Эта последняя новелла из цикла о журналисте Максиме Панфилове из Черноводска. Очень трудно убивать собственное «дитя», но пришлось (хотя и весьма оригинальным образом). Из рассказа в рассказ («Я вернусь», «Ночь Белого Орла», «Ангел Безумия») с ним приключалась такая чертовщина, что иным способом завершить свой земной путь он просто не мог. В данном случае говорят – герой вел автора к развязке. Что и получил. Царствие ему небесное. Аминь.

В. Первушин.

«Все видимое есть только подобие».

И. Гете.

*«Еще я помню зеркало в виде буквы V,
пропадавшее наверху в темноте».*

«There Are More Things»,

Хорхе Луис Борхес.

1.

Все располагало в этот тихий декабрьский вечер к тому, чтобы, никуда не выходя из собственного родового особняка, расслабившись в огромном уютном кожаном кресле со стаканчиком виски в руке, неотрывно смотреть на полупрозрачные желто-красные языки пламени в огромном камине и ни о чем не думать.

Из всего вышеперечисленного у Панфилова в наличии имелся только предрождественский декабрьский вечер, да бутылки две-три черного молдавского портера в крови, взамен выдержанного скотча.

Так уж получилось.

Аллея была пуста. Совершенно.

И тишина была... просто невозможная. Даже воробьев и синичек не было ни слышно, ни видно. Максим Панфилов двигался, как он предполагал, в сторону своего дома и размышлял о женщинах в общем и о своей Ольеньке в частности. Мысли были мрачные и тревожные.

Он ревновал. Хотя повода для этого вроде бы и не было. ВРОДЕ БЫ не было. А с другой стороны...

– Только не нужно мне ничего говорить. И спорить не нужно. Женщина от рождения своего уже наполовину предатель. Впрочем, винить их за это строго не следует. Природа.

Панфилов героическим усилием воли заставил себя не обернуться на Голос, хотя шаг ему и пришлось замедлить. По простой причине – колени подгибались. Он мог поклясться, что минуты три как, оглядываясь назад, не видел ничего, кроме пустой, заснеженной аллеи из унылых кленов. Кто бы там он ни был, появиться мог только из-под земли или... с небес, с которых неожиданно начали валиться огромные пушистые снежинки.

– И не из-под земли, и не с небес, – раздался все тот же голос без обертонов. – Из гораздо более странного места. Ну и что? И что ты теперь намерен делать? Твой паршивый «Глок»* в левом кармане – просто «тьфу» по сравнению с тем, что могу Я.

Голос становился явно агрессивным. Панфилов затрясся, словно в лихорадке.

– Ой, ой, ой, вот только истерик не надо. Не надо истерик!.. И оборачиваться не надо.

«А какого черта...»

– Будто не знаешь.

– Клянусь. Хри...

– Полегче! – рявкнул Голос, и в нос Максиму шибануло такой тошнотворной гнилью, что его желудок чуть было всерьез не вознамерился выйти из состава единого и до сей поры неделимого организма.

– Присядь, – безапелляционно приказал Голос.

Панфилов, стараясь ненароком не скосить в ту сторону, откуда доносился Голос, рухнул на ближайшую скамейку со следами чьих-то могучих задниц, стандартных поп и миниатюрных попочек.

– Ты магией, значит, увлекаешься? – иронически осведомился Голос.

– Да я...

– Ну-ну. Хочешь сказать – это она тобой увлекается? Вернее – развлекается?

– Вот именно, – первый испуг у Панфилова прошел, и теперь этот наглый допрос его начал раздражать. – Я бы не имел ничего против, если бы свои шуточки вы шутили с кем-нибудь другим. А то за последнее время эти... гм... потусторонние дела мне как-то поднадоели.**

– Шуточки, говоришь? Не-ет, милостивый государь, на этот раз отнюдь не шуточки. Пошутили, посмеялись, хватит! Ты это сам себе думаешь? Начитался, черт тебя побери, «черных» книжонок, возомнил себя таким магистром тайного сатанинского общества...

– Не возо... не возминал я...

– Ага. «Не возминал» он. А кто, осмелюсь спросить, крест перевернутый на своей щедедушной груди носил? Кто череп приколотил над своим письменным столом? Демонят, извиняюсь, какая сволочь себе в помощь звала?

– Я не...

– Звал, паразит! Не Спасителю своему молился, а чернокрылых на алтарь своего скудного умишка вознес. Да ты, если хочешь знать, и жив то до сих пор только благодаря их помощи. Но с полной ответственностью и знанием сути дела могу уверить тебя, что помогают они тебе отнюдь не за твои красивые и мутные с перепого глаза. Заплатить придется сполна. И тебе, и твоим близким по крови.

– Похоже, я уже начал платить?

– Что, жить не так скучно стало? Поверь мне – это только начало. О, Вселенная! Неужели ты, идиот, не видишь, как вокруг тебя ткется паутина? Ты вызвал Их из небытия (это не очень сложно при твоей врожденной способности к оккультизму, магии и прочей

* «Глок» – марка австрийского пистолета.

** Смотри рассказы «Ночь Белого Орла», «Ангел Безумия», «Я вернусь».

чертовщине) и теперь ох как сложно отправить их назад – в мир без Времени и Сущностей, в мир полутеней...

Голос, вещавший вначале непостижимым басом, миновал стадию обволакивающего баритона, вызывающего тенора и раздавался теперь на немыслимо высоких нотах.

Неподдельный ужас ядовитыми иголочками потихоньку проникал в каждую клетку мозга Панфилова. О хмельной удали и поползновениях на браваду не могло быть и речи.

– ... В мир, где Звездные Шарманщики играют бесконечную мелодию Потерянных Миров. ...

«Надо же, почти до дома дошел», – вяло подумал Максим и неожиданно зевнул.

– ...Ведь догадывался же об этом кое-кто из ваших, когда говорил: «Когда ты смотришь в бездну, бездна так же смотрит в тебя». Сообража-ал кое в чем этот Фридрих.

– Ницше? – откуда-то издали услышал свой собственный голос Максим и опять провалился в полусон-полуявь.

– А какая разница?

– Д... действительно.

«Действительно, какая разница, что там говорил Ницше. Вот, похоже, я засыпаю – это плохо. Я пьян и засыпаю прямо в парке, в квартале от дома. Это плохо. Меня опять заберут в милицию и продержат до утра в серой крысоловке со всякими... Звездными Шарманщиками...»

Где-то высоко над головой раздался надрывный треск зябкого дерева, и через секунду за шиворот Панфилову обрушился огромный, колющий ком снега.

– А-а!!! Ах, ты, в Бога душу мать! – завопил Максим, вскакивая со скамейки и мотая из стороны в сторону непокрытой пьяной головой. – Ну, здорово!!!

Дремота и Звездные Шарманщики исчезли.

– Просто прекрасно, мать ее так!

Вытряхнуть из-за шивороты ничего не удалось, и растаявший снег медленно стекал между лопатками и ниже к пояснице.

– Ага! – не унимался Панфилов, подпрыгивая и хлопая себя по бокам. – Смотришь, значит, в Бездну, а та в тебя, значит, смотрит! А кто Ты! такой, что на тебя и посмотреть-то нельзя! На! На! Выкуси!

Максим резко обернулся в ту сторону, откуда несколько секунд (минут, часов?) назад удивительный Голос рассказывал что-то о Мирах без Сущностей и без Времени и о Звездных Шарманщиках, играющих для потерянных Миров (Кем потерянных? Почему?).

Пусто. Ничего. Засыпанные снегом скамейки. Клены. За рахитичной оградой парка, через дорогу стоял гастроном с розовой неоновой вывеской. Вывеска пульсировала и дергалась лишь четырьмя целыми буквами «ТРОН».

– Ах, вот так, значит. «Трон», – прорычал Максим и лихо сплюнул липкой, клейкой от выпитого за вечер слюной на новенький кашемировый шарф. – Трон! Скипетр и держава!

Тут он внезапно о чем-то вспомнил и посмотрел на часы. Стрелки маячили в районе без четверти двенадцать.

– Ах ты, Боже ж мой! Рождество же, черт побери! А я в десяти минутах от дома, пьяный и... оплеванный!

Он резко обернулся и... замер.

Перед ним маячила черная, не меньше двух метров роста, фигура, облаченная во

что-то типа иезуитского плаща с капюшоном. Ни рук, ни ног, ни лица. Просто глыба.

– Успеешь, – пробасил знакомый уже Голос, и Панфилов почувствовал порыв раскаленного, обжигающего воздуха на своем лице и теплую растекающуюся влагу в районе паха.

«Обмочился, – сообразил он. – Ну, это же надо – описался. Под Рождество, и себе в штаны. Кошмар».

– Ну, это еще не кошмар, – добродушно заметил Голос. – Обмочившийся журналист – явление довольно распространенное на земле.

– Да кто ты такой?! – разъярился Панфилов, чувствуя себя подопытной букашкой под микроскопом, которой никак не дадут добраться до дома.

– Я-то? Х – м... Анаэль, объясни.

И из-за черной глыбы иезуита выпорхнуло что-то полувоздушное, красивое и практически голое.

– Это Анаэль – хранитель Зазеркалья, если угодно, – опять обдало Максима раскаленной волной. – Он будет твоим проводником пока ты не вернешься или... не останешься Там навсегда.

– Вы изволили спросить, кто перед Вами такой? – ласково поинтересовался полуголый Анаэль. – А Вы называйте его как вам будет угодно. Н-ну хотя бы Хранитель Зеркал. Или, скажем, Магистр Снов.

Черная глыба в знак одобрения слегка склонила голову (или что там у нее было) под капюшоном.

– Ну, и чушь. Ну, и бред сивой кобылы, – покачал головой Максим. – А что это значит – «останешься там навсегда»? Где «там»? в Зазеркалье что ли? Тоже мне нашли Алису! Тоже мне хранители вшивые. Я знал. О, я знал, что водку с портером мне сегодня мешать не следует... вот и результат. Мерещится всякая хренотень...

Но сей обличительный монолог Панфилову закончить не удалось. Полупрозрачный Анаэль легко и красиво исполнил в морозном воздухе изящный пируэт и, подлетев к Максиму, двинул его точно в нос.

В голове журналиста все смешалось, перед глазами поплыли зелено-оранжевые круги, а последнее, что он услышал, был громоподобный бас: «Только сутки!» Лишь боковым зрением он уловил, что черная фигура стала превращаться в дым, разгоняемый поднявшимся колючим ветерком и... в этот момент Панфилов проснулся.

2.

«Или то, что зримо мне, это только сон во сне?»

Э. По.

Как и у всякого человека, очнувшегося от кошмарного сна, вид у Панфилова был слегка обалденный и порядком испуганный. Поначалу ничего интересного, кроме ресторана «Тополь» и собственного имени, вспомнить не удавалось.

Распуг и болел нос, но это был такой малозначительный факт, что Максим быстро забыл про него. Он с неимоверным трудом приподнялся на влажном кафеле ванной комнаты (своей ванной комнаты) и застонал. Стон походил на предсмертный выдох умирающего от туберкулеза. Максим нащупал спиной дверь и с облегчением оперся на нее.

Многодневное (кой черт – многонедельное!) похмелье стотонным молотом садануло его по голове так, что забылся не только больной распухший нос («видимо, косяк... или дверь»), но и все остальное, осталось только одно, вернее, два непреодолимых желания – выпить и закурить.

Мутным и обреченным взором он окинул разгромленное место своего последнего пристанища, и из груди непременно вырвался бы крик радости и восторга, если бы на сей вокальный порыв у Максима оставались силы. Но сил не было («что же такое это я вчера пил?»), и, проведя сухим, потрескавшимся языком по сухим, потрескавшимся губам, он молил все силы небесные, чтобы то, что он сейчас лицезрел, не было плодом его воспаленного воображения.

Всего лишь в полуметре от вытянутых и бессильных, как вареные макароны, ног Панфилова, на крышке унитаза стояла почти полная бутылка вина «Лидия», а возле нее валялась растерзанная пачка «Салема».

Почему на крышке унитаза, а не на подзеркальнике?.. Впрочем, с подзеркальника было все сметено. Все. Кремы, лосьоны, дезодоранты, зубная паста... словом, все. Зубная щетка, вообще плавала в какой-то подозрительной жиже в ванне. И во всей комнате витал одуряющий запах туалетной воды «Дракула».

Максим, подползал к унитазу на разъезжавшихся в разные стороны коленях. Острые иглы осколков разбитого флакона «Дракула» впивались в колени и ладони, но Панфилов не обращал внимания, как не обратил внимания и на то, что дверь в ванную заперта.

Хоть и ходили ходуном окровавленные руки Максима, но содержимое бутылки он с словкостью фокусника (алкоголика со стажем) все-таки перелил по назначению, не проронив ни капли мимо лязгающего рта.

Десять минут спустя Панфилов, с блаженной улыбкой вернувшегося с того света, сидел на все той же крышке унитаза с вызывающе расстегнутой ширинкой, вяло дымил сигаретой и пытался сообразить, зачем и от кого он вчера закрылся в ванной.

Откровенно говоря, он не смог припомнить даже, что когда-нибудь вообще пользовался запорами ванной комнаты, как с той, так и с другой стороны. А к чему это, если человек живет совершенно один?

– Ни к чему, – сообщил он своему, такому же расхристанному, отражению в большом, почти во всю дверь, зеркале в окровавленных отпечатках собственных же пальцев.

Неожиданно он вспомнил, как они с братом намертво прикручивали это огромное (весом никак не меньше, чем сама дверь) у кого-то на что-то выменянное старинное слегка мутноватое зеркало, и пьяно рассмеялся.

«Да ты сам посуди, – бубнил Генка, – эта ж громада будет отражать практически всю твою ванную, а отсюда полный визуальный эффект, что она у тебя, как минимум, в два раза больше, чем сейчас. Что, плохо? Представь, ты заходишь пос... ополоснуть лицо и видишь свое мур... вдохновенное лицо сразу же в зеркале над раковиной (зеркало над раковиной также было размеров не маленьких и тоже не купленное, а кем-то подаренное, что ли), закрываешь дверь и ...»

«И?»

«... И зеркало, расположенное прямо напротив другого зеркала, создает иллюзию еще большего пространственного объема, балбес. И ты в другом мире. Ты уже, понимаешь, вроде бы и не в своей занюханной однокомнатке, а ты уже как бы на третьем этаже своего загородного особняка, в ванной ничуть не меньше, чем у Джексона. ... Причем

вас несколько... и ванн несколько... а можно еще портьерчики, можно так хитро освещение смонтировать... вообще, такая анфилада ванных комнат... некоторые всю ванную вместо плитки зеркалами обкладывают. Даже потолок... ну, это для других целей».

«Чтобы потолок выше казался?»

«Ага, выше... ну, и выше, конечно, тоже...»

Панфилов опять глупо хохотнул и швырнул бычок в ванну. Фильтр был насквозь пропитан кровью.

Панфилов вытянул перед собой окровавленные, но уже не дрожащие в похмельном танце руки, и поморщился. Не от боли. Ее он сейчас не чувствовал – от отвращения.

– Зрелище неэстетичное, – констатировал он, выковыривая из ладоней глубоко засевшие осколки самых уродливых форм. По-настоящему сильных порезов было два – три, но кровь шла густыми, обильными ручейками, заливая и рукава рубашки и изодранные брюки.

Он в отчаянии резко потрянул руками в надежде, что часть осколков отлетит сама собой, и машинально посмотрел на себя в зеркало на двери.

Из туманной глубины на него с интересом смотрел гибрид прибабахнутого упыря с ярко-красными губами, только что вернувшегося с шабаша, и вконец ополоумевшего маньяка-убийцы в пропитанных кровью лохмотьях, с мутными глазами и незастегнутой ширинкой.

– Ох, совсем ты мне не нравишься, – пробормотал Панфилов и с трудом поднялся на ватные ноги. – Совсем. Ладно, вот сейчас водичкой все промоем... умоемся.

Зеркало, висевшее над раковиной, радости Максиму не прибавило. Тот же упырь-маньяк, только в деталях и при хорошем освещении. Максиму даже показалось, что это чудовище как-то криво и хитро ухмыляется. Вдвойне же чудовишно было то, что Максим прекрасно осознавал, что он сам и зеркальный кошмар – одно и то же.

– О, Господи, – выдохнул он и пустил холодную воду.

Боль, приглушенная алкоголем, словно сорвавшаяся с цепи бешенная собака, в мгновение разбив все зыбкие заградительные барьерчики мозга, вырвалась наружу огненным смерчем и ударила по рукам так, что Панфилов на секунду провалился в какое-то безвременье.

Дыханье остановилось, а сердце гремело где-то в голове пудовым колоколом.

Аптечка с бинтами, йодом и тонной успокаивающих и обезболивающих таблеток висела на ржавом стальном крюке за когда-то белоснежной шторочкой возле двери.

Максим со стоном вытаскивал руки из-под воды и повернулся, чтобы достать из нее упаковку или две «седалгина», который помог бы загнать эту сухую-боль в такие лабиринты мозга, из которых она уже не смогла бы выбраться, по крайней мере, часа три-четыре, но то, что он увидел, заставило его позабыть и об аптечке, и об изрезанных руках, и о спадающих брюках.

Огромное дверное зеркало отражало склонившегося над раковиной в окровавленных лохмотьях мужчину, полоскавшего изуродованные, все в порезах руки в воде.

Ядовитый клубок тошноты подкатил к горлу Панфилова.

Мужчина несколько раз ополоснул лицо и посмотрелся в зеркало за спиной Максима. Дикий крик, зародившийся где-то в недрах еле работающих легких Максима, вырвался из его пересохшего горла в виде жалобного хрипа удавленника. Рука, трясущаяся, как у больного паркинсонизмом, сама собой медленно нащупывала дверную защелку.

Когда строгий и волевой взгляд мужчины встретился с безумным его, Панфилов лихорадочно дергал ручку не поддающейся двери и еле разборчиво бормотал, не в силах оторвать своих остекленевших глаз от своего собственного двойника:

– Ты не можешь быть мной... ты не я... это все иллюзия. Проклятые зеркала...

– А может быть – это ты иллюзия? – мягко спросил невесть откуда взявшийся двойник со сверкающими глазами и медленно пошел на Максима. – Может быть, ты мне снишься, а? Ты уверен, что вообще существуешь?..

Панфилов попытался обернуться к раковине, но поскользнулся в луже собственной крови, ударился виском об угол металлической аптечки и... проснулся.

3.

«К тайне видимого не приблизиться, не разгадав загадки его отражения». Неизвестный.

Максим вяло нащупал пачку «Салема» на журнальном столике, вплотную придвинутом к изголовью, и с наслаждением затянулся. Вот уже несколько лет он не изменял этой привычке – выкуривать первую сигарету в постели – с тех самых пор, как развелся. Это уже стало чем-то вроде ритуала, утверждающего полную независимость.

Где хочу – там и курю. Упал пепел на ковер («Он же чисто шерстяной!») – ну, и хрен с ним, с ковром, пусть он хоть «чисто шиншилловый!» Бросил бычок в вазу для цветов – никаких возражений, никаких нотаций. Человек думает. Не важно, о чем – где бы и с кем похмелиться, или коим образом дописать рассказ к оговоренному с редакцией сроку.

Докурив и прочистив мозги от каких-то дурацких (странных?... пугающих?..) снов этой беспокойной ночи. Панфилов мысленно поздравил себя с Рождеством и, натянув Бермуды, прошел напрямик на кухню, невольно поймав себя на мысли, что его собственный, совмещенный, со вкусом и даже изяществом отделанный санузел чем-то его пугает... нет, не пугает – это, пожалуй, чересчур, а... настораживает. Какое-то необъяснимое предчувствие, что что-то там не так. Что-то там... произошло!..

«Тьфу ты, маразм какой, – покачал головой Максим, ставя чайник на газ. – Что там могло произойти за ночь? Только вчера вечером принимал душ... или не вчера?.. Стоп. А что было вчера? Я вчера целый день не выходил из дома. Я читал «Процессию мертвых на Ниле», часа полтора сидел за включенной машинкой (безрезультатно, конечно), много курил и пил дрянной кофе «Глобо»... никто мне не звонил, никто не поздравлял... даже Ольга. Вот это, действительно, странно. Почему она не позвонила? Она не только не пришла, она даже не позвонила!»

Ревность скользкой змеей удушливо захлестнула Панфилова. «Я всего-то неделю не появлялся в «Тополе», а она... как все... как все... эти официантки-секретуточки! Она... э-эх, олень ты северный! Это у тебя не давление к вечеру поднимается, это тебя рога к земле клонят!..»

Остервенело закурив, Максим ударом кулака открыл форточку и прислонился горячим лбом к стеклу, все еще проклиная себя за слезливую наивность.

Вместе с холодным воздухом в кухню ворвался шум проснувшегося уже двора. И голоса. О чем-то спорившие голоса.

— ...А я говорю...

— ...Может, там еще кто-нибудь живой!

— ...А я говорю...

— Вы бы, Степан Сергеевич, и вправду, того...

— ...А я говорю, дождемся слесаря!

— Как же дождедси его! Он уж, чай, напыхмелялся! А там, может, человек кровью исходит.

— О Господи... — горестно вздохнул Панфилов и прикрыл форточку.

«Опять у Райковых драка была. Опять двери ломать... а может быть, у меня телефон «крякнул», вот и не позвонила!» — пронеслось в его разгоряченной голове. — А я тут, как последний кретин, как раздолбанный Отелло — всех придушу, кто на ночь не молился!»

Нарочито медленно он прошел в комнату и сел за письменный стол. Черный, глянцевоый, как огромный жук, телефон, казалось, криво ухмылялся всеми десятью дырами пластикового исцарапанного диска.

Максим снял трубку и плотно прижал к уху.

— His tombstone bears a Latin inscription:

«You wont have to reserve a seat».

Tastes differ...*

— О вкусах не спорят... (англ.)

От неожиданности он выронил трубку из моментально вспотевшей ладони и тупо устался на висевшую прямо перед ним любительскую копию картины «Крик» Эдварда Мунка. Страшным усилием воли Максим заставил себя положить трубку на рычаг, да и то только когда услышал, что на кухне одурело свистит вскипевший чайник.

Прихлебывая из стального, сделанного под Пизанскую башню, но непотребно засаленного бокала несладкий, растворимый бразильский, отвратительный, как и их телесериалы, кофе под возмущительно-наглým прозвищем «Глобо», Максим курил и пытался разобраться в обуревавших его чувствах. То, что, подняв трубку телефона, он неожиданно стал свидетелем чьего-то междугороднего разговора — вполне логичное (и самое простое) объяснение. Он просто подслушал чей-то разговор. Тогда откуда эта гаденькое чувство щенячьего испуга, откуда эта уверенность, что говорили... О НЕМ?!

«Так-так. Спокойно. Что там они говорили? Что-то о том, что ТУДА не обязательно заказывать место заранее. В том смысле, что билеты на тот свет не обязательны, если я еще кое-что помню из английского. Ага, вот как: «На его могильной плите надпись по латыни»... «На его могильной плите»... НА МОЕЙ МОГИЛЬНОЙ ПЛИТЕ! На моей, черт побери! Они же обо мне говорили! Они говорили так, как будто я УМЕР!.. Нет. У тебя, Максим, паранойя. Это же бред, бред, бред! Я жив, я курю, я пью это говно, которое бразильцы называют кофе, что еще раз доказывает, какие они сволочи. Просто нужно набрать еще раз первый пришедший на ум номер и убедиться, что... убедиться, что ВАМ НЕ НУЖНО ЗАРАНЕЕ ЗАКАЗЫВАТЬ БИЛЕТА!..»

* На его надгробной плите на латинском языке надпись: «ВАМ НЕ НУЖНО ЗАРАНЕЕ ЗАКАЗЫВАТЬ БИЛЕТА».

– Прекрасно. Просто замечательно. Я, кажется, начинаю сходить с ума, – громко и отчетливо произнес Панфилов, меряя шагами кухню и время от времени бросая настороженные взгляды в сторону чуть приоткрытой двери в ванную.

«Вот так ни хрена себе рождественское утро! Похоже, моя хроническая депрессия все-таки доконает меня!»

Максим, не добро косясь на репродукцию «Корабля дураков», слишком много и некстати ему напоминавшую, открыл дверцу подвешного кухонного шкафчика и ловко, одним движением открыл немудреный тайник – шкафчик был с двойной стенкой. Из тайника высыпались упаковки «Радедорма», «Барбамила», «Центедрина»* и с глухим зловещим ударом, что-то завернутое во фланель. Одну упаковку «Радедорма» и фланелевый сверток он отложил на стол и аккуратно закрыл тайничок, запихав все остальное обратно.

Три таблетки Максим разжевал сразу, нетерпеливо сглатывая горьковатую слюну. А когда была развернута фланелевая тряпка, скользящие лучи утреннего солнца осветили черный небольшой, но по виду довольно тяжелый пистолет. Семизарядный «Глок» девятого калибра – оружие нешуточное, и (не приведи Господь) получил бы Панфилов за него в купе с залежами «лекарств» в тайнике лет пяток.

Не то, что Максим боялся кого-нибудь в Черноводске, где его знала каждая собака, и не входил он ни в какую тайную секту или террористическую группу и даже банк не собирался грабить. Любовь... нет, даже не любовь, а страсть к оружию появилась у него очень давно. Патологическая страсть. Попроси его – он не смог бы описать те ощущения, что обрушивались на него, когда пистолет (с полной обоймой!) оказывался у него в руке. Панфилов становился подобным богу. Он мог отобрать жизнь – он мог подарить жизнь. Он МОГ. Другое дело, что он никогда, вероятно, не СМОГ бы убить – это в сторону. Он МОГ. Ни один наркотик не давал такого ложного (о, Максим прекрасно понимал это) чувства всемогущества. «Бах!» и... ты на небесах или, что гораздо хуже, – в больнице.

В общем, как говорится: Господь Бог создал людей, полковник Колть уравнил их шансы.

Максим передернул пистолет, вогнал патрон в ствол и глубоко засунул оружие за широкий ремень потертых джинсов «Ли». Радедорм уже начал действовать, и Панфилов почувствовал себя намного уверенней и спокойнее.

– Ну, а теперь давайте, – пробормотал он неизвестно кому. – Валяйте. Я в полном порядке. Мне плевать, кто Вы, что Вы и что задумали. Вот так, мать вашу!

Наливая очередную порцию «Глоб» и ставя стакан рядом с пишущей машинкой, Панфилов старался, сам того не осознавая, не терять из поля зрения приоткрытую дверь в ванной. Он попытался поудобнее устроиться в ширпотребном кресле за столом и поморщился от боли – «Глок» всеми своими острыми металлическими углами впился под ребра, в печень, а стволом прямо в мошонку, от неожиданности сжавшуюся до размеров голубиногo яйца. Максим замер и попытался вспомнить, снял он пистолет с предохранителя или не снял. «Если снял, – осторожно подумал он, – то алименты мне уже никогда никому платить не придется».

Стараясь не шевелить нижней частью тела, он потянул «Глок» из-за ремня, а в это время в замочной скважине входной двери кто-то яростно зашурудил ключом, а за самой дверью, на лестничной площадке, послышались голоса.

* Сильные транквилизаторы.

«Здравствуйте! – окаменел Панфилов. – Это еще что? Международные наблюдатели за добровольной кастрацией с помощью девятимиллиметрового пистолета?»

– Степан Сергеевич, вы пистолет-то на всякий случай достаньте из кобуры, мало ли что.

– Что? – рывкнул явно уставший и чем-то обозленный участковый. – Кто-то укокошил этого журналиста и ждет нас, попивая кофе?

«Господи, – пронеслось в голове «этого журналиста», вспомнившего подслушанный им разговор под окнами, – так, стало быть, это они мою квартиру собирались вскрывать! А я тут с заряженным пистолетом в ширинке!»

Панфилов, сознавая, что ничего не теряет, кроме отстреленных яиц или пятилетки в зоне общего режима, как всякий русский понадеялся на «авось» и рывком вытащил злосчастный «Глок» из джинсов и засунул его за батарею. Пистолет оказался на предохранителе.

«А какого дьявола они, собственно, вламываются в мою квартиру? – задал он сам себе вопрос. – Я что, убил, что ли, сегодня ночью кого-нибудь?»

Максим застыл, как громом пораженный, вытарачив глаза на ту же чуть приоткрытую дверь своей зеркальной ванной, которую уже успел возненавидеть. Самые невероятные мысли вихрем пронеслись в голове незадачливого журналиста, однако не успели довести его до состояния полной прострации, потому что делегация за дверьми действовала быстро и напористо. Раздался выразительный «кляцк!» и сатанист от гитары Эллис Купер, наклеенный на входную дверь, всем своим музыкальным величием с разворота грохнулся о металлическую вешалку на трех ногах. Вешалка качнулась, но устояла, только чудом не обрушившись на стремительно ворвавшихся. Панфилов вскочил из-за стола и приготовился... черт его знает, к чему. То ли оправдываться, то ли возмущаться.

В прихожую Максима ввалились четыре человека. Степан Сергеевич Уркин – участковый собственной персоной в помятой форме, с «Макаровым» в руке, как и советовал ему женский голос, обретший теперь свою хозяйку в лице домоуправа на общественных началах Веры Сергеевны Стояновой – дамы средних лет с высоким девичьим бюстом и рельефными соблазнительными бедрами, которую Панфилову никак не хватало времени затащить в постель. Впереди всех с огромной связкой ключей и отмычек, в засаленном комбинезоне и двухнедельной щетине топтался легендарный слесарь ЖЭКа, кандидат философских наук Спивайкин Лев Леонидович, а на площадке, в дверном проеме маячил завсегдай всех скандалов, драк и семейных битв, некто, кого Панфилов знал как Егора.

– Всем стоять. Я – первый, – сурово приказал участковый и, напряженно озираясь, прошагал по коридору прямо навстречу Максиму, то есть по направлению к кухне.

– Так, – сказал Уркин, задумчиво глядя на пишущую машинку и дымящуюся «пизанскую башню» с кофе. Дальнейшее его поведение и поведение всех вломившихся к нему в квартиру настолько изумило Максима, что на все происходящее он смотрел уже как бы со стороны, как бы... с того света.

– Так, – сказал Уркин и почесал пистолетом обрюзгшую щеку. – Никого, стало быть. (У Панфилова отвисла челюсть.) А кофе горячий.

– В спальне и на балконе тоже никого, – с чувственным придыханием доложила Вера Сергеевна, успевшая осмотреть и балкон, и спальню, и даже перелистать шведский порножурнал, валявшийся на стеклянном столике, отчего на ее приятном, слегка распутном лице проступили красные пятна, а выразительные карие глаза повлажнели. – Может быть, в ванной? Хм...

– Угу, – кивнул Уркин и подошел к столу, разглядывая сквозь Максима замысловатый рисунок на обоях.

Панфилов стоял, выпучив глаза, по стойке смирно и косился на «Макаров» в грубой, ободранной руке участкового.

– Ушел он. (Панфилов с отвисшей челюстью и вылезшими из орбит глазами осторожно уцепился за ляжку.) Кофе после ночного дебоша ему, значит, не помог, и ушел он.

– Ну, ни х... чего себе, – заорал вдруг завсегдатай всех мерзостей Егор, незаметно для всех просочившись в ванную. – Тут точно кого-то убили!

– А ну-ка, ну-ка, расступитесь, – засуетился Степан Сергееч Уркин, расталкивая радостного Егора, испуганную Веру Сергеевну и равнодушного слесаря-философа. Участковый исчез в ванной, и секунд через десять до полностью одуревшего Максима донесся его озадаченный голос:

– Н-да... действительно, ни х... чего себе... вот это называется – погуляли ребята. Вот это я понимаю.

Максиму почудилась зависть в голосе участкового.

– Господи! Крови-то сколько, крови! – ахала Вера Сергеевна, которой никак не удавалось выкинуть из головы замысловатые позы совокупающихся и их опаленные оргазмом лица из панфиловского журнала.

– Вы не ахайте, Верочка, – осадил возбужденного домоуправа Уркин. – Кровь, конечно, есть, но на убийство не тянет. Многочисленные мелкие порезы – не более. Видите, сколько битого стекла? Он тут все свои лосьоны, одеколоны расколотил... уф! Вот вонища!

Панфилову наконец, надоело стоять столбом, и он вышел из-за стола, стараясь не шуметь, что вообще-то не имело никакого смысла. Раз уж несколько практически трезвых человек тебя в упор не видят, то логично предположить, что они тебя в упор не слышат. Но все происходящее в его квартире с самого утра пока никак не укладывалось в голове журналиста.

«Что же это происходит? Что же это такое происходит?» – прокручивался один и тот же вопрос где-то в самой глубине разгоряченного мозга Панфилова.

– В общем, я думаю так: надо закрывать квартиру и дожидаться хозяина, – заявил участковый, еще раз осмотрев все вокруг. – А вот когда он заявится и предъявить ему... это...

– Наши претензии, – участливо подсказала домоуправа.

– Вот-вот, претензии. Сколько ж это можно пьянствовать и нигде не работать?

– Да он же, вроде, работает, – меланхолично заметил слесарь-философ. – Я его статьи частенько в газетах читаю и рассказы. Хорошие, кстати, рассказы.

– Рассказы, может, и хорошие, поведение ни к черту, – отрезал Уркин и направился к выходу.

Когда дверь за этой импровизированной делегацией захлопнулась, до Максима донесся рассудительный голос участкового Уркина:

– А вот в КПЗ, при должном надзоре, рассказы у него будут еще лучше, это вы мне уж на слово поверьте...

Выйдя, наконец, из оцепенения, журналист, покачиваясь, словно пьяный, прошел в ванную и остановился на пороге в полнейшем изумлении. Среди действительно неопишемого погрома, привалившись к забрызганной кровью стене, сидел на корточках мускулистый, невероятно загорелый брюнет в ковбойских сапогах и задумчиво вертел в руках огромный кольт.

«Это, наверное, и есть сорок пятый калибр». – пронеслась в голову Максима шустрая мыслишка. И исчезла. Ничего другого в голову не приходило.

– Ага, – лениво сказал черноволосый ковбой, не поднимая глаз, и сплюнул на пол жевательную резинку. – Сорок пятый... а зря ты все-таки ее не трахнул – она не против, даже наоборот... э-эх, чего уж теперь, мой милый пьяный друг, теперь уже поздно, если, конечно... если, конечно, ты не выйдешь отсюда. Ну, а если выйдешь, то не теряйся. И чего ты в этой своей Ольге нашел?

– Ты кто такой? – выдохнул Максим, не отрывая взгляда от огромного черного пистолета.

Брюнет вопрос проигнорировал.

– Попка маленькая, ху-уденькая, тьфу! А вот эта Вера Сергеевна... обхватишь такую сзади и сам себе с удивлением скажешь: «О!»

– Да кто ты такой, черт тебя дерит?! – начал злиться Панфилов. – Не в жопах счастье, между прочим.

– Ты уверен? – и ковбой поднял голову, о чем Максим сразу же пожалел. На том месте, где у всех нормальных людей находятся глаза, у ковбоя переливались всеми цветами огня настоящие угли. Другого сравнения Панфилову в голову не пришло. Угли, черт поберит! Идеально круглой формы... и без зрачков. Короче, то еще зрелище.

– Ну, ладно, – миролюбиво согласился брюнет. – Может быть, и не в одних них, но, согласись, что большая, упругая задница любой женщине к лицу. Нет?.. Да, Всевышний с тобой, пошли что ли за знакомство хряпнем?

Ковбой легко поднялся на ноги и неуловимым движением засунул кольт за широченный кожаный ремень – весь в серебряных заклепках.

– Ну, что стоишь столбом? Пошли! Выпивка греется, закуска стынет... пошли, пошли, шевели копытами, писатель, – и черноволосый ковбой с огненными глазами легонько подтолкнул Максима назад, в кухню.

– Бред, – прошептал Панфилов, остановившись, как вкопанный, посреди своей собственной кухни и уставившись на заставленный бутылками и закусками стол. Кухня вообще сейчас выглядела, как мини-салун а-ля Дикий Запад.

– Только не для нас, – развязно заявил брюнет, брякаясь на неструганный табурет и водружая ноги на стол. – Все это бред для вашего Уркина и Веры Сергеевны, но не для нас. А лично для тебя теперь они – чистой воды бред, но только не то, что ты будешь видеть ЗДЕСЬ. Все то, что ты видишь сейчас и будешь видеть потом, для меня, а теперь и для тебя – самая что ни на есть реальность, а вот для них – точно бред. Так что привыкай, – ковбой опрокинул в глотку полный стакан светло-коричневой жидкости. – Добро, как говорится, пожаловать в новую жизнь!

– И все же, кто ты? – просипел Максим, чувствуя, что сейчас потеряет сознание.

– Ох, достал! Да зови ты меня как хочешь! Нет у меня ни имени, ни времени, в котором бы я существовал абсолютно... не доходит?.. Эх, наказание! Зови меня тогда, скажем. ... О! Бродящий по снам!.. Что? Слишком длинно? Тогда зови, как хочешь, мне это до фонаря. А еще сказали: «Он сообразительный, поймет».

– Кто «сказали»? – спросил Максим, чувствуя, как полубоморочное состояние проходит, и мозг начинает вроде бы чего-то там соображать. – И почему «Бродящий по снам»? Я сейчас сплю, что ли? Все это во сне происходит? Да?

– А ты попробуй, – подтолкнул брюнет свой кольт Максиму и выпил еще. – Бабахни себе в левый висок.

– А-п-почему в левый, – вздрогнул Панфилов и отодвинул от себя пистолет.

– А потому что так главней! Ха-ха-ха!.. И меня своими мозгами не заляпаешь. На, стреляй!

– А может, лучше ущипнуть?

– Щипай!..

– Больно!

– Ну?

– Чего «ну»?.. Ой, не смотри ты на меня такими глазами, или что это там у тебя.

– Ладно, ладно, я очки темные надену. Очень, – ковбой выудил из одного из своих бесчисленных карманов и карманчиков очки «Рэйдан» и водрузил на нос. – Мне идет?

– Подлецу все к лицу, – угрюмо пробормотал Максим и осторожно присел к столу, наливая себе полстакана «Джек Дэниэлс». – Вылитый Клинт Иствуд.

– О! А это мне нравится! – заорал Бродящий по снам. – Писатель уже собирается бросаться в обморок и блевать по углам! Выпьем по этому поводу!

Крепкий неразбавленный виски, отдающий откровенным хлебным самогоном, тихонько поступал в голову: «Алле? К вам можно? Не помешаю? Расслабьтесь и дышите глубже».

Панфилов отдышался и закурил:

– И все же, что это, если не сон? Может быть, я с ума сошел?

– Куда уж дальше-то? – цинично ухмыльнулся огненноглазый ковбой. – Слушай... как-то раз один из фантастов, не очень известных, но очень талантливых, написал рассказ об архитекторе, который умудрился построить дом такой планировки, что одна из его комнат находилась в четвертом измерении. Представляешь? Открываешь ты дверь в эту самую комнату и оказываешься...

– Где?

– Да где угодно... что ты вообще знаешь о четвертом измерении?

– погоди. Ты хочешь сказать, что мы сейчас в...

– Да я к примеру! К примеру я о четвертом измерении. ЗДЕСЬ, между прочим, где мы сейчас с тобой пьянствуем, измерений гораздо больше. Усек? Не десять, не двадцать и даже не тридцать пять...

– Сколько захочешь, – прошептал Максим и налил еще полстакана виски.

– Врубаешься, черт меня побери! – опять радостно заорал ковбой. – Выпьем!

– По этому поводу, закончил Панфилов и проглотил очередную порцию виски.

– Стало быть, я могу теперь принимать любую форму и существовать в любом времени – вчера, завтра, послезавтра, через десять лет? Так что ли?

– Ну-у... В общем, да. В общих чертах, не учитывая правил Игры, – да!

– Выпьем по этому поводу! – опередил брютета Максим и разлил по стаканам. – А потом ты мне расскажешь правила Игры. И что это вообще за Игра такая.

– Добро! Поехали!

4.

**«... Но ночью вижу: космос взаперти
в тугих извивах Млечного пути...»**
Диккенс Оперман.

То, что рассказал Максиму Бродящий по снам про Игру и про правила, которые необходимо соблюдать в ней, показалось тому абсолютной чепухой. Ну, то есть, самой что ни на есть несусветной. Просто какая-то шизофрения.

Но вначале ему пришлось прослушать довольно бессвязные лекции по оптической физике, древней истории и психологии человека. Лекции Панфилов прослушал с удовольствием. А чего, действительно, выпендриваться? За окном Рождество, холод и алкоголики, а на кухне виски, бифштекс и красная икра плюс потусторонний собутыльник, для которого, как выяснилось, не существует вопросов, на которые он не смог ответить.

И в течение двух с лишним часов из панфиловской кухни а-ля Дикий Запад только раздавалось: «Выпьем по этому поводу!» или что-то типа «Нулевой спектр черного излучения», «А я тебе говорю, Парацельс именно так и делал!»

Преинтереснейший разговор двух пьяных ученых мужей был прерван лишь однажды. Зазвонил телефон. А, собственно, и разговор-то подходил к концу.

– Меня услышат? – меланхолично спросил Максим, стряхивая пепел в свой стакан.

– Конечно. И услышат и, если надо, увидят, после того, как ты дашь согласие на Игру.

Панфилов не успел даже сказать «Алле».

– Милый, ну, наконец-то! Где ты пропадаешь? Как ты, кстати, себя чувствуешь после вчерашнего? Наверное, головушка болит? Я же говорила – не мешай водку и портер...

– Да нет, все нормально. Уже, – пробормотал Панфилов, не понимая, о чем вообще идет речь. Не был он вчера ни в каком ресторане и не пил ни водки, ни тем более портера.

– Ой, какой голос у тебя странный! Ты не напился еще? Не забудь – Рождество мы встречаем у тебя!.. Ну и что, что католическое? У меня же мама западная украинка, ты не забыл? Я сейчас все-все приготовлю и часика через два буду у тебя, хорошо, родной? Ты будешь с другом? Тогда, может быть, Альку пригласить?.. Ладно, ладно, как скажешь милый. Ага, поняла! Все поняла. Целую тебя, радость, жди, я скоро.

– А она тебя любит, — пожал плечами ковбой. – Провалиться мне на этом месте!

– Хорошо бы, — буркнул Панфилов.

– Да точно любит!

– Я про «провалиться», — отмахнулся Максим и сплюнул окурочку прямо на пол. – Провалился бы ты сейчас куда-нибудь и оставил меня в покое, а?

– Не могу, — закручинился Бродящий по снам. — И хотел бы, да не могу. Дальше некуда, понимаешь? А потом, как же ты? Не могу я тебя бросить, без меня забредешь ты куда-нибудь в Сны Неправильных Кругов и тью-тью... видишь, сколько у меня «не могу»?

– А если я не соглашусь на Игру?

– Ну-у-у...

– Понятно. Выбор у меня не богатый... что ж, давай сыграем.

– О! Выпьем по этому поводу! Наливай.

– Ты бы лучше правила объяснил, а потом уже «наливай».

– Правила? — удивился ковбой. — А никаких, собственно, правил и нет. Кроме разве одного — тебе за одни сутки, то есть за двадцать четыре часа, нужно выбраться отсюда, как бы мы это место с тобой ни называли. Вот и все.

– Вот и все? Но я что-то должен делать для этого? Чтобы откуда-то выбраться, нужно куда-то идти!

– Да необязательно, — небрежно закурил Бродящий. — Тебя доставят куда нужно и не нужно никуда идти.

– И что я буду должен делать там, куда меня доставят? Что-то же надо делать, чтобы «выбраться»?

– Проще не бывает, – успокоил Максима ковбой. – Ты должен будешь отгадать, в реальности находишься ты в данный момент или в НЕреальности. Проще говоря, ТЕБЕ снится тот или иной сон, или ты снишься кому-то ДРУГОМУ.

– погоди, – опешил Панфилов. – Ты же сам говорил, что мы сейчас находимся в месте, которое имеет миллион реальностей, тысячи форм и проекций.

– Ну.

– Так как же я...

– А я на что? Не бойся, я буду рядом, даже если ты меня не видишь. Работа у меня такая – помогать заблудшим и заблудившимся. Ты пойми одно, расстрига, – я на твоей стороне. Мне ни Мастер, ни Анаэль – зануда голожопая – не указ, выиграешь ты – выиграю я. Усек?

– А если...

– Давай не будем о плохом, – жестом остановил Максима Бродящий по снам. – Если у тебя нет надежды, то и трепыхаться не стоит. Пей лучше.

Панфилов залпом выпил полстакана и закашлялся. Буд-то огненный шар прокатился и ухнул ему в желудок. Перед глазами поплыли черные и красные круги, а сердце затрепетало обожженной бабочкой.

– Ма-ма, – прохрипел он и... проснулся.

5.

***«... Не надейся перехитрить
Искаженный мир. Он больше,
Меньше, длиннее и короче, чем ты.
Он недосказуем. Он просто есть».***

Роберт Шекли.

Панфилов с трудом разлепил глаза и попытался поднять правую руку, но отнюдь не для приветствия, а чтобы выяснить, который сейчас час. Панфилов носил часы всегда на правой руке и никогда не снимал их на ночь. Рука не поднималась. Он покосился направо и увидел голову. Точнее – изящную и симпатичнейшую женскую головку, умиротворенно сопящую и чему-то улыбающуюся. Самому Панфилову было не до улыбок, журналист болел с похмелья и, хоть убей, не помнил, как в его постели оказалась женщина, что, впрочем, было не удивительно, судя по всему, вчера он напился до полного беспамятства. Удивительно было другое: он помнил, с кем и по какому поводу напился. И воспоминания эти не добавляли радости. Панфилов попытался о чем-нибудь задуматься, но ничего не получалось, ни о чем не думалось, кроме одного. ... Ну, это и понятно – гладкое голое бедро, закинутае вам на живот и чуть ниже, какие уж тут к черту думы. Сплошные думы: дым воспоминаний, дым неосуществленных желаний, дым отчества, «Дым над водой»...

Максим осторожно высвободил затекшую руку из-под головы незнакомки и выбрался из постели.

И вот только тогда его будто током ударило. Он узнал женщину. Это была ни больше, ни меньше, ни старше, ни моложе – жена начальника ГУВД. И мало того – жена главного мента города сама была следователем прокуратуры. Это был уже перебор, как и все остальное в жизни Панфилова. Если споткнуться и упасть, то непременно с крыши четырехэтажного дома, если роман завести, то обязательно с женой полковника милиции, ненавидевшего журналиста, как родного, за его обличительные статьи в областной прессе

по поводу коррупции в органах внутренних дел. Максим обругал про себя весь мир и его окрестности и осторожно проплыл на кухню. На кухне царил бардак, которого Панфилов не наблюдал со времен своей студенческой жизни. «Ну, ни хрена себе – прокурорша», — вяло удивился Максим, но тут же вспомнил, что Елена Степановна Гаязова в своё время так же была студенткой Казанского университета, и удивляться прекратил. В фужер с остатками выдохшегося шампанского он слил все, что оставалось в бутылках с этикетками «Анапа», «Массандра», «Водка Пшеничная», тщательно перемешал. Получилось граммов двести пойла, которое американцы обязательно обозвали бы коктейлем «Бриз в темную полночь» и драли бы за него долларов по двадцать, накидав при этом в напиток безобразных кусков льда.

Когда «Бриз» прижился в желудке, растекся по истрадававшемуся организму и постучался в голову Максима легким дуновением предчувствия очередной гулянки, в коридоре появился невозмутимо ухмыляющийся огненноглазый ковбой, дымящий огромной сигарой.

– Опохмеляемся?

Максим угрюмо кивнул и закурил.

– Твоя работа, – ткнул он прокуренным пальцем в стенку между кухней и комнатой. После коктейля настроение у Панфилова было умиротворенно-агрессивное.

– Да упаси Господь! – оскорбился Бродящий по снам. – Я не могу создавать сны, я могу присутствовать в них. Я не могу создавать реальность, я лишь могу отличить ее от Нереальности. В твоём понимании разумеется.

– Стоп! – Максим потихонечку зверел. – Тебе этот разговор ничего не напоминает, братец Вачовски*? Реальность, НЕреальность, виртуальная реальность...

– О, нет, нет, никаких компьютерных заморочек, никаких матриц, никаких программ, умоляю. Я что, похож на американского еврея? Я даже не знаю чем отличается чип от винчестера! А фильмец этот я смотрел – бред чистой воды.

Так что, как говорится, не гони волну.

– Тогда что это там?!

– Следовательно прокуратуры, я полагаю. Очень милая и очень сексуальная женщина, которую ты мечтал...

– Ни хрена я не мечтал...

– Да ну?

– Да, я делал год назад с ней интервью и ...

– И пиялся ей в вырез кофточки, так, что чуть не окосел. Хорошо, что молнии на джинсах «Лее» отменного качества. Короче говоря: что хотели – то и получили. Просим расписаться в квитанции.

– Ладно, ладно, я пиялся, я хотел... скажи мне одно. Это – сон? Вот это все, все, что сейчас происходит – это сон?

– А ты пойдй, спроси у нее – ухмыльнулся ковбой и выудил из карманов две бутылки пива. – Давай-ка присядем, глотнем пивка.

– Ведь ты – Бродящий по снам, так? Стало быть, ты не можешь бродить по реальности?

* Братья Энди и Лари Вачовски. Сценаристы и режиссеры фильма «Матрица».

– По чьей реальности? По твоей, или по ее?

– О, Боже... какая же ты зануда...

– Когда живешь вечно, наверное, поневоле становишься занудой, – вздохнул Бродящий и разлил пиво по стаканам. – Издержки профессии.

– Н-д-а, – хрипло промычал Максим. – Есть такая профессия, сынок, – бродить по чужим снам, влезать в чужое подсознание, копаться там, как фетишист долбаный.

– Ерунда все это, – скривился Бродящий и выпил пиво.

– Что ерунда?

– Твои рассусоливания про подсознание. Нет никакого подсознания.

– К-как это нет, – опешил Панфилов, который в свое время проштудировал горы литературы о роли подсознательного в жизни человека.

– А вот так и нет. Я вообще не понимаю, что это люди так носятся с этим подсознанием, тоже мне козла отпущения придумали. И во всем-то, чего ни коснись, у вас виновато подсознание! Болезни, вранье, измены, пьянство, наркомания, убийства, изнасилования малолетних...

– Бродящий тянул пиво «Tuborg» и пережевывал слова с таким скучающим видом, словно читал миллионную по счету лекцию студентам-оболтусам, и все это ему до смерти осточертело.

– ... А уж сколько авантюристов кормится этой верой людей в так называемое подсознание, – Бродящий махнул рукой и с наслаждением затянулся сигарой.

– Так как же быть... – начал было Панфилов.

– С чем?! – заорал вдруг ковбой. – Как ты себе представляешь это самое подсознание?! Что это?! Копошашаяся в твоем мозгу крыса, которую всякий раз тянет в кабак, когда тебе нужно на работу?! Ну? Чего тарашься? Уменьшечки какие, мать вашу! Нашли решение всех проблем – придумали себе сказку про подсознание и бессознание! – и Бродящий по снам противно пропищал:

– Ой, граждане, ой, милые, не осудите невинного! Это ж я в бессознании полном человека порешил! Даже ежели б я был в своем уме разве ж я ударил его ножом сорок два раза-то?

– Какой-то дурацкий пример, – пожал плечами Панфилов.

– Я согласна.

Максим вздрогнул и обернулся на звук голоса: в кухонном проеме стояла уже аккуратно причесанная жена полковника милиции – теперешняя панфиловская любовница, стало быть.

– Максим, что это за громила?

– А вот это ни прокуратуры, ни милиции вообще не касается, – откликнулся Бродящий, даже не обернувшись на звук голоса и, как ни в чем не бывало, потягивая пиво. – У нас сугубо мужской разговор... кстати, Макс, ты с ней ночью все делал не так. Ей нравится, когда ее привязывают к дужкам постели, ругают матом, стегают ремнем. ... В общем, проделывают с ней все, что проделывают с провинившейся девочкой шестого класса. Она любит пикантные штучки.

Панфилов со страхом и удивлением наблюдал, как меняется в лице всеми уважаемая в городе жена начальника милиции, и ожидал событий.

– Я не прав? – обернулся Бродящий к прокурорше. – Вот видишь, Макс, прав. Она даже сейчас не против... так ведь, золотко?

«Золотко» стояло с отвисшей челюстью и никаких событий не производила.

– Ладно, – снисходительно разрешил Бродящий. – Присаживайся. Не надо стесняться своих желаний милая, от этого все неурядицы в жизни, в том числе и в половой.

– М-Макс, как... как ты позволяешь этому... этому... так нагло издеваться, так нагло врать... я никогда не хотела, чтобы меня стегали ремнем! – Елена перешла совсем уж на бабий визг.

– Попробуй не позволяй, пробормотал Панфилов.

– Не хотела?! – угрожающе спросил Бродящий. – А вот давай мы сейчас и попробуем, – предложил он, тяжело вставая.

– Не... надо... сейчас... – попятилась та. – Лучше выпьем и познакомимся...

– Ну, давай, – неожиданно легко согласился ковбой и жестом пригласил прокуроршу к столу, подмигнув при этом обалдевшему Максиму.

– И запомни, Макс, – обратился он отдельно к нему. – Я могу быть где угодно – и во сне, и в реальности, и между ними, и даже вне всего этого... о, как же мне осточертело объяснять каждому заблудшему правила Игры!..

Елена Степановна слушала весь этот монолог с видом, мягко говоря, одуревшим, и было видно, что восьмидесятидолларовое шампанское ей колом встало в горле.

– А ты случайно... – до Максима дошла вдруг невероятная страшная догадка, – ты случайно не... Сатана?

– Ну, вот – лыко да мочало – начинай сначала. Не Сатана я, понял? не Дьявол и не Люцифер, я – Бродящий.

– Простите, – раздался сдавленный голос прокурорши. – Можно мне в туалет?.. Очень нужно.

– Валяй! – царственным жестом разрешил ковбой. – Только недолго, – погрозил он советнику юстиции. – Нам без тебя скучно...

– Так вот, никогда я не был... да, лифчик не надевай! Ты мне так больше нравишься... так вот, никогда я не был... и был всегда, ясно? Еще до того как Эмбрион случайно столкнулся с вашей планетой.

– Какой Эмбрион?

– Да что ж вы за люди такие! Все вам нужно знать, обо всем иметь свое мнение, которое, к слову сказать, и гроша ломаного не стоит! Воспринимать все как должное – это не по вам?..

В это самое время Елена Степановна Гаязова остороженько скрылась за дверью панфиловской ванной и сгинула навсегда.

Правда, перед тем, как сгинуть, она дрожащими пальцами набрала номер дежурного офицера по городу, благо, мобильник всегда валялся в ее сумочке для всякой женской ерунды.

– Алло, милиция! Меня тут двое каких-то маньяков собираются...

– Какая, к чертям собачьим, милиция?! – Раздался вдруг в трубке развязный и злой голос. – У нас здесь все по-честному!.. Хм, милиция... ты, Леночка совсем, что ли, одурела?.. А ну-ка, подь сюда!

И Леночка сгинула навсегда.

– Значит, ты хочешь знать, что такое Эмбрион?

Максим неуверенно кивнул.

– А ты случайно не знаешь, почему люди не делают треугольных зеркал? Круглые, квадратные, овальные, но не треугольные?

– Почему? – одурело спросил Панфилов, которому вдруг пришло в голову, что он действительно за всю свою жизнь не видел ни одного треугольного зеркала.

– А потому, что, заглянув в такое зеркало, можно увидеть, – зашептал ему на ухо Бродящий...

**«Поступать по необходимости –
еще не значит поступать правильно».**
Цезарь Калигула.

Утро выдалось в городе солнечное.

В грязных окнах облупившихся пятиэтажек отражалось сумасшедшее послерожественное светило, которое солнцем можно было назвать с большой натяжкой. Угрюмый милицкий уазик и жизнерадостная реанимационная машина, возле которых толпились люди в серой форме и белых халатах, не добавляли обыденности и спокойствия картине заснеженного городского парка, где в семь утра был обнаружен окоченевший труп известнейшего в городе журналиста Максима Панфилова.

– Допился, – мрачно констатировал патологоанатом (закадычный приятель покойного). – Острая сердечная недостаточность, тут и вскрытие делать не надо. От него до сих пор перегаром прет, как от живого...

При этих словах эскулап вздрогнул и почему-то испуганно посмотрел на мутные небеса, хотя никогда не был человеком религиозным.

– Забирать можно? – хрипло спросил один из санитаров «труповозки», страдающий с глубочайшего похмелья и нетерпеливо курящий одну сигарету за другой.

– Можно, можно, – так же угрюмо разрешил начальник городской милиции Гаязов, поднятый по тревоге и не обнаруживший рядом своей благоверной, что повергло его в больший шок, чем сообщение о трупе (убийство в Черноводске было случаем редким). – Акт составили?.. Ну, и везите его с Богом.

«Какое-то дурацкое выражение – «везите с богом», – подумалось начальнику милиции. – Вернется – убую сучку!»

В это самое время суету и переполох в городском парке со стороны гастронома, который светился только буквами «трон», наблюдали две престарелые калоши, о которых принято говорить «столько люди не живут».

– А может, вернуть ему жену? – отрешенно спросила первая «калоша».

– Зачем? Там она нашла все, что хотела.

– А Панфилова?

– Делать тут ему больше нечего... разве что в другое место...

Старичье еще о чем-то потолковало и степенно удалилось. Будто их и не было никогда на земле.

А когда двое уже опохмелившихся санитаров запахали мешок с телом Панфилова в морозильный шкаф, Максим сидел на собственной кухне пил дорогое шампанское и спорил с Бродящим по снам о дурацких правилах Игры, которую ему навязали без его на то согласия.

Глубокой ночью наливавшемуся до раздвоения в глазах патологоанатому, поминавшему своего друга Макса, привиделось, будто за двойными окнами морга прошел кто-то огненноглазый и неизвестно чему ухмыльнулся.

Мало ли чего привидится.

г.Димитровград 16.07.2000

Не доверяй бродячей собаке.

Он увидел его сразу, как только вышел из заваленного хламом, вонючего подъезда. Пес сидел под холодным осенним ветром и задумчиво вглядывался в туманную даль, где терялась автотрасса Псков – Ленинград – единственное, что оживляло желтые, мертвые холмы вокруг города.

Это была шотландская овчарка, рослая, мускулистая и... с какими-то несобачьими глазами.

Пес заметил человека и повернул длинную серьезную морду с подрагивающим розовым носом к старому двухэтажному дому.

Собака сидела на песчаном пригорке возле тропки, ведущей в лес, куда собственно и отправлялся Гена Панфилов – списанный на берег помощник капитана торгового сухогруза «Капитан Богатырев» и вынужденный теперь совершать лесные прогулки вместо морских. Помощник-расстрига вот уже третий год вел праведный образ жизни, тщательно следя за фигурой и внешностью, как старая дева на выданье, не без удовлетворения замечая, как день ото дня отвратительный жир на животе и поясище исчезает и растворяются сиреневые мешки под глазами, словно он никогда не пил запоем до белой горячки.

На берегу он привык просыпаться вместе с восходом солнца, пить кофе ровно в семь и завтракать в девять. Пачку сигарет он вот уже полгода с удивлявшей даже его самой твердостью растягивал на два дня, а первую сигарету выкуривал не в постели, едва продрав глаза, а только на прогулке в лесу. Маршрут у него был один и тот же – вверх по холму, заросшему березами и липами, не считая непроходимой стены бесконечного орешника, до маленького заболоченного ручья, к поваленному бурей дубу. Здесь он выкуривал свою первую сигарету, спокойным, безмятежным взглядом следя, как ленивый ручей уносит сморщенные, выгнутые словно кораблики листья.

Такая размеренная жизнь была для Панфилова не самоцелью, от которой один шаг до тихого помешательства, он вовсе не следил за минутной стрелкой часов, в ожидании, когда можно будет выпить кофе или выйти из дома, аккуратно зашнуровав кроссовки, он не отсчитывал ровно столько-то шагов «до вон того дерева» и не сидел столько-то минут (психиатры знают, о чем я говорю). Просто такая жизнь ему нравилась... пока.

На часах было двенадцать минут десятого хмурого, туманного утра, когда Панфилов, пройдя по опушке, заваленной буро-серыми трупиками листьев, ступил на, до каменной твердости утрамбованную грибниками, тропу, пьяно вихляющую между бесконечных кустов орешника, чахлых осин и высоких берез. Взрослых, больших кленов почему-то не было, хотя маленькие, в человеческий рост, кленята росли повсюду.

Он уже углубился в лес, и рев грузовиков на автострате поглотил упрямый шепот редкой листвы, когда неожиданно в правую ногу что-то мягко ткнулось. Гена машинально дернулся вперед, чувствуя, как тело прошлили кривые иглы страха, и обернулся, рискуя вывихнуть шею.

Гена не то чтобы не любил собак, а скорее относился к ним с подозрением. Он подспудно чувствовал, что их бессловесная преданность не более чем иллюзия, а наша вседозволенность в общении с ними когда-нибудь так аукнется, что представить и то тошно. Вот сейчас он со смесью испуга и злости смотрел в желтые, невинные (такая же

невинность прослеживается в глазах детей, которые играя в войну, вешают на дереве ничего не подозревающего мальчишку, большинством выбранного жертвой) глаза лохматой бело-песочной собаки и напряженно думал, какого черта ей надо.

– Тебе чего, псина? – хрипло спросил он.

Псина весело и дружелюбно замахала хвостом, в котором запуталось бесчисленное количество репейников и что-то проскулила на своем собачьем языке.

«Негавкнула почему-то», – подумал Гена.

– Ну, ладно, хочешь гулять со мной, пошли. Только без этих штучек, – и он, успокоившись, продолжил прогулку, ругая себя за то, что начинает шарахаться от собственной тени. Сказывался преимущественно домашний образ жизни. Дом для него был надежной крепостью, в которую он не допускал никого, это было тем проще, что допускать практически некого было.

Старые друзья разбегались, переженились, умерли, заводить новых было поздно, да и не нужно. Женщины время от времени появлялись в квартире Панфилова, но на очень непродолжительное время. Они ему быстро надоедали. Они приносили вместе со своими платьями, лифчиками, косметикой, бессмысленными и бестемными разговорами и глупым смехом по всякому поводу дух анархии, разлада во всем отточенном механизме размеренной спокойной жизни, которую он сам себе придумал и подчинялся ее придуманным правилам. Когда долго не выходишь из дома и с удивлением и толикой презрения смотришь на спящих с утра до ночи женщин, мужчин и детей за зарешеченными окнами, то постепенно развивается «синдром осажденной крепости». Анализируя радио и телепередачи, Панфилов все больше убеждался, что страна с всевозрастающей скоростью катится в беспросветную пучину бардака по всем позициям, что впрочем, соответствовало действительности. Особенно его раздражал разгул преступности. В его представлении никакая абстрактная, амебообразная, отвратительная, всеобъемлющая преступность потихоньку душила, растлевала все и вся, и ровным счетом ничего нельзя было с этим поделать. Эти его размышления также находились в очень близком, пугающем соприкосновении с истиной. Его молодой, наглый и тупой сосед по фамилии Крупицын, не имеющий даже трудовой книжки, разъезжал на черном «БМВ», ящиками пил шампанское, а однажды устроил под окнами дома стриптиз-шоу с малолетними пьяными сучками, причем в одном из пассажиров «БМВ» Панфилов без удивления узнал невнезапного участкового инспектора в штатском.

Неудивительно, что Гена, на последние гроши купивший видеоплеер «Орион», с головой окунулся в иллюзорный мир добра и справедливости, где полицейские всегда уничтожают бандитов, а частные бродяги и авантюристы выигрывают в лотерею кучу денег и, купив роскошную яхту, отправляются в кругосветное путешествие.

И вот следствие затворнической жизни – «синдром осажденной крепости». Паршивая бездомная собака испугала его до колик. В конце концов она же не бешеная. Бешеную видно сразу – у нее слюна до земли и пена. У провожатой Геннадия ничего такого не было. Это была обыкновенная бродячая собака. Взгляд у собаки был умный и хитрый. От рук Гены пахло колбаской, и пес беспрестанно тягивал в себя вкусный воздух и в надежде вилял хвостом.

– Нету у меня ничего, глупая ты морда, – добродушно сказал Генник, пытаясь погладить собаку. – Проводишь меня домой, там я тебе колбасы вынесу.

Собака ласки не приняла, плавно увернулась и легкими прыжками помчалась вперед по тропе, изредка припадая возле кустов орешника и обнюхивая их. Гена почему-то вспомнил, как в 1983 году их траулер сел на банку недалеко от острова Ионы в Охотском море их почти неделю буксировали до Аяна в четырехбальную качку. В Аяне они ждали с капитаном и механиком Женей в хибаре местного рыбака-браконьера, страдавшего после семилетней отсидки туберкулезом. У браконьера была точно такая же колли, которую тот держал ради щенят. Толстеньких и веселых щенят-бутузов туберкулезник чуть не заживо растапливал в наглухо закрытых чугунах в печи ради жира, который принимал как общеизвестное на Дальнем Севере средство против самой распространенной после гонореи болезни.

Саму мать день на четвертый хлебосольный рыбак-каторжник тоже убил. Дробью-нулевкой в голову, так что мозги заляпали всю стену у балка возле собачьей конуры. Колли сразу же подвесили на крюк и сняли шкуру с еще теплой. Гостеприимный браконьер аккуратно собрал в литровую банку нутряной жир для себя, а мясо поджарили для всех. Полуголодные моряки под трехлитровую банку разбавленного спирта уплели три сковороды за милую душу.

Теперь, тяжело шагая по опавшим листьям и не по распорядку закуривая первую сигарету, Гена вспоминал, как умоляюще скулила овчарка, жалобно и просяще глядя на бородатых полупьяных людей, которые шли убивать ее. Он раздраженно помотал головой, стараясь отогнать неожиданное виденье прошедших беспутных лет и смущенно посмотрел на колли, которая словно уловив смену настроения человека с интересом рассматривала его, наклонив голову набок и широко расставив лапы.

– Ну, что ж это за хренота такая! Не я ж один жрал ее! – гневно пробормотал он, обращаясь к ней, прикуривая вторую сигарету. Ни о каком распорядке дня не могло быть и речи. Смущение постепенно переросло в глухое раздражение. «Чтоб тебя черти побрали! Не шлялось тебе по помойкам. Надо было обязательно человеку устро испоганить, тварь ты безмозглая. Не я ж убивал твою сестру, я вообще к ней не подходил, да и съел-то во-от такой кусочек – кот наплакал, дьявол ты дери».

Собака нырнула с тропинки в густую, зеленую еще траву и, низко опустив голову и разыскивая, по всей вероятности, мышиные норы, быстро скрылась из глаз, так что Гена даже подумал, уж не привиделась ли ему эта прилипчивая колли. Панфилов остановившись прислушался к лесным невнятным звукам и не услышал ничего, словно пес провалился сквозь землю.

«У меня самая настоящая неврастения. Ну, какого черта, спрашивается, я вдруг вспомнил эту историю со съеденной в Аяне собакой? Я что ли, в самом деле, вышиб ей мозги? Нет, не я. Пристрелил ее сам хозяин, а перед этим еще и двухмесячных щенков загубил. И что-то непохоже, что очень ему это помогло. Как харкал кровью, так и харкает, и сам как коромысло худой и кривой. Не смотри, мол, что грудь впалая, зато спина колесом... все правильно, ничего было пилиться, когда ей на крюке горло перерезали... и непонятно, зачем ему шкура-то нужна была. На шапку, на шапку... какая из колли шапка? Какой дурак будет ходить в шапке из колли? Такую шапку только в «Поле чудес» отсылать, пусть Якубович в лапах и с сушками на пузе еще и шапку эту наденет для завершения картины полного кретинизма... ну, вот, кажется, пришел: сейчас сверну налево, мимо разбитой молнией березы с тремя чагами на стволе, и будет мой вражек».

Мой ручей. Выкурю пару сигарет и домой... чтоб ей пусто было, этой псине». Когда Гена спустился вниз по отлогому склону заросшего папоротником овражка и присел на поваленный потрескавшийся дуб, где-то в зарослях орешника послышался осторожный, еле уловимый шорох. Как будто кто-то растирал на ладони сухой лист. Гена вздрогнул, и, не оборачиваясь, медленно поднялся, хрустнув непослушными коленями.

«Что-то я совсем... расклеился. Это, разумеется, мышь. А кто же еще может быть? А не мышь, то ящерица, уж, или еще кто-нибудь. Чего же тут пугаться... вот сейчас обернусь и ничего не увижу...»

Панфилов медленно, стараясь не шуршать ветровкой, обернулся и замер. В двух шагах от него стояла колли, держа в зубах какую-то мерзкую гадость. Морда собаки была в крови. Это была, несомненно, та же самая колли, что увязалась за ним, только теперь она как-то неуловимо изменилась, и нельзя было сказать, что изменения эти были приятными и обнадеживающими. Один глаз пса казалось совсем мертвым, и Панфилову почудилось, что на этом глазу застыла кровавая слеза. Второй глаз усталился на Гену изучающе и чуть насмешливо. «Ну, что скажешь, человек? Как я тебе нравлюсь? Ты что же, подумал, что я ушла? Насовсем ушла? Мы никогда не уходим насовсем».

Панфилов сделал угрожающую физиономию и, стараясь напугать колли, с силой топнул ногой.

– А ну, пошла отсюда! Вон!

Собака, пригнув уши и мотнув головой, отпрыгнула в сторону и выпустила из пасти кроваво-серое месиво. Это была растерзанная крыса со злобной оскаленной мордой и черными ненавидящими глазками.

– Бо-оже мой... во-он! пошла!

Панфилов неистово застонал и швырнул в собаку сломанной сигаретой, которую так и не закурил.

– Пошла, тварь такая!

Собака легко перепрыгнула через лениво ползущий ручей и стояла там, вне досягаемости, спокойно и настойчиво глядя человеку прямо в глаза. Панфилов сорвался на крике, заметив, что правая сторона морды с кровавым глазом вдруг стала расплываться, покрываясь гнойными струпами. Губы превращались в какое-то красно-черное желе, разлагаясь на глазах и обнажая грязные, пожелтевшие клыки.

Собака медленно повернула морду изуродованной стороной к Геннадию, словно приглашая полюбоваться на такую занятную картину.

Осклизлая, влажная шерсть падала на траву вместе с кусками кожи, обнажая череп. Превратившееся в бесформенную массу ухо долго-долго, как показалось Панфилову, ползло по скуле и, немного покачавшись на липких, пузырящихся нитях протухшей плоти, с чавкающим звуком шлепнулось на багряный лист папоротника.

Огласив березовую рощу и кусты орешника диким, нечеловеческим криком, Гена бросился бежать вниз по дну оврага, поминутно попадая ногами в ручей, поскальзываясь, падая в грязь, снова поднимаясь, и бежал, бежал дальше, как можно дальше от этой собаки, ненавидяще смотревшей ему в след.

Впоследствии вечно пьяный дворник Леонтий встречному и поперечному рассказывал о том, что «собственными глазами видал, как Панфилов – это тот, что из одиннадцатой, рано утром (когда порядочные люди еще не опохмелились), как угорелый вылетел из

лесу, мокрый, грязный, будто леший, весь в слезах и соплях и, перемахнув (как жаба) через забор палисадника, влетел в подъезд, запачкав лестницу и свежебеленные стены грязью и глиной. Со мной, сколопендра, даже не поздоровался и все время что-то подсопливый нос себе скулит. Я и говорю, всю ночь пьянствовал в лесу...»

И хотя всем было известно, что Панфилов третий год уже ни-ни, но завязавший алкоголик никогда и никому не сможет доказать, что завязал навсегда.

Весь остаток этого ненастного осеннего дня и всю ночь Панфилов просидел напортив своей выходной двери, закрытой на все запоры, сжимая побелевшими пальцами огромный ржавый топор. Он вздрагивал от каждого неясного звука и обливался липким холодным потом на утробное урчание водопроводных труб.

Когда забрезжил мертвый рассвет, Панфилов наконец очнулся от охватившего его столбняка и кряхтя сполз со стула, отшвырнув топор для разделки туш на обувную приставку. Лицо его приобрело какой-то пепельно-сизый цвет, а под глазами очертились фиолетовые круги – сказывалась бессонная ночь, полная невеселых, а порой и совершенно диких размышлений.

Гена, словно сомнамбула, прошел на кухню, сварил кофе и распахнул форточку. Свежий, холодный ветер ворвался в утопленную в табачном дыму квартиру и очистил забытые никотином легкие. И Панфилов успокоился, как человек, принявший невероятным усилием какое-то очень важное решение. Он с удовольствием смаковал горький, без сахара кофе, дымя сигаретой, и рассматривал в окно цистерну-молоковоз, ползущую, как божья коровка по серому, унылому шоссе. Гена думал, почему так случается, что старается человек порвать со своим прошлым, с неимоверным трудом строит свою новую жизнь, вычеркивает из памяти все, от чего и по прошествии десятка лет душит стыд и отвращение к самому себе, и вот, когда, кажется, все наладилось, появляется отвратительный и неумолимый посланник прошлого и рушит аккуратно выстроенное здание успокоения. Могло быть и хуже. Это мгла быть не собака, а обманутая любовница. Так или иначе, Панфилов решил все выяснить до конца. Допив кофе, и закулив новую сигарету он прошел в коридор, отпихнул из-под ног тяжелый топор и будто грач присел на низкий табурет возле телефона. С минуту размышляя он раскрыл толстую и потрепанную записную книжку в переплете из настоящей кожи, купленную во время стоянки в Сингапуре, и отыскал нужное. «Приморский край, Находка, Владимир Кретов, 5-62-09». Дрожащими пальцами Панфилов набрал «07» и заказал переговоры с Кретовым, который служил первым помощником на траулере, севшим на мель в Охотском море. Совет телефонистки «ожидайте» показался Гене таким двусмысленным, что он невольно расхохотался. Ничего хорошего в этом смехе не было. Так смеются люди, близкие к полному безумию.

«Вот сейчас поговорю с Вовкой, и все станет на свои места. Он будет орать в трубку, что жизнь у него как у картошки – если зимою не съедят, то весной точно посадят, что с

третьей женой он развелся, потому что просто фригидная сволочь и зануда, а новый боцман на сейнере...»

Длинная трель междугородки, словно очередь пулемета заставила Гену похолодеть.

– Говорите.

– Да, я слушаю, – раздался запыхавшийся женский голос. – Интересно, кому это тоже не спится на другом конце земли.

– У нас, в общем-то, утро, – глухо проговорил Гена и спохватился. – Извините, мне нужен Володя... Кретов.

Трубка долго молчала и, наконец, все тот же женский голос тихо спросил:

– А Вы что, ничего не знаете?

– Не-ет, – еле слышно прошептал Панфилов. – Мы долго не виделись...

Мы вместе ходили на траулере...

– Володя год назад погиб...

Панфилову показалось, что пол стремительно уходит у него из-под ног, а в коридоре стремительно темнеет.

...было таким ударом. Все так неожиданно случилось.

– Смерть всегда неожиданна, – прошелестел Гена. – Скажите, а... собака...

– Шейла? Удивительное дело – она исчезла...

– Шейла?

– Да-да. Понимаете, ведь никому дела не было до нее, когда все случилось.

Потом бросились искать, а ее и след простыл.

– Спасибо, мне очень жаль.

– А что Вы хотели?

Откуда-то издали донесся пьяный мужской крик «Ирина-а!».

– Я Вам могу чем-то помочь?

Панфилов тихо положил трубку и ошалело уставился на лежащий на кроссовках топор. «Иди, иди, Ирина, гуляй девочка. Ты мне уже ничем не можешь. Мне, похоже, уже никто не поможет. Оч-чень хорошо! Значит «Крет» напился до беспамятства от несчастной любви и выбросился с четвертого этажа головой вниз? «Крет» головой вниз? От несчастной любви? Скорее головой вниз он сбросил бы предмет своей несчастной любви... та-ак, все ясноенько...»

Панфилов прошел на кухню, остервенело дымя сигаретой и еще налил себе чашку кофе. Он просто наслаждался этой невинной радостью, справедливо полагая, что таких тихих радостей у него осталось не так много.

Трехпрограммник на столе ожил и пропикав, заиграл государственный гимн. В тонкостенной хрустальной вазочке синим огнем горели поздние астры, по одной из которых деловито полз коричневый жук с длинным носиком и тонкими усами, и Панфилову казалось совершенно невероятным, что где-то бродит собака с мертвым глазом и гниющей мордой. Собака, которая пришла за ним. Пришла из какого-то неведомого мира, откуда (он твердо в это верил!) не возвращаются.

«Проклятье! Ну, почему? Почему так случилось? Почему я?». Гена размышлял об убийцах и казнокрадах, о насильниках и расхитителях и не понимал, почему выбран именно он, виновный лишь в том, что съел пару кусков жаркого из убитой и ошкуренной собаки.

Он допил кофе, аккуратно поставил чашку в раковину и подошел к окну, закуривая очередную сигарету.

Внизу, под мухоморным грибом детской площадки, будто египетский сфинкс лежала собака, внимательно глядя на него карими глазами. Было видно, что ждать она готова сколько угодно.

г. Димитровград 1995 год.

ЧАСТЬ 5

*Пусть будет милостива к
нам судьба дорог.*

Мне двадцать пять. Пол-жизни пролетело.
А может быть, все катится к концу?
Мне жить и петь еще не надоело,
Да и не петь я просто не могу.
Мои друзья женаты и несчастны,
Мои подруги в детях и соплях,
И все же жизнь по своему прекрасна,
Когда в порядке руль и тормоза.
Я пересек черту запретной зоны,
Где все не так, где все наоборот.
Здесь нет знакомых и немы законы,
Здесь все назад и лишь один вперед.
Здесь не простят ни правды, ни сомнений,
Колпак шута из нижнего белья,
И по заплыванным, крутым ступеням
Тот, что вперед, ползет, слегка хрипя.
Послушай, ты, оставь свои старанья,
Не выдержишь, сорвешься, упадешь!
Тебя ж утопит сволочь ресторанья
В зеленой плесени блатных, немытых рож.
И девочки, которые за трешку
В тебя же первого запустят лак ногтей,
И выточат кулончик или брошку
Из хрупких и больных твоих костей.
Пойдем ко мне, мне жаль тебя как совесть,
Не рыпайся, уж если сил чуть-чуть,
Давай скорей закончим эту повесть,
Ни на кого не нагоняя грусть.
И мучил ты себя совсем напрасно,
И пер вперед, куда глядят глаза,
Ведь жизнь легка, спокойна и прекрасна,
Пока в порядке руль и тормоза.

На улице пурга и мокрый снег,
Трамвай ушел, наверное, последний,
На остановке скучный человек,
Как будто только отслужил обедню.
Твое желтушное окно еще горит,
Ты не допил иль перепил, что вероятней,
И неоконченный стишок вином размыт,

Он стал еще глупей и непонятней.
И в кресле муза-потаскуха вся в прыщах,
В угаре пьяном что-то напевает
О непутевых греческих богах,
И регулярно в паузах икает.
Унылая картина. Бог простит,
И наши слабости, и наши прегрешенья,
И, вероятно, скоро пригласит
Служанку-смерть с последним угощением.
Пурга качает стаи фонарей,
Твой дом как снеговик с подбитым глазом,
Ни улиц, ни деревьев, ни теней,
Лишь снежные бесформенные фразы.

Вечерний трамвай.

Прошел час пик, настал мой час
По мокрым стеклам, по сиденьям,
Огни и в профиль и в анфас
Пугают призрачные тени.
Движок натружено поет,
Под лязг изношенных подножек,
Поет, что сотый поворот
За этот день осенний прожит.
Мадам-соседка грусти полна
Глаза прикрыты, вся в себе,
Сгорают полосы неона
На лакированной губе.
Стена стекла и темноты,
Фонарный блеск дождя и взгляда
Дорог асфальтные кресты
Цвет светофорного парада,
И остановок немота,
Пугает холодом безлюдья
Нас двое – я и пустота
Да кожаных сидений груди.
Заплеванный, избитый пол
Прилип к истоптанным подошвам
И грязе-дождевой рассол

О чем-то чавкает истошно.
И неизменен мой маршрут
Такой знакомый, но нелегкий.
И может стать, что очень ждут
Меня на дальней остановке...

За годом год все холодней и пустота,
За часом час река быстрее несет меня.
Не говори, что все пройдет,
Не говори, что этот лед
Растает в час,
Когда пробьет двенадцать раз.
В обертках желтых миндаля паркетный пол,
Последний шут от короля давно ушел,
И нет страстей, огней и свеч и все ушло,
От искр берется уберечь ВДПО,
Из разноцветных стекол глаз волшебный свет,
Поет картонный контрабас свой менуэт,
Пусть будет милостива к нам судьба дорог,
Заказан путь всем дуракам на наш порог,
Не говори, что все пройдет,
Не говори, что этот лед
Растает в час,
Когда пробьет двенадцать раз.

28.12.86.

А за окнами земля в белом саване, да синюшный свет фонарей.
И расстался я с любимыми самыми у надрывно скрипящих дверей.
Мгла мельканием снега прострочена, ни следов, ни теней. Тишина.
И расписаны стекла прочными, как надежда узорами льда.
И коснусь перебором несмелым я по серебряным нервам струн,
И забуду я и печали дня, и нелепую в верность игру.

В заколоченную дверь
Зимняя пурга стучалась.
От находок и потерь

Только эта дверь осталась,
Дверь, в которую войти
Я не смог и не пытаюсь,
И забытые пути не ищу,
И в этом каюсь.
Нарисованный дворец
Опалил огонь исканий,
Для игрушечных сердец
Много маленьких страданий,
Занавески легче снов
За твоим окном янтарным.
От чужих, ненужных слов,
Становлюсь как снег коварным.
Как снежинка на губах
Растворяюсь в смелом взгляде.
Весь в заботах и делах
И чуть-чуть в губной помаде.
Все возьму сполна сейчас,
Уж насколько силы хватит,
И пускай в последний раз
За меня другой заплатит.

Бюро заказов.

1.

– Стало быть, вы желаете убить свою жену? – резюмировал корректный, коротко подстриженный, пахнущий туалетной водой «Богарт», майор, в до отвращения опрятной форме.

– Да мы об этом битых полчаса говорим, черт побери! Желаю», – подтвердил агрессивно настроенный блондин лет сорока, нервно потирающий крепкие, сухие ладони. – Желаю убить свою бывшую жену. И как можно быстрее.

– Это всегда успеется... н-да... Вы надеюсь дееспособны и хорошо обдумали свое намерение?

– Да. Я абсолютно дееспособен и хорошо обдумал свое намерение... послушайте, офицер, может быть хватит разводиться сопливую психологию? Я, вообще, куда пришел? В медицинский центр коррекции семьи? Или все-таки в «Бюро заказов»?

– Спокойнее, спокойнее. Вы пришли в «Бюро заказов» Федеральной службы профилактики преступлений, если Вы это хотели услышать от меня, но процедура есть процедура. По протоколу я ведь должен Вас, как бы это лучше сказать, разубедить, что ли, в правильности вашего решения, хотя сюда приходят люди...

– Люди, которых не переубедишь? Вы это хотели сказать, не так ли?

– Более-менее. Но, видите ли, всегда есть надежда...

– Нет, – тихо проговорил мужчина.

И это – «нет» было холодным, как бритва, вмерзшая в лед и безнадежным, как выстрел в висок. Майор за шесть лет работы в Бюро научился разбираться в людях. Он мог отговорить неуравновешенного пьяницу от заказа на драку с нанесением тяжких телесных повреждений, с последующим семилетним сроком в лагере особо строгого режима, разубедить озлобленного и мстительного банкира в нецелесообразности делать заказ на совершение валютных и махинаций с ценными бумагами, с целью разорить конкурента, переспавшего с его секретаршей, ибо последующее наказание (пять лет принудительных работ на ядерном полигоне Новосибирских островов) никак не сопоставимо с довольно кратким чувством глубокого удовлетворения от осознания того что твой обидчик разорен в пух и прах, а братва уже наехала на него своими джиповскими колесами.

Таких людей он мог отговорить от заказа на совершение преступления. Таким людям было достаточно выговориться, излить душу постороннему человеку, который по должности своей не имел права не выслушать, не посочувствовать, не посочувствовать. Майор определял таких людей, едва они переступали порог Бюро.

Тот, что стоял сейчас перед ним был не из таких. Можно было не пытаться.

– Ну, что ж, нет, так нет. Будем работать, – со вздохом проговорил майор, ему нравился будущий убийца. – Прошу, Вас, пройдемте в комнату оформления Заказов.

Комната, в которой оказались майор Федеральной службы и без пяти минут убийца больше всего напоминала небольшую компьютерную какого-нибудь конструкторского бюро на государственном заводе. «Как у нас в аппаратной», – подумал мужчина, желающий убить свою жену, пять лет проработавший на республиканском телевидении,

и пораженный теперь обилием специальной техники, впихнутой в ограниченное пространство комнаты за бронированными дверями.

– Это наш юридический советник, – указал майор на невзрачного, с невероятно равнодушным лицом, человека, развалившегося в черном, кожаном кресле перед тремя рядами дисплеев и мониторов. – Он же Приемщик Заказов и, вообще, человек, от которого зависит разведка, слежение за качественным... хм... – выполнением Заказа, ваше последующее задержание, в случае нежелания добровольно сдаться властям и так далее. ... Начнем?

Невзрачный и равнодушный юридический советник криво ухмыльнулся и стряхнул пепел сигареты на клавиатуру компьютера.

«Как я – «Честерфилд» курит», – тоскливо подумал мужчина.

– Ну что ж, – холеные пальцы Приемщика забегали по цвета слоновой кости клавишам. – После того, как будет сделан экспресс-анализ крови, я и мой коллега (при этих словах майор поморщился, словно на него накатил приступ изжоги) начнем...

– Секунду, – перебил майор советника. – У меня один вопрос, – он внимательно посмотрел на крепко сложенного блондина. – Без протокола. Можете не отвечать... за что Вы ее хотите убить?.. Повторяю, можете не отвечать.

– За что? – изумленно переспросил мужчина, и глаза его застыли на тускло мерцающем экране монитора. Вначале он хотел яростно выругаться, но потом. ... Он вспомнил, как пахнет ее кожа, вспомнил ее смех – серебряные колокольчики над полем луговых цветов, вспомнил маленькие, ласковые пальчики, перебирающие его непослушные волосы. ... Потом он вспомнил жгучую, бешенную обиду, когда они расстались. Обиднее всего было то, что он никак не мог понять, почему они расстались, и кто был виноват в этом. Ему вспомнилась пустая, совсем пустая без нее квартира, запах ее духов в прихожей, осенний холодный дождь за черными, плачущими окнами...

– Ну, хорошо. Я же сказал, можете не отвечать.

– Она мне всю жизнь загуг... я... мы расстались... а я не могу жить без нее. ... Не могу.

– Хм, тем, что вы обратились к нам, Вы вряд ли ее вернете, – заметил юридический советник. – Хотя, конечно, не мое это дело.

– Вот именно, – огрызнулся мужчина. — Не Ваше. Давайте начнем.

– Уже начали, – криво ухмыльнулся Приемщик Заказов. – Вашу руку.

Заглотивший в себя каплю густой, почти черной крови, компьютер, секунду помедлив, начал выдавать на экран центрального монитора информацию о биопсихологическом состоянии здоровья заказчика. Юридический советник, которого мужчина успел люто возненавидеть, вяло расшифровывал появляющиеся, пульсирующие нежными светом, кодированные знаки, обращаясь к майору, который все также с интересом рассматривал сорокалетнего блондина, пожелавшего убить женщину, без которой, судя по его словам, не мог жить.

–... Процент остаточного алкоголя... норма... прознимный анализ... в пределах. ... Короче говоря, ни выпивки, ни наркотиков, так я понимаю, – полуобернулся советник к присевшему в неудобное, казенное кресло, мужчине, хмуро рассматривающему комнату, будто впервые ее видевшему.

–...Что?

– Я говорю – странно. Мужчина теряет женщину, которую любит... Вы ведь любили ее?

– Я люблю ее.

– Вот и я о том же. Теряет мужчина женщину. Теряет женщину, которую любит. И не срысывается, не уходит в запой, не глотает ЛСД... крепкий ты парень, да?

Блондин волком посмотрел на разглагольствующего Приемщика Заказов, или, как там его.

– Советник, не забывайте – мы работаем, – тихо и твердо сказал майор. – О, конечно, конечно, мы работаем. Мы работаем – он убивает... итак, Ваша дееспособность подтверждена. Сейчас я попрошу Вас ответить на кодовый вопрос только одним словом: «да» или «нет». Как только прозвучит Ваш ответ, автоматически запускается программа «Отчуждение»..., конечно, в том случае, если ответ будет положительным. В этом случае Ваш заказ на убийство начнет немедленно оформляться, так сказать. Я обязан разъяснить, что подразумевает под собой название программы «Отчуждение». В результате специальных команд в Централизованную компьютерную сеть страны, Вы будете, разумеется, также автоматически, лишаться всех своих конституционных и гражданских прав, а именно...

– Не нужно, – хрипло проговорил мужчина. – Я знаю, что меня ждет после совершения... после этого.

– Это упрощает дело. Вы готовы?

– Да... то есть, я хотел бы узнать.

– Что именно?

– Я хотел бы узнать сколько заказов... сколько жалеющих убить приходило к вам.

– Понятный вопрос, – кивнул советник. — Вы, собственно, пока единственный за два года. С подобным заказом. Обычно всякая мелочь: драки, оскорбления, то се... Вы удовлетворены?

Мужчина согласно покачал головой.

– Готовы? Вопрос: действительно ли Вы, находясь в полной физической и психической форме, и осознавая все последствия принятого Вами решения, изъявляете желание убить женщину по имени Собинова Юлия – код 4335707?

У майора похолодели даже пальцы. Он знал, что ответ будет утвердительным и... не хотел этого. Он видел глаза мужчины, и то, что он видел в этих, глазах заставило его огрубевшее, но еще не превратившееся в камень сердце, биться сильнее. Он видел, словно самого себя, только что поступающего на службу в «Бюро Заказов», после очень скандального и очень болезненного развода. Он тоже любил свою женщину, но... но не на столько, чтобы решиться на убийство, не настолько, чтобы...

– Да.

– Ответ принят. Повторяю – ответ принят. Программа «Отчуждение» включена. Загрузка систем. Собинов Юрий – код 79833-В. Заказ – «Убийство». Категория «А». Отмена по введению пароля. ... Программа в работе. Проверка: Собинов Юрий – код 79833-В, программа «Отчуждение». Заказ – «Убийство», категория «А». Загрузка систем завершена. Загрузка систем завершена. Группам обеспечения – контрольное время: сорок семь часов пятьдесят восемь минут. ... Отслеживание объекта «Собинова Юлия – код 4335707» начать.

Компьютерный модулятор голоса бесстрастно выплевывал слова и фразы в лицо

2.

Под правой лопаткой, куда были вживлены датчики радио и биослежения, нестерпимо чесались. Юрий остановился возле железной решетки садового ограждения и потерял об нее спиной, как бродячая, блохастая собака. Идти под холодным, осенним дождем было приятно. Небесная вода остужала его пылавшую, как в лихорадке голову. Неон уличных фонарей грязными, светящимися каплями плавал в стылых лужах. По правому бедру размеренно и тяжело бил «Бульдог - 45», выданный ему этим странным майором из «Бюро», который на прощанье сказал. «Надеюсь, вы не промахнетесь».

В каком смысле? Что он имел в виду?

– Эй, ты, мудило гороховый, смотри куда прешь!

– Это ты мне? – остановился Собинов, с интересом рассматривая идеально пьяного и торжественно грубого громилу, явно намеренно толкнувшего его в плечо.

– Тебе, тебе, урод. Очки что ли дома оставил? А?

Громила встал в расхлябанно-выжидательную позу и сплкнул под ноги Юрию. — Да ты, видать, и свой поганый язык где-то позабыл.

– Наверное, – сквозь зубы процедил Собинов и достал из внутреннего кармана пластиковый жетон, выданный в «Бюро Заказов». – Зато вот эту штуку прихватил на всякий случай. И все к ней необходимое, козел вонючий. Видел такое? Знаешь что это? Наверняка, знаешь. Эту карту даже круглым идиотам показывают по телеку и объясняют, как опасно ссориться с дяденьками, у которых есть такая.

– О, Хосподи, – прошептал пьяница и попятился назад, к ограде какого-то общественного сада. – Просссс... ти... не уббивай... хосподи...

– Вали отсюда резкими движениями... мудило гороховый. Быстро!

Когда ватное эхо проглотило заплетающийся топот алкаша-неудачника, Юрий с интересом осмотрел ярко-красный жетон, который машинально сунул в карман перед уходом из «Бюро».

«Категория «А». Право на одно убийство. Действительно на всей территории Федерации», – плавала, словно ртуть, светящаяся надпись поперек карточки. С голографии на него смотрел он сам, только на десяток лет постаревший, и с какими-то безумными глазами. В верхнем углу прыгали секунды и минуты, сообщая сколько времени ему осталось, чтобы воспользоваться своим правом на одно убийство.

«Еще целых восемь часов я могу убить кого угодно», – тоскливо подумал он.

«В принципе – да, – вспомнились ему слова майора, – мы не исключаем такой возможности, я бы сказал даже – допускаем, что заказчик в силу своего особого психологического состояния на отведенный ему срок в сорок восемь часов, может по тем или иным причинам убить не запланированный им объект, а любого подвернувшегося под ствол, вплоть до нашего же сотрудника из группы обеспечения. Мы, разумеется, снизили такую вероятность до минимума, но риск остался. Небольшой, но остался, не зная на радио и биослежение и группы «Тень» и «Атака». Что ж, в каждой работе бывают сбои. Хотя я по-прежнему придерживаюсь мнения, что уж коли человек пришел к нам за... гм... помощью, то не будет упускать своего шанса убить именно того, кого он убить решил. ... Это ж надо выстрадать».

– Ты прав, майор, черт тебя дери, – это надо выстрадать, – прошептал Собинов в липкую темноту, в которой вот уже почти сорок часов шла охота за объектом – Собинова Юлия – код 4435707».

Группа «Тень» – работала четко и слаженно. Свою задачу – ввести объект в определенное заказчиком место, ребята выполнили безукоризненно. Это было на смех легко. Два звонка по телетреку – всех дел-то. Женщина, что тут еще скажешь. Смодулированный компьютером голос Юрия Собинова поплакался ей в жилетку, наплел центнер любовной чуши, подсластил все это тем, что она – Юленька – одна такая во всей Вселенной и Юленька сама назначила заказчику, бродящему где-то по ночным, дождливым улицам с «Бульдогом - 45» в кармане и сертификатом на право убийства, встречу в определенном убийцей месте. В 22.43 командир группы доложил на Пульт, что объект доведен до места «ноль» и группа переходит на режим нейтрального наблюдения.

Телетрек на лацкане кожаного, потертого пиджака Юрия засветился ярким, оранжевым светом, будто глаз бродячего, одичалого кота.

– На связи, буркнул Собинов и судорожно сунул руку в карман с пистолетом.

– Это я, Юрочка. Я пришла Я жду тебя. Я одела короткую, черную юбочку, как ты хотел, ну-у и все остальное. Когда ты позвонил мне, я думала, с ума сойду! Я ведь только этого и ждала целый год, глупый ты, глупый... что же мы делаем друг с другом...

– П...подожди... Это ты, Юля? – прошептал Собинов, чувствуя, что сердце ухнуло куда-то в район желудка. – Это ты?

– Ну, конечно, я, милый. Ты же сказал в одиннадцать. Вот. Уже скоро одиннадцать... что-то случилось? Ты не сможешь?

– Нет-нет, родная... все нормально, просто... «просто я решил убить тебя, вот и все» я никак не могу решиться...

– Ну, что ты, что ты, сладкий мой. Я люблю, я очень люблю тебя, слышишь? Слышишь? Я целый год ждала, когда ты позвонишь, целый год согревала постель для тебя... у меня все подушки соленые от слез...

В микрофоне стали слышны всхлипывания.

– Юля! Юля, я... я иду!.. Юля...

– Да... да, я здесь, мой любимый...

– Я хочу, чтобы ты знала... я всегда любил только тебя. Понимаешь, тебя одну.

И никогда... никогда...

– Приходи скорее.

– Да. Конечно. Я просто хочу, чтобы ты знала, что я люблю тебя... конец связи.

– Подожди!..

Телетрек погас. Ослеп дикий, бродячий котенок.

На Центральном пульте слежения царило небывалое напряжение. Майор, юридический советник и военный капитан-руководитель групп обеспечения, сгрудились у главного монитора.

Тишину нарушал только утробный, металлический голос компьютера.

–... Заказчик в зоне объекта. Внимание: заказчик в зоне объекта. Радиус контроля – 180 метров... радиус контроля – 150 метров...

– Он идет к дому, – озадаченно пробормотал майор, сумрачно наблюдая, как красная точка-заказчик, он же блондинистый Собинов Юрий движется по направлению к месту

«ноль» – частному двухэтажному дому, в котором ничего не подозревая, его ждала «бывшая жена», она же «объект».

– А куда же по-вашему он должен идти, – деланно-равнодушно спросил советник и пожал плечами.

– Черт его знает, – буркнул майор. – Куда-нибудь.

– ... Радиус контроля двадцать метров...

– Он в зоне, – сообщил военный капитан и покосился на майора.

– ... Радиус контроля пятнадцать метров... внимание! Активация оружия! Внимание! Активация оружия! Биологическое сканирование зоны... сканирование завершено. В зоне только заказчик и объект. Группе «Тень» – отбой. В зоне только заказчик и объект...

– Смотрите – он остановился, – ткнул пальцем в красную точку советник. – Он остановился напротив дома... какого дьявола...

– Он смотрит на нее в окно, – уверенно оказал майор и нервно закурил.

– Кэп, запросите-ка визуальные данные, – задумчиво проговорил советник.

– Проблемы?

– Пока нет.

– Компьютер, частота семнадцать, командира группы «Тень» на связь.

– «Тень» на связи. Вызов подтвержден... что случилось, капитан?

– Это я вас должен спросить. Почему заказчик остановился?

– А я знаю? Стоит с пушкой в руках в тени дома и пялится на окно.

– Эй, вояка, – позвал советник. – Женщина в окне?

– Да, красивая...

– Ага. Можно ее поразить с такого расстояния? Я имею в виду, может заказчик убить ее с того места, где находится?

– Наверняка. У него же стандартный «Бульдог» с лазерным прицелом. Наверняка может.

– Отбой, «Тень».

– Ну, что, ждем? – спросил капитан, закуривая.

– ... Радиус контроля пятнадцать метров. Движение не регистрируется. Оружие активировано... радиус контроля пят... внимание! Всем группам! Внимание! Тепловая вспышка в зоне контроля! Внимание! Всем группам! Подтвердить выстрел! Внимание!..

– Все, – махнул рукой майор и бросил окурочку на пол.

– ... Биологическое сканирование завершено. В зоне только объект. «Собинова Юлия» – код 4335707. Повторю, в зоне только объект... контроль биослежения заказчика потерян. Повторю...

– Что за...

– Внимание! Активация оружия! Внимание! Активация оружия! Тепловая вспышка! Тепловая вспышка в зоне контроля!..

– Что происходит?! – заорал совершенно потерянный юридический советник. – Что за чертовщина?! Компьютер! Анализ ситуации!

– Контроль операции дублируется Центральным пультом слежения города Троянск биологическое сканирование... завершено. В зоне контроля биологических объектов не обнаружено.

– Может быть, мне кто-нибудь объяснит, что здесь происходит? – окинул вопросительным взглядом военный капитан майора и Приемщика Заказов.

– Я не уверен, но, кажется..., – задумчиво проговорил майор.

Вторая жена майора Федеральной службы была женщиной статной и крупной, но совершенно по-детски наивной и беззащитной. Она, с замиранием сердца и со слезами на глазах выслушала рассказ мужа о том, что произошло у него на работе.

– ... Таким образом, и получилось, что для нас она была объектом а для филиала «Бюро Заказов» Троянска – заказчиком.

– Господи, я никак не могу поверить, что она смогла решиться на убийство любимого.

– Он же смог... вернее, думал, что сможет, но...

– Так значит перед... перед самоубийством он говорил не с ней, а с компьютером?

– Да нет, как раз именно с ней. Наша группа «Тень» лопухнулась и звонок Юлии не был отфильтрован из эфира...

– Значит все эти красивые, нежные слова... слезы... для того, чтобы заманить его в ловушку? Чтобы убить его?.. Боже, какая она чудовище... для того, чтобы заманить его в ловушку? Чтобы убить его?.. Боже, какая она чудовище... ведь она не знала, что он тоже заказал убийство? Не знала?

– Исключено.

– Боже...

– Но я же рассказывал тебе – она что-то хотела сказать ему перед тем, как он отключил телетрек. Что-то важное. Она прокричала: «Подожди!»

– Ты совсем не знаешь женщин, – грустно сказала жена. – Раз уж женщина решилась на такое – пошла бы до конца. Просто она испугалась, что он не придет. Почувствовала. Вот и все ее – «Подожди!»

– Ну, не знаю, – пожал плечами майор. Слова жены, признаться, немного испугали его. И глядя в ее бездонные, смотревшие в никуда глаза, он подумал, что, действительно, совсем не знает женщин. И очень плохо знает свою жену. – Но ведь она же в конце концов тоже убила себя!

– Милый, а ты представь себе, какая пытка сидеть всю оставшуюся жизнь в одиночке и изводить себя мыслью, что последнее слово и последнее решение опять все-таки осталось за ним!.. Навсегда.

– Черт побери, я вообще-то лучше думал о женщинах, – пробормотал майор, косясь на свою красивую, ласковую жену.

– Милый, ты – идеалист, за что я тебя и полюбила, и люблю, и буду любить. Вот так.

– Я тоже люблю тебя, – несколько успокоился майор и расслабился, закуривая «Смокерс 22». На минуту в воздухе повисла тишина.

– Послушай, дорогой... я вот о чем подумала...

– О чем?

– А не могло быть третьего «заказчика»?..

Вчера.*

1.

*«Глазами слушать –
Тонкий дар любви».*
Джелаладин Руми, «Сады рая».

Если вам удалось без водительских прав добраться от Твери до Весьегонска на не слабовывороченном джипе «Рэйдж Ровер» с «левыми» номерами, имея в качестве подспорья лишь наглую беспринципную физиономию и пару пачек пятисотрублевых, то беспокоиться вам больше не о чем. Вы находитесь уже на границе Вологодской области, на берегах славного Рыбинского водохранилища. А это вам не Москва и не Рязань. В этом захолустье не водятся оборзевшие гаишники, а участковым нет никакого дела, что какой-то столичный «браток» уютжит проселочные дороги Богом забытого райцентра Устюжны и расспрашивает словоохотливых бабок и разведенков, «в какой деревеньке можно душой и телом отдохнуть в домике с видом на рябинку? Не сдаст ли кто?».

Профессиональный авантюрист и дипломированный психолог Владимир Соколов нашел такой домик на удивление быстро. Патриархальная деревенька Молога, что находится километрах в сорока от Устюжны, поразила Соколова чистой улицей, опрятностью домиков и березовыми рощами. Река с тем же названием делила деревню надвое, и река эта была синей, как небо, а не грязно-серой, что привело его в полный восторг.

Беглец-психолог снял мансарду в аккуратном домике с бирюзовыми наличниками, стоящем на самом берегу Мологи, у самой тихой и опрятной семьи, как сказал председатель сельсовета, что оказалось чистой воды правдой. Семья состояла из двух голубоглазых, с пшеничными косами женщин. Красавица-мама и красавица-дочка.

– Вы курите? – было первым вопросом Светланы Николаевны – хозяйки дома, которая была, скорее, похожа на старшую сестру своей дочки – Ольги, таинственно молчаливой и непредсказуемо улыбчивой.

– Признаться, как паровоз, – вздохнул Володя и пожал плечами.

– Ой, как хорошо, – неожиданно обрадовалась хозяйка. – Наконец-то за семь лет в доме хоть пахнуть мужчиной будет. Вы на сколько хотите комнату снять?

Соколов огляделся вокруг и сказал, улыбнувшись:

– Хотя на всю оставшуюся жизнь.

Хозяйка порозовела, словно девочка, и погрозила прыснувшей в ладони дочери.

– Мы-то не против, если человеку жить негде... шутите Вы, я вижу...

– Зовите меня просто Володей, хорошо?... На сколько? Сегодня у нас шестое июня... ну, скажем, до августа или сентября? Это ничего?

– Да хоть зимуйте на здоровье, – нараспев сказала Ольга, бросавшая камешки с мостков в быстроводную реку. – У нас зимой очень красиво.

– Ольга! – одернула дочку Светлана Николаевна.

– Володя, а, сколько стоит ваша машина? – не унималась Оля, хитро поглядывая на мать. – Я таких никогда не видела, даже в Череповце.

* «Вчера» – одна из самых знаменитых песен группы «Битлз». На Земле она исполняется в среднем 14 раз в секунду.

– Шестьдесят тысяч, – небрежно махнул рукой Соколов в сторону «Ровера», доставая из пачки три пятисотки.

– Ого!

– ...Долларов.

– ...Это же почти два миллиона нашими, – округлила свои бездонные глаза Ольга.

И только теперь до психолога дошло, что могут подумать в захолустной северной деревне о человеке, разъезжающем на новеньком джипе... да еще эти банковские пачки...

– Да нет, – нервно усмехнулся Соколов, – полтора. У меня была высокооплачиваемая работа, я работал в центре, где наркоманов лечили... богатых наркоманов...

Владимир протянул Светлане пятисотку.

– У меня... у меня не будет сдачи с таких денег.

– Какая сдача?! – решил взять инициативу в свои руки Володя. – И давайте устроим сегодня праздник? Просто так. Возражения есть?.. Возражений нет. Оля, садись в машину, покажешь, где здесь у вас супермаркет находится.

Оля подмигнула матери, комкавшей купюру в крепкой белой руке, и, одернув платье, туго обтягивающее ее ладную фигурку, нарочито степенно, покачивая упругими бедрами, пошла к машине. Володя с облегчением увидел, что мать чуть заметно улыбается.

– Вы, Володя, не очень тратьтесь, у нас же все свое... да и не будет в нашем магазине сдачи с пятисот рублей!

– Не волнуйтесь, Светлана, я у вас кредит открою, прокричал Соколов, вырываясь со двора.

– Осторожнее на мосту!

«Так, – автоматически отметил про себя Володя, – реакция на обращение без отчества – положительная... и правильно, рано еще ее по отчеству величать... где же моя темноглазая, где?.. Что-то я пока не одной темноглазой не видел, лопухнулся поэт-песенник, темы не знал».

– Ну, а чем занимаются в данном населенном пункте такие красавицы, как ты? – спросил Соколов, представляя, какой переполох сейчас происходит в офисах лечебного центра в Москве и Зеленограде, если секретарши-референтши уже обнаружили то, что должны были обнаружить.

– Такие обыкновенные девушки, как я, в данное время года в данном населенном пункте работают по огороду, загорают на речке, читают и готовятся поступать в Вологодский пединститут, а еще подрабатывают экскурсоводами у заезжих крутых врачей-коммерсантов.

– Э-эх, Оленька, из меня коммерсант, как из Гурченко певица. Я старый, больной человек и эта понтовая машина – единственное, что я заработал за всю свою бесконечную жизнь.

– Уж так и больной, и старый, – фыркнула Ольга и кокетливо заправила за ушко почти добела выгоревшую прядь волос. – Тебе лет-то сколько?

– Тридцать два, – ответил Соколов и покосился на открытые безупречные колени девушки. – Помирать пора, короче.

– Что-то не похоже, что ты помирать собрался, – перехватила она его взгляд и таинственно улыбнулась. – От кого бежишь?

– Вопрос задан не верно. Не «от кого», а «куда», гражданин прокурор.

– И куда же? На такой машине далеко можно убежать.

– Мне далеко не нужно. Мне бы только во вчера, – грустно сказал Соколов и резко затормозил возле игрушечного кирпичного магазинчика под названием «Ромашка». – Странно звучит? Я и сам знаю, что странно.

– А чего ты позабыл во вчерашнем дне?
– И позабыл, и потерял... много чего, красавица... елки, послушали бы сейчас наш разговор психиатры...
– Нормальный разговор, – тихо сказала Ольга. – Мне тоже часто хочется вернуть вчерашний день.
– Мне не просто хочется, я пытаюсь вернуть его. Может быть, здесь получится?..

2.

***«Тот, кто ищет и желает чего-либо,
ищет и желает небытия, и просящему
чего-либо небытие будет дано».***

Густав Майринк.

Ярко-желтая, цвета недозрелых грузинских лимонов луна осторожно ползла сквозь качающиеся под теплым ветром гибкие верхушки берез, темнеющих на другой стороне реки. Который был час, Володю абсолютно не интересовало, потому что он был в меру пьян. Сидел на теплых деревянных мостках, бултыхая босыми ногами в чистой воде прохладной реки в тысяче километров от безумных больших городов. Слушал неутомимых цикад и любовался чудесным профилем девушки, от которой одуряющее пахло неизвестными, колдовскими травами. И ее легкий, воздушный смех казался Соколову зазывным, чарующим смехом обольстительной русалки, за которую можно, черт с ним, и головой в омут... да, если б это не был фольклор, дремучий русский фольклор...

Сварог* и Перун** давно уже не пугают людей, если еще остались такие, кто помнит своих древних, грозных богов. Сейчас и.о. и Сварога, и Перуна является наглая, тупая, бритая рожа размером со шкаф с антресолями и с пистолетом «ТТ» за поясом, которая бормочет на своем жабьем языке: «Что-то типа я не понял, что по приколу все»... Соколову много пришлось пообщаться с такими «интеллектуалами» в Москве и Зеленограде, потому как «крышей» лечебно-наркологического центра и являлись именно такие и.о. Перуна, сидевшие на модном и дорогом кокаине...

– Ты где, Володя?

Соколов вздрогнул и растерянно взглянул на лунную девушку, смотревшую на него синими бездонными глазами, в которых отражались яркие звезды.

– В очень плохом месте...

– За тобой охотятся, Володя, – неожиданно сказала Ольга таким уверенным тоном, что у психолога похолодела спина, словно в нее уже ткнулось бездушное рыло пистолета. – Злые, очень злые люди ищут тебя, но не бойся, они идут по неверному пути.

И Ольга неожиданно рассмеялась, ударив стройными и сильными ногами по воде, река беззлобно фыркнула и обдала сидящих водяными блестками капель холодной воды.

– Пойдем в дом, – легко встала на мостике Оля и протянула Соколову руку. – Матушка тебе лучше все расскажет.

– Погадает что ли? – иронически спросил Володя, держась за руку девушки, как первоклассник, которого переводят через дорогу.

* Сварог – верховное божество древних славян.

** Перун – бог грома и молнии.

– Гадалки – это у вас, в больших городах, а у нас ведуньи. Гадалки только галдят, как галки, а ведуньи ведают, милый...

– Ты меня так больше не называй, – сказал Володя серьезно, почувствовав, как жаром полоснуло по сердцу, а то влюблюсь в тебя и буду страдать потом всю оставшуюся жизнь... сколько бы мне там ни осталось.

– Ну, что я могу поделать, если ты мне мил? – полуудивленно, полунепонимающе сказала девушка и перед самым входом в дом украдкой чмокнула Соколова в небритую щеку.

«Черт знает, что такое... то ли у меня затяжное, ненормальное какое-то «дежа вю», толи мне просто хорошо, как не было еще никогда... м-м... милый».

– Ну, что там луна нашептала, молодежь? – улыбнулась Светлана Николаевна, поднимаясь из-за стола и разливая по рюмкам «Чин-чин», ящик которого Соколов закупил еще в Зеленограде. – Печальное вино ты пьешь, Володя. Трава. Полынь. Горько веселит такое вино.

– Какое же еще вино пить одинокому и заблудшему? – откликнулся «молодой», старше которого хозяйка была лет на восемь – не больше.

– Ты не прав, Володенька, – загадочно улыбнулась Светлана. – Ни один человек на земле не рождается одиноким.

Соколов закурил и задумчиво посмотрел на русую косу, перекинутую через плечо и уютно покосившуюся на высокой полной груди:

– А вы, девчата, не сектанты какие-нибудь? А то их сейчас развелось...

На этот раз рассмеялись и дочь, и мать, рассыпая звонкие колокольники по всему дому.

– Правда, он очень милый, мам?

– Да, очень. Очень милый... давайте выпьем?

«Действительно, полынь, — пронеслось в голове Володи, процедившего вино сквозь зубы. — Как и вся моя жизнь».

– Ну, что, Володя, хочешь ты узнать свое ближайшее будущее? – ласково спросила хозяйка игрушечного дома и придвинула свой стульчик ближе к беглецу-психологу. Даже сквозь виргинский табачок дымящей сигареты Володя слышал запах ее тела. Душица, мята и еще что-то, чего он не знал.

– Вообще-то нет, наверное... я боюсь, – тихо сказал он, чувствуя, что запутывается в ее глазах и что это ему нравится. Там, в бесконечной сини было все. И желания, которым уже никогда не сбыться, и надежда, что еще не умерла, и весенние грозовые ураганы, и осенняя печаль умирающего одиночества, и безумные, отчаянные ночи любви... это были глаза, распахнувшие целый мир, который манил Соколова и пугал...

– Дай мне свои руки, Володенька, и ничего не бойся. Я только секундочку взгляну на твой путь.

Соколов положил свои ладони на холодные как лед ладони Светланы, и на какую-то сотую долю секунды ему показалось, что он умер. Но он сразу же забыл об этом, потому что почувствовал, как сливается с этой женщиной в одно целое, а в голове кто-то нежно шептал, что ни один человек на земле не рождается одиноким. ... А потом не стало ничего...

*«... Еще поныне в рукавах халата
Таится запах сорванных когда-то
Цветов, которых нет уже давно...»*
Ли Цинчжао. Династия Сун (960-1279 гг.)

Черный джип с тонированными стеклами, по которым медленно ползло рассветное, оранжевое, как трамвай, солнце, выглядел среди белоснежных берез огромным, уродливым жуком-мутантом. Ненормальная птица с ненормальным именем «поползень» услышала, как в «жуке» что-то зашуршало, и, угорело пискнув, улетела за быструю синюю реку Мологу.

Володя проснулся мгновенно, без всякого перехода, без дурацких позевываний и потягиваний. Вот было «ничто», и вот вам, пожалуйста – березы, птицы и речка внизу под холмом. В салоне стоял оглушающий запах мяты, душицы и полыни. Соколов нажал клавишу электроподъемника стекол и растер онемевшую шею. «Черт побери, что это такое со мной произошло?.. Ни один человек на земле не рождается одиноким...». Закурив, он бессмысленно уставился в светлеющий горизонт, пытаясь вспомнить хоть что-нибудь из вчерашнего дня... «Я же вчера снял комнату в каком-то конфетном домике возле точно такой же реки и... хозяйка. ... А-а, дьявол!» В голове было пусто, как возле постели умирающего Вольтера. Как в песни поется: «Все, что было не со мной, помню...» Соколов мрачно сплунул в окно, стряхнул пепел на приборную панель и одурело уставился на коврик возле пассажирского кресла. На коврике стояла пара беленьких босоножек. «Тридцать шестой размер», – автоматически отметил психолог и поймал себя на мысли, что абсолютно не контролирует окружающую его действительность. Осторожно скосив глаза в зеркало заднего вида, на котором болтался брелок – глобус, Соколов увидел, что на заднем сидении лежит аккуратно сложенное белоснежное платье. «Чистый лен... наверное, именно так и сходят с ума», – равнодушно подумал он и поморщился, ощутив знакомую режущую боль в районе правого подреберья. Потом он вышел из машины, размял ноги, закурил еще одну сигарету и услышал звонкий девичий смех. Смеющаяся явно бежала в его сторону. Соколов закашлялся густым ментоловым дымом и, почти задохнувшись, облокотился на капот машины, пытаясь рукавом вытереть льющиеся ручьем слезы.

Если во всем, что произошло вчера (а что, собственно, произошло?), и в том, что происходит сейчас и была какая-то логика, то Соколов ее не улавливал. И вообще со времени своего бегства из Москвы, ничем не мотивированного бегства, неожиданного для него самого, Соколов все чаще ловил себя на мысли, что с ним стали происходить вещи трудно, или совсем необъяснимые. ... Человек без водительских прав, в подозрительно новом джипе свободно проскакивает через десятки КПП и постов ГАИ, обложивших столицу, как войска Наполеона... и почему он, собственно, свернул именно на Вологодскую трассу? Сказать, что машина сама выбирала путь своему хозяину и помогала избежать ненужного общения с милицией?.. Но это же полный бред. Принять это за истину хоть частично – расписаться в собственном сумасшествии. Соколов понимал это, как и то, что объяснить все случившееся с ним цепью случайностей и совпадений не получается...

– Доброе утро, Володя!

– Оля, – выдохнул психолог и обессилено упал на колени, увидев выскользнувшую из-за березок девушку в одних трусиках, еще влажных и практически прозрачных после утреннего купания. Владимиру казалось, что его голова сейчас разлетится на миллион

осколков. Он вспомнил все. Он вспомнил вчерашний день... «Вчерашний?..»

Он вспомнил игрушечный поселок и домик с мансардой, лунную ночь, стеклянные брызги воды, мимолетный поцелуй на веранде и ведунью – Светлану – с холодными как лед ладонями. ... Но что было, что случилось потом, Соколов не мог вспомнить, как ни пытался. Туман, холодный туман, пахнувший мятой и душицей. Психолог почему-то подумал, что и на смертном одре его будут окружать этот цветочно-травяной запах и холодный туман, в котором прекрасные женские фигурки будут манить его за собой, в мир, о котором он ничего пока не знает...

– Что с тобой, Володенька? – Ольга подбежала к Соколову, сжимавшему голову побелевшими руками. – Что с тобой, миленький? Тебе плохо?

Ее влажные прохладные ладони легли поверх его дрожащих кистей, и он почувствовал, что ржавые крючья боли, раздражавшие мозг под хрупким, горячим черепом, исчезли.

– По... почему ты так спокойно разгуливаешь передо мной голая? Как попал сюда джип? Где деревня? Что происходит, черт возьми?!

– Т-с-с, тише, милый, не кричи, не волнуйся, приложи она ладошку к его губам.

– Разве тебе не нравится мое тело? Я не в твоём вкусе? У меня какой-то изъян?..

– Да нет же! – Соколов обнял девушку и спрятал свое пылающее лицо в ее мокрые пшеничные волосы. – Конечно, нет. О такой, как ты, любой может только мечтать... любой. ... Прости. Просто я ничего не помню, почти ничего не помню. Только какой-то туман, а в тумане. ... Запахи, голоса. ... Я что, умираю? Я вчера напился, и у меня остановилось сердце?

– А ты боишься этого? – прошептала Ольга, глядя Соколова по голове, как маленького напуганного ребенка.

– Если так, то нет... так умирать сладко и не больно. О такой смерти можно мечтать.

– Ну, что ты, глупенький, разве можно мечтать о смерти? Грех это. Смерть сама знает, кого и когда забрать на тот берег.

– На тот берег?

– Не думай об этом. Слышишь? Не думай. Не давай этим мыслям дороги в своих снах. Не пускай их в свою головушку. Вот проснешься, и все забудется, и все будет на своих местах, все будет хорошо.

– Так это сон что ли?! – отпрянул от Ольги Соколов, ошарашено глядя на ее белую, почти прозрачную кожу, на стройные длинные ноги. – Ты хочешь сказать, что я сплю? – И он дотронулся дрожащей рукой до ее гладкой, твердой груди.

– Спишь, спишь, моя радость. Это я прокралась в твой сон. Я охраняю тебя и... немножко подглядываю. Женское любопытство.

– Здорово, – пробормотал Володя. – Я-то думал, что только схожу с ума, а на самом деле уже сошел.

Ольга рассмеялась и поцеловала его в губы.

– Я тебе сплела венок.

Она открыла дверь джипа и вместе с платьем достала венок, из неизвестных психологу цветов.

– Вот так, – удовлетворенно сказала она, надев венок на голову Володе. – Между прочем, у нас девушки так раньше в любви объяснялись... только ты все равно ничего не вспомнишь, когда проснешься...

С реки неожиданно подул ветер, застилая все вокруг холодным туманом, а где-то далеко, на краю земли, зазвонили колокола древнего монастыря, в котором давным-давно никто не жил... колокола били глухо и нервно, словно предупреждали о какой-то беде...

**«Нет ничего, что могло бы избавить
смертное тело от смерти, но есть
НЕЧТО могущее отодвинуть гибель
И продлить краткую человеческую жизнь».**

Аврелоус Филипп Теофраст Бомбаст фон Гогенгейм (Парацельс)

Соколов с трудом разлепил глаза и уставился на тяжелую резную дверь, на верхнем косяке которой плавно раскачивался черный чугунный колокольчик.

– Войдите! – прохрипел он и потянулся за пачкой сигарет, лежащей на столике возле приоткрытого окошка мансарды. Дверь тихо раскрылась, и на пороге появилась Ольга.

– Утро доброе, Володя, – улыбнулась девушка и проплыла к нему сквозь сигаретный дым. – Пора вставать, проспите рассвет.

– Господи, Оля кто вас здесь учит так ходить?

– Как? – опять ласково улыбнулась девушка.

– Как, как... как в сказках сказывается: «как пава».

– Этому не научишься. Это в крови...

– О, черт, я уже в раю что-ли, – пробормотал психолог, ища, куда бы стряхнуть пепел.

Ольга звонко рассмеялась, подавая Соколову странную бронзовую пепельницу – какую-то фантастическую рыбу разинувшую губастую пасть.

– Благодарю, сударыня, – почти без иронии сказал Володя и, отбросив одеяло, сел на постели. Он был босиком, но в джинсах, причем колени штанов были влажными, а к одному из них прилепился маленький березовый листок.

– Я случайно вчера перед тобой на коленях не ползал, предлагая руку, сердце и джип? – озадаченно спросил Володя, проведя пятерней по волосам.

– Вчера – нет, – тихо сказала Оля.

– Это что? – Соколов удивленно и настороженно рассматривал прилипшие к ладони ярко-красные лепестки каких-то незнакомых, по крайней мере, ему, цветов. Лежащий на подушке венок, еще влажный от утренней росы, он увидел мгновением позже и болезненно дернулся.

– Что случилось? – тревожно спросила Ольга. – Венок? Так это же я тебе его вчера сплела и надела, ... ты так и ушел спать...

– Подожди-подожди, – замотал головой Володя. – Березовая роща... туман... река... а, дьявол, не могу вспомнить. Но ведь...

– Не мучайся, миленький это всего лишь сон. Понимаешь?

– Сон?.. Ну, да, сон...

Соколов, встав с постели, задумчиво посмотрел в окно, за которым простирались бесконечные березовые рощи и текла синяя река.

– Во времена наших бабушек в здешних краях девушка, которая надевала сплетенный из цветов венок на голову парню, признавалась таким образом ему в любви, – как сомнамбула проговорил он и пристально посмотрел на Ольгу. – Откуда я это знаю? Где я это слышал?.. Я не могу вспомнить... что-то важное не могу вспомнить!

– Детки-конфетки! – донесся снизу мелодичный голос Светланы. – Завтрак на веранде! Спускайтесь, еще наговоритесь.

– Пойдем, детка-конфетка, – подмигнула Оля хмурому, как памятник Пушкину,

Соколову. – Если это что-то действительно для тебя важно, то обязательно вспомнишь. Это я тебе как начинающая колдунья говорю.

– Не любил Гойя колдуний, – Ни к селу ни к городу ляпнул Соколов.

– Гойя не любил ведьм, – почти наставительно сказала Оля. – И то по заблуждению. Франсиско считал, что именно ведьма-старуха разрушила его любовный союз с герцогиней Альба, но наверняка заблуждался. И его «Капричос»* – просто плод болезненного воображения.

– Обалдеть, – покачал головой Володя, выходя на веранду, залитую солнцем.

«Интересно, кто из моих приятелей, или коллег в Москве знает о том, что у Гойи был роман с герцогиней Альба...»

– Красота! – он глубоко вдохнул аромат летнего утреннего воздуха и с непонятной самому себе тревогой покосился на черный джип, который торчал во дворе домика каким-то диким, уродливым наростом...

– А ты вообще много пьешь? – спросила Светлана за завтраком, когда Соколов выпивал второй фужер вина. Вопрос был задан так, что на него невозможно было обидеться, словно Соколова спросили, а умеет ли он кататься на горных лыжах.

– Наверное, – кивнул он и закурил, щурясь на солнечные блики, скачущие по быстротечной реке. – Глушу боль.

Володя не заметил, как быстро переглянулись мать с дочкой, он отдыхал, он не видел тревожных огоньков, мелькнувших в глазах Ольги, как не видел безысходной грусти, на секунду затмившей бездонную синь глаз ее матери.

– Или внушаю себе, что глушу в себе боль. Как психолог, могу вас уверить, что это не играет никакой роли. Убедить себя можно в чем угодно. ... Кстати, знаете, какой самый простой способ сделать так, чтобы вам снился один и тот же сон?.. Записать его. Желательно, несколько раз, и чтоб было как можно больше деталей. Это еще Парацельс подметил. Потом Карл Юнг подтвердил это экспериментально, на себе. Причем не совсем удачно. Записал какой-то кошмар из детских воспоминаний. ... Так что со снами поосторожнее надо быть. Тем более, что никто не знает толком, что это такое вообще – сон.

Дочь с матерью опять незаметно переглянулись, а Ольга как-то нервно улыбнулась. Соколов тянул вермут и слушал оглушающий гомон неизвестных ему птиц. На секунду ему показалось, что он в раю. Но тупая боль в правом подреберье быстро напоминала, что он пока на земле, что, впрочем, было тоже не так уж плохо, учитывая общество двух прекрасных дам, и синюю речку, и птиц, галдящих о чем-то своем – птичьем.

– Сон – это указательный палец на руке смерти, – тихо сказала Ольга и задумчиво посмотрела на реку. – Сон – это то, от чего ты бежишь. Сон – это то, чего ты хочешь. Сон – это то, чего ты боишься и что ненавидишь. Сон – это любовь и страсть...

– Указательный палец на руке смерти, говоришь? И куда же он указывает? – заинтересовался Соколов. – В могилу?

– Ты понимаешь, все слишком буквально, Володенька, – мягко сказала Ольга и грустно улыбнулась. – Ты же психолог, но почему-то игнорируешь аллегории.

– То, что ты говоришь для меня совсем не аллегории, а скорее – пророчества. Откуда у тебя такие знания о сне? Неважно, что они такие образные, или, как ты говоришь, – аллегорические.

* «Капричос» – серия офортов испанского художника Франсиско Гойя, темой которых была бытопись жизни ведьм.

– А, что, Володя, если на скорости в сто восемьдесят на крутом повороте у тебя откажут тормоза в джипе?

– Я погибну.

– Ты уверен?

– Абсолютно. ... Разве что чудо. ... Да нет, я знаю что погибну, а что?

– Да ведь ты никогда не был в подобной ситуации, ты не видел этого, не переживал, не знаешь. ... Откуда?

– Хм... – Соколов улыбнулся и покачал головой. – Вон ты куда клонишь. ... Понимаю. Обобщенное отражение реальности, которое и позволяет предсказывать будущее, представлять его в виде образов, которых в действительности еще не существует. Говорить о событиях, которых еще не происходило. ... Лихо! Ты сама до этого додумалась, или закончила разведшколу при ГРУ?

– Ну, зачем же ты так, Володенька? – укоризненно произнесла Светлана. – У моей Ольги итак светлая головушка, а то, что она видит, и слышит, и знает, ни одной разведшколе не снилось...

При слове «снилось» Соколов опять почувствовал какое-то необъяснимое беспокойство и вспомнил влажный от росы венок из диковинных цветов, найденный утром у себя на подушке. ... И смех, и туман, и тяжелый мерный бой монастырских колоколов...

– А скажите, милые барышни, есть ли где-нибудь неподалеку монастырь в ваших краях?

– Был, – ответила Оля и исподтишка посмотрела на мать. – Давно. В семнадцатом веке, кажется. В любом случае, сейчас от него остались одни развалины под слоем земли. Там даже раскопки ни разу не проводились. Нехорошее место. ... А почему это ты вдруг про монастырь заговорил?

– Мне показалось, что ночью я слышал, как бьют колокола. Заунывно так, обреченно, я бы сказал.

«Барышни» рассмеялись, но Володя почувствовал в их смехе какую-то непонятную напряженность, словно они что-то скрывали от него.

– Почему нехорошее? Приведения? – абсолютно серьезно спросил Володя и почувствовал, что проваливается опять в какую-то нереальность, скорее, даже в какую-то другую реальность, где нет места джипам, сотовым телефонам, телевизорам «Филипс» и фотоаппаратам «Никон». Короче говоря, всем тем благам цивилизации, которые намертво привязывают человека к одному городу, квартире, работе, мужчине или женщине, компании ненужных друзей и «нужных» знакомых. ... И все быстрее и незаметней исчезают годы и забываются юношеские мечты, а всякий раз проезжая мимо городского кладбища кажется, что более отвратительного места для последнего успокоения души придумать было просто невозможно...

– И привидения тоже, — с загадочной полуулыбкой кивнула Светлана, глядя куда-то за реку. – А еще русалки-сестрички...

– Недалеко от развалин есть озеро, – пояснила Ольга и положила свою ладонь на руку Володе. – Старики говорят, что видели их призрачные танцы, когда тридцать первого июня луна нежно целует стеклянную гладь воды.

– Сестрички? – обалдело спросил Соколов. – Вы-то, надеюсь, не утопленницы?

– О, нет! – расхохоталась Светлана и подмигнула Ольге. – Мы не утопленницы. Мы,

выражаясь научным языком, нантиоморфы*.

Нантиоморфы? — внезапно одуревший Соколов почувствовал, как перед глазами поплыли воздушным хором облака, голубая речка, подернутый прозрачной дымкой далекий лес и смеющиеся лица тех, кого он считал матерью и дочкой. Плывущее над лесом солнце превратилось в фиолетово-черный шар, а в неумолчном гомоне невидимых птиц Володе послышались странные голоса, нараспев читающие что-то совершенно дикое и малопонятное, вроде комментария к Уголовно-исполнительному кодексу. «А вот сейчас я потеряю сознание», — вяло подумал он и попытался подняться, расплескав вино и выронив сигарету из ослабевших рук.

— Что с тобой, миленький? — подхватила его под руку Оля. Тебе плохо, родной?

— Н-нет, — прохрипел Соколов, опираясь на полное сильное плечо красавицы. — Просто я не знаю, хорошо это или плохо, что вы... нантиоморфы. ... Черт!

— Не вставай, милый, не вставай, — шептала Ольга, усаживая одуревшего психолога на место. — Сейчас все пройдет, сейчас все будет хорошо, — и она поцеловала его прохладными, пахнущими мятой губами, страстно и сильно. И умолкли невидимые птицы и превратилось черно-фиолетовое солнце в грозовую тучу, окутавшую клубящимися грозowymi петлями весь этот конфетный игрушечный поселок на берегу прозрачной голубой реки. «Этого не может быть», — подумал Соколов и неожиданно оказался стоящим в бескрайнем ковыльном поле, в самом центре нарождающейся грозы. В огромном брюхе тучи были видны белые всполохи рваных молний, и Соколову показалось, что каждая из этих чудовищных молний на какую-то долю секунды складывается в некий мистический знак. Он не знал этих знаков, но они были узнаваемы. Где-то и когда-то он их уже видел. Хотя это и могло быть обыкновенным дежа-вю или так называемой «генетической памятью». Совершенно обезумевший ветер бил в лицо все тем же горьким запахом полыни и удушливо-сладковатым душицы. Психолог, потерявший что-то во вчерашнем дне, начал уже задыхаться под напором этого травяного урагана, а молнии, казалось, били уже над самой его головой, когда вместо ожидаемого раскатистого грома он услышал мятный голос Ольги:

— Забыть, Володенька, это не просто не уметь вспомнить. Это еще и вспомнить, но не то. Вспомнить, но не точно. Вспомнить, но искаженно. Что ты хочешь вспомнить, Володенька? Что ты позабыл во вчера? Что ты хочешь вернуть? Какой именно день ты хочешь вернуть?.. Зачем? Кого ты хочешь встретить? Что сказать?..

— Сто-о-оп! — закричал Соколов, закрывая уши дрожащими ладонями и почти падая под напором ураганного ветра. — Где ты?! Что происходит, черт побери?! Ты же... ты же наверняка все знаешь, — прошептал он почти про себя и упал, не в силах сопротивляться буре. — Ты знаешь, что я скоро умру... ты знаешь... почему мне нужно вернуться в тот день... двенадцать лет назад... лишь на минуту. Чтобы все изменить. ... Будь все проклято.

— Только потому, что стал ты люб мне, родненький, — прошелестел где-то в глубине мозга мятный голос. — Не пожалей потом.

* Нантиоморфы — в топонимике зеркальные отражения друг друга.

– Так, Соколов, я вижу, что и в этот раз к экзамену вы, мягко говоря, не подготовились.

Голос доцента кафедры прикладной психологии Инны Львовны Гоот был глуп и неумолим. Но Соколов и не собирался ее умолять.

– Кризис в личной жизни, – пожал он плечами и поднялся, забирая со стола замусоленную зачетку, равнодушно глядя, как Гоот ставит в «разрешиловке» аккуратную до тошнотворности цифру «два».

– Личная жизнь не должна вмешиваться в учебный процесс, Володя.

– Не должна, – согласно кивнул Соколов, лучезарно улыбнувшись Инне Львовне, – но вмешивается, проклятая.

Прикладной психолог только покачал головой:

– Погубят тебя девушки, Соколов, потому что невозможно осчастливить всех женщин.

– Наверное, – опять согласился Володя, закрывая за собой дверь, – но стремиться к этому надо.

Спустившись с тринадцатого этажа на скоростном финском лифте и выйдя из учебного корпуса, студент пятого курса психологического факультета одного из самых престижных вузов страны Владимир Соколов напрямик направился куда глаза глядят, то есть в ближайший пивбар, называющийся почему-то «три крокодила», где постоянно ошивалась независимая студенческая молодежь гуманитарных вузов города.

Город отчаянно боролся с жарой, студенты яростно сражались с летней сессией и ежеминутной жаждой. Победителем в этих ежедневных боях неизменно была черная безисходная депрессия. И с утра все начиналось заново – круг за кругом, кружка за кружкой. ... Соколов в иной раз ловил себя на мысли, что Карл Юнг был абсолютно прав, доказывая свою теорию синхронии*, и не будет в жизни уже ничего нового, необычного, волнующего. ... Зудит конечно, назойливой блохой где-то в потаенной глубине мозга мысль: «А вдруг... еще немного потерпеть, и придет «оно», что-то такое, что вмиг перевернет все...»

Эти надежды, как правило, никогда не сбываются, и для многих – к счастью, но с Соколовым случилось именно это «вдруг». Как образно сформулировал

Максим Леонидов, «она прошла как каравелла по зеленым волнам, прохладным ливнем после жаркого дня». А вот дальше по тексту не получилось. Синеглазая блондинка не оглянулась. Она даже не замедлила шаг и не обратила ни малейшего внимания на остолбеневшего Соколова, напрочь забывшего, откуда и куда он шел, спасаясь от солнца в тени огромных тополей.

«Где ж она научилась так ходить?.. Как в сказках сказывается...» – Первое, что подумалось потрясенному студенту, будто на привязи плетущемуся за девушкой, а потом ни к селу, ни к городу возникла какая-то, ей Богу, сумасшедшая мысль: «Этому не научишь. Это в крови». Мысль эту Соколов отогнал и прибавил скорость, пристраиваясь рядом с русоволосой красавицей.

– Извините, ради Бога, – обратился он к девушке. – У вас не найдется минутки

* Основной постулат «теории синхронии» знаменитого психолога: «Если с вами что-то случилось однажды, то обязательно повторится».

времени?

– Да, конечно, – обернулась та, и Володя что называется, остолбенел.

Он мог бы поклониться, что знает эту девушку, хотя (в этом он тоже был уверен) никогда прежде не видел ее и, вопреки своему принципу не знакомиться с красавицами используя вербальные штампы типа: «А помните, мы с Вами...» тихо прошептал:

– Господи, да мы же с Вами встречались... только...

– Да? – улыбнулась синеглазая, убирая за аккуратное ушко почти белую, выгоревшую прядь волос.

– ...Я никогда не был в Вологодской области, но... Вы же не из тех мест?

– Да нет, как раз из тех, – опять улыбнулась северянка.

– А как Вы узнали?

– Как узнал?... Не знаю... – пролепетал студент психолог. – А Ваше имя, надеюсь не Ольга?

– И не надейтесь. Именно Ольга.

Соколову на секунду показалось, что у девушки в глазах задорно пляшут маленькие симпатичные чертенята.

– Вы шутите? – с надеждой спросил он, чертенята продолжали свой безумный танец. – Нет, не шутите... значит, я схожу с ума...

– Вы не похожи на сумасшедшего.

– Но чувствую себя именно так... может быть, сходим куда-нибудь? Скажем – в кафе? Или коктейль-бар?

– Пойдемте, – неожиданно просто согласилась девушка. – Конечно в тот бар, где продают «Чин-Чин» или венгерский вермут, – добавила она, загадочно улыбаясь. – Ведь именно эти напитки Вы предпочитаете?

– Я... – Соколов поперхнулся сигаретным дымом, и глаза его стали похожи на глаза смертельно больного базедовой болезнью. – ... Да... эти напитки... черт побери... откуда Вы узнали?

– Откуда Вы узнали, что я из Вологодской области?

– Я не узнавал, я просто... я просто знал. Это как озарение, понимаете?

– Понимаю, Володенька еще как понимаю.

– Я же не говорил Вам своего имени, – прошептал побледневший без пяти минут психолог.

– У тебя же на браслете все данные, рассмеялась красавица, отчего стала еще красивее. Если такое вообще было возможно. Соколов обалдело посмотрел на именитый серебряный браслет на левой кисти и криво ухмыльнулся.

– Ничего это не объясняет, – пробурчал он. – Я просто уверен, что мы уже встречались. ... Только очень давно...

– А может быть, наоборот?

– В каком смысле?

– Может быть мы должны были встретиться, но в очень далеком будущем?

Соколов долго смотрел в голубые глаза Ольги, пытаясь осмыслить ею сказанную фразу, но, поняв, что абсолютно ничего не понимает, глубоко вздохнул. Его хлестнули горячие волны мятного аромата, а раскаленное облако дурманящего запаха душицы застряло ватным комом в горле, и Володя понял, что сейчас упадет в обморок. Вероятно, на какое-то время он действительно потерял сознание, потому что когда он обнаружил себя полулежащим на скамейке, а свою голову покоящейся в мягких ласковых ладонках девушки, то единственное, что помнил – это какое-то бесконечное ковыльное поле, страшный ураган и похоронный бой тяжелых монастырских колоколов.

– Черт побери, что это было? Нервно-паралитический газ?

Перед томным взглядом Соколова, будто в тумане, проплыл автомобиль с рекламной надписью на борту: «Не упустите свой шанс! Последний государственный заем 1988 года».

– Такие дела, – прошептал Володя, принимая вертикальное положение. – «Не упустите свой шанс!» Именно, не упустите шанс...

– О чем ты говоришь? – Ольга выглядела не на шутку встревоженной. – Тебе все еще плохо?..

– О, нет. Мне не плохо, наоборот, в голове все проясняется. По-моему у меня сейчас есть шанс. Я, кажется знаю, что мне нужно сделать...

Соколов крепко сжал ладонь Ольги своей, еще дрожащей, неуверенно улыбнулся и сказал:

– Выходи за меня замуж? Ведь мы не случайно встретились?.. Я хочу, чтобы ты была моей женой. ... Только ты... глупо, наверное, все это, но... я уверен в том, что ты – именно та, которую я искал всю жизнь... даже не знаю, почему. ... Ты так странно смотришь на меня. ... У тебя уже есть кто-то? Понимаю. Я сейчас выгляжу полным придурком...

– Нет, Володенька, ты не выглядишь придурком. Ты сказал все правильно, то, что должен был сказать, и... я согласна.

– Что?!

Я согласна стать твоей женой. Разве ты ожидал другого ответа?

– Если честно, то нет.

– Я знаю. Я знала... и теперь все пойдет по-другому, как было предназначено изначально. ... Зачем? Ну, почему ты заговорил со мной...

Голос Ольги звучал глухо и печально, если не сказать погребально. Соколов недоуменно таращился на девушку и пытался понять смысл того, о чем она говорит. И, казалось еще мгновенье и к Володе придет понимание, осознание того, что случилось за последние полчаса, но всякий раз, когда истина готова была показать свое «лицо», происходило что-то странное. Словно вязкая, густая пелена окутывала напряженный мозг, и миг исчезали о чем-то шепчущиеся тени, странные сказочно-прекрасные пейзажи, неведомые шикарные автомобили...

– Оля, я не понимаю. Что изменилось, что произошло? Что «было предназначено изначально»?.. Я и сам что-то чувствую, какую-то тревогу, но...

– Какая у тебя любимая песня? – тихо спросила Ольга и тихо улыбнулась.

– Песня? – Володя пожал плечами и вытряхнул из пачки сигареты. – «Yesterday». «Битлз»... а при чем...

– Все верно, все правильно, – перебила его девушка. – Вот и разрушились причинно-следственные связи. Теперь даже я не знаю, как все обернется в будущем.

– Этого никто не может знать, – мягко возразил Соколов. – Почему ты так волнуешься? А причинно-следственные связи рвутся и образуются заново каждую секунду, каждое мгновенье. Все всегда меняется, Оля, все.

– Да-да, конечно, – глаза девушки затуманились, и она, словно сомнамбула, произнесла. – Одно я знаю точно. Ты не умрешь от рака печени в 2001 году.

– О чем ты говоришь? Какой рак? Я здоров, как бык. У меня коричневый пояс по дню-до...

– Вот ты и побывал во вчера, милый, и изменил предначертанное. Я не знаю, хорошо это или плохо, потому что ты изменил очень многое... мы изменили. Я надеюсь, что все это к лучшему. ... Удивительно, что нам позволили. ... А, в общем-то, ты не должен был заметить меня сегодня,... как и всегда,... но это случилось, и... я люблю тебя, родной. У тебя будет самая лучшая жена в мире.

Тринадцатого марта 1995 года в десять часов утра по московскому времени Владимир Иванович Соколов, старший лейтенант запаса, русский, образование высшее, сидел перед начальником штаба 26-го парашютно-десантного полка и вел с ним непринужденную, но содержательную беседу.

– Значит, вы развелись и сразу решили бросить высокооплачиваемую работу в компьютерной фирме и отправиться на войну? Я правильно понимаю ситуацию? – подполковник грустно смотрел на психолога и утомленно курил «Бонд».

– В общем – да, – кивнул Соколов, уже подписавший контракт и даже прошедший изнурительную военно-врачебную комиссию. – Только развод здесь ни причем.

– Разумеется, – кисло произнес начальник. – Должен предупредить вас сразу, что самоубийцы мне в полку на хрен не нужны.

– Я, что похож на камикадзе?

– Похож, и мне это совсем не нравится. С другой стороны, офицеры, а тем более снайперы, нам нужны позарез. Где стрелять научился?

– Хороший инструктор был на военной кафедре. Только я писал рапорт не...

– О ДШР* забудь, – отрезал подполковник. – Там все мужики обстрелянные, опытные и злые. Короче, или рота снайперов, или...

– Согласен.

– Ну и прекрасно. Забирай документы, отдашь их начальнику учебного центра спецподготовки. ... И вот этот пакет захвати, я там что-то типа рекомендации написал.

– Спасибо, товарищ подполковник! – Соколов сделал кругом и вышел из кабинета.

– Абсолютно сумасшедший парень, – прошептал начштаба. – Пожалуй, он мне понравился.

– Ну, и что теперь делать? – слегка язвительно спросила Светлана Николаевна у Ольги, тихонько плакавшей возле рабочего стола своего мужа.

С определением «бывший» она не могла и не хотела примириться.

– Я тебя спрашиваю, Оля. Что делать? Где искать его?

– Когда ты его к себе в постель заскивала, что-то ни о чем меня не спрашивала. ... Интересно, сколько лет у вас все это продолжалось...

– Думаю, что ты знаешь, – спокойно сказала мать. – И знаешь все с самого начала. У нас ведь с тобой почти одинаковое тело, внешность, волосы походка, голос, да и мыслим мы практически всегда одинаково. Так что не надо лукавить, Олюшка. Жизнь втроем устраивала нас обеих при условии, что Володя не догадывается об этом.

– Я даже не знаю, что тебе ответить, как возразить, – устало промолвила Ольга и спрятала пылающее лицо в ладони.

* Десантно-штурмовая рота.

– А тебе нечего возразить, Оленька. Даже если было бы что, то я об этом знала бы. Ты просто не можешь смириться с тем, что он ушел от тебя из-за тебя самой.

– Да я же ничего не говорила...

– Ты не говорила, ты вела себя так, что даже не психолог догадался бы, что тебе известно все и даже больше.

– Ну, почему ни он, ни ты не вызвали меня на откровенный разговор?! Мы что, не могли решить эту проблему?

– А ты сама?.. Ты предпочла дуться, как хомяк на крупу и оградиться от всего двусмысленным молчанием, которое говорило обо всем лучше всяких слов. А Володенька – такой чувствительный человек...

– Прекрати! Я не буду спорить. Спорить с отражением самой себя глупо... что нам делать?

– Да ведь я только что об этом тебя спрашивала! Раз уж у тебя хватило смелости и сообразительности сделать так, чтобы он все-таки заметил тебя в том 1988-м, раз уж тебе было позволено изменить предначертанное, то найти его для нас будет просто.

– Не знаю, – задумчиво проговорила Ольга, и слезы снова показались в уголках ее прекрасных глаз. – Не думаю, что мне удалось изменить что-то.

– О чем ты говоришь?

– Я думаю, предначертанное нельзя изменить. Его можно или отсрочить, или ускорить, но изменить... – Ольга покачала головой.

– Ты запуталась, – Светлана Николаевна подошла к Ольге и осторожно положила ладонь ей на плечо. – Ведь отсрочить или ускорить – это и есть изменить.

– Да! Да, конечно! – в голос зарыдала девушка. – Можно идти длинной дорогой или коротким путем, но в конце всегда одно и тоже!.. И никогда. Никогда мы. ... Да что ж это такое, Господи!..

– Но мы же можем что-нибудь сделать? У нас же есть Дар?

– Нам дали дар, но мы не знали, какой будет плата за него... что мы можем сделать?.. Ничего мы не можем. Мы ничего не можем знать даже о своей судьбе!

– Таковы условия. Ты сама знаешь. Зато мы видим судьбы других.

– Видим – да, но ничего не можем изменить в этих судьбах. Это все равно, что художник, лишенный рук, художник, который не в силах ничего изменить в чужих картинах, которые видит. А видим мы картины страшные, порожденные изощренным, больным Разумом. ... Да, ты права, мы изменили судьбу Володи. Он не заболел гепатитом в 1992 году и не умрет от рака, но он все равно умрет. ...Он все равно умрет...

– Перестань плакать! Сейчас же прекрати реветь он мне так же дорог, как и тебе!

– Ты говоришь, «мы видим судьбы других», но, как выясняется, не только мы одни! Я случайно нашла Володин дневник и, читая его, пришла в ужас.

– Ты мне ничего не говорила...

– Все не имеет значения, все уже не имеет никакого значения, — Ольга в отчаянии покачала головой. – Когда-то Франсуа Вийон сказал: «Я знаю все, но только не себя». Вот и мы с тобой чем-то похожи на него, мы думаем, что знаем все, но не знаем даже себя. Мы не знаем, кто мы, мы не знаем, от кого у нас Дар. ... Володя если и не знал своей Судьбы, то определенно догадывался, что проживет не долго. Его дневник – это сплошь и рядом: «мне бы только успеть», «жаль, что мне отпущено так мало», «если б мне хотя бы до сорока дожить»... ты же сама знаешь, как он торопился жить, как хотел успеть все, он будто чувствовал, как сжимается вокруг него время. И еще... мне кажется, он знал, что «переброшен», что с ним когда-то произошло что-то за пределами обычного человеческого понимания. Как говорится, остаточная память... мне кажется, проблема в

том, что мы не знаем сущности и очередности событий во времени, а их календарная привязка нам не ведома, в отличие от прошлого...

И внезапно Ольга закрыла глаза и красивым грудным голосом запела странную, неизвестную матери песню:

– Бури и метели
Землю одолели,
Птицы белые мои
К солнцу улетели.
По затерянным следам
Поспешите в край далекий,
В край далекий, в путь нелегкий
К светлым солнечным годам...

Мелодия песни была мажорной, светлой, но такой безысходной, что казалось, еще минута и сердце просто-напросто не выдержит, разорвется на маленькие кроваво-алые лепестки.

– Боже, кто это написал? – спросила Светлана неожиданно охрипшим голосом.
– Отыщите мою радость,
Что за горем затерялось,
Принесите песню мне
О родившейся весне...

– Это написал Володя? – повторила вопрос Светлана, предчувствуя, что все плохое, что могло случиться еще не произошло.

– Нет, – рассеянно сказала Ольга, открыв наполненные слезами глаза. – Это он мне спел однажды, ... давно... он сказал, что песню написал Никольский*. Я не знаю, что это, неважно, кто это. Сейчас уже ничего неважно, кроме того, что наши судьбы неразрывно связаны с Судьбой Володи. Я думаю, что если погибнет он, то исчезнем и мы. Мы будем больше не нужны. Понимаешь, просто не нужны. Надеюсь, ты еще не забыла, что мы – зеркальное порождение ночных видений и сумеречных снов этого человека. ... Но сами... мы-то ведь не люди... он что-то почувствовал и ушел. Он ушел. Мы не нужны ему, мы не ангелы-хранители. Мы просто очередная причуда Того, Кто бродит по Мирам. ... Но, Боже мой, я так люблю его, что готова умереть тысячу раз, лишь бы он остался жить. Я готова навсегда исчезнуть в зеркальной пыли не родившихся снов, лишь бы жил он, мой любимый, моя душа.

– Но... вы же все равно встретитесь, в конце концов, – пробормотала Светлана, – встретитесь там, за пределами вечности...

– Я не хочу за пределами Вечности, – прошептала Ольга, глотая слезы. – Там стираются все грани, все различия...

– Между мужчиной и женщиной, – как эхо отозвалась Светлана. Имя которой, как и имя Ольги, на самом деле звучало одинаково непонятно, влекуще и путающе для любого из людей, кого еще не коснулась тень крыла ангела небытия... – Между любовью и ненавистью, между жизнью и смертью. ... Я тебя понимаю. ... Ведь мы одно и то же. ... И никто никогда не рождается одиноким... в этом мире...

* Константин Никольский – один из лидеров культовой рок - группы «Воскресение», автор хитов: «Музыкант», «Мой друг, художник и поэт», «Кто виноват?» и др.

БТР с наклепанными по бортам российскими флагами натужно ревел, преодолевая Хорогский перевал. Бурые бесконечные скалы утомляли. На броне, кто как мог, развалились шестеро военных в камуфляже. Соколов бережно прижимал СВД с аккуратно зачехленной оптикой и пытался беседовать с не в меру жизнерадостным прапорщиком, стараясь переорать рычание натруженного двигателя машины.

– Ну, и как оно, впервые? – кричал прапорщик, пытаясь одновременно закурить.

– Что значит «впервые»? – орал Соколов. – Впервые – это забытое «в первый раз»! Все повторяется, все идет по кругу!

– Не понял!

– Все нормально, говорю! – махнул рукой старлей. – «Что, черт побери, может быть нового в этом сонме толпящихся, вечно повторяющихся образов? А мы продолжаем кружиться, словно мотыльки, по этому мрачному кругу тупой повседневности, и единственное, что нас может поразить, так это повторная встреча с событиями, которые мы считали давно забытыми, с людьми, которых мы считали давно умершими...»

Взрыв прогремел, когда БТР наехал на итальянскую мину третьим правым колесом. Мины этой модификации всегда срабатывали либо под третьим траком танка, либо под третьим мостом бронетранспортера. И пока оглохшее эхо металось по ущельям дрожащих скал, в воздухе, как в замедленной киносъемке, крутилась и сверкала чудом оставшаяся целой линза оптического прицела разорванной СВД.*

В линзе, как в зеркале, отражались лица Ольги, Светланы, Володи... снова и снова... и стирались грани между жизнью и смертью, между любовью и ненавистью, между Временем и Вечностью.

Казань – Димитровград 2001 год

* Снайперская винтовка Драгунова.

Шоссе игрушек.

17 июля 1998 г. 40 км к востоку от Новгорода.

Черная сколопендра «BMW», поблескивая лакированными боками, медленно ползла по лесной дороге, и водителю было глубоко наплевать, куда эта дорога, в конце концов, приведет. Ему было, в общем-то, на все наплевать с некоторых пор. И на то была причина. Даже не причина, а БОЛЬШАЯ ЯДОВИТАЯ ПРОБЛЕМА, день за днем плодящая змеиный клубок проблем маленьких, но от этого не менее ядовитых.

Саркома...

Рядом с беспрестанно курившим водителем сидела симпатичная пухленькая блондинка в легкой, ничего не скрывающей кофточке и юбке.

Водитель отрешенно вел машину, изредка рассеяно поглядывая на девушку, и по его лицу невозможно было определить, чего ему, собственно, хочется. С таким выражением лица, как у него, можно было одинаково хотеть и полюбить блондинку на капоте «BMW», и размокнуть ей голову монтировкой.

– Мы долго еще будем плестись по этому «шоссе»?

Парень равнодушно пожал плечами.

Блондинка ничего не знала о ПРОБЛЕМЕ.

10 июля 1998 г. Псков. Областной онкологический диспансер.

– Тебе, наверное, откровенно можно дать весь расклад, – хлопнул поросшей рыжими волосами рукой по пухлой истории болезни чересчур суетливый доктор. – Ты парень крепкий.

– Я – крепкий парень?

– Ну-у... – врач слегка растерялся, несмотря на принятую «сотку» протирочного спирта. – Я подумал, как мужик мужику...

– Давай, лепи... мужик. А весь расклад для практиканток оставь. Сколько?

– Две-три недели. Химия – бесполезно, облучение не поможет... к сожалению.

Поздно, братец. Поздно.

– А у меня всегда все поздно, кроме похмеля и триппера. Так что ты не дергайся. Ну, что ж, – одетый с ног до головы в черную джинсу парень с последней стадией саркомы костного мозга закурил и поднялся из казенного безликого кресла. – Хосписы ваши мне до одного места, а за две недели можно еще кое-что наверстать... долги раздать. Долги собрать. Чистым хочется умереть, доктор. А ты хряпни стаканяру за упокой моей души и забудь.

– Погоди, погоди! Как это забудь?

– Навсегда.

– Борис, ты куда?! Подожди, слышишь?!

Захлопнувшаяся облезлая дверь скрипнула что-то непонятное.

17 июля 1998 г. 60 км от Новгорода.

...Она дала ему пощечину. Полновесную, от всей души. Он, видите ли, «нехорошо пошутил». Если бы она знала его получше, если бы сумела рассмотреть в темно-зеленых глазах черные всполохи сжигающей тело и разум болезни, то очень и очень бы подумала, прежде чем делать красивые жесты.

Не от ума, конечно, хотя и считала себя умной, путая, как это часто бывает, животную, хищную хитрость с тем, что как раз и отличает человека от животного. Собственно, дурой она тоже не была – этакая хитрая сучонка, не получающая кайфа ни от секса, ни от выпивки, уверенная, что всякий мужчина хочет как-то использовать ее в каких-то своих низменных целях – это... как-бы сказать – ее, мягко говоря, мания величия. А пощечина...

– Слушай меня внимательно и запоминай. Прежде чем замахиваться на мужчину, следует спрашивать, джентльмен ли он, а потом уже касаться его лица своей потной лягушечьей лапой. В данном случае – моего лица твоей потной лапой. Я, например, не джентльмен в этом смысле. Я никогда никому не позволял, и не позволю бить себя по лицу. Ни возраст, ни пол здесь не имеют значения... дошло?

До нее, видимо, дошло. Она пыталась жалобно плакать и с ненавистью и страхом смотрела на Бориса, зажимая ладонью рассеченную губу.

– Гад! Ты просто гад! За что?

Из ее разбитой губы капала ярко-алая кровь, пачкая белоснежную прозрачную блузку с идиотскими рюшечками.

– Так ты не поняла? – устало и тяжело вздохнул он, останавливая «BMW» возле какой-то опушки, поросшей васильками и кукушкиным хлебом. – Выметайся.

– Ты не можешь так поступить со мной, – в глазах испуг и злорадия. – Со мной так еще никто не поступал.

– Разнообразие не помешает.

– Никуда я не пойду! Понял? Я тебя еще по судам затаскаю! Сволочь!

– Не заставляй меня бить тебя по-настоящему. Я тебе наверняка сломаю челюсть, а сломанная челюсть – это гораздо хуже, чем разбитая губа. Поверь мне, я знаю.

– Только попробуй! Только посмей! Ты об этом до конца своей жизни жалеть будешь!

– Наверняка буду... до конца жизни... если бы ты только знала, о чем говоришь... мне даже смеяться и то не хочется. «До конца жизни»... выходи... пожалуйста.

– Да что ты о себе думаешь?!

– Я не думаю о себе. Мне о себе думать уже особенно нечего. Во-он там, видишь, за осиновой рощей хутор? Прогуляйся. Такую красивую девочку никто не тронет. А со мной тебе делать нечего. То есть абсолютно. Понимаешь?

– Нет! Нет, не понимаю! Что вообще случилось? Неделью назад ты мне руки целовал...

Борис отрешенно смотрел поверх опущенного стекла на лесную опушку в синих брызгах васильков, и думал о том, куда ведет это самое лесное «шоссе», по которому он ехал. Ехал в первый раз. А если уж быть точным, он и понятия не имел, что эта дорога, ведущая неизвестно куда вообще существует.

– ... Теперь ты бьешь меня, как последнюю шлюху...

– Слушай, а вот интересно: женщины умеют просить прощения? Прощать. В принципе... черт побери, да когда же все это закончится...

Борис остановил машину и достал из нагрудного кармана рубашки коричневый

стеклянный пузырек с темно-синей наклейкой «Перкодан»*.

– Что?! Это я должна просить прощения?

– Подожди-ка, — положил он ей руку на колено, отчего девушка сжалась ожидая очередного удара.

– Какой идиот догадался поставить куклу на опушке леса?... Посмотри. Видишь? Во-он там.

На зелено-лиловом поле кукушкина хлеба, возвышаясь над растрепанными головками васильков, растопырив коротенькие уродливые ручки, словно говоря «Welcome», стояла огромная (Борис видел таких только в кино) кукла.

Ярко-красные румяна на глиняных (глиняных?) щеках. Фиалково - ядовитые глаза и совершенно невообразимое платье конца девятнадцатого века.

– Боже... Господи ты, Боже мой! Я ...я всегда хотела иметь такую. Именно такую, представляешь?... Откуда она здесь взялась?... Что это ты глотаешь?

– Я ЭТО не глотаю. Я разжевываю. Витамины.

– Ага. Витамины. Ты еще к тому же и наркоман. ... Я что же не могу по твоему отличить витамины от кодеина?

– Ты никогда не задумывалась, что случиться с человеком, если он узнает день своей смерти? Не что он надумает сделать, а что с ним случиться. Куда его приведут его собственные мысли о жизни и смерти. ... Не в географическом смысле. ... Не в пространственном даже – прыжок вниз головой с девятого этажа...

Сигарета выпала из онемевших пальцев Бориса, чего он даже не заметил, и упала на кожаное сиденье, медленно прожигая грубую материю, обтягивающую его бедро.

Это была уже третья доза за день... много. Наверное, чересчур много. Да. Если бы не боль. Если бы не БОЛЬ. Эта ненасытная акула – «Давай! ДАВАЙ! ИЛИ ПОРВУ НА КУСКИ!»

– Ты что ли болен? – вопрос, как плевков в лицо, сплошное презрение с ...чуть-чуть садистским интересом. – Мы с тобой уже две недели, и ты почти каждый день пил, как лошадь. Больные не пьют.

– Больные – не пьют?... Ты что-то путаешь. Это здоровые не пьют, потому что... нет,... поэтому они и здоровые. ...Они себя блюдут. А больные... э-э ...

– Что «э-э»? Может быть ты о тех, что на голову больные? Может быть те, что ночью хлещут водку, а утром жрут наркоту, и им в одуревшую голову лезут высокие мысли о жизни и смерти? Тогда – конечно. Тогда точно. Они придут, в конце концов, «не в географическом смысле»...

– Кто «они»?

– Да пошел ты! Философ занюханный!

Ее голос пробивался до Бориса сквозь кодеиновое облако, окутавшее голову. Он подумал, что нужно как-то ответить на это «пошел ты», но не стал. Он наслаждался миром без Боли, хотя «философ» в ее сексуальных губах звучало как «козёл» – минимум.

– А кукла-то движется... и страшна эта кукла... что же это у тебя было за детство, если ты всю жизнь мечтала иметь такую?... Она не просто страшна...

Девушка хотела бурно протестовать, обличить, заклеить, посмеяться, но, бросив взгляд на куклу в васильковом поле, замерла на полуслове.

* Перкодан – сильное обезболивающее на основе кодеина

Кукла со страшной улыбкой идиота на мертвом лице размеренно и монотонно поднимала и опускала свои уродливые глиняные ручки вверх – вниз, вверх – вниз... ВВЕРХ – ВНИЗ...

– Н-да... Че-ерт!..

– Зат-к-нись, – сомнамбулически прошептала девушка, неотрывно глядя на васильковое поле и осторожно, словно боясь обжечься, открывая дверь автомобиля.

– Ты куда собралась?

– Зат-к-нись. ... Она зовет меня. И она совсем не ужасна! Она совсем не ужасна. Она совсем...

– Не ори. Ради Бога, не ори. У меня голова сейчас лопнет.

... вверх – вниз... вверх – вниз... вверх – вниз...

Холодное стальное лезвие пошлой финки нестерпимо ярко сверкало на солнце.

– Она зовет меня... маленькая. ... Ты что, не слышишь? Не слышишь? Она же зовет меня...

– Она убьет тебя, – пожал плечами Борис и подумал: «Детская мечта сейчас перережет горло статной, соблазнительной девушке, превратившейся в одну секунду в маленькую истеричную девочку...

Ну, да, они не смогли найти друг друга в ДЕТСТВЕ, и кукла сейчас отомстит ей за долгие годы одиночества. Все просто. Все просто... кукла тоже мечтала о девочке...

... ВВЕРХ – ВНИЗ... ВВЕРХ – ВНИЗ...

... И ждала ее целую вечность, ведь куклины секунды гораздо длиннее человеческих... и вот сейчас они встретятся. В первый и последний раз... и победит детство».

– Вернись! Оставь эту чертову куклу! Вернись!

– Не могу. Она же зовет меня... я иду. Я иду, маленькая моя.

– Я уезжаю!

– ... Никогда тебя не брошу. Наконец-то я нашла тебя...

Борис врубил вторую передачу и рванул с места. Метров через сто ухабов и рытвин он остановился и посмотрел в заднее стекло. Когда пыль осела, и стало видно поле кукушкина хлеба, охраняемое синеголовыми васильками, ни куклы, ни девушки уже не было.

– Благослови, Господи, детство, – прошептал Борис и закурил. На резиновом полке возле пассажирского сиденья валялся грязный темно-коричневый футлярчик помады «Lip Polish».

«Что сейчас случилось, то случилось. Я не знаю, что это было и почему. ЭТО было. Но я знаю одно: кукла с финкой в руке – не галлюцинация, не кодеиновый бред. Я еще могу отличить реальность (Боже, какое убогое слово!) от «сна наяву». Кто уж это там сказал, что ни одно живое существо не в состоянии долго жить в абсолютной реальности (тьфу!), наверное, даже кузнечики иногда грезят. ... Что, интересно, я увижу, если вернусь сейчас назад? Кукла играет с девочкой в ножички?

Она, конечно, порядочная сволочь и эгоистка, но все-таки не заслужила такой смерти... о Боже, все эти ее слова в постели, ласки. ... Черт, да почему я решил что она мертва? Какой-то отморозок-шутник поставил куклу на опушке леса с приклеенным к глиняной ручонке ножом, другая идиотка решила поиграть в актрису, решила поиграть на моих нервах – и все дела. Сейчас прячутся в кустах и ржут надоедливой, пока я развожу тут сопливую философию, Карл Юнг хренов».

Борис швырнул окурок в окно и начал медленно сдавать назад.

1 июля 1998 года. Псков. Морг Центральный областной больницы.

Морг при Центральной областной больнице был зданием историческим и выглядел соответственно: обшарпанная кирпичная башенка с узкими окнами, больше похожими на бойницы с куполообразной крышей.

Стоял он как-то на отшибе, как бы сторонясь большого пятиэтажного корпуса больницы, где обитали еще живые. А если смотреть на башенку с куполом издалека, с поросшего вековыми соснами холма, то морг спокойно можно было принять за небольшую уютную обсерваторию, в которой старый и мудрый астролог справлялся у звезд, кому из пациентов сколько осталось жить. И стоило ли жить вообще.

Морг закрывался по-простецки – на большую бронзовую щеколду и зайти в него мог кто угодно. Впрочем, какого-то особенного наплыва желающих не наблюдалось, кроме разве тех посетителей, у которых желаний уже никто не спрашивал, а самим им было вообще все равно.

Первого июля 1998 года вечер выдался удивительный.

Вечерняя прохлада нежной ладошкой накрыла древний город, из-за сосен выкарабкалась и обкусанным лимоном повисла луна, и кто-то из Вечных рассыпал по черному бархату неба фальшивые бриллианты.

В обсерваторной башенке морга было промозгло и сыро. Четыре из пяти цинковых столов пустовали, лишь на одном синем, протухшим студнем лежал здоровый мужик лет пятидесяти с распоротым и кое-как зашитым животом.

Борис сидел за столом патологоанатома, заваленном порнографическими журналами и дешевыми детективами, и курил. Одну за одной. Перед ним стояла наполовину пустая бутылка портвейна.

– Ну, и как тебе, мужик там?

Ответа не последовало.

– Понятно... ты, кстати, где? Вверху или... – Борис ткнул пальцем в мокрый пол.

– А, тебе, не один ли хрен?

Борис вздрогнул и чуть не выронил стакан. Возле входных дверей стоял патологоанатом, если так можно сказать, с беломориной в зубах и порядочно выпимши, что, впрочем, было его обычным состоянием.

– Извините, – пробормотал Борис, поднимаясь со стула. – Не хотелось на улице светиться с пузырем.

– Сиди, сиди, – похлопал по плечу прозектор и присел рядом, доставая из кармана точно такую же бутылку «Лучистого», только не распечатанную.

– Хорошее ты, парень, место для пикника выбрал... или поминаешь? – патологоанатом кивнул на мужика, безучастно лежавшего на цинковом столе.

– Да, что ты!.. Просто одному побыть захотелось. Из больницы только что свалил.

– Нарушение режима?

– В онкологию переводят.

– ... Хреново... и серьезно?

– Саркома.

– Ну что тут скажешь? Меня Виктором зовут. Наливай по полной, чего уж тут сопли жевать.

Выпили по полной. Закурили.

— Что думаешь делать? – спросил Виктор, наливая в стаканы уже из своей бутылки и пуская к потолку аккуратные кольца дыма.

– Не знаю, ... но в онкологию точно не лягу.

– Это правильно. Живое гнить – не дело.

Но рецепт сходи, выпиши. И вот этого дела закупи, – Виктор постучал по горлышку бутылки. – Когда наркота уже не помогает... в общем, разберешься, что когда. Ну, давай...

Выпили. Закурили.

– Я тебя утешать не буду – ты не баба. Врать, что все обойдется, тоже не буду, я – не сволочь. Разве посоветовать что... много чего на земле оставляешь? Я имею в виду разрушенные планы, высокая, извиняюсь, цель, друзья, которым отомстить не успел, женщины, с которыми не успел переспать. Понимаешь?

– Понимаю. Да, в общем-то, нет. Ничего особенного... ты знаешь, смех да и только, я с месяц назад о самоубийстве думал. ... А вот. ... Все само собой решилось.

– А что так? О самоубийстве?

– Да все что-то наперекосяк пошло. В какую дверь ни постучишь, отовсюду – «не нужен!» Записал альбом песен в Риге, на студии у друга – не нашлось покупателя, кто бы помог раскрутиться в Москве. Ладно, думаю, черт с вами! Книгу написал, хорошую, по-моему, книжку, никто издавать не захотел. ... Хотя никто и не отказывал, вроде бы, как сейчас принято... короче, ни денег не осталось, ни работы, ни-ка-ких перспектив. ... А вот теперь все и разрешилось. Так просто. Даже облегчение какое-то почувствовал, честное слово. А что? Теперь у меня никаких проблем, ни одной и мысль одна, как у Вини-Пуха... что там за гранью? .. Что там, Витек?

Виктор задумчиво посмотрел на мужика на цинковом столе, на стопку порножурналов и тихо сказал:

– Я тут четвертый год пью, после того, как меня из хирургии за это выперли, и такого, всякого-разного насмотрелся, что... я думаю, что там много чего, что тебе, друг Горацио, и не снилось. Да, я думаю так.

– Я в общем-то тоже. Смерть – это вроде как путешествие, да?

– Похоже.

– Черт, вот только подготовка к этому увлекательному путешествию больно уж муторная.

Они допили бутылку портвейна, потом нашлось немного спирта, и к четверем утра все трое, находившиеся в морге, чувствовали себя примерно одинаково.

– Витек, мне пора.

– Ну.

– Не знаешь, чей это «BMW» стоит возле служебного?

– Черный?

– Черный.

– Одной порядочной сволочи. Глаза бы мои на нее не смотрели.

– На что?

– И на то, и на другое.

– Завтра не увидишь по крайней мере – одну... так значит, путешествие? За грань?

– Точно.

– Ладно, пошел я, – и Борис распахнул двери морга. – Значит, за грань...

– Эй! Только не думай много о прошлом.

– Почему?

– Сожрет оно тебя. Быстрее саркомы сожрет, только двери открой. Так что поосторожнее!.. Нельзя человеку много о прошлом думать... когда отправляешься за грань.

17 июля 1998 года. 60 километров к востоку от Новгорода.

Борис остановил машину точно возле того места, где его обезумевшая подружка вышла и отправилась в васильковое озеро на зов огромной румяной куклы с финкой в руке. В пыли был отлично виден отпечаток ее туфельки на десятисантиметровой шпильке. Ни куклы, ни девушки. Только огромная поляна зелено-лилового болота кукушкина хлеба. И небесно-синие васильки.

– Та-ак, – Борис заглушил двигатель и открыл дверцу перчаточного ящика, где лежал газовый «Вальтер», обнаруженный им только вчера. – Наверное, нужно помолиться и пойти искать ее?.. Чертова кукла!

«А о чем мечтал я в детстве?»

... Нельзя человеку много о прошлом думать... когда отправляешься за грань...

В детстве я много о чем мечтал... легче сказать, о чем не мечтал.

... Сожрет оно тебя. Быстрее саркомы сожрет...

Вопросы – это скользкие змеи...

Ядовитые змеи... как? Как назвать этот кодеиновый бред? Сознание скользит по краю бессознательного?.. Нет, а если серьезно? Чего я в детстве хотел больше всего?..»

Борис чувствовал, как его мысли все больше, и больше погружаются в какую-то бездонную трясику зыбких образов, гротескных, фантазмагорических креатур, похожих на людей, но таковыми не являющихся. И чем больше он погружался в эту трясику воспоминаний, тем непонятнее и страшнее становились картинки, тем душливее становился воздух в салоне. ... Но, боль прошла. Физическая боль исчезла. Только невыносимый смрад в кожаном салоне «BMW». Как будто за спиной дышит кто-то огромный и уродливый с потрескавшейся пупырчатой кожей, выделяющей мерзкую зеленую слизь. И, мало того, этот кто-то смотрит прозрачными, немигающими глазами на все вокруг и ненавидит все это. Люто ненавидит. Но самое страшное – ОН смотрит ЕГО глазами и ОН – не человек...

«Я ушел слишком далеко. В слишком далекое прошлое. Нужно выбираться... о, Господи, нужно уходить! Кто ты?!.. Кто ты?! Кто?!»

17 июля 1998 года. 40 км. к востоку от Новгорода.

Сине-белый милицейский «УАЗ» с трафаретом «ПА - 67 - 2» по бортам тихо подъехал к бревенчатому дому лесника и молоденький сержант, с минуту о чем-то поразмыслив, заглушил двигатель.

– Он дома, и если он что-то видел – расскажет, – задумчиво обратился сам к себе белобрысый лейтенант с деланно - простодушными глазами.

– Тогда идем?

– Ага. Только это... не удивляйся ничему. Он странный мужик. Немного не в себе...

у него где-то в этих местах дочка погибла. Пятнадцать лет ей было. Труп нашли в жутком состоянии, девочку как-будто через мясорубку пропустили. Ну дед потихоньку и поехал, такое иногда начнет нести... в общем, не перебивай его, если что. Поддакивай, головой кивай, умное и участливое лицо попробуй изобразить. Усек? Я разговаривать буду. Пошли.

Оба патрульно-постовых вышли из машины. В лесу было накурено.

— А что он такого странного, как ты говоришь, несет? — тихо спросил сержант, с каким-то непонятым чувством тревоги рассматривая дом, окруженный огромными вековыми соснами. Под черными грубыми ботинками жалобно хрустели желтые косточки опавшей хвои.

— Много чего. Например, он уверен, что его дочь убили игрушки. Не слабо, да?

— Иг... игрушки? — сержант почувствовал, как по его спине пробежал мерзкий холодок. — Это шутка что ли такая?

— Да какие уж тут шутки. Он всю уголовку чуть с ума не свел. По его... хм... версии где-то в этих местах проходит «шоссе игрушек» — так он называет заброшенную дорогу, строительство которой заморозили лет восемь назад.

— А почему заморозили?

— А хрен его знает. Официальная версия — болотистые почвы, пльвуны...

— А неофициальная?

Лейтенант остановился и полез за сигаретами:

— У тебя, Серега, какой-то нездоровый интерес ко всей этой чертовщине. Ты мент или розенкрейцер?

— Просто интересно, — пожал плечами сержант.

— Что тут интересного? На призрак наручники не наденешь.

— Слушай, Андрей, а у тебя есть любимый писатель?

— О Господи, чему вас там на юрфаке учат?.. Ричард Хьюз. Знаешь такого?

— Нет. Мне Лавкрафт нравится.

— Послушал бы нас сейчас шеф, — покачал белобрысой головой лейтенант. — «Римское право» читать надо, сержант, а не Лавкрафта. А если тебе ужасы нужны, почаще заглядывай к судмедэксперту...

— Здорово, Семеныч, — лейтенант прикрыл за собой тяжелую дверь из неструганных дубовых досок, сшитых чутунными скобами. — Как жизнь молодая?

Сержант остановился на пороге как вкопанный. Ему никогда в жизни не доводилось видеть сразу столько черепов. По бревенчатым стенам большой квадратной комнаты были развешаны грязно-белые, оскалившиеся костяные головы лосей, косуль, кабанов, волков и даже рысей (впрочем, Сергей не был в этом уверен) в каком-то диком, одному хозяину понятном порядке. К рогам некоторых черепов были привязаны пучки высушенного зверобоя, чистотела и еще черт знает каких трав. В доме витал смолисто-колдовской запах сгнивших в небытие столетий.

— Здравствуй, Андрей. Ищете черную иностранную машину?

— В общем — да. Но парень, ее угнавший, нас интересует не меньше.

— А девушка?

— Девушка? С ним была девушка? — офицер переглянулся с сержантом.

— Красивая... да и он симпатичный парень. Чудесная пара. Чудная.

— Семеныч, эта чудесная пара угнала машину, которая стоит шестьдесят тысяч долларов. ... У уважаемого и известного в городе человека, у хирурга с золотыми руками...

– Даже хирург с платиновыми руками за всю жизнь не сможет заработать столько денег, и тебе, Андрей, это известно. А значит он – вор. А значит, я не буду вам помогать... 60000 долларов! Не смеши меня, Андрей!

Сержант с отвисшей челюстью слушал странный диалог, и его не покидало удивительное и необъяснимое чувство дежа-вю.

– Я понимаю, Семеныч, я все понимаю, но позволъ-ка мне кое-что объяснить. Мне плевать и на хирурга, и на машину, уж если на то пошло, но ты сказал о девушке... понимаешь, этот парень смертельно болен и знает об этом. Я разговаривал с врачом. Он сбежал из онкологии, прихватив полкило наркотиков. ... Что бы ты делал, узнав, что жить тебе осталось пару недель? Ты можешь поручиться, что он не решил отвалить на тот свет в приятной компании на шикарном автомобиле? Кто может знать, что сейчас творится в его голове? Лично я не знаю, даже представить себе не могу, но я уверен, что девчонка в опасности. Если хочешь, назови это интуицией, если можешь, разубеди меня в этом, и мы уйдем.

Через минуту тягостного молчания пятидесятилетний мужчина, выглядевший глубоким стариком, поднялся из продавленного кресла и снял со стены карабин:

– В пять утра они проехали в сторону заброшенной дороги. Сейчас полдень. Они уже там, они на этом проклятом шоссе. Не думаю, что они еще живы, но я поеду с вами...

17 июля 1998 года. 60 км. к востоку от Новгорода.

Невозможным, нечеловеческим усилием воли Борис сумел онемевшей рукой открыть дверцу «BMW» и черным джинсовым мешком вывалился из машины. «О Боже милостивый! Это все кодеин. Этого не может быть на самом деле... слишком много кодеина... Господи, призови меня! Забери меня, Господи! И чтоб не очень больно. Ладно, Господи?»

Когда легкие Бориса забило дорожной пылью так, что он не мог больше сделать ни вдоха, страшная судорога перевернула его бесчувственное, онемевшее тело на спину.

«Ты все еще хочешь узнать, чего ты больше всего хотел в детстве? Хочешь? Ты хочешь игрушку?..»

Бесстрастный ледяной голос звучал в голове Бориса, но это был не его голос. Очень похожий, но... этот голос таил в себе призрачный прах сгинувших тысячелетий. Этот голос разрывал мозг извечным первобытным страхом перед неведомым и все-таки...

«Это я... это я – умерший миллион лет назад, говорю сейчас сам с собой...»

«...Так ты хочешь игрушку? Ты хочешь вспомнить?..»

«...Эй! Только не думай много о прошлом!.. Сожрет оно тебя. Быстрее саркомы сожрет, только двери открой... нельзя человеку много о прошлом думать...»

Борис кое-как сумел подняться на колени и мучительно откашлялся, харкая пылью и кровью.

– Ой-ой-ой, Борис, а ты ведь действительно болен. Прости, что я тебе не поверила. Прости, милый. Но я тебе сейчас помогу, и боль пройдет. Все пройдет, Боренька...

«О Боже, только не это, – размазав по щекам слезы, Борис с ужасом наблюдал, как «BMW» окружают огромные, с десятилетнего подростка, куклы в ярких, расшитых золотом платьях. Ольга шла впереди, сжимая неправдоподобной белой рукой

окровавленную финку. Ее умопомрачительные синие глаза смотрели прямо на Бориса, и в них не было ничего. Ни боли, ни страха, ни ненависти, ни любви. Ничего. Это были мертвые глаза. Глаза куклы.

– С нами тебе будет хорошо, поверь мне, Борис. Так хорошо, что ты даже представить себе не можешь. Мои куклы – такие озорницы... что такое? Что случилось? Тебе больно? Да? Тебе больно, милый?.. Ах, бедненький. Потерпи. Сейчас я сделаю тебе операцию, и боль пройдет. Слышишь? Навсегда. Чик-чик и ничего не болит. И мы будем веселиться. Чик-чик...

«Ну, вот и все, черт побери. Вот и все, сейчас она распорет мне горло, сладенькая сволочь, и ... боль пройдет. Но сначала будет Ужасная Боль. Чик-чик. Клин клином...

Перерезанная сонная артерия – не самая удачная смерть, дьявол тебя побери, синеглазая зомби!»

– Как ты смешно думаешь, Борис – «неудачная смерть»... какая же смерть, по-моему «удачная»?

– Неожиданная, – прохрипел Борис и попытался встать на ноги.

Его несколько не удивило, что девушка могла читать мысли, как не удивило бы уже ничего. Он уже переступил тот порог, где еще было место такому понятию, как удивление. Реальное, ирреальное и гиперреальное – все перемешалось в этой точке планеты, окруженной вековыми лесами, на этой дороге, ведущей неизвестно куда. Дороге, между прочим, федерального значения, строительство которой было заморожено двенадцать лет назад по причине якобы близко расположенных к поверхности грунтовых вод и слишком часто встречающихся зыбучих песков. По крайней мере, именно так было записано в заключении столичной комиссии. Но это было только частью правды, и не самой большой частью. Положа руку на сердце, в местах, где проходит трасса Е – 95, плывунов еще больше, а грунтовые воды расположены еще ближе к поверхности.

Что ж на самом деле произошло? Что так напугало экспертов? Может быть, необъяснимое, шокирующее, но успешно замолченное исчезновение целой бригады вахтовиков-строителей с Украины, или постоянно выходившая из строя дорожная техника? А может быть, что-то было в отчете московской следственной группы прокуратуры России? Что-то такое, чему никто не поверил, но от греха подальше прикрыл стройку? В любом случае должно было произойти что-то такое из ряда вон, иначе все повторилось бы, как с аэропортом Якутска, где взлетно-посадочные полосы «поплыли» еще при строительстве. А когда потревоженная вечная мерзлота образовала на всей площади аэродрома озерца и топи, их стали просто засыпать, а поверху класть бесконечные настилы из лиственницы. Строительство не прекратилось. Чем отчаяннее сопротивлялась природа, тем яростнее наседали люди, задетые за живое. Даже АН - 74, пробивший при посадке специально бетонное покрытие, не остановил паранойи, а тут – какая-то вшивая дорога!

Было, было, что-то в этой древней земле, в этом воздухе, в этих деревьях. И это ЧТО-ТО до безумия перепугало крутых бизнесменов и чиновников, а строительство было заморожено. Временно.

Борису, наконец, удалось подняться на ноги. Он, грязный и помятый, с совершенно безумными глазами, был похож на человека, выпавшего из поезда на полном ходу. В правой руке Борис сжимал бесполезный, в общем-то газовый «Вальтер».

– Лучше не подходите. Мне терять нечего, сволочи, – прошептал он и оперся спиной

о капот. – А ты, Оленька, ты же мертвая, черт тебя побори совсем, тебя же выпотрошили, как рыбу, а? Ты и выглядишь, как дохлая рыба...

– Замолчи, – прошипело существо, похожее на Ольгу, и нерешительно остановилось в нескольких метрах от Бориса, перестав поигрывать ножом в кровавых потеках.

– Замолчи, гаденыш! Это ты уже мертвый! Зачем ты цепляешься за оставшиеся тебе три-четыре мучительных дня? Ты же устал от боли, очень устал, а я помогу тебе – чик-чик и нет боли...

– А мне нагадить на твое чик-чик, – буркнул Борис, целясь пистолетом прямо в широко распахнутые ярко-синие глаза существа. – Сейчас я вышибу из твоей головы что там есть у тебя вместо мозга.

Ненавидящий взгляд ядовито-синих глаз был прикован к шее Бориса, но кроме ненависти в этом взгляде явно проскальзывал самый настоящий страх. Существо стояло не двигаясь и облизывало сине-черным языком потрескавшиеся губы.

– Ну, что пялишься, мать твою? – Борис невольно проследил за взглядом оборотня, и сердце глухо булькнуло, провалившись куда-то в район желудка. Тварь, прикидывавшаяся Ольгой, смотрела на крест, про который Борис совсем забыл. Обычный серебряный православный крест с выбитыми словами «Спаси и Сохрани» на широкой, серебряной же, цепи, освященной в Богоявленском храме Пскова. Освященный на имя, три года назад. Почерневший от болезненного пота, крест тускло поблескивал на матово-белой коже чуть пониже ямки между ключицами, и на мгновение Борису показалось, что это сам крест светится, а не солнце играет на нем бездушными лучами.

– А-а, гадина, вот в чем дело, – прошептал парень и истерически захохотал. – Ты не пистолета боишься! Что тебе пистолет, да?! Чего трупоеду бояться пистолета?! Да ты зубами-то не скрипи, мне на твой скрежет – тьфу! Ну? Чего же вы затормозили, куколки?..

– Вон как ты разошелся, – прошипела тварь и начала медленно обходить машину, – Осмелел. Защиту почувствовал? Не волнуйся, мы с этим справимся, мальчик. Мы пороемся в твоих кишках. Чик-чик, – по подбородку оборотня текла пенистая кровавая слюна. – Мы подождем. Мы будем ждать, сколько потребуется, у нас много времени, а вот у тебя его осталось очень мало, гораздо меньше, чем ты думаешь, мальчик. ... И чем же ты так ценен, что Старый Плотник не хочет тебя отдать нам, а? К чему все эти фокусы? Может, ты – святой? Да ну нет, – существо захихикало, – разве святые бьют слабых девушек по лицу?

– Заткнись! Что ТЫ знаешь о святости? – Борис никак не мог оторвать взгляда от окровавленного ножа, ему даже показалось, что он может видеть под красивыми, ухоженными ногтями засохшую кровь и грязь. – Что ТЫ вообще такое?

– Ну, почему «такое»? Я – такая, милый мальчик. Я очень «такая». Показать? – тварь облизала нижнюю губу и медленно задрала юбку. – Ну? Что скажешь?

– Это не твоё тело, – тихо сказал Борис, – и не твой голос.

– Конечно, – улыбнулся оборотень, – Конечно – это не мое тело. Перед смертными я всегда появляюсь в привычном для них облике, чтобы раньше времени не подошли. Вам просто не постичь моей сущности своим примитивным мозгом... неужели ты хочешь сойти с ума?.. Я понимаю, в твоём положении – уже все равно. Но мне все равно, мой мальчик, вот какая история. Мне нужно, чтобы я могла видеть смерть в твоих глазах, когда буду вскрывать тебе горло, а не безумие.

– А пошла ты.

– Фу, как грубо. Как вы люди, все-таки неуважительно относитесь к своему прошлому, к своим детским мечтам...

– Я в детстве не мечтал о куклах – убийцах.

– А о чем ты мечтал? О чем, зайчик мой? О большом наборе пластмассовых солдатиков? Со штыками, с саблями?.. Ты вспомни, ты только вспомни, и я стану этим.

– Пошла ты! – Борис изо всей силы швырнул тяжелый пистолет, целясь в ухмыляющуюся морду существа. Бросок был точным – «Вальтер» попал в подбородок, напрочь разmozжив нижнюю губу.

Существо взревело от неожиданной боли, и его лицо (лицо?) исказила неподдельная ярость.

– Ах, ты... ты... – захлебываясь, хрипело оно, плюясь кровью.

«Нет, я мечтал не о солдатиках... не о солдатиках... не о...»

И Борис вспомнил, о чем, о КОМ он мечтал в детстве, и спина его покрылась липким холодным потом. В то же мгновение он почувствовал на своем затылке ледяной немигающий взгляд огромного зверя. А секундой позже услышал хрустный вопль ломающихся деревьев и оглушающий рев хладнокровного хищника.

Над деревьями появилась массивная, почти квадратная голова тираннозавра.

17 июля 1998 года. 40 км. к востоку от Новгорода. Несколькими часами позже.

– Господи Иисусе, что здесь произошло?

Водитель - сержант до упора вдавил педаль тормоза и судорожно схватился за кобуру, стараясь дрожащими пальцами достать табельный «Макаров».

– Быстро свяжись с управлением, – прошептал лейтенант. – Немедленно, – и вышел из машины.

Оранжевый шар солнца, плавающий в рваных горячих облаках, освещал все вокруг неживым, почти коричневым светом. Метрах в тридцати от милицейского «УАЗика»верху колесами лежала изувеченная машина, в которой с трудом можно было узнать качественный немецкий продукт фирмы «BMW».

– Посмотри-ка, Андрей, – ткнул карабином Семеныч в уродливую яму посередине дороги. Ничего не напоминает?

С минуту лейтенант всматривался туда, куда указывал ствол карабина, и наконец выдохнул:

– Этого не может быть. Это же... нет, этого не может быть.

– Это след динозавра, – сказал лесник. – Чертовы игрушки.

– О Господи... смешно, но ... мальчишкой я мечтал увидеть что-нибудь подобное...

Над вековым лесом пронесся торжествующий рык зверя.

14. 04.1999 г., г. Димитровград.

Дьявольское отродье.

1.

*Дети – цветы жизни.
Общепризнанное заблуждение.*

Ярко-синий паровозик, как всамделишный, «чух-чухал» и давал тоненькие жалобные гудки на переездах, возле которых стояли зеленые пластмассовые люди: уродливая тетка с детской коляской, облезлый и чем-то испачканный солдат с непонятным оружием за плечом и целый выводок то ли пионеров, то ли бойскаутов – их мальчик ненавидел больше всего.

Паровозик юрко пробежал по их ажурному мосту над глубоким каньоном и вышел на прямую, лихо таща за собой три пассажирских вагона. Мальчик до упора вдавил рычажок скорости на пульте радиоуправления и улыбнулся.

Поезд на полной скорости пронесся мимо станции и врезался в глаз. Широко открытый, мутно-голубой глаз коротко остриженной мужской головы.

– Есть! Прямое попадание, – прошептал мальчик и отбросил пульт в сторону. «Чавк!» Пульт упал в огромную лужу крови бордового, почти черного, цвета.

– Ту-ту! – сказал мальчик, обращаясь к окровавленной голове. – Следующая остановка – морг, папа.

– Где он? – сорокалетний красивый и полностью седой мужчина в белом плаще вихрем ворвался в кабинет Каюрова и немедленно закурил. – Я – Рыков и, насколько понимаю, это Вы дали мне телеграмму. Надеюсь, дело серьезное.

– Меня зовут Сергей Петрович, доктор, и я следователь прокуратуры по особо важным делам, и Вы правы, это я вызвал Вас телеграммой, потому что мы здесь столкнулись с таким... э... с такой проблемой. ... Вот, черт! Посмотрите-ка лучше вот это, – следователь протянул Рыкову объемистую папку и нервно забарабанил по полированному столу.

Доктор раскрыл серую папку и замер, словно увидел кобру, а лицо приобрело такой синюшный оттенок, что Каюров потянулся было к бутылочке с нашатырем.

– Нет-нет, – прошептал Рыков и несколько раз глубоко вздохнул. – Сейчас все будет в порядке.

И через несколько минут Рыков на самом деле был в порядке к большому удивлению следователя, который без особой необходимости сам в эту чертову папку с фотографиями места преступления не заглядывал. Доктор быстро пришел в себя. И с интересом («С болезненным интересом», – отчего-то подумалось Каюрову) в течение пятнадцати минут рассматривал цветные фото. На которых в разных ракурсах и с разных точек была запечатлена кровавая бойня в богатом особняке удачливого молодого бизнесмена, сделавшего деньги на торговле мукой и удобрениями, имевшего красавицу жену и единственного двенадцатилетнего сына-вундеркинда.

«Теперь он имеет красивый, богатый памятник на могиле, а его самого имеют черви и личинки», – передернул плечами Каюров.

Доктор наконец захлопнул папку и аккуратно положил ее на стол.

– И вы хотите сказать, что все это сделал двенадцатилетний мальчик?

– Именно. Любимый сын со своими любящими родителями. Следствием установлено, что ни сообщников, ни... короче, доктор, ни-ка-ких сомнений. Можете даже не думать.

– Точно?

– Абсолютно. Его собственные показания вы можете послушать хоть сейчас.

Две девяностоминутные кассеты. Все четко, точно, в красках и деталях.

– Где он сейчас?

– Где и положено – в психушке. В однокомнатной палате без острых и колюще-режущих предметов. Возле палаты постоянно наши люди.

– Он подавлен?

– Черта лысого. Он спокоен. Он спокойнее мясника с двадцатилетним стажем.

– Он общается с персоналом? С вами?

– Он издевается над нами. Он просто издевается, сукин сын... и эта его постоянная улыбочка. ... Этимгад – чокнутый! Совершенно чокнутый!

– Вы говорите, издевается. Каким образом?

– Доктор, я закончил юридический факультет, понимаете?

– Не совсем.

Каюров выудил из ящика стола стопку отпечатанных листков и протянул Рыкову.

– Посмотрите, пожалуйста, список книг из его «детской» библиотечки... Вы что читали в двенадцать лет, доктор?

– Ну... что и все, наверное, не помню, честно говоря. «Остров сокровищ», «Одиссею капитана Блада», «Три...»

Рыков бросил беглый взгляд на первый листок стопки, что протянул ему следователь, и осекся.

– Е... мое...

– Вот-вот, – удовлетворенно хмыкнул Каюров и сложил руки на животе.

– «Место человека в Природе» – Макс Шелер... «Всеобщая психопатология» – Карл Ясперс. Бинсвангер – «Основные формы и познание человеческого бытия»... Боже мой! Карл Юнг, Жак Лакан, Фрейд...

– Недоносок.

– Извините?

– Это он называет Фрейда недоноском. Говорит, что сексуальный подход к объяснению мотивации человеческих поступков – его главная ошибка.

Доктор ошалело уставился на Каюрова.

– Ничего, ничего. На меня коллеги уже давно как на сумасшедшего смотрят. Ну? Теперь вы понимаете, что я имел в виду, говоря, что он издевается над нами?

– Но что же, ... как он...

– Доктор – это Вы специалист по детской психопатологии, а не я, за этим, собственно, я Вас и вызвал. Ведь Вы – специалист?

– ... Да.

– А я закончил юридический. Я больше половины фамилий в этом списке никогда в

жизни не слышал, уж не говоря о том, чтобы читать.

– Я тоже, – прошептал Рыков, глядя сквозь следователя.

– Не понял?..

– Больше половины книг в этом списке никогда не переводилось на русский язык.

– А! Это ерунда. Он читает в подлиннике.

– У Вас нет чего-нибудь выпить? – слабо попросил побледневший доктор.

Выпить нашлось. И они выпили.

– Так Вы будете с ним разговаривать? – спросил следователь.

– Конечно. ... Как он их убил?

– Они спали. Матери вогнал вязальную спицу в глаз, а отцу перерезал сонную артерию. ... Ну, а потом... нашего фотографа наизнанку вывернуло, а уж он, слава Богу, восьмой год работает, всякого навидался...

– А почему железная дорога?

– Какая железная дорога?

– Большая игрушечная железная дорога. Почему он положил отрезанные головы матери и отца на рельсы?

– Это Вы у меня спрашиваете? Вы – психиатр – спрашиваете у меня?

– А он сам что-нибудь говорил об этом?

– Н-нет... по-моему нет. А при чем тут железная дорога? Это так важно?

– Пока не знаю, – тихо сказал доктор и закурил.

– Очень, очень рад, – долго и подобострастно тряс руку Рыкову заведующий психоневрологическим диспансером доктор Сливенко.

Сливенко можно было охарактеризовать тремя словами: неудачник, пьяница и болван.

– Я читал все Ваши монографии, – лебезил Сливенко, любовно заглядывая в глаза доктора медицинских наук Рыкова. – Ваши теории о возникновении детских неврозов...

– Где пациент? – довольно грубо перебил его Рыков и высвободил руку из потных ладоней заведующего.

– Пациент? – нахмурился Сливенко и даже как-то изменился в лице.

– Да-да-да, – вошел в кабинет Каюров, задержавшийся в машине. – Пациент. Доктор Рыков прибыл по моему приглашению, чтобы посмотреть на этого малолетнего убийцу и садиста. Надеюсь, Вы не имеете ничего против? Я имею в виду доктора.

Заведующий попытался изобразить на физиономии неподдельную обиду:

– Но ведь я уже предоставил вам свое заключение, неужели моя компетентность...

– Ну, что Вы, – запротестовал следователь. – Что Вы! Ваша компетентность не вызывает у меня ни малейших сомнений! Но в данном, согласитесь, тяжелом случае, мне представляется, что мнение одного из ведущих в стране специалистов по детской психопатологии поможет суду вынести объективное решение. И знаете что, доктор? Мне самому до чертиков интересно узнать, что творится в голове этого... пациента.

– Разумеется, – кивнул Сливенко и обратился непосредственно к Рыкову:

– Прождемте. ... У нас всего две специальные палаты в подвале. В большем количестве просто нет необходимости, городок у нас маленький, сами понимаете...

Психоневрологический диспансер производил тягостное впечатление. Построенный

еще в конце прошлого века как мануфактурный склад, переделанный и перекроенный, за почти сто лет как кому вздумается (а переходил он от ведомства к ведомству не менее десятка раз), диспансер больше всего походил сейчас на казематы тайной полиции, чем на медицинское учреждение. Железная лестница в подвал ходила ходуном и немилосердно скрипела.

– Похоже на спуск в преисподнюю, – пробормотал Рыков.

– ... Он выл по ночам, мочился, извиняюсь, на косяки, короче говоря, вел себя, как и полагается собаке. Интереснейший случай, доложу я Вам. Жаль, конечно, что все так произошло. И прямо перед вашим приездом! Он бы Вас заинтересовал.

– О чем вы, черт побери? – очнулся от своих размышлений доктор медицины и с удивлением посмотрел на заведующего.

– Я говорю, что он заинтересовал бы Вас... я о том, о втором пациенте, – Сливенко пожал плечами. – Здоров был, как бык, я имею в виду, физически, а вот вчера ночью этот неожиданный приступ. Досадно. Он был не человек-собака, а самая настоящая собака, уверяю Вас. Я наблюдал за ним почти...

– Подождите, – Рыков схватил заведующего так, что тот отпрянул назад и прижался к влажной стенке. – Вчера ночью у Вас умер больной во второй изолированной палате? Палата находится рядом?

– О, Господи, я же Вам рассказываю об этом уже пять минут! Конечно, палаты находятся рядом. Дверь в дверь, коридорчик узкий, сами сейчас увидите. У нас всего две такие палаты, потому что...

– Отчего он умер? Вскрытие проводилось? Что за приступ?

Каюров с непонятным для самого себя беспокойством наблюдал за поведением специалиста по детской психопатологии. «Не хватало еще, чтобы три мужика сейчас спятили прямо в дурдоме», – подумал он и полез за сигаретами.

– Да ничего особенного, – оправдывался перепуганный Сливенко. – Обыкновенный сердечный приступ, чего это Вы так разволновались? Знаете, в сорок три года инфаркт – дело обычное.

– Инфаркт? – шепотом переспросил Рыков и отпустил наконец руку заведующего. – Вы говорили, что он был здоров, как бык.

– Ну, ... да. Был. Он сейчас во всех смыслах «был»... вообще-то за последнюю неделю...

– Что?

– Ну, как бы это по точнее сказать... его поведение немного изменилось.

– Последнюю неделю, говорите?

– Где-то в этом районе.

– А когда сюда поместили мальчика?

– Ровно неделю назад, – встрял в разговор следователь. – Доктор, а к чему это Вы клоните? Не хотите же Вы сказать, что смерть несчастного человека-собаки как-то связана...

Сливенко выпучил глаза.

– Видите ли, капитан, – задумчиво проговорил Рыков, не обращая никакого внимания на Сливенко. – Некоторые авторитетные исследователи проблемы безумия утверждают, что между сумасш...э ... между людьми с ярко выраженными психическими расстройствами может устанавливаться телепатическая связь. Это конечно большая редкость...

– Э! Э, погодите, – перебил доктора следователь. – Вы хотите сказать, что эти два соседа-параноика могли читать мысли друг друга?!

– Не совсем так. Один из них мог выступать в роли передатчика, говоря техническим языком, а другой – приемника. Это односторонняя связь. Вот, например, вы же не можете высказать диджею «Русского радио» все, что о нем думаете...

– Я не слушаю «Русское радио», – машинально заметил Каюров и озадаченно покачал головой. – Бред какой...

– А может быть, и нет, – промямлил Сливенко. – Последние пару дней перед смертью наша «собака» находилась в каком-то ступоре. Он часами сидел неподвижно в углу. ... Он словно к чему-то прислушивался. Черт побери! Он действительно как будто что-то слышал! Что-то ему одному слышимое.

Сливенко совершенно обалдевшим взглядом смотрел то на следователя, то на доктора медицинских наук.

– Хотите знать мое мнение? – следователь был явно не в своей тарелке. – Все это – домыслы, натяжки, теории и предположения. Одним словом, мура. А мне нужно авторитетное заключение о вменяемости или невменяемости преступника. И все. Все!.. Доктор?

– Я слышу, – задумчиво сказал Рыков, глядя в зловещую беззвучную темноту коридора. – А скажите... э...

– Сливенко. Петр Григорьевич Сливенко.

– Ну, да... Петр Григорьевич. Скажите, Петр Григорьевич, какое впечатление на Вас произвел Саша?

– Вьюгин Александр Владимирович, – добавил Каюров.

– Какое впечатление?... Впечатление... – глаза психиатра потемнели. – Я вот что вам скажу. Это, конечно, некорректно и прозвучит, наверное, как чистой воды безумие, но этот... хм... мальчик... это не ребенок, а дьявольское отродье!

«Дьявольское отродье», – прогрохотало по подземелью психоневрологического диспансера. И в ту же секунду из недр черного коридора донесся детский смех. И этот детский смех наводил ужас. Он был пронзительным, пронизывающим.

– По вашему – это смеется человек? – прошептал Сливенко.

Каюрову показалось, что доктор сейчас упадет в обморок.

– Это отродье. Дьявольское отродье, – бормотал он.

Смех ребенка превратился в действительно какое-то нечеловеческое завывание, и следователю по особо важным делам впервые стало по-настоящему страшно.

2.

*Только ребенок может быть как
носителем вселенского Добра,
так и носителем вселенского Зла в Абсолюте!
Убеждение автора.*

Каюрову с первой минуты было понятно, что охранник мертв. По опыту работы еще оперативником. Саша Рогов – двадцатилетний практикант Саратовского юридического института, безбидный и здоровенный, как двухкамерный холодильник, парнишка сидел

на сыром черном полу, привалившись к стене и судорожно схватившись за рубаху. Она была разодрана на груди.

Каюров на негнувшихся ногах подбежал к охраннику и приложил пальцы к сонной артерии, заглянув в широко открытые глаза мертвеца. Тело было холодным, а в остеклевших глазах отражалась такая бесконечная пустота и умиротворенность, что следователь вздрогнул и невольно обернулся к ядовито-зеленой железной двери палаты с маленьким зарешеченным окошком и «волчком». Из-за двери не доносилось ни звука.

– Вы, доктор, оставайтесь здесь, а я – к машине, вызывать наших людей. ... И это... не суйтесь в палату, пока я не вернусь, ясно?

Когда эхо подкованных ковбойских сапожек Каюрова затихло где-то в недрах дома скорби и неосознанных желаний, Сливенко осторожно перешагнул через громадные ноги практиканта-юриста, приоткрыл «волчок» двери и застыл, напрягшись, словно перед прыжком с двадцатизэтажного дома.

– Что там? – спросил Рыков, поднимаясь с колен и брезгливо отирая руки о полы дорогого итальянского плаща. – С этим дело ясное: инфаркт. Похоже, его что-то здорово напугало, хотя... – он пожал плечами, – что вообще могло напугать такого громилу, я просто не представляю. ... Чего Вы там прилипли?

Сливенко обернулся. Лицо его было грязно-белого цвета, а глаза блестели, как у одержимого. Хотя, может быть, он и был таким.

– Его нужно убить, коллега, – облизнул он пересохшие губы. – И чем скорее, тем лучше... тс-с-с, не задавайте вопросов, на которые нет и не может быть ответа. Его просто нужно убить.

– Вы сколько лет работаете в психиатрии? – озадаченно спросил Рыков, вспомнив, как лет пять назад наблюдал одного психиатра с десятилетним стажем в Казанской спецлечебнице закрытого типа, больше смахивающей на «крытую» тюрьму, который в один весенний вечер как обычно пришел к себе домой после работы и укокошил всю семью, оправдывая это тем, что он ни больше ни меньше, наместник Иоанна Предтечи на земле. ... Все-таки сумасшествие заразно...

– Двенадцать, – прошептал Сливенко и скосил глаза на дверь палаты. – Его необходимо убить. Да, да, да. Вы в Бога верите? Если верите в Бога, то значит, верите в дьявола. Не верите? Ой, как худо! Нужно верить, а то как же? Я не верил, и что?.. Надо верить, надо. А то, что же?..

– Успокойтесь, Петр Григорьевич, – стараясь говорить как можно строже, произнес доктор наук, совершенно убежденный, что место заведующего диспансером – в одной компании со своими пациентами. – Вы же врач, а не богослов! У охранника – инфаркт, с кем не бывает, а Вы черт-те что несете!

«О, Господи, скорее бы этот следователь приехал!»

– Не верите?.. Не верите. Тогда сами посмотрите, – Сливенко ткнул дрожащим пальцем в зеленую дверь. – Посмотрите на этого мальчика. Мне не верите, а глазам своим верите? Посмотрите, посмотрите.

– Хорошо-хорошо! Только Вы успокойтесь, – доктор Рыков подошел к «волчку» и заглянул в палату.

Поначалу ему показалось, что палата пуста. Собственно, палатой помещение, открывшееся взгляду уважаемого и авторитетного доктора, назвать можно было лишь с

очень большой натяжкой. ... Какой-то древний каземат, черт побери. Сводчатые потолки, привинченная к полу допотопная железная кровать, на которой валялось какое-то грязное тряпье. Для полноты картины не хватало свисающих с потолка ржавых железных цепей с окровавленными крючьями – и готовая декорация для театра Патрика Свенсонна. Свенсонн, может быть, и гениальный драматург и режиссер, но уж больно мрачный. В голове сплошь живые мертвецы и летучие мыши...

Узел тряпья на кровати зашевелился, и из недр грязи и материи появилась голова со стрижкой под каре. Красивое капризное личико с чуть вздернутым носиком и взгляд. ... Ни дать, ни взять обаяшка-нимфетка из бредовых опусов Набокова.

Рыков выругался про себя и обернулся к дышавшему за спиной, как астматик, Сливенко.

– Он, он, – закивал заведующий и осклабился. – А Вы что же, думали, что Сатана явится вам зеленым и с пятью глазами во лбу? Глубочайшее заблуждение об этом...

– Это Сатана? – кивнул на «волчок» специалист по детской психопатологии и тяжело вздохнул, как перед постелью тяжело больного. – Вы бы не злоупотребляли спиртом, уважаемый Петр Григорьевич, уж извините за прямоту, а то мне кажется, Вы уже в полушаге от «делириум тременс». ... Ну, если Вы имеете в виду слово «сатана» в переносном смысле, то, разумеется, я готов с Вами согласиться...

– Какой там к черту переносный смысл! – Сливенко яростно замотал головой. – «Переносный смысл!»! «Делириум тременс!»! Пожили бы Вы, доктор, в этом городишке лет пяток, сами были бы в полушаге от этого диагноза... это же сборище параноиков, – Сливенко снова перешел на шепот. – Что-то происходит с этим городом. Что-то странное. ... Говоришь людям, а они не слышат. Умираешь у них на глазах, а они не видят. Объясняешь, они не понимают... страшный город, страшный. Уж где возродиться Сатане, так здесь – самое подходящее место... а уж в переносном или не переносном смысле, понимайте как хотите. И знаете что? Я не думаю, что это самое дикое преступление, которое совершалось или еще совершится в этом городе. Этот город как могила. Он умеет хранить свои тайны, а тайны, страшные тайны, у него есть.

– Вы даже не представляете, Петр Григорьевич, насколько Вы правы.

Рыков вздрогнул и выронил пачку «Пэлл-Мэлл», которую крутил в руках, как четки, а Сливенко шарахнулся от двери, словно его ударило током.

Бархатный, очень серьезный, и в то же время ехидно-насмешливый голос, раздававшийся из-за двери палаты №2, не мог принадлежать обаяшке-нимфетке. И если бы Рыков не видел несколько минут назад пациента – убийцу, то всеми святыми мог бы поклясться, что фраза была произнесена человеком (мужчиной? женщиной?) лет двадцати пяти, но не двенадцатилетним мальчиком.

– А Вы, господин Рыков, доктор медицинских наук, совершенно напрасно не верите Петру Григорьевичу. Этот город, действительно, как могила. И тайны эта могила хранит, действительно, страшные.

Рыков сумел, наконец, унять дрожь в руках и отодвинул тяжелую стальную шеколду, открыв зарешеченное окошко палаты.

Глаза у мальчика были ярко-синими и без всякого намека на сумасшествие.

«Господи, он же здоров», – мелькнуло в мозгу доктора.

– Здравствуйте, – преувеличенно церемонно наклонил белобрысую голову мальчик и тут же развязно подмигнул, будто встретил старого знакомого. – Надеюсь, Вы разберетесь с моим случаем и докажете, что я болен. ... Помогите мне, доктор, – еле

слышно зашептал он. – Мне необходима помощь. Только Вам я могу сказать по секрету: я не сумасшедший, и я никого не убивал...

Синие глаза мальчика наполнились неподдельными слезами, и если бы не эта ехидная ухмылочка...

Доктор был совершенно ошарашен:

– Успокойся. Разумеется, я помогу тебе, за этим я сюда и приехал. Мы во всем разберемся, поверь мне. Ты мне расскажешь, как все произошло, и мы во всем разберемся...

– Что произошло, Вы говорите, – задумался мальчик и склонил голову к плечу. – Ну, хорошо. Запоминайте. От конечной остановки трамвая №3 вам нужно будет пройти заброшенной и неухоженной лесопарковой зоной до закрытого пятнадцать лет назад кладбища. Там есть колодец. Его трудно найти, но он там. Его завалили мусором, камнями, сгнившими крестами. ... Я слышу, как над ним шумят старые вязы... до дна колодца добраться трудно, но можно, он не очень глубок...

– О чем ты говоришь? – Рыков никогда еще не чувствовал себя так по-идиотски.

– При чем тут колодец на кладбище?

– На дне колодца скелет, который пять лет назад был моим учителем литературы. Интересно, правда?

– При чем...

– Учитель до сих пор числился безвестно отсутствующим, так это, по-моему, у милиционеров называется. Но на самом деле он недолго отсутствовал (он сбежал от жены с какой-то десятиклассницей), на самом деле через пару месяцев он вернулся к родной жене с повинной. И та приняла его и простила. А потом они отправились на кладбище, посетить могилу то ли его бабушки, то ли ее дедушки. На то самое закрытое кладбище. ... Она вернулась одна. Она убила его молотком, пока он дергал крапиву в оградке. ... Знаете, есть такие молотки – с гвоздодером на одном конце... все думают, что он живет с молоденькой женой где-нибудь под Архангельском, а он гниет на дне колодца на старом кладбище.

– А жена... настоящая жена? – выдал из себя Рыков.

– О, не беспокойтесь. Она работает... работала в фирме моего папочки и при каждом удобном случае проклинает свою загубленную изувером-мужем, променявшим ее на смазливенькую потаскушку, жизнь. ... Нравится вам моя история, доктор?

Мальчик опять заговорщически подмигнул Рыкову и захохотал.

Доктор захлопнул окошко и обернулся к Сливенко:

– Что? Что это за бред?

Сливенко, впавший в какой-то транс, не успел ничего ответить. Из-за двери раздался озлобленный голос:

– Не бредовее учения вашего разлюбезного педофила – Фрейда! Только полный идиот мог не заметить дикого противоречия между теорией, ставящей бессознательное над сознанием, и практикой вашего любимого психоанализа, нацеленной на то, чтобы сознание не только овладело бессознательным, но и поставило его на место! Это напоминает мне того священника, который обратил атеиста в Веру, внушив ему, что Бог есть все и вся и всемогущ есмь и ведет человека по жизни согласно промыслу своему, а потом заявил, что человек – сам строитель своей судьбы и все в руках его. ... А в колодец я бы на вашем месте заглянул. ... Я слышу, как шумят старые вязы. Я слышу, как над ним шумят старые вязы!

Сливенко все еще находился в состоянии прострации и что-то невнятно бормотал, глядя на Рыкова остекленевшими глазами.

— ... Ведь знал его, это ж надо — в колодце на кладбище... шумят старые вязы, ... выпивали с ним сколько раз, он «По направлению к Свану» цитировал... в колодце...

Рыков схватил заведующего за лацканы пиджака и стал трясти, словно тряпичную куклу. Вязы и колодцы застряли у Сливенко между зубов.

— Прекратите немедленно! Сейчас же! Какие к чертовой матери вязы?!

— На кладбище, — буркнул Сливенко, постепенно приходя в себя. — Вы же слышали, что сейчас рассказывал этот. ... Откуда он знает?! Откуда он знает про колодец?!

— Да он же просто сумасшедший! Он просто сумасшедший!

— А я ему верю. Я верю про кладбище и колодец. И я верю, что на дне этого колодца догнивает Сережа Плитин. ... А ведь эта сволочь транквилизаторы выписывала, переживала очень... а сама молотком...

— Он сумасшедший! — рассвирепел не на шутку Рыков, еле борясь с желанием врезать заведующему по отвисшей челюсти. — И Вы, на мой взгляд, тоже!.. Черти бы вас побрали!

Где-то над головами психиатров захохотали ковбойские сапоги Каюрова, и не его одного, но уже явно не ковбойские, не за двести баксов. Рыков поднял глаза к заплесневелому потолку и облегченно вздохнул:

— Наконец-то единственные нормальные люди в этом дурдоме.

— Вы уверены? — раздался ехидный голос из-за двери палаты.

— Убью! — заорал Рыков, закрывая уши дрожащими ладонями и спотыкаясь о ноги мертвого практиканта.

— Не стоит, — Каюров в компании двух ширококомасштабных молодцов в штатском оттеснил безвольного Сливенко и агрессивного Рыкова от палаты Александра Вьюгина — убийцы двенадцати лет — и трупа практиканта-юриста. — Попрошу всех успокоится и объяснить, что здесь произошло за время моего отсутствия. ... Где, дьявол поberi, этот криминалист?!

Один из двухметровых «крупногабаритов» в черном костюме пожал плечами:

— Машина с ним и фотографом немного отстала, видимо, на железнодорожном переезде. Чего им торопиться? Труп не оживет.

— Ты не оstri.

— Это не я — это патологоанатом.

— ... Ладно... так что случилось? — обернулся следователь к совершенно одуревшему Рыкову, сломавшему уже две сигареты, пытаюсь закурить.

— Бред, — злобно отрезал доктор, совладев наконец с зажигалкой и сигаретой. — Кладбище, колодец, молоток... тьфу!

— Пока что совершенно с вами согласен — бред, а поконкретнее можно?

— Этот... этот ваш подопечный, — Рыков ткнул прокуренным пальцем в сторону палаты, посоветовал мне, и вам, кстати, найти там колодец, заваленный мусором, камнями...

— Сгнившими крестами с могил, — отрешенно добавил Сливенко.

— Да-да, крестами... и якобы на дне этого колодца мы обнаружим скелет...

— Сергея Плитина, — опять встрял Сливенко.

— Но позвольте, — Каюров многозначительно переглянулся с сопровождающими лицами, — это же...

— Наш учитель литературы, — печально сказал заведующий, в свое время учившийся

в одной школе со следователем прокуратуры. – Саша утверждает, что он именно на дне этого колодца с проломленным черепом. Уже пять лет. ... И над ним шумят старые вязы...

– Ох, Боже ты мой, – застонал Рыков.

– Откуда он может это знать? – Каюров, к большому удивлению Рыкова, был абсолютно серьезен... даже чересчур.

– Да не может он этого знать! Если вы найдете этот самый колодец, а в колодце хоть чей-нибудь скелет, я съем свою собственную докторскую диссертацию!

Когда на следующий день сотрудники ГУВД вытащили из давным-давно пересохшего колодца на старом кладбище скелет с проломленным и изуродованным черепом, присутствующий при этом Каюров тоскливо подумал: «Все что угодно сейчас бы отдал, чтоб уехать из этого города. Навсегда».

3.

***«Я не пишу вымысла. В моих рассказах
ВЫМЫШЛЕННЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ.
Таким образом я пытаюсь показать читателю
самые темные пути человеческого опыта».***
Говард Филип Лавкрафт.

Он сидел, свернувшись калачиком – один, запертый в подвале психоневрологического диспансера, в палате, больше похожей на одиночную тюремную камеру, на грязной, в желтых пятнах простыне. Мальчик со стрижкой под каре. Мальчик, больше похожий на симпатичную девочку-подростка. Мальчик, убивший свою мать, вогнав ей в глаз спицу, мальчик, перерезавший своему отцу горло грязной бритвой. И он улыбался. Но в его синих, широко открытых глазах не было и тени этой улыбки, он напряженно всматривался в злоеший узор паутины в углу, под самым потолком палаты. Но его не интересовала паутина. Он слушал. Он слушал, как северный ветер проносит над спящим городом рваные холодные облака, похожие на бешенных, оскалившихся собак. Как тонут в мертвых лужах багряные кленовые листья – он слышал их предсмертные крики. Он слышал, как в соседней пятиэтажке кто-то большой и тяжелый, в грязной майке, залитой вином, жестоко и с наслаждением избивает жену, забившуюся в угол и пытающуюся закрыть изуродованное лицо окровавленными ладонями. Он слышал чей-то пьяный голос, который по милицейской волне рассказывал своему приятелю, откликнувшемуся на позывной «Буковина-3», как весело он провел время с малолетними проститутками «в прошлую субботу». Мальчик слушал Город, который по какой-то даже ему не известной причине, как ни старался, не мог скрыть от него своих тайн.

– Ну, что, будете есть свою диссертацию? – Каюров с утра был не в духе.

Его мучила изжога и мысли о найденном вчера скелете именно в том месте, на которое указывал двенадцатилетний психопат-убийца. Малотого, оказалось, что скелет

принадлежит именно тому человеку... в прошлом человеку, о котором говорил синеглазый садист. Установить это не представляло никакого труда по золотому мосту верхней челюсти.

– Ну, так что? – повторил свой вопрос следователь и с кислым интересом уставился на Рыкова.

– Черта лысого, – устало сказал доктор и закурил. – Ничего этот скелет не доказывает. Мальчишка мог услышать разговор об этом где угодно и от кого угодно, тем более что верная супруга покойного работала в фирме его папаши. Кстати, ее нашли?

– Уже работают.

– Созналась?

– Создается, – махнул рукой Каюров и плюнул в корзину для бумаг. – Что с этим делать будем? Так «косить» сопляк не может.

– Это не просто сопляк, этот сопляк о психоанализе знает больше, чем я, да и в психиатрии разбирается лучше, чем Сливенко.

– И что же Вы предлагаете? Признать его вменяемым?

– Он так же вменяем, как весенний заяц, обожравшийся мухоморов. ... У меня такое ощущение, что он находится под действием какого-то мощного наркотика, который бы делал из человека Вангу!

– А неизвестно? – напрягся Каюров.

– Неизвестного? – Рыков с отвращением поскреб двухдневную щетину. – Вообще-то в мире ежедневно синтезируется, вероятно, не менее десятка новых наркотических и психотропных препаратов, как НИИ, так и химиками – любителями, я не беру в голову в расчет секретные военные лаборатории. ... А что нам известно о воздействии на человеческий мозг, скажем, психостимулятора в комбинации с галлюциногеном? Такие опыты над человеком запрещены. По крайней мере, официально. Опять же – пропорции, сколько того, а сколько другого? Даже если допустить. ... Да нет! Чушь собачья! Чтобы заниматься такими экспериментами, да еще над самим собой, нужно быть не только талантливым химиком, но и незаурядным физиологом! Потом: любой наркотик имеет ограниченное по времени воздействие на химические процессы в мозге...

– А если некая смесь навсегда изменила эти самые химические процессы? И человек остался жив?

– ... Навсегда?

– Именно.

– И остался жив? И не пускает слюни, и не мочится под себя? И не уверяет, что он бобер, живущий на Луне?

– Да.

– Тогда – это не человек. Уже не человек.

– И кто же? – Каюров буквально впился глазами в доктора.

– Чужак. Видели фильм «Чужой»? Этаким американский хит в четырех частях?

– Сынуля попотчевал. ... Так Вы хотите сказать, что вот эти ракообразные твари...

– Нет-нет-нет... оболочка ни при чем. Все дело вот здесь, – Рыков выразительно постучал себя по лбу прокуренным указательным пальцем. – Мышление.

Каюров резко поднялся из своего кресла и подошел к окну кабинета. Город был погребен под туманом. Между оконными рамами полз огромный малиновый таракан, осторожно ощупывая усами каждый миллиметр своего пути. «Монстр на охоте», – ни к

селу, ни к городу подумалось следователю, и в животе у него похолодело.

– А скажите, – обернулся он к Рыкову, – у насекомых есть мышление? Они... э... разумны?

– Да сколько угодно. Я уж не говорю о муравьях и пчелах. Пустите одну саранчу на поле с кукурузой, – она заблудится и сдохнет от голода, она просто не будет знать, что ей делать, куда лететь, а выпустите пару сотен... увидите, что будет. ... Хм, это, наверное, самый наглядный пример перерастания количества в качество. ... А к чему это Вы?

– Да так, вообще.

– Вообще? В смысле – теоретически?

– Угу.

– Ну, если теоретически, то я склонен предположить, что у него имело место хроническое отравление каким-нибудь сильнодействующим токсическим веществом. С самого раннего детства, возможно, с младенчества. И это, разумеется, могло повлиять...

– На его мышление? И он сейчас мыслит как рептилия или как... тфу, таракан?

– Это могло повлиять на его представление о реальности и, конечно, теоретически то, что для нас свято, дорого и неприкосновенно, для, как Вы говорите рептилии – абсолютная ерунда. Как и для таракана. Или наркомана. Чем торговал его отец?

– Мука, пшеница, удобрения, гербициды...

Город - сомнамбула грезил под мертвым туманом. Городу грезилось, что он жив, но Город не был живым, как не были живыми капли отравленных испарений химического комбината, въевшегося в самое его сердце. Как не был живым сам туман, осевший на грязных пустых упаковках димедрола и реладорма, которыми были усыпаны будто опавшими листьями тополей и кленов пустые дворы Города.

Из крайнего подъезда дома № 7 по улице Созидателей вышел заспанный и уродливый, как ореховая кривая палка, к которой кое-как была примотана его метла, дворник и, позевнув, обнажил ряд гнилых желтых зубов. Он закурил астраханскую «Приму» и безразлично посмотрел на облупившуюся вывеску психоневрологического диспансера, который все местные жители называли просто дурилкой. «Тоска» – шевельнулась вялая и скользкая, как амеба, мысль в голове дворника и исчезла.

– Эй, мужик! Чем это у вас в городе так воняет по утрам? – доктор медицинских наук был человеком образованным и знал, как нужно обращаться с интеллектуалами от метлы и лопаты.

– Воняет? – «Интеллектуал» сплюнул крошку табака с нижней губы и тщательно прихлопался. – Нормально воняет, – пожал он костлявыми плечами. – Всегда так воняет. А чего?

– Да ничего, все нормально, – отмахнулся Рыков и быстро зашагал к мрачному зданию через дорогу.

– О! Что врачи, что больные – все при... – дворник добавил еще с пяток смачных определений и принялся за работу.

– Я к Сливенко, – сообщил Рыков опухшему лицу со свинными глазками, появившемуся в окошке двери мужского отделения ПНД.

– А нету его, – зевнуло лицо.

– А охрана возле палаты № 2 есть?

– У-у, так Вы из прокуратуры? Есть охрана, – все так же зевая, промямлил медбрат и открыл дверь. – Охрана всегда есть. Она в первой палате дрыхнет.

– Как дрыхнет? – притормозил Рыков, даже кожей почувствовав что-то нехорошее.

– Обыкновенно дрыхнет, – пробурчал санитар. – Устамши. Что ж им всю ночь на ногах? Чего им на ногах-то? Замки надежные. Да из первой палаты дверь этого заморыша видна... да не беспокойтесь Вы, из подвала у нас еще никто не убежал. Невозможно это.

– Надеюсь, – проскрипел зубами доктор и бросился в подвал.

Когда он увидел, что двери обеих палат распахнуты настежь, ему стало плохо. В прямом смысле этого слова. Никогда еще спуск по лестнице («как в преисподнюю») не казался ему таким длинным. Ему казалось, что он шел очень осторожно и очень медленно. Если быть уж совсем откровенным – он крался, но его слышали.

– Не бойтесь, доктор, я никого не убивал, – раздался голос, и из палаты, где, по словам санитаря, «устамши дрыхла охрана», вышел мальчик. – И, как видите, даже не пытался убежать. Да и зачем? И куда?

Саша стоял, чуть-чуть склонив голову на бок, и улыбался. Только улыбка была на этот раз не ехидной и не «гаденкой», а скорее печальной. Так, во всяком случае, показалось Рыкову.

– К-как ты открыл дверь? – почему-то шепотом и как-то заговорщически спросил доктор, медленно приближаясь к улыбающемуся ребенку. «Я же его одним ударом могу убить», – подумал он, глядя на щуплую девчачью фигурку. – Зачем?

– Мне на ночь сделали укол. Аминазин. Пять кубиков. Но он на меня не действует, я все равно продолжаю слышать его. Я все равно не могу заснуть и слышу его.

– Кого ты слышишь? – фальшиво-ласково спросил Рыков, беря мальчика за худенькую руку и косясь в палату №1. Два охранника, действительно, живые и здоровые, как близняшки, сладко сопели на одной кровати.

– Пойдем-ка к тебе в палату, и ты мне расскажешь, хорошо?

– Конечно. Вам я все могу рассказать – Вы поймете.

Доктор аккуратно прикрыл за собой тяжелую дверь и усадил мальчика на постель.

– Кто «он»? Кто тебе помогает?

– Город.

– Что?... Кто? – Рыкова ни с того ни с сего начала бить нервная дрожь.

– Город. Люди, которые живут в Городе. Они как бы... они как бы во мне... понимаете?

Доктор машинально кивнул и слотнул липкую и горькую на вкус слюну.

– Я слышу то, что слышат они, я вижу то, что видят они, я чувствую то же, что чувствуют они и... иногда делаю...

Мальчик теперь в упор смотрел на Рыкова. Синие, ярко-синие глаза. Как горные озера. И эти озера были бездонными.

Рыкову захотелось кричать, но крик никак не мог выцарапаться из пересохшего горла.

– Город – он ведь одинаково приемлет и зло и добро, правда?

Рыков опять кивнул, как зачарованный глядя на тяжелый пистолет в тоненькой руке мальчика.

– А Город – это люди. В нашем Городе осталось очень мало добрых людей. Настоящему добрых, понимаете? Разве моя вина в этом? За что же меня судить?... Вот Вы, доктор, добрый человек?... Не знаете?... О, нет-нет, охранники не проснутся, и следователь не успеет приехать Вам на помощь.

Мальчик захохотал, и на этот раз Рыкову почудилось, что в этом бездушном смехе он на самом деле слышит тысячи голосов Города, в котором навсегда умерло добро.

– Вы хотели признать невменяемым меня? В таком случае вы бы признали невменяемым весь Город, всю страну...

И снова смех...

Город не слышал выстрела. Он еще не проснулся.

ЧАСТЬ 6

Личу беззубых шепоты без слов...

Мой любимый город – город снов,
Снов, в которых глупость как награда,
Лиц безгубых шепоты без слов,
Лиц безглазых пламенные взгляды.
Самый верный друг – который спит,
Даже если спит с твоей супругой,
Враг, который правду говорит,
Лучше изовравшегося друга.

Я забуду покой у стеклянной реки,
Города-облака от меня далеки,
За стеклянной рекой все желанья чисты,
Но сожгли дураки через речку мосты.
И ее не пройти, сколько б лет ни ушло,
У стеклянной реки слишком тонко стекло.
Не звенит ни о чем сердца тонкий хрусталь,
Только также зовет эта хрупкая даль.
За стеклянной рекой все намного быстрее,
Тайны линий судьбы в отраженье дорог
Я сумел рассмотреть, но распутать не смог.
У стеклянной реки я забуду покой,
Я увижу что пел, за стеклянной рекой,
Я увижу, что знал, но не мог доказать,
Я узнаю еще и смогу рассказать.

И забыть бы, да нельзя,
День как день, ну что мне в нем?
Шел старьевщик, увозя
Грустных судеб толстый том.
Тень пропала за углом,
Скрип колес затих в ночи,
И кривя беззубым ртом.
Дождик землю омочил.
Свет дурацких фонарей,
Лист кленовый пятерней,
Смех потерянных друзей,

Смех, как улица, пустой.
Пусто. В сердце стон и боль,
Брызги стекол в темноте,
Я придумал эту роль
И теперь дарю тебе...
И забыть бы, да нельзя,
День как день, ну, что мне в нем?...

1985.

Ночь и снег,
И чей-то пьянящий смех,
За стеклом,
Мы с двойником вдвоем.
Древний как звезды мир
Нами затерт до дыр,
И не найти ответ,
Если ответа нет.
Надо ж случиться так,
Стал мой двойник мне враг,
И позабыт обет,
Веры в волшебный свет.
Сколько дней,
Можно прожить нужней,
Но теперь
Не возратить потерь.
Да, я уже не тот,
И не растает лед,
И затерялся смех,
Дней позабытых тех.

На острие нерва.

А - 66

*Если ты видел одну тень - ты видел их все.
Роберт Шекли.*

Когда я был ребенком, то думал, что Ужас приходит только по ночам, когда за окнами беззубым ртом о чем-то злобно бормочет свинцовый ветер. Теперь, когда остались позади тридцать безумных, счастливых непонятных лет, я знаю, что Ужас подстерегает нас всюду. Он может принимать любые мыслимые и недоступные человеческому пониманию формы.

Ужас бессмертен и всегда у нас за спиной.

...Тайный знак мироздания

в сплетенье дорог

Я сумел рассмотреть

но распутать не смог...

Июнь обрушил на город изматывающую жару и редкие, но яростные грозы. Влажность с утра была такая, что казалось, воду можно пить прямо из воздуха. Люди были не просто раздражительны, а близки к безумию, и для драки было достаточно одного косого взгляда в пивной.

В глубине мозга кто-то безмятежно и непрерывно насвистывал заунывную мелодию отчаянья. С деревьев падали и зловеще кружили помятые карты пиковых тузов, в городских прудах лениво плавали огромные уродливые рыбы, поджидая бесшабашных нетрезвых купальщиков. Блеклые дребезжащие автобусы увозили безучастных пассажиров неведомо куда. Бледные шоферы в фиолетовых очках чему-то плотоядно улыбались и беспрестанно курили, а возле круглосуточного киоска какой-то забулдыга напевал «Об опийном маке и мешке из-под риса» (Тань Сы Тун Династия Цин).

Это было странное лето. Самое странное лето, что могло быть. По утрам круглая белоглазая луна зависала над городом и наблюдала. Она наблюдала за чем-то, чего не могли видеть люди. Этим чем-то могла быть их собственная самонадеянность и глупость или вера во всеобщее неверие добра...

Кто знает? Кто скажет? Кто сможет показать страх в пригоршне пыли? Кто поет вечную песню о безумных, грызущих гнилыми зубами металл своих кроватей?

Пусть спящие спят. Не слышать зла, не видеть зла, не делать зла – не бороться со злом. Но крадется ужас безумия и дышит в спины холодными грозами и ядовитыми туманами. И уходят из города перегруженные грязно-зеленые летаргические поезда с одуревшими и озлобленными пассажирами, мечтающими о добрых, улыбающихся людях, живущих в чистых солнечных домах на широких улицах...

Невозможно понять ужас неведомого, его можно только почувствовать. Как чувствует пришедший с другой стороны зов своих сумасшедших созвездий.

Убогие пьяные калеки у дверей Храма протягивают грязные костлявые руки и со скрытой ненавистью изучают вас слезящимися глазами, и почему-то не они, а вы чувствуете себя отверженными.

Дорога в Храм усыпана мятыми пачками «Мальборо» и «Бонда», И мысль о Спасении кажется смешной и нелепой.

Странное, странное лето.

Когда я был ребенком, то думал, что все будет иначе...

ПОЕЗД

– Да заходите в любое время. Я живу в доме №000 по улице Зеро, на перекрестке с Минус-бульваром, близ Нулевого парка.

– У этого адреса есть некое символическое значение?

– Да нет, просто я там живу.

Роберт Шекли

Поезд двигался строго на восток. По крайней мере, так думали пассажиры. Ну, думать-то они могли что угодно, локомотив вел машинист, поэтому точное направление знал только он. Правда, никто из пассажиров в глаза не видел этого машиниста, так что предположение, что поезд кто-то вел, было чисто теоретическим.

В коридоре спального вагона курили двое. Обоим было лет по тридцать.

– Далеко едете? – лениво спросил один.

– Далеко, – задумчиво ответил второй и неожиданно ухмыльнулся. – Пока поезд не остановится.

– А если он будет так идти до бесконечности?

– Так мне туда и надо.

– Не понял...

– Плевать.

Из купе вышла грустная, но почему-то чрезвычайно красивая девушка.

– Извините, вы не знаете, почему он не останавливается ни на одной станции?

– Так ни одной станции еще и не было.

– Но этого не может быть! Мы едем уже третий день!

– Вы куда-нибудь торопитесь или это чисто женское любопытство? – спросил тот, что ехал «далеко». — Если торопитесь, то Вы сели не на тот поезд, а если любопытствуете, то спросите проводника.

– Так ведь нет же никакого проводника!

– Сходите в соседний вагон.

– Вы же знаете, что все двери закрыты!

– Тогда Вам остается только одно – заткнуться и наслаждаться пейзажем.

– Пейзажем? Это же не пейзаж, а чистое безумие!

– Чистым безумием было сесть в поезд, который Вам не нравится, – пожал плечами пассажир, который ехал «далеко» и ушел в свое купе. На двери болталась перевернутая семерка.

Девушка заплакала:

– Ну что это?! Что это такое? – тыкала она изящным пальчиком в окно. – Откуда эти сумасшедшие рыжие скалы? Почему не видно ни одного деревца? Почему не видно ни одной птички... ничего? Ничего, кроме этих страшных скал?

– Я не знаю, – искренне сказал второй молодой человек. Я случайно сел в этот поезд. Я мог сесть и в любой другой, мне все равно.

– А мне не все равно! Я еду на свадьбу, меня жених ждет!

– Тише, – поднял руку молодой человек. – Чувствуете?

– Что?

– Поезд замедляет ход... по-моему, он останавливается.

... Мальчишки полакомились на кухне мороженым с ванильным шоколадом и вернулись к своей игрушке, мчащейся по кругу, минуя пластмассовые скалы и пустыни.

– Слушай, а рельсы у этой штуки разборные?

– Ну.

– Тогда давай устроим крушение, а то надоело смотреть, как он кружит и кружит.

– Здорово!

... – Наверное, какая-нибудь станция! – обрадовалась девушка.

– Вы ошибаетесь, – раздался из купе с перевернутой семеркой голос пассажира, который ехал «далеко». – Я уже говорил вам, что вы сели не в тот поезд...

ЗДЕСЬ ВЫ МОЖЕТЕ КОРМИТЬ ЖИВОТНЫХ

*На вершину можно взобраться,
но с вершины все пути ведут вниз.*

Станислав Лем

По дождливой кособокой и красивой в своей унылой безысходности улице шел счастливый человек. Он шлепал дорогими глянцевыми, как крылья жука-плавунца, мокасинами по грязным лужам и улыбался. Улыбка не была бессмысленной или блаженной – человек явно знал, почему ему хорошо в такой распоганый день, человек знал, отчего он счастлив. Было что-то в его глазах...

Может быть, стоит сказать, что человек спешил к животному?... Хотя, вероятно, это мало что объяснит читателю, разве что добавить, что человек любил это животное, а животное по-своему любило его? Может быть, тогда станет понятней и счастливая улыбка человека, и бесшабашное шлепанье по осенним лужам под моросящим дождем?..

Обглоданная луна отчаянно цеплялась за рваные тучи и ровным счетом ничего не освещала. Да и считать-то, собственно, было уже нечего хоть ровным, хоть не ровным счетом. Улица с черными домами, покрытыми черепицей, заканчивалась, и человек вступал в лес, где его шлепанье проглатывала гниющая, стонущая вот уже которое столетье листва. Листва умирающая. Где-то слева – человек это слышал – шумела огромная река. Никто не знал, где начинается эта река и куда впадает, как, впрочем, никто не знал, есть ли у реки второй берег. Даже редкие Охотники на рыбу клялись, что никакого второго берега никогда не видели. Они клялись, что никакого второго берега и нет вовсе, но в это как-то не хотелось верить. В это ведь никогда не хочется верить, в отсутствие второго берега? Вот никто и не верил, как не верил в то, что в лесу существует какое-то животное.

Даже ребенку было известно, что все животные давным-давно умерли или ушли в реку. И уже никто не помнил, как это случилось и почему. Те, кто помнил, давно умерли. Как животные.

В лесу стояла липкая, вязкая тишина. Густые кроны огромных деревьев почти не пропускали дождь к земле, засыпанной многометровым слоем листьев, и в лесу было как в холодной парной. Человек уверенно шел по одной ему известной тропе, что-то пряча под широкополым дождевиком. Сегодня он хотел удивить животное. И животное, конечно, удивится. Наверняка удивится. Не каждый месяц человек радовал его этим.

Через несколько минут человек вышел к берегу бесконечной реки, и первый раз за все время своего неблизкого пути остановился. На берегу стоял покосившийся и напрочь проржавевший указатель: «Здесь вы можете кормить животных»...

Каких животных? Где? Указатель был направлен прямо в черную воду. Там не было животных. В бездонной глубине обитали огромные кровожадные, безобразные рыбы. Человек не любил этих хладнокровных непонятных уродливых созданий, ненавидящих и при всяком удобном случае убивающих людей.

Охотник на рыб возник из темноты бесшумно и остановился рядом со счастливым человеком. От охотника пахло глубинами и солью. Он курил вонючую сигару из речных водорослей.

– Я слышал, Вы нашли в лесу животное?

– Нашел, – ответил человек Охотнику. – Только мне все равно никто не верит.

Охотник промолчал, подымил сигарой и покачал косматой головой:

– А я так верю. ... Небось, страшное?

– Нет.

– Ну-ну. Покажете его мне?

– Нет. Оно боится людей, я приручал его почти год.

– Я понимаю.

– А рыбы страшные?

– Привыкаешь, – пожал плечами Охотник на рыб и растворился в темноте. – Ко всему привыкаешь, – донесся из темноты его голос.

– Наверное, – прошептал сам себе человек и пошел дальше по берегу реки. А река, которая текла неизвестно куда и неизвестно откуда, несла свои безумные тайны все дальше и дальше.

А было ли вообще это «дальше», никто не знал. А дальше могло быть ничего. Хотя, в общем-то, «ничего» – это еще не самое худшее. ... Так размышлял человек в дорогих мокасинах, когда подошел к пещере монаха-пустынника, молящегося ему одному известному богу. Монах сидел на зеленом ото мха пне и невидящими, пустыми глазами смотрел в темноту.

– Здравствуй, отец, – почтительно сказал человек и остановился отдохнуть.

Ты все ходишь, ходишь, – скрипуче проговорил старик и пошамкал бескровными губами. – Второй год ходишь. ... Над тобой смеются люди города, тебе не верят, а ты ходишь и ходишь...

– Неверие не означает несуществование, – чуть раздраженно сказал человек.

– Я верю, – торжественно поднял вверх грязный узловатый палец служитель неизвестного Бога. – Я верю, что есть это твоё животное, но оно – порождение зла! Бог сказал всем животным: «Умрите или уйдите в воду!» Почему твоё животное не умерло? Почему оно осталось жить в лесу, а не ушло в воду? Почему оно не подчинилось Богу?..

Человек пожал плечами и зашагал дальше. Немного погодя он остановился и прокричал в сторону пещеры:

– Наверное, оно просто не хотело! Мне тоже не хочется умирать! .. А уж тем более уходить в воду... оно просто не хотело!

Человек шел еще около часа. На горизонте из черной воды уже потихоньку выкарабкивалось бордовое солнце, и в лесу стало чуть-чуть светлее. Через десять минут он дошел до своего последнего ориентира – прибитой к дереву табличке из неизвестного материала с надписью: «Парковка запрещена». Человек не знал, не улавливал смысла этой фразы. Городской библиотекарь, правда, объяснил ему, что парковка – это разведение парков, но надпись на табличке тогда вообще теряла всякий смысл: какому идиоту придет в голову мысль разбивать парк в центре Большого леса?.. Хотя всем известно, что люди прошлого делали вещи и необъяснимее этих «парковок» в непролазных чащобах.

Человек прошел еще около километра и вышел на большую поляну, поросшую репьем. Все. Путь закончен. Именно сюда, за двенадцать часов ходьбы от города, он ходил каждую неделю и именно здесь кормил свое животное.

Он тяжело опустился на поваленный ствол дерева и достал из-под полы дождевика кожаный мешочек. Потом поднял голову вверх, к огромным кронам тысячелетних деревьев, и тихонько, но резко и отчетливо защелкал языком. Сомневаться не приходилось – его ждали. Животное ждало его. Где-то в вышине раздался легкий шум, и шум этот приближался.

Сердце человека готово было выпрыгнуть из груди – его переполняли любовь и нежность и еще ни с чем не сравнимое чувство, что ты кому-то нужен.

Человек, как всегда делал в таких случаях, закрыл глаза и открыл их только тогда, когда почувствовал, что животное спустилось ему на плечо...

Маленький пушистый бельчонок осторожно опустился человеку на колени и благодарно взял крохотными лапками из кожаного мешочка орех, название которого люди давно уже забыли...

Казань – Димитровград 2000 г.

Человек грозы.

Если кто-то думает, что ночь-это самое загадочное, страшное и пугающе-необъяснимое время суток, дарованное нам Предвечным, прав лишь отчасти.

Все начинается на рассвете.

И заканчивается.

Странный человек пришел около полуночи. Он постучал в дверь и сказал, что заблудился, сказал, что на улице гроза и ужасный ливень. Он попросил разрешения переждать ливень. И Кин согласился.

Колесо рулетки закрутилось. Шарик был брошен.

И он впустил человека с часами. Гроза над городом разыгралась не на шутку. Дом Кина находился в самом конце улицы. Улицы, находившейся почти за городом, по сути загородной улицы, с расползающейся от дождей грунтовой, подъездной дорогой.

Человек с часами объяснил, что его старенькая «пятерка» с «абсолютно лысой резиной» намертво застряла на объездной дороге. Он сказал, что совершенно не знает города, не знает, откуда и кому можно позвонить.

«Что я скажу ГАИ? Есть ГАИ дело до меня?».

– Не о чем беспокоиться, – успокоил человека Кин. – Не дать крова ближнему своему в такую погоду – просто свинство. Так что не нужно оправдываться. Всякий мог оказаться на Вашем месте. Незавидная участь.

– Да уж, – вяло согласился странный человек и неловко отряхнул дождь с кургузого, дурацкого, клетчатого пиджачишки.

– Да, Вы проходите, чего у порога-то торчать. Разувайтесь и проходите... интересные у Вас часы...

– А, часы, – засуетился заблудившийся в городе, снимая с ног совершенно мокрые ботинки и протискиваясь мимо Кина в небольшую, уютную гостиную. – Часы... это, можно сказать, реликвия. Это очень дорогие часы. В смысле. ... В том смысле, что они очень мне дороги...

– Ну, конечно, конечно, – замахал руками Кин. – Я спросил просто так, из любопытства. Человек идет под дождем с... настольными часами, без зонта... это... это необычно.

– Да. Понимаю.

«Черное небо над ночным городом на мгновение осветилось призрачным, неживым светом и небо раскололось пополам от удара неправдоподобно огромной молнии. Тяжелые, густые взрывы грома заглушили сдавленный вскрик странного человека, судорожно прижавшего свои часы к груди, и невнятную ругань Кина.

Попав в опору высоковольтной линии электропередач, молния-убийца оставила без света почти весь сорокатысячный город. Район, в котором находился дом Кина, погрузился во тьму.

В обрушившейся темноте Кин почувствовал себя неудобно.

– Алло, Вы где? – бодро, как ему показалось, позвал Кин полуночного гостя. – Вы в порядке? Мы... а, черт!.. так и не успели познакомиться... алло-о-о...

– Я здесь, – раздался хриплый шепот. – Здесь. Возле стола. Да, хм... мы не успели познакомиться. Вы видели это? Вы видели когда-нибудь такую молнию?.. А зовут меня...

зовите меня просто Роберт. Я никогда в жизни не видел такой молнии, ей Богу!

Да, дьявол с ней, с этой молнией! – облегченно проговорил Кин. – Сейчас зажжем свечи и все. Все будет в порядке. А Вы пока стойте на месте, возле стола, не то наткнетесь на что-нибудь и поранитесь. У меня не дворец, к сожалению.

Пока Кин разыскал и зажег большую, белую свечу, не было слышно ни звука. И в мертвенном свете колышущегося пламени этой свечи Кин увидел, что Роберт (если он, конечно, Роберт) напряженно застыл возле старого бюро и все также прижимал свои чертовы часы к груди. Во внезапно наступившей тишине Кин слышал, как они идут. Они динькали ОЧЕНЬ громко, словно отстреливали секунды в запредельное НИЧТО.

– Ну, вот, – жизнерадостно возвестил Кин. – Хвала Прометею, у нас есть огонь! А на втором этаже у меня целый склад свечей. Беспокоиться не о чем. Вообще-то это не второй этаж, а так, мансарда, но вполне приличная, ручаюсь. Пойдемте наверх, Роберт. Надеюсь, с газом все в порядке и мы попьем хорошего чайку. И поговорим, если не очень устали в дороге.

– Диньк... диньк... диньк... ДИНЬК...

«Проклятые часы!»

– Да, конечно. Чай-это хорошо. Это просто здорово. И сигареты. У вас есть сигареты? Боюсь, мои все промокли.

– Сигареты? Да сколько угодно! Я сам без никотина жить не могу. Крепкий, душистый чай и хорошая сигарета. Это великолепно! Это вдвойне здорово, когда за окном бушует гроза.

– Когда я начинаю работать, всегда бушует гроза, – ни к селу, ни к городу тихо сказал Роберт и тоскливо улыбнулся. – Всегда.

– Ага... Вы ехали в другой город по работе? – озадаченно спросил Кин.

– Да. Я ехал в другой город... поработать. Но гроза. ... Она диктует свое.

– Бывает, – пожал плечами Кин, поднимаясь по узкой, крутой лестнице на второй этаж и косясь на медленно идущего следом человека с часами.

В маленькой, но, действительно «приличной» мансарде, освещенной шестью свечами в старинных бронзовых подсвечниках, было уютно. Мансарда была отделана и оформлена со вкусом. Хорошие книги, хорошие картины в отменных багетах, кресло-качалка старинной работы, инкрустированный карельской березой столик. Словом, чуть-чуть беспорядка – окурков на полу, пустых бутылок из-под портвейна и вот вам готовое убежище богемы. Но Кин был евреем, хоть и мессианским, посему на пол не плевал, чинариков не бросал и дешевого портвейна не пил. Порядок и уют.

– Отменно, – сказал, оживившись, Роберт, дымя «Голуазом» и прихлебывая «Липтон» из изящной фарфоровой чашки. Свои часы он, наконец, выпустил из рук и водрузил их в центр инкрустации. – Очень хорошо.

– Я Вам обещал, – улыбнулся польщенный Кин, – У меня редко бывают гости и для гостей все самое лучшее. ... Странный циферблат у Ваших часов. Вместо цифр... это что?

– Буквы.

– Сложный шрифт. ... Сразу не разберешь. Готика?

– Старинная готика. Очень древняя. Да и часы... Вы не поверите сколько им лет. А буквы вместо цифр – просто. Вместо двенадцати глупых арабских цифр – начальные буквы двенадцати имен. Не догадываетесь чьих? Двенадцать... напрягитесь.

– О, Боже. Двенадцать... двенадцать... апостолов?

– Угадали, угадали, черт побери! Апостолов! Апостолов!

Глаза человека по имени Роберт засветились от возбуждения. Кину даже показалось, что они стали менять цвет. Бледно-голубые, они стали наливаясь ярко-зеленым огнем.

«Это все свечи. Это игра света», – успокаивал он себя.

– Вот, посмотрите, какая буква стоит вместо четверки? Ну? Неужели не можете разобрать?

– Не уверен..., – пробормотал, почувствовавший безотчетный ужас, Кин, стряхивая пепел на пол. – Это «А»?..

– Конечно! Ну, конечно «А»!

Роберт все больше и больше заводился, словно на него вдруг стал действовать какой-то мощный психостимулятор. Глаза пылали ядовитой зеленью, голос стал хриплым и низким.

«Пресвятая Дева, да он – наркоман», – пронеслось в голове Кина. – Что же мне делать?»

– Ну, «А». И кто же это у нас на «А», – прищурив левый глаз, ехидно спросил до неузнаваемости изменившийся человек из-под грозы, так неожиданно нарушивший покой тихого, безобидного еврея.

– Кто у нас номер четыре на «А»? Андрей! Апостол Андрей! Правильно?

Роберт изобразил на лице гримасу рептилии:

– Андрей?... Тоже мне Бутусов. ... Если бы это был Андрей, Ад превратился бы в ледяную пустыню. (Кин почему-то живо представил себе Гитлера на коньках и поперхнулся дымом) Андрей... хм. ... Вообще-то, похоже, и рифмуется хорошо.

– Не Андрей?

– АСМОДЕЙ!.. Апостол – выше некуда. Разве, что Вельзевул с Аста-ротом. ... Впрочем, это вопрос спорный. Это их внутреннее дело, как теперь говорят.

Часы на столе, динькнули в последний раз и неожиданно стали играть какую-то дикую, совершенно немыслимую мелодию.

Звуки этой нечеловеческой мелодии совершенно парализовали Кина. «Он сумасшедший».

– Хотите вина? – из последних сил выдавил Кин.

– О, вино. Вино. ... Помните, Иисус на Тайной вечере (тоже мне, черт побери, тайна!), фокусы показывал? Воду в вино превращал. ... Впрочем, нет, Вы не помните. ... Чаша Грааля. Это-то Вы знаете?

Кин мотнул одуревшей головой.

– Ага. А знаете Вы, что чаша эта сделана была из цельного куска изумруда? Знаете? Ну-ну. Я вам больше скажу. Изумруд этот из короны Люцифера! Ничего себе? Упал камешек на землю во время неурядиц престольных ТАМ, – человек ткнул пальцем в потолок. – Корона теперь у Люцифера без изумруда. ... Но, дело-то не в этом! Сын Божий и камень из короны Светоносного!.. Не странно ли? Как Вы это можете объяснить? Как Вы это можете увязать? Вы не задумывались над этим? Может быть, э-э, как там у вашего Бутусова?... «Скованные одной цепью, связанные одной целью?» Нет?

– Я не знаю. ... Я ничего не понимаю. ... Кто Вы?

– Тс-с-с, — Роберт приложил тонкий палец к губам. – Я – человек грозы. Я – человек ИЗ грозы. Устраивает?

За окном громыхнуло так, что, казалось, сейчас повывлетают все стекла в доме.

– О, слышали?

«Что же теперь будет? – голова Кина раскалывалась. – Что он сделает со мной?..»

– Ничего особенного, – равнодушно сказал человек из грозы, обжигая Кина зеленым огнем совершенно безумных глаз. – Я убью Вас. Через. ... Через двадцать семь минут, когда пробьет четыре часа. ... Кстати, часам этим ровно тысяча девятьсот девяносто восемь лет.

– Ну, все, сука, достал я тебя.

Высокий черноволосый, промокший до нитки парень в кожанке стоял возле багажника задрипанной, перекосившейся «пятерки» в свете фары-искателя залопанного грязью и глиной «Рэйндж Ровера».

– Если в багажнике то, что я думаю... я тебя на ремни порезу. Слышишь? Слышишь, ты, гнида ползучая!

Сжимая в руке монтажку, парень иступленно кричал в грозу; черным, клубившимся над двумя одинокими машинами, тучам, в чреве которых бешено полыхали рваные молнии. И он ударил по капоту багажника, стараясь попасть поближе к замку.

– Пусть, пусть я мент поганый, пусть я старлей уголовки, а не судья, но судить тебя буду я. А приговор я уже вынес...

Покореженный багажник медленно со скрипом открылся. В багажнике лежала пятилитровая канистра масла «Велс-Супер», домкрат, отрубленная мужская рука по локоть и окровавленная белая туфелька на шпильке...

– Господи, ты, Боже мой...

Парень упал, как подкошенный на колени. Рвало его долго и мучительно, и когда он упал в водительское сиденье джипа, от него воняло, как от каструли прокисших щей.

– Ну, ладно, ладно, – пробормотал он, утирая губы рукавом куртки. – Федеральный розыск не может взять тебя, ублюдка, три года, я тебя сделаю сегодня. ... Я с тобой такое сделаю..., – и старший лейтенант уголовного розыска вдавил педаль акселератора до упора.

«Ровер» уробно и глухо взревел, мощные дуги джипа врезались в дохлую «пятерку» и протащили ее метров пятнадцать по образовавшемуся болоту из грязи и глины.

Одна из задних жигулевских дверей сорвалась с петель и распахнулась, переломленная почти пополам. Посыпались стекла. А из салона выпал какой-то круглый, завернутый в мочалку предмет. Впрочем, это была не мочалка, а длинные, волнистые волосы, а предметом оказалась женская голова, с вырезанными глазами и распоротым ртом. Трясущийся, словно в лихорадке водитель «Ровера» уже не видел этого, он осторожно выезжал на безобразную, в рытвинах и колдобинах дорогу.

На часах в салоне джипа было 3.38. Дом Кина находился в семи минутах езды.

– Ну, где же ты, где, – шептал промокший и грязный опер уголовного розыска – Господи, дай мне знак...

– Ну, вот. Потерпеть осталось совсем немного, совсем чуть-чуть, – прохрипел до полной неузнаваемости изменившийся Роберт – человек грозы – с часами, сделанными, если верить ему (а Кин верил), в день казни бродяги и смутьяна Иисуса Христа – болтливого, самоуверенного бомжа из Назарета.

Кин был связан по рукам и ногам скотчем и примотан к старинному креслу-качалке. Посиневшие губы его тряслись, в глазах был ужас и безнадежность. И слезы.

– Иисус, Иисус... а что он, собственно, такого сделал этот Иисус? Бродяжничал до тридцати лет с толпой воров и бездельников, трепался об Истине, о Царстве любви, о Храме. ... Но личность, конечно, незаурядная. Малый не промах. При минимуме затрат, так сказать, максимум прибыли. Вот с кого надо брать пример современным имиджмейкерам... палец о палец не ударил, а весь мир его знает, молится на него, храмы ему возводит. Битлы, как проклятые вкалывали... да что там говорить!.. У Асмодея с Авадонной тоже работы неупророт, а награда?.. А работа-то грязная. С грязными людишками работа...

До Кина едва доходил смысл рассуждений сидящего напротив него человека (человека?), взгляд его карих, влажных, чуть навывкате глаз был прикован к часам и к тому, что было аккуратно разложено рядом с ними: два больших хирургических скальпеля, в засохшей, черной крови, набор стальных крючьев и трепан.

– ... Таким образом. Спрашивается, мог ли Сатана (Дьявол, Люцифер, как угодно) предлагать Иисусу все государства и страны, коли, не владел бы ими? Если б не властвовал над всеми правительствами земли? Нет, не стал бы он предлагать всего этого Назарянину. А вдруг тот бы отрекся? Не-ет, Князь мира сего не блефовал. Ставка была слишком велика...

– П-почему я?.. – прошептал Кин, не отрывая остекленевших глаз от часов, стрелка которых в форме серпа неумолимо приближалась к букве «А».

– Почему Вы? Понимаю вопрос.

Почему, хотите Вы сказать, с хорошими людьми происходят нехорошие вещи? Можно было бы, конечно, пофилософствовать на эту тему, но смысла нет. Смысла нет, потому что все философствования в конце концов сведутся к одному: плохие вещи с хорошими людьми происходят, потому, что... ну, происходят и все тут. Дело Случая. Конкретно в Вашем положении. Случай – это не какая-то там теория вероятности и не абстракция, а данность. Данность, которая не имеет ни физического, ни астрального, ни какого-то другого воплощения, но с которой вынуждены считаться и Чернокрылые во главе с самим Князем ночи и Серафимы с Архангелами. Случай – это то, что существовало еще до Сотворения, и явилось из таких непостижимых Вселенных, столько миллиардов лет тому, что и представить-то этого невозможно, не то, что говорить об этом. ... Так, что Вы – выбор Случая. Вообще-то, сегодня на рассвете должен был умереть другой, но моя машина застряла в вашем чертовом городишке. Случай. ... Кстати, чья это остроумная идея поставить на въезде в город щит с надписью: «Если вы добрались до нашего города – можете остаться здесь навсегда. Добро пожаловать!» Кто это у вас в мэрии такой остряк? Не знаете?.. Жаль. Хотелось бы с ним познакомиться покороче. ... Так вот, я говорю, умереть должен был другой. Скотина, доложу вам, первостатейная – совратитель малолетних девочек и мальчиков. Работает, между прочим, в детском садике, паскуда. И он будет жить... пока. А Вы умрете. И очень скоро. Случай выбрал Вас, так, что Асмодей – так, просто исполнитель. Ничего личного. Работа такая. Внеплановая. Ха-ха-ха...

Его смех был похож на скрип ржавых петель заброшенного, всеми забытого дома, в котором догнивал чей-то черно-зеленый труп.

–... Диньк... диньк... ДИНЬК!..

За испуганным, заплаканным окном ревел и бесновался ураган и Кину даже показалось, что он слышит скрежет огромных перепончатых крыльев чего-то огромного, зловещего, не имеющего ни сострадания, ни жалости... ничего личного.

Мозг перепуганного человека, скрученного липкой лентой сжался до размеров грецкого ореха – он понял, что умрет.

«Рэйндж Ровер» заглох возле небольшого, с то ли башенкой, то ли мансардой, дома. Дом стонал и кряхтел под ураганным ветром. Водитель «ровера» мрачно и скупо выругался, шаркнул кулаком по приборной панели:

– Очень кстати, мать твою!

«Дворники» работали впустую. Они просто захлебывались в потоках воды, обрушившейся с небес. И в дрожащем свете фары-искателя, сквозь водно-стеклянную муть лобового стекла, дом показался оперуполномоченному уголовного розыска, угнавшему джип (на это полномочий у него, конечно, не было) и вторую неделю преследующего сумасшедшего маньяка – серийного убийцу, странным. Дом словно сжался под грозой и ливнем в ожидании УЖАСА и как будто...

«Да нет, быть не может. Это подсветка приборов. ... Чертова зелень...»

... светился изнутри мертвенной болотной зеленью сквозь кирпичные, черные стены. Окно мансарды ярко-желтым пятном плавало внутри косматых, бешено вращавшихся вокруг дома, рваных туч.

Парень выключил прожектор и достал из-под сиденья табельный «Макаров».

«Главное успокоиться. Собраться...», – закрыв глаза и стиснув зубы, думал бывший десантник-«афганец», трое суток толком не евший и не спавший.

«Господи, у меня руки трясутся, как у истеричной бабенки. Он уже два раза уходил у меня из-под носа. Он наследил так от Москвы до этой дыры под Белгородом, что, не взять его просто не могли!.. И не взяли. Он просачивается сквозь кордоны и блокпосты, как дым. ... Не мудрено стать законченным фаталистом. ... Нет. Нет такой фатальности, которую нельзя было бы изменить!.. Или... он преследует какую-то цель. Он убивает с нечеловеческой жестокостью, он разбрасывает окурки, не меняет машины... он определенно сумасшедший и у него есть какая-то цель. ... Звучит, конечно, дико. ... Но то, что он делает – еще большая дикость. Он словно играет. Играет смертью, играет СО смертью... быть может, он ищет ее?... – бывший сержант-«афганец» облизнул выпачканные собственной блевотиной губы. – Ну, а если так, то он нашел ее, паскуда!»

Уверенность, что тот, кого он ищет, находится сейчас в этом самом доме, возле которого заглох джип, нарастала в нем с каждой секундой. Уверенность превращалась в ВЕРУ. Ураган превращался БЕЗУМИЕ. Часы на приборной доске высвечивали 3.45.

– Было бы у нас с вами побольше времени, – гнусавил голосом чревовещателя Роберт, окутанный облаком бледно-зеленых светлячков, – я бы рассказал Вам занимательную историю о легионере Слудии и его копье. Это очень интересная и поучительная история. Когда я слушал ее – хохотал, как безумный... не понимаете о чем я? Да о том самом римском легионере, который своим копьем поставил точку на страданиях Иисуса, висевшего на кресте, легонько ударил его в сердце. Из жалости. Хотя, откуда ВАМ это знать. Что произошло с этим солдатом – не суть важно, хотя и очень интересно, а вот о его копье можно было бы рассказать целую повесть. У кого оно только в руках не побывало

с тех пор! Кто за ним только не охотился! Кто его только не искал!.. Может быть вам будет интересно знать, что последним из известных, по-крайней мере, мне, владельцев этого копыа был Адольф Шикльгрубер... да, да представьте себе – Гитлер. Ну, не удивительно ли? А?

Не удивительно? Мне-то понятное дело... э-э-э, что-то Вы совсем сникли. Неужто смерти боитесь?

– Смерти бояться все, прошептал Кин.

– А вот тут Вы заблуждаетесь, смею вас заверить. Я, например, не боюсь смерти. Нам ее бояться нечего.

– К-кому вам?

– А тем, кто уже давно-давно умер. И, кстати, почему это смерть – она? Здесь вы тоже неправы. Смерть – это сущность, как бы это сказать, ну, мужского, что ли, пола. Такое ощущение, что вы никогда не слышали об Ангеле смерти Азраиле...

Часы, неожиданно громко щелкнули и заиграли опять все ту же дикую, неземную мелодию, ужасную, беспощадную и прекрасную. В ту же секунду лицо Роберта стало МЕНЯТЬСЯ. И самое страшное было в том, что Кину никак не удавалось понять во что превращается сидевший перед ним посланец грозы. Черты, его лица никак не хотели принимать какую-то определенную форму.

Человек Грозы медленно поднялся из-за стола и взял в руку (рука тоже изменилась – она стала звериной, когтистой лапой, плавающей в зеленом облаке светляков) скальпель.

– Кто ты?! Кто?! – закричал Кин, задержавшись в кресле-качалке. – Я хочу знать! – и беззвучно заплакал.

– Мы уже на ты? – неожиданным басом проговорил Роберт. – Что ж, могу удовлетворить твоё любопытство (странный вы, честное слово, народ). Пустил бы ты меня в дом, если б с порога я заявил, что вот мол, я – центурион Требор Карфский, погибший в 36 году под Аргеном, промок и замерз, как собака, непустишь ли переночевать?

«Боже! Роберт – Требор...»

Пустил бы?

– Скальпель на стол, сука, не то я пушу тебе пулю в... что там у тебя вместо башки. Быстро!

За окном полыхнуло так, что казалось (лейтенанту и Кину, в общем-то, так именно и показалось) дом разрублен молнией пополам. Когда опер снова мог видеть (более-менее, потому что перед глазами все еще плавали красные и зеленые круги), то, что он увидел в маленькой и уютной мансарде еврея, заставило его поверить во многие вещи, в которые сутки назад он не поверил бы и под страхом кастрирования.

Возле стола с замысловатой инкрустацией стоял гордый и надменный центурион в полном боевом облачении. Из-под кожаной, с серебряными пластинами, грудной накладки, на пол капала ярко-алая кровь. Римлянин был красив и мертвенно-бледен.

– Кажется, я говорил тебе о Случае, Кин? Сегодня Он на твоей стороне. Ты будешь жить. Клянусь Асмодеем, Астаротом и Дагоном. Но один совет – никогда не полагайся на Него. Он... он, – центурион щелкнул пальцами в перстнях. – Непостоянен. Ему все равно хорош ты или плох. ОН – ИГРОК... А ты, офицер, молодец. Ты молод, смел и глуп. Я хочу сделать тебе подарок. Возьми этот кинжал, – римлянин протянул старлею уголовки узкий обоюдоострый кинжал с золотой рукояткой, усыпанной драгоценными камнями, –

И помни центуриона Требора Карфского, видевшего казнь Иисуса и погибшего от руки варвара.

– Что за бред. ... Вверх руки! Оружие на пол!..

На этот раз молния попала точно в мансарду.

Когда пожар был потушен, находящийся без сознания жилец Зиновий Кин отправлен в Центральную городскую больницу, а абсолютно невменяемый и агрессивный милиционер обезоружен и арестован. На месте пепелища экспертной группой был, кроме всего прочего обнаружен старинной работы кинжал, рукоять которого была усыпана сапфирами и изумрудами.

Потерпевший Кин З.А. от вещи отказался, причем, когда кинжал был ему показан, с ним случилась истерика.

Теперь эта вещь находится в областном музее криминалистики.

Посмотреть не хотите?

Беглец.

Я уходил от них все дальше и дальше, вглубь — под асфальт и бетон. Я уходил от них туда, где преимущество было за мной.

Они не могли, как я, ориентироваться в бесчисленных канализационных лабиринтах, тянувшихся на сотни, а то и тысячи километров, под огромным Городом. Они не знали, как я, столько петляющих в ядовитой темноте труб, ведущих в бездонные провалы заброшенных и давно забытых шахт старого метро, затопленных мочой и радиоактивными отходами отстойников. К тому же, они боялись этого черного подземного города, в котором за каждым поворотом их может поджидать или свихнувшийся полуослепший бомж с ржавым топором в трясущихся руках, или стая вечно голодных одичалых собак, которые всегда нападают молча. Их страх я ощущал за сотню метров.

У страха особый запах.

Конечно, у них были проводники — диггеры*, один из которых оказался довольно опытным и серьезным парнем, но сути дела это не меняло.

Я уходил от них. Все дальше и дальше, в никем еще до конца не пройденный лабиринт. Достать меня под землей у них не было стопроцентно реального шанса. Это был мой мир. Я жил в нем. Я жил в нем и изучал его. Мне не нужны были мощные фонари — мои глаза привыкли к темноте, мне не нужны противогазы — я практически не чувствовал удушающих аммиачных испарений. Я шел налегке. И они отставали. Свой шанс прихлопнуть меня они упустили. Пятьдесят метров открытого пространства. И ни один из них не попал в цель. То есть в меня. У них был хороший шанс. Но я преодолел эти гребаные пятьдесят метров и прежде, чем пламя огнемета накрыло меня, успел протиснуться сквозь узкую решетку уличного слива. Падая на дно колодца, я слышал их яростный мат. Больше всех разозлился тот, которому я повредил ногу.

Здоровенный белобрысый мужик с гнилыми зубами и угрястой рожей. От него несло, как от бочки с протухшей килькой, в которую предварительно сходили по большому десятка два больных дизентерией после месячного запоя. Как этот кусок коровьего дерьма попал в спецотряд, для меня загадка. Да и вообще, зря они набрали таких громил под два метра ростом и за центнер весом. Неужели не могли просчитать, каким путем я буду уходить от них? Теперь, под Городом, в своих тяжелых металлорезиновых комбинезонах, в противогазах, обвешанные оружием, они только мешали друг другу. Сливные трубы, покрытые за многие-многие годы плесенью и еще Бог знает чем — это не полигон.

Удивительно, как они еще не перестреляли или не подожгли друг друга.

И я уводил их все дальше и глубже под Город, выбирая самые узкие и запутанные ходы. Здесь, под Городом, я был своим. Я без труда пролезал в трубы, в которые они не смогли бы протиснуться даже без экипировки, смазанные вазелином. Они палили мне вслеп наугад и искали обходные пути. И это их здорово задерживало, а если бы не добровольцы — диггеры — эти спедеологи хреновы, то спецотряд давно бы уже плутал по подземелью, шарахаясь от собственной тени и пугаясь собственных голосов.

Но проводники знали мой подземный мир. Не так, конечно, хорошо, как я, но достаточно, чтобы сообразить, что я веду их к неработающим и затопленным высокотоксичными отходами очистным сооружениям на восточной окраине Города. И у них были карты. Карты подземных коммуникаций восточного и северного секторов.

* От английского digger (копатель, землекоп).

Но это были старые карты – карты и схемы тех времен, когда очистные системы только-только начинали строить в 1906 году. Более поздние карты с поправками и изменениями 1936-го и 1966-го годов, на мой взгляд, только путали общую картину разрастающегося подземного лабиринта.

Много дерьма утекло с начала века – коммуникации, коллекторы, отстойники и очистные сооружения перестраивались, блокировались, просто закрывались или забывались. Строились новые. Я знал многие. Не все, разумеется, но уж точно гораздо больше, чем проводники спецотряда.

Подземный город представлял из себя трехэтажное хитросплетение сливных магистралей, коллекторов, колодцев, тупиковых железнодорожных веток старого метро, забетонированных выходов на поверхность или к реке и проржавевших, рухнувших труб, ведущих вообще неизвестно куда. Бетон и железо, железобетон и сталь. И я знал такие запутанные маршруты и безопасные, никому не известные укрытия, о которых они вряд ли даже догадывались, несмотря на все свои карты, приборы ночного видения и модули слежения за биологическими объектами.

Мне не нужны карты и схемы – они у меня в голове. И я, конечно, оторвусь от них. Я ДОЛЖЕН оторваться. Но этого мало. Это было бы слишком просто. Нужно сделать так, чтобы они НИКОГДА не вышли на поверхность.

Я вел их туда, куда нужно было МНЕ, хотя, они, наверняка, думали, что я бегу в полной панике, куда глядят глаза. Я знал, что они гонят меня к магистральному водостоку – трубе семи метров в диаметре без ответвлений и укрытий, где мне пришлось бы плыть в дерьме, представляя из себя прекрасную мишень. Так думали они. Большие, тренированные парни, вооруженные автоматами и огнеметами. Большие, озверевшие от долгой гонки ребята, преюющие в своих пуленепробиваемых комбинезонах и противогазах.

Может быть, они и догадывались о радиоактивном озере. Возможно. Но они ничего не могли знать о «Детях Храма».

И я бежал, бежал из всех сил по полуразвалившемуся старому тоннелю, который, если верить картам, вел к магистральному водостоку восточного сектора Города, а на самом деле – в полузатопленную шахту, заброшенную еще во времена строительства первой ветки метро в 1930 году. Я старался убедить их, что попался-таки в ловушку.

Тоннель, предназначение которого давно уже позабылось, представлял из себя сложную полосу препятствий. Горы обвалившихся, покрытых плесенью кирпичей и глыб известняка я или просто перепрыгивал или протискивался в лазы, известные только мне. Мне и... сатанинской секте «Дети Храма», в которой, по моим подсчетам, состояло человек сорок одуревших от наркотиков и оргий сумасшедших фанатов, объявивших тоннель своей священной территорией. Всякий, кто попадал сюда, исчезал навсегда в бесчисленных пещерах и подземных ходах, или выдолбленных самими служителями темных сил, или созданных давно умершими строителями и шахтерами. На это я и рассчитывал. Больших самоуверенных жлобов с приборами ночного видения, палящих мне вслед разрывными пулями и уже предвкушавших, с каким удовольствием они будут топтать мое тело подкованными сапогами, ждал сюрприз. Ну, что ж, сюрпризы не всегда бывают приятными.

Меня сатанисты не трогали. Я был своим. Больше того, я был старожилом подземного города, а вот пришедших с поверхности, из Города ждали неприятности. Большие неприятности. Вообще, нарушение территории «Храма» непосвященными каралось страшно и... очень медленно. Черная месса требовала жертвоприношений. И прежде,

чем жертве перережут горло, она должна была выдержать многое. Те, кто сейчас меня преследовал, были сильны, по крайней мере, физически, и могли выдержать... наверное. ... Ненависть ко всякого рода группам захвата и отрядам быстрого реагирования, которые, собственно говоря, и выжили «Детей Храма» с поверхности, загнав в воюющие подземные лабиринты, была просто непередаваемой. Я также ненавидел своих преследователей. Ненавидел и жалел. Я знал, что их ждет, если они попадутся в их руки живыми.

Гонка длилась уже второй час, и даже я стал уставать. Чего уж говорить о тех, кто шел за мной. Но они не отставали. Неважно, что ими двигало – солидное вознаграждение за мою персону, или просто азарт охотников – они были хороши, черт возьми. В какой-то момент я испытал к ним что-то вроде уважения. Но мне нужен был отдых. Безукоризненный ритм дыхания начал сбиваться, а сердце бешено колотилось где-то в горле. И, слава Всевышнему, я, наконец, миновал одну из пещер сатанинского братства, в которой всегда кто-нибудь да находился. Я юркнул в какую-то нору в завале, надеясь, что мои преследователи этого не заметят. А еще я надеялся на то, что «Дети Храма» – обнаружат спецназовцев раньше, чем их биолокаторы обнаружат меня. Всем своим телом я вжался в грязь и плесень и превратился в слух и зрение. Сквозь бреши в завале я мог наблюдать довольно длинный отрезок тоннеля. Мои настырные загонщики должны были появиться минуты через три-четыре, но нестерпимо белый свет их мощных фонарей, скользящий от стены к стене, уже был виден. Я чувствовал кожей их торопливые, тяжелые шаги, а особенный акустический эффект лабиринта позволял слышать, как кто-то из них тихо, но яростно матерится. Да, они снимали противогазы. Им было уже наплевать на предупреждения медиков о возможных возбудителях смертельных, неизлеченных болезней, мутагенных, ядовитых и радиоактивных испарениях. Они шли ва-банк. Это была еще одна моя маленькая победа – отряд терял контроль над собой. А человеку в ста метрах под поверхностью, в липкой и скользкой темноте узких петляющих коридоров нельзя терять контроль над собой. Потерял самообладание – потерял шанс выжить.

Неожиданно шаги стали странно беспорядочными, а затем и вовсе стихли. Вначале я не мог понять, почему. Кто их мог остановить? ЧТО их могло остановить?

– Охренеть... ЧТО ЭТО?! КТО ЭТО СМОГ СДЕЛАТЬ?.. Я узнал голос. Он принадлежал командиру группы – хладнокровному, как замороженная треска, и выносливому, как мул, прирожденному убийце по кличке Хруст. И то, что я услышал, обрадовало меня. Да, черт побери! Я услышал голос не изумленного, а ИСПУГАННОГО человека. И я понял, ПОЧЕМУ отряд остановился. Я-то привык к ЭТОМУ, потому что часто пользовался тоннелем «Детей Храма», а вот тот, кто впервые видел их «Галерею искусств», тот должен был остановиться и проверить, снято ли с предохранителя оружие, если оно, конечно, было.

– Бог ты мой, я сейчас пробуюсь... (веселый, рискованный тупица с огнеметом, любящий задержанным, закованным в наручники ломать переносицы)... сколько их здесь?

Их было около тридцати. Мужских и женских черепов и полуразложившихся голов, в которых копошились жуки и длинные белые личинки.

«Дизайнер» – один из наставников и учителей «Детей Храма». «Галерея» – его детище.

«Экспонатъ» были прибиты огромными штырями прямо к осыпающимся стенам тоннеля и соединены между собой ржавыми, то ли от времени, то ли от крови, цепями. Каждая экспозиция представляла из себя идеальную пентаграмму, где каждый луч звезды из натянутых цепей венчался отсеченной головой бывших жертв Черной мессы.

«Дизайнер» любил эту стену плача (стеной плача называл ее я) и подолгу просиживал перед ней на корточках, расставив полукругом зажженные огромные свечи и что-то

бормоча себе под нос.

– Ну, вы, проводники клепанные, – зарычал Хруст, – есть ЭТО в ваших траханных картах? Что там, в ваших картах? Подземные оранжереи?..

Я слушал и смотрел, затаясь в своем убежище. Я ВСЛУШИВАЛСЯ И ВСМАТРИВАЛСЯ. И кроме ругани своих ошарашенных преследователей, забывших о биолокаторах, я слышал осторожные кошачьи шаги окружавших их «Детей Храма». Я видел ТЕНИ. И я радовался. Я гордился собой. Да. Ведь это именно я из всей нашей многочисленной подземной общины родившихся под землей научился разбираться в странных закорючках - БУКВАХ и понимать речь тех, кто рос и воспитывался в верхнем городе. И сейчас я, обессиленный, безоружный, глотающий вековую пыль подземелья, я сумел перехитрить и опытных диггеров и не менее опытных и натасканных убийц в форменной одежде с устрашающими шевронами на рукавах. Не они, а я заманил их в ловушку. И скоро эта ловушка превратится в мясорубку. Шансов остаться в живых у отряда не было. Они были на чужой территории. Они были издерганы и испуганы, а их великолепное вооружение не играло уже никакой роли. Я знал, я видел, какой запас оружия имеют «Дети Храма».

Люди там, наверху, даже не представляют, сколько здесь, под землей, брошенных, затерянных, затопленных военных складов, промышленных и продуктовых баз.

– На картах вообще нет этого тоннеля, – хмуро пробасил старший из проводников. – По карте на этом месте должен быть провал осевших карстовых пород, затопленный отходами военного химического комбината...

– А-а! Мать твою! Засунь эти карты в свою вонючую глотку! Веди нас к магистральному водостоку. Эта сволочь, наверное, уже там!

– А может быть, обойти этот тонне-э-э э...

Даже я не заметил, откуда просвистела арбалетная кованная стрела, пробившая диггеру горло. Хотя ждал. Ждал именно такой неожиданной, бесшумной атаки.

Выбраться и проскользнуть мимо занятых сейчас осквернителями из верхнего Города детей Сатаны было делом пары секунд. Я миновал тоннель и мог уже не спеша добираться до своего логова, устроенного на самом нижнем уровне – в заброшенной шахте метро. Я не хотел ни видеть, ни слышать того, что началось в тоннеле «Детей Храма».

По сути, мне были одинаково противны и ненавистны и «убийцы по приказу», и «убийцы по вере».

Я знаю: наступит день, когда люди, в конце концов, перебьют и перетравят друг друга. Судя по всему, день этот не за горами.

И вот когда там, наверху, останутся лишь жалкие кучки больных, голодных, потерявших человеческий облик существ, не способных ни размножаться, ни защищаться, на поверхность выйдем мы – крысы.

г. Димитровград, 1998 г.

«Вперед, сержант!»

1.

Десантирование прошло, как и предполагалось, без особых осложнений. Техника проникновения отрабатывалась тысячелетиями, и любые неожиданности были практически исключены.

В считанные минуты были разрушены жизненно важные, коммуникации, выведены из строя механизмы защиты, и ударный батальон 7342 занял круговую оборону.

Теперь начиналось самое трудное – ожидание. А ожидать в принципе можно было чего угодно. Редкий Лозр сдавался на милость победителя без сопротивления, и, хотя сопротивление это было заранее обречено на провал, хлопот оно доставляло предостаточно. Вспомнить хотя бы случай с Плешивым Косси, который четырнадцать порядков подряд пытался сбить температуру строптивного Лозра за.. уж не вспомнить каким номером. Вот зверюга попался! То ионной бомбежкой пытался Плешивого достать, то какой-то гадостью выправить. Еле удержались тогда ребята, спасибо орлам из отряда Долговременной Осады.

Смит растянулся на каком-то подозрительно булькающем пригорке, раскинув руки и ноги по сторонам, и вяло выругался, ни к кому конкретно не обращаясь. Однако первогодки наострили уши и подтянулись, оправляясь, насколько это было возможно в громоздких скафандрах.

– Вот и я получил наконец собственного Лозра, что б им..., – сержант мастер Синт равнодушно оглядывал кровавое марево у себя над головой. – Хотя бы знать, мать их, что это такое вообще. Ведь самое удивительное, что...

– Что? – восторженно пискнул первогодок, любовно разглядывая сержанта Синта, которого неудержимо влекло пофилософствовать, поэтому он даже не обматерил сосунка, не имеющего пока даже собственного имени и порядкового номера.

– ...Самое удивительное то, что не будь этих самых Лозров, не было бы и нас всех... н-да...

Восторженный до слюней первогодок округлил глаза, будто слышал новость что мудрое и проникновенное, хотя даже зародышу это было известно.

Странная штука – жизнь, – продолжал громила-сержант, небрежно сплевывая на пузырящийся пригорок. – Вот мы – простые вояки. Нам и необязательно знать всякие там тонкости насчет того, что, да зачем, да почему, а эти там..., – Синт ткнул ободранным пальцем вверх, – ...эти, которые самые умные, которые только и умеют, что приказы отдавать, – они-то должны знать, что такое этот самый Лозр. А знают? – сержант обстоятельно сложил массивный и внушительный кукиш и продемонстрировал восторженному первогодку, не сводящему глаз со своего командира. – Никто не знает.

– Великое Учение говорит..., – начал было ободренный кукишем салага.

– Никогда больше не говори при мне об этой хренотне. Я знаю эту муру наизусть. И понятно в этой муре только одно. Измени Лозра и будешь жить...

Внезапно скафандр сержанта засветился ярко-синим пламенем, и сразу же зашевелилось красное марево, окружающее батальон 7342 со всех сторон, и с глухим рокотом стал оседать пригорок под философствующим Синтом, а где-то в недостижимой

дали, на самом краю мира, Лозр собирал силы для отторжения непрошенных, смертельно опасных «гостей».

– За работу, парни! – рявкнул командир. – Сейчас появятся Окки. Действуем по плану «Рэю», и никакой самостоятельности!

Батальон в считанные минуты рассыпался по почти голой долине, и уже совершенно нельзя было разобрать, то ли это торчит железистый бугор, то ли скафандр боевика.

Время тянулось нестерпимо медленно, и уже казалось, что тревога была ложной, как вдруг из красного марева стали появляться Окки. Подталкиваемые неизвестной силой Лозра, они двигались по долине с одной целью – найти и убить. Полупрозрачные щупальца осторожно шарили по пузырящейся долине, стараясь отыскать то, что было необходимо уничтожить.

Синт оказался первым, на кого наткнулось дрожащее щупальце, и громила-сержант исчез так быстро, что наблюдавший за ним восторженный юнец не успел даже округлить по привычке глаза. Опытные солдаты всегда трансформировались быстро и без этих дурацких всплесков.

«Вот это воин!» – успел подумать первогодок, прежде чем сам растворился в теле монстра, посланного убить его.

Все закончилось гораздо быстрее, чем можно было ожидать. Долина была заполнена пульсирующими полупрозрачными телами, и нигде не было видно ни одного серебристого скафандра бравого ударного батальона 7342.

Крово-красное марево, пузырящееся и плюющее липкой жидкостью, постепенно успокаивалось и принимало свой прежний умиротворенный вид.

– Хорошо сработано, ребята, – телепатировал Синт своим подчиненным – Как мы лихо, а?!..

2.

Лейтенант Гэм пребывал в расположении духа отвратительнейшем. Ну, во-первых, чувствовал он себя в теле, если, конечно, это можно было назвать телом, Окки, хуже некуда, и долгое время не мог сообразить, как действовать этими полужидкими, осклизлыми щупальцами. Во-вторых, небезосновательно предполагал, что в течение двух, а то и трех порядков придется заниматься только раскодированием тех Окки, что настроены на поиск и уничтожение солдат Долговременной Осады. Работенка хоть и не пыльная, но достаточно нудная. А третья причина хандры Гэма была природы, если так можно сказать, умозрительной, таящейся в нем самом, а это было намного хуже. К своему новому телу привыкнуть можно, от работы как-то отлынуть, а вот от себя, как известно, не убежишь. Ох уж эти думы, думушки.

Гэм был, пожалуй, самым старшим в отделе декодирования. Шесть полупорядков, что ни говори, возраст солидный. Не сказать, чтобы уж так тяготил лейтенанта возраст, или мысли о предстоящей перезашифровке личной программы, и все-таки не по себе на душе становилось, и лезли мысли всякие, и возникали вопросы, на которые ни от кого нельзя было получить ответа сколь-нибудь вразумительного.

Гэм пытался припомнить свое рождение и не мог. Пытался вспомнить свой инкубационный шифр и... не мог. Словно кто-то невидимый, но всемогущий, одним усилием мысли стер из его памяти все, что могло как-то пролить свет на тайну его рождения, его жизни. Но, если в Учении сказано: «...И всякий из нас рожден Лозром и нет никакой другой жизни, кроме этой» – то возникает резонный вопрос – почему, рождая, Лозр пытается затем его убить? А как понимать фразу: «...Мир есть Лозр. Он бесконечен

и непознаваем. Лоэр и мы – плоть от плоти...»? У лейтенанта ум заходил за разум при попытках как-то расшифровать эти расплывчатые фразы, дошедшие, если верить Учителям, еще с тех времен, когда Миром правили Стоики.

Когда Гэм готовил донесение о благополучном десантировании батальона 7342 в Долину Пузырящихся Гроз, по каналу нуль-связи, в подсознание вдруг врезалась чья-то разъяренная мысль:

– Лейтенант Гэм, вы что там, уснули?!..

Мысль была до того противная по цвету и по форме, что сомнений не оставалось – начальство. И начальство не в лучшем своем виде. Такая отвратительная манера влезать в подсознание была только у одного индивидуума – Контролера Чиука.

«Век тебе второй жизни не видать!» – подумал Гэм и подключился:

– А в чем, собств...

– Отряд Долговременной Осады нейтрализован! Против нас применено неизвестное оружие! Это не Окки, а что-то совсем другое. Группа спонтанного реагирования как раз сейчас выясняет что к чему. Эта сволота каким-то образом отличает настоящих Окки от кодированных нами... выглядят эти твари, как то...

Поток связи неожиданно прервался. В подсознании осталась лишь гулкая, тревожная пустота. «Лоэр» и мы – плоть от плоти, – пронеслось в мозгу лейтенанта, и он почувствовал, как дурацкие, ненавистные щупальца мелко-мелко дрожат. «...Плоть от плоти... – звонко стучали в голове назойливые молоточки, – ...плоть от плоти...»

Сержант Синт первым принял импульс тревоги и передал своему батальону код генной нейтрализации. Творилось что-то невообразимое. Никогда еще за всю историю вторжений не случилось, чтобы Лоэр так быстро и агрессивно реагировал на вторжение. Да ладно бы какая-нибудь ионная бомбежка, или температурный всплеск – с этим все понятно. На это начхать. Личный шифр каждого солдата нес в себе автоматическую защиту на такой случай. Но здесь что-то совершенно необъяснимое.

Связь с отрядом Долговременной Осады прервалась как-то сразу, в одночасье. Лейтенант Гэм несет какую-то околесицу, уверяя, что система контроля также выведена из строя.

– Синт, я сам ничего толком не могу добиться ни от группы Реагирования, ни из Резервной зоны! Чиук не успел мне толком ничего объяснить. Видимо и до них ЭТО уже добралось...

– Знать бы хоть, что это – ЭТО...

– Смит, ты – лучший боец в десанте, так что действуй по обстановке и жди сообщений от реактировщиков. Я тебе сейчас не помощник, Одно могу сказать, – это не Окки... ты слышишь?

– Да. Понял. По обстановке.

– Прощай, Синт.

– До второй жизни, командир.

«Чувствовал я беду, ну, вот с самого начала чувствовал, – подумал сержант, – уж коль увидел во сне бесконечность – жди беды».

– Парни! Всем слушать сюда! Против нас сейчас поперет какая-то хреновина, что б ей... эта гадость уже прижучила ребят с Осады, а теперь подбирается к нам. Что это такое никто не знает. Нам нужно продержаться, пока реагировщики не разберутся. На всякий случай всем настроить защиту на молекулярный взрыв. И...

– Сержант! На горизонте!.. Бо-о-о-же мой...

Красное марево низкого горизонта сверкало мириадами бело-синих искр, то разлетающихся, словно от ветра, то сплетающихся в самые невероятные фигуры. По Долине Пузырящихся Гроз стлался невидимой, удушливой волной страх.

Внезапно огромная, совершенно невообразимая молния, словно гигантским ножом, разрубила мир на две рваные половины, и Долина превратилась в кипящий котел. Откуда-то из черной, бездонной глубины стали вдруг вырастать осклизлые, пятнистые столбы, светящиеся ядовито-синим светом. Столбы были живыми. Они дышали, меняли объем и форму. Искрящийся горизонт двигался прямо на батальон 7342, зажатый со всех сторон ядовитыми болотами.

– Ну, ребята, вот оно... – тихо прошептал сержант Синт, отступая к самой кромке блестящей поверхности болота и нащупывая клавишу декодировки. — Бесконечность во сне – к беде...

– Группа реагирования вызывает 7342. Группа реагирования вызывает сержанта Синта. Группа реагирования вы...

– Спокойно, Синт, спокойно. Запоминай: декодер в положение 4 со смещением на два градуса. Положение 4, два градуса смещения. Дальше по плану «Рэю», как с Окки. И спокойно, сержант. Все нормально. Продержитесь еще чуть-чуть... Мы уже меняем формулу нейтрализации. Отбой. Вперед, сержант!

– Все слышали? За дело, парни!

Синт сбросил с себя уже ненужную оболочку нейтрализованного Окки и крутанул регулятор декодера.

3.

Ну, и как этот новый препарат? – устало спросил задерганный и осунувшийся доктор с физиономией испорченной картошки, входя в ординаторскую и мимоходом стряхивая пепел в кадку с чахоточной пальмой.

Его молодой и энергичный коллега, листающий журнал «Православие», приподняв на секунду голову, буркнул:

– Выражаясь научным языком, Пал Семеныч, туфта.

– Ну, да, ну, да. Я так, собственно, и думал... опухоль растет?

– Растет, Пал Семеныч, растет.

– Ну да... когда?

– С месяцок протянет еще наш парень. Может поболее, а так...

– Жаль. Такой здоровый на вид... красивый. Жаль...

– Рак, он, коллега, не выбирает. И, заметьте, плюет на химиотерапию, радиотерапию и даже вон на эти датские препараты хваленые.

– Э-эх... – доктор с картошечным лицом, кряхтя, опустился в кресло и закурил.

– Кабы знать, что там происходит в этой опухоли. Молодой отложил журнал и назидательно произнес:

– Перерождение клеток... и бросьте вы свою мистику.

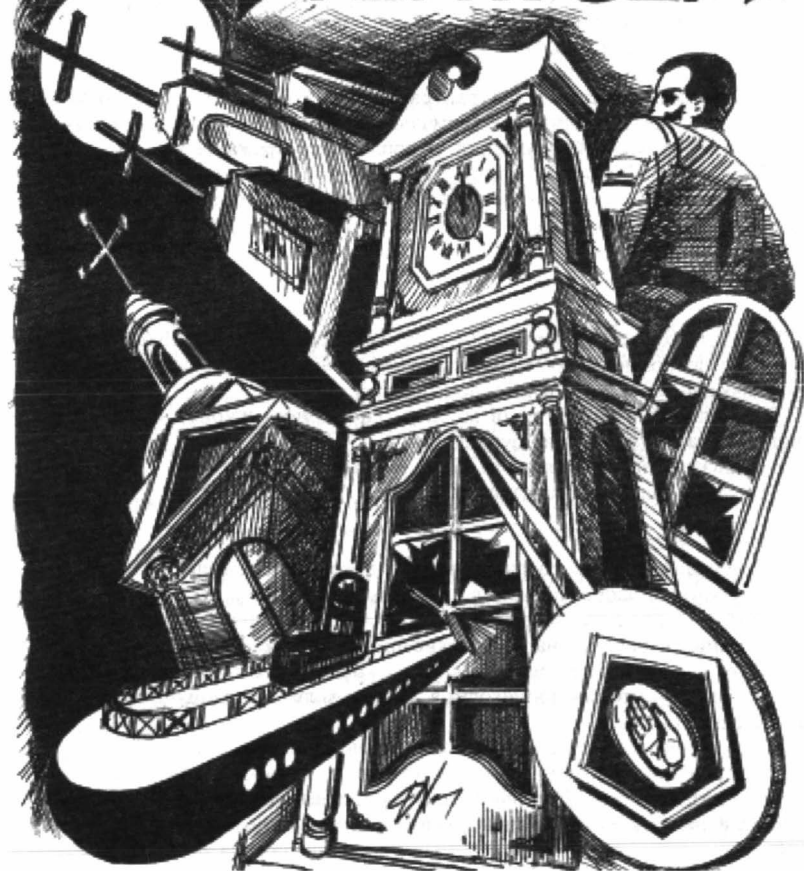
– Вот именно, – перерождение, – вздохнул тот и прикрыл глаза.

Была поздняя осень. Деревья стояли голые и беззащитные, а на облупившейся вывеске «Онкологический диспансер» по утрам нарастали сосульки.

Авторская редакция 1999г.

REPERBON

VERWOLF

Часть первая.

ГЛАВА 1.

– Слушай, сынок, а тебе что-нибудь говорит слово «вервольф»?

– «Вервольф»?.. Это что-то из демонологии, кажется?..

– Не-ет. Ах, ну да... демонология... конечно...

– Насколько я помню, «вервольф» – это оборотень, «человек-волк», или что-то в этом роде?

За окнами уже стемнело. Ночь, промозглая и вязкая, неумолимо наваливалась на город. Отдзинькали последние трамваи, закрывались до следующего вечера бары и стриптиз-шоу, на опустевшие улицы выползали грабители и сексуальные маньяки. Моросило.

В полутемной комнате сидели двое. Молодой, белокурый парень с вплетенным в косичку кожаным ремешком и старик. Старiku на вид было лет восемьдесят, а на самом деле, вероятно, еще больше.

– Рикс, жить мне осталось недолго, – старик приглушил пиликающее радио, – и перед смертью я должен тебе кое-что рассказать...

– Дед, что за похоронные разговоры? Ты что, плохо себя чувствуешь?

Старик, казалось, не слышал внука. Он устало смотрел на ярко пылающие поленья в камине и изредка тяжело вздыхал.

– Я тебе должен что-то рассказать, не перебивай меня, пожалуйста, – настойчиво повторил он и откупорил бутылку самодельного вина. – Я не хочу уносить ЭТО в могилу.

Рикс отбросил книгу в сторону и, сложив руки на груди, изобразил глубочайшее до идиотизма внимание.

– Не паясничай, Рикс. Налей себе. ... Речь идет о твоём отце. Моем сыне. У тебя скоро совершеннолетие и я полагаю, тебе необходимо знать всю правду. Хотя, конечно, может быть, все обойдется, но...

– Да что за загадки, черт побери?! При чем тут мой отец и мое совершеннолетие? Ты можешь говорить вразумительно?

– Мы ведь никогда не говорили о Терри, правда? Мы ведь никогда не говорили о нем. О твоём отце.

– Мать говорила. Он был авантюристом и погиб где-то в Голдмиддле.

– Нет, сынок, «вервольф» – это не только демонология, – после долгого раздумья проговорил дед. – «Вервольф» – это спецподразделение экспедиционного корпуса Войск Урегулирования. Твой отец погиб действительно в Голдмиддле, но он никогда не был авантюристом. ... Твоя мать не любила его. ... «Вервольф» была элитной группой и до такой степени засекреченной, что до сих пор, по прошествии пятнадцати лет, ни один журналист не смог ничего раскопать в архиве Управления обороны.

В Голдмиддле была грязная война! – Рикс резко поднялся из кресла и прерывисто зашагал по комнате, – и мне плевать как там погиб мой отец: героически или в петле на виселице узкоглазых. Он же мне отцом не был никогда! Да, я просто не воспринимаю его как отца. И какое, в конце концов, я имею отношение к этому спецподразделению? Или меня пытаются втянуть в какую-то дерьмовую историю? Так вот дед, я никогда не видел своего отца, никогда не слышал о «Вервольфе» и понятия не имею, чем занимались

эти громили в Голдмидлле, а посему давай по-хорошему замнем этот разговор.

– Сопляк! – старик ударил все еще крепким кулаком по подлокотнику кресла. – Не смей больше никогда говорить о своем отце плохо! Когда он гнил в болотах голдмидлловских джунглей, твоя мать подстиралась здесь под каждого сукина сына с более-менее смазливой рожей! А я – отец твоего отца – нянчил тебя вот на этих самых руках. Понял, плеибой слюнявый!

Рикс никогда не видел своего деда таким взбешенным и с изумлением вглядывался в перерубленное багровыми шрамами лицо старика. Не понимая, что именно вызвало такую вспышку гнева, то ли нежелание спокойно и молча выслушать его, то ли нелестный отзыв об отце, которого Рикс, в сущности, почти не помнил.

– Ответь мне: почему ты выбираешь местом своих уединенных прогулок всегда старое кладбище «Святого Августина»? – хрипло спросил вдруг старик без всякого видимого перехода.

Рикс пожал худыми, мосластыми плечами:

– Хм... а черт его знает... мне там спокойней. Ни суеты, ни криков, ни автомобилей. Прохладно... там прохладно и спокойно. Мне там хорошо.

– В твои годы парни таскаются по борделям и трахают всех подвернувшихся под ширинку баб. В твои годы нормальные ребята хлещут виски до блевотины, а не сидят со стеклянными глазами возле полусгнивших крестов. ... Демонология. ... Налей мне еще, сынок, и перестань маячить перед глазами. Сядь.

Рикс до краев наполнил стакан деда темно-бордовым вином и забрался с ногами в глубокое, тяжелое кресло напротив.

– Ты спал хоть с одной девкой?

Рикс сморщился, как от внезапно накатившей изжоги и основательно глотнул из бутылки.

– Спал, – мрачно сказал он, разглядывая вино на свет. – Ничего интересного. Дрянь.

Старик вздохнул, и помотал головой, словно именно этого ответа и ожидал.

– У Терри было так же.

– Дед, ты не подумай чего-нибудь такого. Я не голубой. Просто... просто у меня во время этого... во время этого дела появляются какие-то странные мысли...

– Тебе хочется убить ее, не так ли?

Это был не вопрос, старик говорил утвердительно и с непонятным напором. Рикс от неожиданности дернул головой и, отставив в сторону пузатую бутылку, закурил.

Странно и нелепо, но дед сумел сейчас просто и емко определить весь шквал ощущений, который навалился на Рикса, когда тот видел перед собой голую женщину, когда он видел потное раскрасневшееся лицо в маске оргазма. Да-да, теперь Рикс понял – убить. Именно убить. Убить и видеть, как из перерезанного горла горячими толчками выплескивается кровь, заливая груди с торчащими сосками, стекающая между ними по судорожно напряженному животу, до лобка, окрашивая волосы на нем в ярко-красный цвет. Рикс настолько реально ощутил солоновато-пряный вкус крови во рту и сглотнул липкую слюну, снова хватаясь за бутылку с вином.

– У Терри это было так же, – снова повторил старик, пристально разглядывая внука сквозь стальной прищур молодых, никак не вяжущихся с грубой маской морщинистого лица, глаз.

– Мне, наверное, нужно обратиться к психиатру.

– Бесплезно. Ни один психиатр в мире не поможет тебе, сынок. Серебряная пуля в сердце.

– Что?!

– Пуля в сердце. Серебряная.

Рикс судорожно сглотнул вязкую слюну, вмиг заполнившую рот:

– Дед, ты это серьезно?

– Да, Рикс.

Парень неуверенно улыкнулся и закурил:

– И ты... ты сделаешь это? – он вдруг почувствовал такую дикую злобу к старику, что закашлялся, подавившись табачным дымом.

– Нет.

– Почему же? Хлопнул бы уж, и все тут...

– Не шути. Очень скоро тебе будет не до шуток, поверь мне. Ты оборотень! Понял? Вервольф или ликантроп – это, впрочем, одно и тоже. Кому что больше нравится. Ты – убийца, прости – будущий убийца. Послезавтра шестое июня. Это две шестерки, а недостающая третья в твоём возрасте...

– И что? – спросил Рикс.

– Три шестерки, сынок, это число Сатаны. Князя Тьмы. ... Вот это уже, как ты изволил недавно выразиться, «демонология», если угодно.

– Стой! Подожди, – Рикс поднялся из кресла и медленно подошел к черному, слепому окну. – Я, конечно, во всю эту чушь не верю, дед, но если следовать твоей логике, то и тебе с чистой совестью можно вклеить серебряную пулю. В сердце. Ежели эта хреновина передается по наследству, то выходит – и ты вервольф. Стало быть, и ты по ночам на луну воешь и подкарауливаешь влюбленные парочки в темноте, чтобы перегрызть им глотки!

– Не угадал. По наследству – это «да». До седьмого колена. Ты второе колено. Терри – первое. Мой сын продал душу Сатане, зная, что обрекает последующие шесть поколений на дикую, страшную жизнь, но я не вхожу в этот круг.

Рикс совершенно обалдело уставился на старика:

– Дед, ты это серьезно?! Слушай, каждой шутке положен предел! Я не спорю – может быть, у меня не все в порядке с психикой. Может быть, я комплексую перед девками, и поэтому у меня возникает желание причинить им боль. Но это ведь не повод нести эдакую ахинею на ночь глядя! Ты еще скажи, что спецподразделение «Вервольф» состояло сплошь из оборотней, скажи что...

Рикс внезапно осекся и присел на корточки, потому что колени его противно задрожали и ноги отказались держать покрывшееся испариной тело. Рикс сидел на полу и вопросительно смотрел на старика.

– В самую точку, мой мальчик. Группа «Вервольф» – особо секретное подразделение, укомплектованное ликантропами – человеко-волками. Я подобрал всю необходимую литературу по этому вопросу для тебя и пару газетных вырезок. Кое-кто из журналистской братии попытался все-таки сунуть свой нос в это дело и кое-что пронюхать. Куда они исчезли – до сих пор неизвестно. Впрочем, что стало со спецгруппой «Вервольф» также неизвестно. Но известно, что Терри – мой сын и твой отец – проходил подготовку на базе Лаки Айленд, где находится военная лаборатория биопсихических исследований Министерства обороны. Много любопытных газетчиков сломало себе шею, пытаясь

вынюхать, чем занимаются на этой базе светила нашей медицинской науки.

Рикс машинально затянулся давно погасшей сигаретой, и вяло плюнул себе под ноги:

– Где бумаги?

– В твоей комнате, на столе. И советую не расставаться с бутылкой дольше, чем на пять минут. К утру ты должен знать об оборотнях все и быть пьяным в стельку. И то и другое поможет тебе бороться с самим собой. ... А может быть и не понадобится.

– В смысле?

– Будем уповать на силу и милость Всевышнего, сынок. Ты все-таки крещенный и... все как полагается, хотя...

– Что?

– Животворящий Крест Господень здесь бессилен. Видимо, эта область жизни и смерти полностью отдана на откуп Нечистому.

Рикс отрешено, и казалось, не слушая деда, смотрел на разгоревшиеся поленья в камине и, словно заведенный, перекачивал окурки сигареты в губах.

– Ладно, дед, я пойду. Почитаю, – он неожиданно резко и проворно поднялся с корточек и твердым шагом направился к лестнице, ведущей на второй этаж, в его комнату.

На письменном столе Рикс обнаружил стопку древних облезлых книг и коричневой кожи папку с позеленевшими то ли от времени, то ли от влаги, хитроумными замочками.

Закрыв за собой дверь на замок, он пододвинул к столу кресло, обтянутое красным синтетиком, включил подслеповатую настольную лампу и взял в руки лежащий сверху том.

– Нуте-с, вервольфы и вампиры, вашему полку прибыло, – пробормотал он себе под нос и раскрыл манускрипт, морщась от пыли, взвившейся, как только он прикоснулся к книге.

На первом листе была начертана пентаграмма, под которой красовалась витиевато выведенная надпись на латыни. Рикс перевернул еще несколько листов – латынь. Он основательно потряс книгу. Так и есть: выпало несколько листов с английским переводом.

«...Лицеизреть который можно только в полнолуние при цветении дикой вишни, политой предварительно кровью некрещеного младенца...»

Рикс почувствовал, как волосы на его голове зашевелились, когда совершенно неожиданно где-то в глубине особняка часы гулко пробили полночь. Он машинально прибавил мощность лампы, и когда призрачные полутени по углам исчезли, немного успокоился. Совсем неплохо он почувствовал себя, когда допил вино, и в голову приятно постучалось.

«... И тот будет достоин лицеизреть запретное, кто поймет три составные части единого целого...»

Рикс отбросил книгу в сторону и раскрыл кожаную папку, в которой нашел несколько пожелтевших, потрепанных газетных вырезок.

На одной из них огромным шрифтом: «Защитники или убийцы? Что же такое «Вервольф»?»

«Как стало известно нашему корреспонденту, на днях в Голдмидлл специальным рейсом вылетела группа командос под кодовым названием «Вервольф»?»

Из источников, которым нет основания не доверять, нам так же стало известно, что правительство возлагает огромные надежды на это подразделение, специально в течение полугода проходившее подготовку для ведения боевых действий в болотах Голдмидлла.

По слухам, подготовка велась, как ни странно, в биопсихической лаборатории на Лаки-Айленд, что, безусловно, не может не вызывать некоторого недоумения. Нашему корреспонденту удалось переговорить с одним из парней, отправляющихся заработать несколько тысяч монет в обмен на здоровые легкие и нормально функционирующую печень. Вот что он сказал дословно: «Слушай, парень, не советую тебе лезть в это дело, наш босс не любит этого и свернет тебе башку. А то, чем мы занимались в Лаки-Айленд, я при всем желании объяснить не смогу. ... Нет, в том-то и дело, что не обычные тренировки, а какая-то чертовщина. Приборчики, проводки. Ну, и само собой, психостимуляторы, гипноз, и еще много чего. А к совету прислушайся, забудь о «Вервольфе». Наша газета не претендует на стопроцентную уверенность, но, вероятно, на базе Лаки-Айленд уже не первый год проводятся эксперименты по управлению человеческой психикой, проще говоря: план «Зомби» не оставляет кое-кого в покое. Интересно: куда смотрит наше правительство? ...»

Рикс отбросил газетный листок.

ГЛАВА 2.

— Берти, какого черта? Зачем ты меня тащишь на это дурацкое кладбище? Поедем лучше ко мне.

Парень рассмеялся и привлек миловидную, миниатюрную девушку к себе.

— У тебя дома мы уже перепробовали все и везде. Нам нужна острота ощущений, неужели нет?

— Ну, не кладбище же в конце концов!

— Я думаю, покойники не обидятся. Зачатие новой жизни на прахе отживших поколений...

— О, Господи, что ты такое говоришь!

Берти опять рассмеялся.

— Ровно в полночь я сниму твои трусики и как флаг повешу на каком-нибудь симпатичном кресте...

— Берти, ради Бога!

— Ну, хорошо, хорошо. Обещаю не вешать.

Неправдоподобно яркая, багрово-красная луна висела над кладбищем Святого Августина, освещая неверным светом полуразвалившиеся склепы давно исчезнувших семей и покосившиеся кресты, под которыми покоились останки тех, кто никогда и никем уже не будет помянут. И тишина. Даже слабое дуновение ветерка не тревожило огромные кроны вязов. Парочка влюбленных удалялась все дальше и дальше от кладбищенской ограды. И чем дальше они углублялись, тем тревожнее становилось на душе у девушки, даже Берт прекратил свои шуточки.

Наконец они вышли к давно непосещаемой часовне — месту, которое весельчак Берт выбрал для ночного пикника.

— Не бойся, я уж бывал здесь и не раз, — невольно переходя на шепот проговорил парень и крепко сжал хрупкую ручку девушки в своей. — Кроме летучих мышей здесь никого нет. Ты ведь не боишься летучих мышей?

— Ох, Берти, не нравится мне твоя затея. У меня такое чувство, что за нами все время

кто-то наблюдает.

– Брось! Сейчас выпьем, и все твои страхи улетучатся.

Но слова Берта звучали не очень уверенно. Ему и самому вдруг показалось, что за ними кто-то неотступно крадется и смотрит мертвыми глазами в спины.

Пробравшись в часовенку через разбитое окно, они, усевшись прямо на пол, зажгли принесенные с собой свечи и расстелили плед, на который выставили бутылку сухого вина и стаканы.

– Хорошее приключение, правда? – спросил он, невольно косясь на опутанный паутиной алтарь.

В это время в окно часовни вполз багровый луч луны, и за стенами сразу же зашумело и завывало. И в этом шуме влюбленные ясно различили отдаленный тоскливый вой.

Девушка побелела как мел, а ее друг расплескал вино.

– Это собака, – хрипло сказал Берт. – Бродячая собака.

Девушка посмотрела на него и поняла, что он сам не верит в то, что говорит.

А душераздирающий вой приближался, нагоняя смертельный ужас, от которого холодело в желудке и покрывался испариной лоб.

– Берт, пойдем скорее отсюда! Слышишь, Берт!

– Да-да, сейчас, – будто сомнамбула проговорил парень.
– Это не собака, Берт! Бежим скорее к сторожке! У него должно быть ружье, он убьет ЭТО! О, Господи, спаси нас... я говорила тебе – не нужно ходить сюда!
Берт словно очнулся от гипноза и, отбросив бутылку, вскочил на ноги:
– Да, ты права, – и он перекрестился на почерневшие лики святых в алтаре.
Схватив девушку за руку, он побежал к окну и истошно закричал: сквозь разбитое стекло на него смотрели мертвые, немигающие, совершенно белые глаза.

ГЛАВА 3.

– Ну, что скажешь? – кивнул Садовски, начальник криминальной полиции, на изуродованные трупы, лежащие на цинковых столах под пятикиловаттными лампами.

Рей Стокк пожал плечами:

– Похоже на фильм ужасов. Нужно подождать результата экспертизы. ... Зрелище не для слабонервных.

– Личности этих несчастных установлены?

– Оба, – студенты колледжа, – Стокк отвернулся и закурил. – Родители еще ничего не знают.

– Угу. Газетчикам ни слова. Возьмешь пару ребят потолковей и вперед.

Лейтенант Стокк швырнул окурок в раскрытое окно и пробурчал:

– Ну, разумеется, как только какая-нибудь мерзость – «Стокк, бери пару ребят потолковей...»

– Не понял...

– Все в норме, шеф. Только смею заметить, в отпуске я не был уже два года.

– Хорошо, хорошо. Распутаете это дело и валяя на Гавайи.

– Помнится, в прошлом году вы мне то же самое говорили, — проворчал Рей Стокк, выходя из лаборатории патологоанатомов.

В дежурке, как обычно, было хоть топор вешай, а инспектор Майк Готфрид, травилочередную байку о женских сердцах, в бесчисленном количестве покоренных им за время службы в полиции нравов.

– Готфрид, Ким, со мной, – отрывисто бросил лейтенант и спустился во двор к служебному «Ягуару». Это была совершенно новая модель с пуленепробиваемыми стеклами и шинами. За три секунды машина развивала скорость в двести миль.

Вырулив на мокрое после прошедшего ночью дождя шоссе, Стокк закурил и лениво осведомился:

– Трупы видели?

Майк Готфрид пробурчал что-то невразумительное, а Деви Ким заметил:

– Сэр, то, что сейчас лежит в лаборатории, вообще-то, трудно назвать трупами. Просто рагу какое-то. Их словно через мясорубку пропустили.

– Ты всегда выделялся оригинальностью сравнений, – поморщился Стокк. – Именно – рагу.

Лейтенант вспомнил выпотрошенные и разорванные трупы, в которых сейчас копались медэксперт, и невольно поежился.

«Ягуар» бесшумно катился к кладбищу Святого Августина.

– Последожда мы, конечно, черта с два что-нибудь обнаружим, но попытаться стоит, —

проворчал Стокк. – Может быть, сторож что-нибудь слышал или видел... хотя вряд ли. Их нашли довольно далеко от сторожки.

– Знаю я этого сторожа, – махнул рукой Майк Готфрид. – Он уже лет пять пребывает в состоянии клинического опьянения. Говорить с ним – себе дороже.

Когда автомобиль подкатил к мрачному приземистому зданию сторожки, которая являлась таю же и постоянным жилищем сторожа, тот сидел на ступенях и сжимал в руках винчестер. Он проковылял навстречу полицейским, причем волны перегара опережали его метров на пять.

– Лейтенант, я все видел! Я видел его, как вас сейчас! Это черт знает что такое, даже в белой горячке такого не пригрезится! А уж в этом-то я знаю толк, верьте...

– Погоди, погоди. Давай по порядку, – поднял вверх руку Стокк. – Где, во сколько, кого и так далее. И поскорее, мистер...

– Ньюмэн, лейтенант. Билл Ньюмэн.

– Вот именно, Ньюмэн. Можете показать, где все произошло?

Сторож достал из кармана куртки плоскую бутылку и отпил почти половину: – Могу? Да я в пяти шагах лежал, когда эта тварь рвала их на куски. Ох, как кричала девчонка! Боже милостивый, не допусти еще раз увидеть такое...

– Стоп, – Стокк потер виски. – Тварь? Зверь, что ли?

Готфрид и Ким переглянулись.

– Хо-хо, зверь... видали бы вы этого зверя! – глаза сторожа были совершенно безумны. – Конечно, вчера он был зверем, а сегодня, кто знает. Сегодня он может быть одним из ваших детективов. Ньюмэн ткнул грязным узловатым пальцем в Майка Готфрида и свирепе ухмыльнулся. – Они ведь живут среди нас, как обычные люди. Поди-ка отличи!

– Ты, образина, плети да не заговаривайся, – тихо и зло сказал Майк, и плюнул себе под ноги. – Я же говорил, шеф, бесполезно с ним разговаривать. По нему давно сумасшедший дом плачет. Алкота беспробудная!

– Ох, как кричала девчонка! – покачал головой «алкота», не обращая внимания на инспектора. – Боже милостивый, не приведи еще раз...

– Покажи нам это место, – оборвал его Стокк. – С Господом договоритесь позже.

– Для вас, лейтенант, все, что угодно!

Сторож Ньюмэн был уже совершенно пьян.

– Я ведь, лейтенант, уже двадцать с лишним лет здесь сторожем – много чего видеть приходилось – и изнасилования, и убийства и ..., а вот такого, черт меня дер...

Стокк поймал себя на мысли, что никогда еще не видел такого мрачного и неухоженного кладбища. Безысходностью веяло и от покосившихся крестов и от огромных черных язв. «Оставь надежду всяк сюда входящий», – пронеслось у него в голове.

– Так что же это все-таки было, Ньюмэн? – спросил он. – Что это за тварь? Можете описать ее?

– Описать? – сторож замедлил шаг. – Вы, лейтенант, когда-нибудь оборотня видели?

– О, Господи, – простонал Готфрид.

– Да-да, оборотня.

– Хм, видел конечно. В триллерах. Впечатляет. Мой сын...

– Нет, лейтенант! Я не о кино говорю, не о кино! – Билл Ньюмэн нервно закурил. – Я имею в виду настоящих оборотней.

– Ладно, Ньюмэн, как-нибудь на досуге мы с вами поболтаем о Голливуде и Спилберге, а сейчас времени нет. Ведите нас и бросьте молоть чепуху.

Еле приметная тропинка внезапно оборвалась, и вся компания очутилась на мощенной булыжником площадке. Перед ними стояла полуразвалившаяся часовня, сложенная из огромных неотесанных глыб, от фундамента до кровли укутанная плющом.

– Вот, – ткнул грязным пальцем Ньюмэн в часовню. Я внутрь не пойду. Я с нечистой силой дел иметь не намерен.

Стокк и детективы обошли часовню с разных сторон, тщательно осматривая каждый камешек и куст, но ничего примечательного не обнаружили и сгрудились у ниши единственного окна, черной дырой глядевшего на кладбищенские кресты и плиты с полустертыми надписями.

– Ничего, – пожал плечами Готфрид, – может быть, криминалисты что-нибудь подбросят или ребята из дежурной группы.

– Может быть, проворчал лейтенант и, кряхтя, полез в окно.

В часовне Киму стало плохо. Молодой, только что окончивший полицейскую академию инспектор, еще не привык к виду крови, да еще в таком количестве, да еще после того, как осмотрел трупы тех, кому эта кровь принадлежала. Он диким усилием воли подавил в себе позывы на рвоту, но был бледен, как полотно, а под глазами резко и как-то сразу обозначились сине-черные круги.

Даже прожженный Стокк застыл, словно изваяние, облизывая пересохшие губы.

– Пресвятая Дева, – прошептал Готфрид, потихоньку вытирая вспотевшие ладони о полу плаща.

Каменные плиты покрыты месивом из свернувшейся крови и земли, в котором можно было различить бутылочные осколки и кусочки хлеба.

Стены были забрызганы кровью, уже засохшей и почерневшей. Если бы не страшные факты минувшей ночи, можно было подумать, что часовня – это декорация к фильму ужасов.

– Если здесь работал не оборотень, то субъект ни в чем ему не уступающий, – проговорил лейтенант, поеживаясь. – Надо запросить все психиатрические клиники округа – не было ли побегов. Деви, ты займешься поиском аналогов: раскопай все более-менее похожее за последние лет пятнадцать, а ты, Готфрид, возьми колледж. Друзья, подруги, преподаватели... в общем, связи.

Я займусь жителями близлежащих домов, владельцами такси и бензоколонок.

Стокк вздохнул с облегчением, когда оказался вне стен часовни, а качающаяся фигура Билла Ньюмэна с измусоленной сигаретой во рту внесла некоторое умиротворение в совершенно расстроенные чувства. Деви вывалился из окна и немедленно согнулся пополам возле стены часовни. Тошнило его мучительно и долго.

По пути к машине все молчали и даже словоохотливый после возлияний сторож кроме невнятного мычания не издавал никаких членораздельных звуков.

Возле автомобиля Стокк протянул Ньюмэну визитную карточку с домашним и служебным телефонами:

– Ньюмэн, как только что-нибудь... словом, любая информация.

– Как же, инспектор! Непременно позвоню. Конечно!

Стокк уже захлопнул бронированную дверь «Ягуара», когда бессмысленно вертевшийся

в руках визитку сторож стал что-то показывать знаками и суетливо шарить по бесчисленным карманам комбинезона.

Инспектор опустил зеркальное стекло и вопросительно смотрел на старика, поймав себя на мысли, что где-то он уже видел его. Но где? Когда?

– Ага, вот он... вот... лейтенант, – Ньомэн просунул грязную, трясущую ладонь в окно. – Я нашел эту хреновину сегодня утром недалеко от часовни... вот... может быть, сгодится в вашем расследовании. Стокк взял с ладони сторожа тяжелый медальон на мощной, кованой цепи и взвесил на руке:

– Спасибо, Ньомэн. Ценная штукавина.

– Да, сэр. Это платина.

Лейтенант с уважением посмотрел на Билла и кивнул:

– Похоже на то. Вы честный человек.

Вырулив на скоростную полосу автобана, лейтенант с удовольствием вдохнул смрадный, бензиновый воздух. Он возвращался в свою привычную жизнь, без крестов, часовен, оборотней и вампиров. В горящие неоновыми улицами, заполненные проститутками и торговцами наркотиками, в бешеный круговорот судеб, сталкивающихся друг с другом и разбивающихся иногда о чью-то злую волю. И лейтенант Стокк призван бороться с этой злой волей.

– Ну, что скажете? – мрачно спросил он своих напарников, разглядывающих медальон.

Готфрид пожал плечами.

– Интересная штука, в первый раз вижу такую, и... ведь она, похоже, и в самом деле платиновая.

– Без сомнений, – сказал Деви. – Стоит бешенных денег, но в эстетическом плане слабовато. Без золота и камней платина не смотрится.

– Не похоже, чтобы это было простым украшением, – покачал головой Готфилд. – Вот смотри: на лицевой стороне... так... черт знает что такое, а, на обороте совершенно определенно группа крови... а?

– Именно, Майк, группа крови, – обернулся лейтенант. – Третья отрицательная. А ниже порядковый номер, или что-то в этом роде и две литеры «Т» и «S». Возможно, имя и фамилия. Ну, я полагаю, наши умники из аналитического отдела разберутся. Не зря ж они в университетах штаны протирали.

– Я тоже думаю, что не зря, – огрызнулся Ким, пришедший в полицию после университета и очень болезненно реагирующий на ежедневные подтрунивания своих коллег. Проделавших путь от рядового постового до детектива отдела убийств.

Стокк ухмыльнулся и примиряюще сказал:

– Деви, да я без намеков. Ну, а уж если ты так хвалишь свои университеты, не подскажешь, что это за каракули на медальоне. Или слабо?

– Я, конечно, не специалист по языкам, но, по всей вероятности, это арабский, и здесь кроме надписи выправирован какой-то знак или символ. Вот здесь, под первой строкой... видите?

– Похоже на заставку вечерних новостей, – пробурчал Стокк, засовывая медальон в карман куртки.

– Ага, раскрытая ладонь в круге, – согласился Деви. – Может быть, знак какой-то организации?

– Выясним, – лейтенант лихо притормозил возле полицейского управления, перепугав охрану возле дверей. – Действуем таким образом: вы чешете домой, и отсыпаетесь до шести ноль-ноль, а я пока займусь аналитиками и криминалистами. Исполняйте.

Поднявшись на второй этаж, Сток пинком открыл дверь аналитического отдела и поднял руку в знак всеобщего приветствия. Было время обеденного перерыва и троица молодых, небрежно одетых людей оживленно поглощала бутерброды под рев мощной стереосистемы.

Компания довольно сухо отреагировала на приветствие, но невообразимо заросший начальник отдела Том Райт, одетый небрежнее остальных, все-таки бросил лейтенанту банку пива, что означало временное примирение и кивком указал на стул.

Расправившись с пивом и с удовольствием закулив, Сток достал медальон из кармана и бросил его Тому. Том поймал его и, отставив в сторону банку «Карлсберга», с интересом осмотрел.

Считая свой визит завершенным, лейтенант поднялся и так же пинком отворил дверь. На секунду он задержался в проеме:

– Было бы совсем не худо, если описание будет готово к утру, господа аналитики.

Когда кожаная спина Стока исчезла за дверью, Том Райт приглушил гитарный ураган, несущийся из тейп-рекордера, и бережно положил медальон перед собой:

– Вот это уже кое-что интересное... занятная вещица.

ГЛАВА 4.

– Ну, слава Всевышнему! – облегченно сказал старик и перекрестился. В комнате Рикса, как обычно был легкий творческий беспорядок, на письменном столе были разбросаны книги и ксерокопии газетных статей, облитые вином, а сам обитатель жилища в умопомрачительной позе спал в кресле и пускал слюни.

Старик поднял окно и с удовольствием вдохнул осенний, пропахший бензином воздух. Затем он включил радио и присел на картонный столик, наблюдая за пробуждением внука.

Минуты две Рикс нечленораздельно мычал и отмахивался руками от чего-то и, наконец, разлепил мутно-красные глаза. Еще минута ушла на то, чтобы сообразить, где он находится. Обведя взглядом комнату и наткнувшись на опрокинутую пустую бутылку из-под вина, Рикс страдальчески закатил глаза и простонал:

– Дед... если я сейчас не выпью кофе... взорвусь...

– О'кей. Поднимайся. И спускайся вниз. Знаешь который час? Приберешься позже.

Одним махом осушив две чашки ароматного напитка и почувствовав, что силы и разум медленно возвращаются к нему, парень закурил, распахнул шторы и спросил:

– Ну, что, дедуля, скажешь? Признаешься, что все, что ты вчера плел мне – розыгрыш? Или так и будешь считать меня исчадием ада?

Старик пожал плечами:

– На все воля Божья, сынок. И нам остается только молиться и молиться. Ты не представляешь себе, как я рад, Рикс.

– А уж как я рад, дед! – за окном из последних своих сил светило осеннее солнце, не было ни ветерка, и весь вчерашний разговор казался Риксу какой-то черной шуткой, дикой мистификацией.

– А книжки интересные. Я кое-что слышал обо всем этом. О поиске философского камня и... прочем. Но согласишься, дед, в наше время все это воспринимать всерьез неразумно. Это же сказки, черт побери. Живые мертвые, носфераты, лунные камни, золото из ртути!

– Секунду! – поднял руку старик и проворно подошел к гнущему еле-еле -

радиоприемнику.

— ...Полиция пока не располагает достаточной информацией. Наш корреспондент встретился со сторожем кладбища Святого Августина Сэрм Биллом Ньюмэном, и тот любезно согласился пролить свет на то, что случилось сегодня ночью. Включаю запись... «Хоть я и выпиваю, парень, но никогда, как говорится, не теряю головы, а вчерашним вечером и вовсе был как огурчик с грядки. Около полуночи я услышал крики... скорее даже не крики... я здесь давно работаю, всякое видеть приходилось, но таких ужасных воплей ни разу в своей жизни не слышал. Женщина кричала — это было ясно, и где она находилась, я тоже быстро сообразил. Во-он в той стороне, если идти напрямик, заброшенная часовня. Оттуда и доносились крики. Пока я бегал за винчестером в дом, пока добрался до часовни, прошло минут пять, не больше, но было уже поздно. Пойдем, покажу, где я схоронился и сумел кое-что рассмотреть. ... Вот здесь. Отсюда хорошо видно то место, где полиция обнаружила трупы. Вот видишь?»

— Да-да, отлично видно. И что же вы обнаружили прошлой ночью, я так понял, что-то необычное?

— Совершенно справедливо. Это был... огромный, горбатый волк...

Старик судорожно крутанул ручку громкости и тяжело опустился в кресло.

Рикс, забыв про тлевшую во рту сигарету, стоял, словно пораженный громом, и отчаянно смотрел на деда:

— Ничего не понимаю.

— Я тоже, — прошептал старик посеребрившими губами. — Может быть, это в самом деле волк? Просто матерый, огромный самец... ведь с тобой все в порядке! Ведь все в порядке с тобой! Я сам все окна и двери запер! Я всю ночь сторожил тебя возле твоей комнаты! Не понимаю,... не понимаю.

Овладев собой, Рикс ухмыльнулся:

— Похоже, у меня появился серьезный конкурент...

— Может быть, это простой волк, может быть, обычный зверь.

— Да что ты, дед! Опомнись! В нашем округе водится единственный хищный зверь — лягушка! И ту, наверное, занесли в красную книгу. Откуда здесь, черт побери, «огромный, горбатый волк!»

— А зоопарк?

Парень пожал плечами и махнул рукой.

— Включи лучше телевизор, сейчас должны идти новости.

На экране появилась панорама мрачного кладбища, а на фоне заброшенной часовни корреспондент беседовал с пришедшимся, трезвым, но явно не на шутку испуганным Биллом Ньюмэном. Тот уже в третий раз повторял свой дикий рассказ и показывал перед камерой где и как все произошло.

— Я знаю это место, — сказал Рикс. — Я бывал возле этой часовни и даже залезал внутрь. Глухое место, тихое.

После репортажа на экране появилась фотография крутого малого в полицейской форме. «Ведение этого из ряда вон выходящего дела поручено группе лейтенанта Стокка, которого безусловно помнят наши телезрители, как главного героя расследования напугавшего дела о маньяке из Райджерса. Лейтенант Стокк зарекомендовал себя...»

— Выходит, они еще не опознали убитых, — проговорил старик, — я так и думал. Вервольф первым делом съедает лицо.

— Сказали, что предположительно это студенты колледжа. Может быть, я их даже знаю. Вот дьявол!

— Я должен встретиться с этим сторожем, — сказал после минутного молчания старик.

– По-моему, он знает больше – чем говорит.

– Зачем, дед?

– Я должен помочь им. Если они начнут искать обычного убийцу-садиста, то, естественно, ничего не добьются. А пока полиция будет копаться в архивах в поисках аналогичных убийств и справляться о всех сбежавших из тюрем за последний год-два, в городе начнется паника. Да, в городе начнется паника, потому что убийства не прекратятся, пока Луна не перейдет в последнюю четверть, а это значит, что до тридцатого октября никто, ты слышишь, Рикс, никто не застрахован от смерти. Мы тоже. Что же, по-твоему, мне делать? Сидеть сложа руки? Потягивать винцо и узнавать из новостей, что еще чья-то жизнь оборвана этим чудовищем?

– Я понимаю, я все прекрасно понимаю, но ты уверен, что в полиции тебе поверят? Ты полагаешь, что этот лейтенант Стокк каждое твое слово примет за чистую монету и не отправит тебя в сумасшедший дом? Позволь мне усомниться в этом. Ты что, не знаешь нашей полиции?

– Что ж, если мне не поверят... я должен сам остановить его. Это будет в какой-то мере искуплением греха Терри.

– Отлично! Тогда я с тобой. Я тоже должен искупить грех своего отца, а заодно отблагодарить Бога за то, что со мной все в порядке. Ты ведь не будешь против?

Старик внимательно посмотрел на Рикса и прикрыл глаза в знак согласия.

ГЛАВА 5.

Хмурым, дождливым утром двадцать четвертого октября в кабинете аналитического отдела собралась следственная группа во главе с лейтенантом Стокком, расхваленная по местному телевидению, и вся группа аналитиков отдела по борьбе с особо опасными преступлениями. Стокк хмуро дымил вонючей сигарой и поигрывал автомобильными ключами. Деви Ким и Майк Готфрид отрешенно смотрели в окно, за которым мерзли и мокли под ледяным дождем черные скелеты деревьев в парке напротив.

Начальник аналитического отдела Райт был напротив в прекрасном расположении духа и даже его невообразимая рыжая шевелюра, казалась, излучает какое-то торжественное сияние.

– Ну-с, господа сыщики, приступим, – оживленно потер он ладони и извлек из стола медальон, который Билл Ньюмэн отыскал на кладбище.

– Как и было условлено, наша группа подготовила описание точно в срок, то есть к сегодняшнему утру. Вот здесь описание в трех экземплярах, как положено по протоколу, как говорится, для широких масс начальствующих элементов.

– А что-нибудь для души? – встрял Стокк.

– Само собой разумеется, сэр. Интересную вы нам...э... вещичку подбросили, даже не ожидал, честное слово. Жутко представить – не трусы, не презерватив, даже не окровавленный бюстгальтер, а такое сокровище. ... Нет, нет, я и без тени намека, господа! Этот медальон действительно редкостная находка. Скажите, это имеет отношение ко вчерашнему убийству?.. Тогда вам придется нелегко. ... Ну, ладно, к делу. Значит так: вначале металл. Это платина...

– Это мы и без вас выяснили, – пробурчал лейтенант.

– Но не обычная ювелирная платина, – не обращая внимания на брюзгу Стокка, продолжал Том Райт. – Перед нами образец практически чистого элемента, я бы даже сказал кристально чистого элемента. Только по одной этой причине медальончик является

дорогой игрушкой. Современная промышленность, конечно, вырабатывает химически чистую платину, но в очень ограниченных количествах и отнюдь не для украшений. Такие лаборатории находятся в ведении ракетно-космического комплекса и охраняются лучше Федерального банка.

Инспектора и лейтенант многозначительно переглянулись и превратились в слух.

– Если интересно, могу рассказать технологию...

– Не надо, – отмахнулся Стокк, – продолжайте.

– Так... вес. Весит сие изделие 9,99 грамма. Прошу заметить, не ровно десять, а именно 9,99...

– А износ? – поинтересовался Майк Готфрид.

– Возможно. В принципе, это можно установить в центральной лаборатории.

И, тем не менее, на момент исследования вес медальона составил 9,99 грамма. Да, это без цепочки! С цепью вес объекта равен двадцати трем граммам.

На минуту Райт прервался, чтобы включить проектор, и когда на экране появилось увеличенное в несколько десятков раз изображение медальона, продолжил, время от времени касаясь указкой экрана в том или в другом месте.

– Сторона «А». Здесь мы видим изображение неправильного пятиугольника, внутри которого расположен круг. А в самом круге выгравирована раскрытая человеческая ладонь. Уточню ладонь правая. Под нижней гранью пятиугольника отчетливо видно графическое изображение неких символов, предположительно букв или иероглифов, вытянутых в одну сплошную линию. При исследовании аналитической группой было установлено, что это действительно надпись, надпись была выполнена на арабском языке. Из всех возможных переводов мы остановились на одном, как нам кажется, наиболее полно отражающем вложенный смысл. Перевод был продублирован ведущим профессором Института Востока Ричардом Хиллером, что полностью подтвердило наши предположения относительно правильного толкования данной фразы.

– О, боже, – Стокк возвел глаза к потолку и пустил особенно пышный клуб дыма.

Звучит это выражение так: «Живое в мертвом, мертвое в живом».

У Деви Кима отвисла челюсть, а Готфрид тихо спросил:

– Что это значит, черт возьми?

– Минуточку терпения, господа. Начнем по-порядку. Во-первых – пятиугольник. Неправильный пятиугольник. Это не что иное, как...

– Пентаграмма, – глухо сказал Готфрид.

– Совершенно верно, – кивнул Том Райт. – Это пентаграмма, магическая фигура, вернее сказать, считающаяся магической у мистиков всех времен. В узком смысле, мистика – это представление или вера в возможность непосредственного общения человека со сверхъестественным началом или представление о возможности сверхопытного и сверхчувствительного познания. Здесь может так-же идти речь и об оккультных науках, в основе которых лежит мистика. В нашем случае мы имеем дело с так называемым руническим знаком. Позволю себе небольшой экскурс в историю, чтобы вам было немного понятнее.

– Сделай милость, – проворчал озадаченный всем услышанным лейтенант и закурил новую сигару.

– При археологических исследованиях в странах Европы, особенно северной Европы, часто обнаруживаются различные предметы с руническими клеймами, имеющими, по-видимому, мистические значение. Ставился такой знак только посвященными, теми людьми, которые знали тайну рун. Это колдуны, маги, ведуны и так далее. Замечу, что

гипнотическое воздействие написанного и напечатанного слова необычайно велико. И именно на этой почве возникли разного рода тайные знаки и тайные письма, якобы обладающие особенной чудодейственной силой. Выгравированная на медальоне фраза также, вероятно, несет в себе какое-то мистическо-магическое начало. Мы попытаемся выяснить, не встречалась ли она раньше где-нибудь, но что-то похожее попадает в древнеанглийских манускриптах. Да, хотя бы вспомнить, что графа Дракулу называли королем живых мертвых...

— Что за фрукт? — отрывисто спросил все более мрачневший лейтенант.

Готфрид удивленно посмотрел на Стокка:

— Вы что, лейтенант, никогда не слышали о Дракуле?

— Я не забиваю себе голову чепухой! И не намерен терять время на выслушивание всего этого бреда! — повысил голос Рей. — Том, если у тебя кроме этой бестолковщины ничего нет, то мы пойдем, займемся делом.

Том Райт немного смутился, но, пожав плечами, отключил видеопроектор и вяло сказал:

— На стороне «Б» вышеуказанного объекта также находится гравировка цифровых и буквенных символов, которые являются обозначением группы крови. В данном случае третьей отрицательной. Под группой крови расположены две литеры «Т» и «S», что, по всей вероятности, является начальными буквами имени и фамилии владельца медали.

Райт протянул папку с отпечатанными описаниями Киму и занялся распечатыванием пачки сигарет.

Лейтенант вздохнул и направился к двери.

— Да, Стокк, если интересно, цепь кована в манере австрийской вязки. Европейская работа.

Лейтенант кивнул и быстро вышел из кабинета. За ним удалились и инспекторы, сочувственно переглянувшись с аналитиками. Когда дверь затворилась, Том Райт швырнул истерзанную пачку в угол и прорычал:

— Болван! Служака чертов!

Рей Стокк был в совершенно расстроенных чувствах и, меря шагами свой маленький кабинет, утробно молчал, не замечая ни хмурого Готфрида, ни смущенного Кима. Он был зол на себя за то, что накричал на ребят, ни с того ни с сего, обидел Райта. Признаться, лейтенант не отличался обширной эрудицией и всегда чувствовал себя неловко, когда заходил разговор о вещах знакомых всем, кроме него. И эта неловкость всегда перерастала в злобу. Хотя злоба эта и была обезличенной, не имеющей, как говорится, точного адресата, но, само собой разумеется, выплескивалась на окружающих. И, наверное, именно поэтому за Стокком в отделе закрепилась слава человека недалекого, мягко говоря.

И хотя это было лишь полуправдой или даже четверть правдой, но, что и говорить, характер у лейтенанта был несносный. С другой стороны, ни у кого во всем управлении не было такого потрясающего чутья, такой поразительной интуиции, как у него. Стокк почти всегда безошибочно выбирал путь расследования, что, в конце концов, и приводило к положительному результату. Положительному, разумеется, для правосудия.

Закончив нервное измерение своего прокуренного напроочь кабинета, Рэй поднял окно, выходящее на скоростной автобан, и, откашлявшись, обратился к напарникам:

— Так что же это за тип, ваш граф... как там его...

— Это был вампир.

— ??

— Главный вампир Европы. Терроризировал все население Трансильвании. О нем

написаны десятки томов и снято несколько десятков фильмов. Один из кумиров дьяволопоклонников...чушь, конечно...

– Тогда почему пишутся книги, снимаются фильмы? Зачем?

Майк пожал плечами, скосив глаза на Деви Кима.

– Деньги, – бросил Деви. – И немалые деньги. Людям нравится. Им нравится, что все те ужасы и трагедии, о которых они читают или за которыми с трепетом следят на экране, происходят не с ними.

– Но ведь сейчас уже доказано, что и вампиры и каннибалы – не выдумка, что они живут среди нас. Взять хотя бы мой опыт службы в Рэнкее. Там мы три месяца вылавливали одного любителя женской крови. Четыре трупа. И экспертиза признала его вменяемым.

– Вполне возможно, что этот самый Дракула лицо историческое, может быть, его крестный отец Брэм Стокер что-то слышал или читал, но история эта за многие годы так

обросла деталями, что сейчас невозможно установить, где правда, а где треп.

– Н-да. Вместо того, чтобы проводить плодотворное расследование и розыск, лучшая бригада отдела убийств дискутирует на тему вампиризма, – заметил Готфрид. – Картина достойная для подражания.

– Если принять за основу, что убийца – обладатель медальона, то нам так или иначе придется перетряхнуть все спиритические общества и редакции всех астрологических журналов, – возразил Деви Ким и вопросительно посмотрел на лейтенанта.

– Согласен, – кивнул Стокк. – Первая версия есть. Ты, Деви, и займешься этим. Какие еще предположения?.. О' кей. Майк, ты даешь в вечерний «Стандарт» объявление, что, мол, найден ценный медальон в районе кладбища, владельца просят позвонить по телефону такому-то, а я попробую выяснить, не принадлежит ли он кому-нибудь из жертв. Вечером собираемся здесь. По коням!

ГЛАВА 6.

Билл Ньюмэн дослушал до конца и кивнул головой:

– Я все понял, мистер Сэй. И вы правильно сделали, что обратились ко мне, потому что полиция все равно не поверила бы ни одному вашему слову, как верно заметил ваш внук. К тому же, лейтенант Стокк человек очень... очень приземленный, что ли. Он хороший полисмен и только, а здесь нужен скорее священник, изгоняющий дьявола.

Боб Сэй грустно покачал головой:

– Любой священник бессилен перед оборотнем.

– Вот как?

– Да. Нам нужны священные серебряные пули. Только так можно уничтожить Вервольфа.

– Дед, а где их взять? – спросил Рикс. – Ни один магазин не торгует такими пулями. Кому взбретет в голову охотиться на зайца серебряной пулей? Слишком жирно для косоного.

– Я знаю такой магазин, – возразил Боб Сэй. – Этот магазинчик держит мой приятель в Куинсборро. Он хороший астролог и спирт и в его магазине можно купить абсолютно все для занятий алхимией, магией или гаданием. Есть и осязательные, серебряные пули... по крайней мере в прошлом году были.

Билл Ньюмэн почесал небритый подбородок:

– Куинсборро в сорока милях отсюда. Нам, наверное, нужно поспешить, во всяком случае, успеть до полуночи, хотя я и не имею ни малейшего представления, каким образом мы выследим оборотня.

– Я пока тоже, но действовать нужно без промедления, вы правы, – сказал старик.

– Я на своем «Порше» обернусь за час с небольшим, а может быть и раньше, – с готовностью поднялся Сэй-младший. Могу отправиться хоть сейчас.

– Хорошо, – согласился старик, – Я сейчас напишу записку Эдди Холту – хозяину магазина и ты отправишься немедленно.

Когда ярко-красный «Порше» Рикса с ревом скрылся за кладбищенскими воротами, Ньюмэн проверил запоры на двери и окнах, попытался расшатать решетки, даже заглянул в каминную трубу, и достав из камина полновесную бутылку рома, водрузил на обшарпанный, колченогий стол.

– Черт его знает почему, мистер Сэй, но мне кажется, что кто-то все время неотступно наблюдает за моим домом – просто мороз по коже, – насторожено сказал он, разливая по стаканам и косясь на зарешеченное окно. – Такой, знаете, липкий, холодный взгляд. Ничего никогда в жизни не боялся, а тут... я сегодня ночью с винчестером в обнимку спал и на

каждый шорох крысы зажигал свет и обходил каждый угол дома. Даже алкоголь не берет, пью, пью, а голова ясная и пустая, как у студента перед экзаменом. И все время к окну тянет, как магнитом тащит. А подойти боюсь.

– Ничего удивительного. Другой на вашем месте после всего пережитого умом бы тронулся, а Вы еще молодым.

– Надолго меня не хватит. Я, если честно, уж было стал сомневаться в увиденном, вернее сказать, пытался убедить себя, что ничего не было, – признался Ньюмэн. – Был готов поверить лейтенанту, что у меня видения на почве, как говорится, беспробудного пьянства. А с другой стороны... я даже его запах помню... такая кислотнотворная вонь, как от настоящего волка или собаки.

– Было похоже, что это собака? – поинтересовался Боб Сэй.

– Если это была собака, то не иначе как собака Баскервилей, у которой к тому же хвост висит поленом. Нет. Никакого сомнения – это был огромный волк.

– Вот что, Билл, – проговорил Сэй. – Мне кажется, оставаться здесь одному опасно, и я предлагаю на время перебраться в мой дом. Это будет самое разумное решение.

– Да-да, конечно, мистер Сэй, конечно, – воскликнул сторож. – Я и сам хотел вас просить об этом, иначе я точно тронусь умом здесь. Нервы ни к черту стали. Но... как же мы тогда выследим оборотня?

– Вервольф не обязательно совершает свои убийства на кладбищах, его не пугает многолюдье и грохот большого города...

– А мне почему-то кажется, что он сюда вернется, – прошептал Ньюмэн, пристально глядя в зарешеченное окно, за которым опять накрапывал нудный, холодный дождь.

– Что ж, это возможно, но не обязательно.

– Но он должен вернуться за тем, что потерял.

– Что?

– Он потерял свой талисман в ту ночь. Я его нашел.

– Черт побери, почему же вы молчали до сих пор! – вскричал Боб Сэй, – Покажите мне его!

– Это невозможно. Я отдал его лейтенанту.

– Ах, ты,... что это такое было?

– Медальон на кованой цепочке. Все из платины.

– Что, было изображено на этом медальоне?

– Я хорошо рассмотрел его. Интересная вещица. С одной стороны этакий пятиугольник с кругом... круг внутри пятиугольника, а в круге человеческая рука... вот так. И какая-то надпись то ли на арабском, то ли на каком другом языке, но вязью...

– О, Боги, – простонал Сэй и закрыл лицо руками. – Не знаю, у кого сейчас находится этот медальон, но этому человеку грозит смертельная опасность, Вервольф обязательно вернет его себе, будь он в человеческом или зверином облике. В человеческом он даже опаснее. Нам нужно немедленно отправляться в полицию к этому лейтенанту...

– Не поверит.

– Нужно сделать так, чтобы поверил!

ГЛАВА 7.

– Сэр, вас ожидают двое мужчин, – равнодушно доложил дежурный входящему в участок лейтенанту и исчез за перегородкой. Стоек машинально кивнул и, перепрыгивая через ступеньку, стал подниматься к себе на второй этаж.

– Ньюмэн? – удивился он, увидев в приемной сторожа кладбища «Святого Августина»

и с ним мрачного, почтенного старика.

– Что-нибудь случилось? Проходите джентльмены.

– Я – майор Сэй, лейтенант, – без предисловий начал старик, усаживаясь напротив Рэя. – Я знаю, что случилось позaproшлой ночью, и хотел бы Вам кое-что рассказать.

– Очень приятно, майор. ...Журналисты уже все пронюхали, черт бы их побрал совсем... я Вас слушаю, мистер Сэй.

– Дело обстоит очень скверно, лейтенант...

– Ну-у, не сквернее, чем всегда. И можете мне поверить, что преступник или преступники очень скоро будут разысканы или уничтожены. А что Вас так взволновало, майор?

– Лейтенант, это необычное убийство. И смею Вас заверить, что преступник так же необычен, поэтому позвольте мне усомниться в Вашей уверенности, что он будет обезврежен.

Часть вторая.

ГЛАВА 8.

Часы в кабинете лейтенанта Стокка прозвонили в девять вечера. Огромная кроваво-красная луна уже карабкалась по стройным стволам сосен выше неба, в котором кувыркались косматые, неприглядные облака, несущиеся с севера, от ледяных фордов Канады, и пропадавшие за зубчатой цепочкой скал Девил Маунтин в зловещей пустыне Чианамо.

Стокк по внутренней связи вызвал к себе в кабинет Деви Кима, увлеченно колдующего за компьютером. По графику Ким так или иначе оставался на ночное дежурство, поэтому не торопясь мог покопаться в архивах Управления, разыскивая дела по убийствам, совершенные подобным или похожим образом. Среди полутысячи просмотренных, похожего пока не попадалось, что, впрочем, не удивительно – двойное убийство, совершенное так по-зверски, вещь достаточно редкая в не очень больших городках вроде Джойстауна.

Стокк угостил Деви сигаретой и, прикрыв дверь с опущенными пуленепробиваемыми жалюзи, смущенно откашлялся, что само по себе было совсем несвойственно для лейтенанта. Ким удивленно смотрел на командира, но не решался прервать затянувшееся молчание. Прodelав два или три круга по кабинету, Стокк, наконец, откашлялся:

– Хм... Деив, ты сегодня остаешься на дежурство... наше дело, по-видимому, осложняется. У меня сегодня тут был разговор с неким майором флота в отставке Бобом Сэйем и сторожем кладбища Ньюменом. Сторож трезвый и перепуганный еще больше, чем утром, а старик наговорил кучу страшных легенд и выдумок про оборотней. ... Не дело полицейского верить в сказки, но под этой э... пенной угадывается, вроде бы, рациональное зерно, как говорят эти олухи из аналитического. Одним словом, все дело в медальоне. Старик майор говорил, ссылаясь на какие-то авторитеты, что оборотень... тьфу, ты, Господи... оборотень обязательно вернет себе медальон, не смотря ни на что. Его, мол, ничто не остановит, ни пули, ни молитвы, ни... прочее. Ну, разумеется, если всей полиции Джойстауна выдадут серебряные пули. ... В общем, они полтора часа страшали меня. Надо отдать должное майору – говорить он умеет. Не знаю, каким он был командиром на флоте, но политик или журналист... или писатель из него получился бы отменный, Стивена Кинга бы за пояс заткнул. Удивительно, что боевой офицер, прошедший две войны, свято верит во все эти бред... рассказы об оборотнях и прочей дряни, он готов был в драку со мной полезть, когда доказывал, что всем нам грозит смертельная опасность, пока медальон находится в полицейском управлении.

Деви слушал лейтенанта с напряженным вниманием и необъяснимой тревогой. Инспектор видел, что как ни старается лейтенант облачить свой рассказ в юмористические формы, ему это плохо удается. Улыбки получались кислыми и неестественными, а сам рассказ велся таким унылым и обреченным голосом, что Деви пришел к мнению, что посещение майора и сторожа просто-напросто выбило его из сапог, как любил выражаться Майк Готфрид. Что бы такое могли за полтора часа нарасказывать лейтенанту нежданные посетители, чтобы вывести из строя такой отлаженный и, казалось, несбойный механизм, каким виделся Деви Киму лейтенант Стокк? В любом случае не только сказки об оборотнях полтора часа рассказывал Стокку майор флота в отставке Боб Сэй. Может быть, кое-что добавил и протрезвевший сторож.

— Этой ночью ты должен быть вдвое внимательней. Всякое может быть. Кто поручится, что какой-нибудь псих не вообразил себя оборотнем и не отлил из платины этот чертов медальон по рисункам? В таком случае...

- Нападение?
- Думаю, до этого дело не дойдет.
- Старик что-то знает?

Стокк с отсутствующим видом пожал плечами:

– Все может быть... похоже, я уже ничему не удивлюсь, – добавил он уже на ходу.

Проводив уставшего за сутки и поразительно постаревшего лейтенанта до машины, Дейв налил себе большую чашку кофе из автомата и снова устроился возле компьютера, подмигивающего ему зелеными дрожащими строчками личных дел убийц, насильников, психопатов-извращенцев, неисправимых садистов и неизлечимых маньяков.

В большом, ярко освещенном зале дежурной части их было трое. Сержант Роки Коуэн из отдела по своему обыкновению упорно изучал учебник римского права – на следующий год он собирался поступать в университет и каждое дежурство остервенело зубрил ветхие, пыльные тома по юриспруденции и криминалистике. Все знали, что в столе у Коуэна лежит кольт сорок пятого калибра, с которым он никогда не расставался, не доверяя почему-то «тридцать восьмому».

– Не нравится мне эта пукалка, из нее только по воронам стрелять. Если ты, конечно, мужик, – ухмылялся Коуэн и ржал, как необъезженный мерин.

Френк Ламеста из группы оперативного реагирования лениво перелистывал богато изданный и, вероятно, очень дорогой каталог картин Иеронима Босха и косил веселым глазом на экран переносного телевизора, по которому крутили последние новости. Френк безуспешно прикидывался знатоком европейской живописи – один Бог ведает, зачем ему это было нужно, однако, всем в управлении было известно, что в живописи Ламеста ни черта не смыслит, как не смыслит вообще ни в чем, что не касается кик-боксинга и стрельбы навскидку по движущейся мишени.

В вечерних новостях опять показали утренний сюжет с интервью Билла Ньюмена. Коуэн на секунду оторвался от учебника, послушал захлебывающуюся от удовольствия корреспондентку, рассказывающую об обглоданных трупах, и перевел взгляд на Деви:

– Говенная история? Держу пари, завтра утром позвонит какой-нибудь хрен из главного управления и вежливо поторопит с расследованием, дня через два уже потребует, ссылаясь на просьбы общественности, а через неделю вас с дела и отправят патрулировать улицы, если чего не похуже.

Электронные часы над дверью методично отстреливали секунды и минуты. Дежурство проходило по-буднему спокойно. Во дворе центрального полицейского участка напротив также не было особенного оживления. Пару раз патрульная машина привозила невменяемо пьяных бездомных бродяг, но те были безобидны.

В начале третьего затрещонил телефон на столе Деви, заваленный бумагами и прозвучавший поэтому как-то задушено и надрывно. В трубке раздался старческий, но очень волевой голос, принадлежавший, несомненно, человеку, привыкшему командовать:

– Инспектор Ким? Ким Дейв? Говорит майор Сэй, я был сегодня у вас и разговаривал с лейтенантом, но, похоже, напрасно потратил время. Лейтенант мне не поверил, а это приведет к неописуемым бедам...

– Лейтенант передал мне разговор... в общих чертах.

– Инспектор, поверьте, все это очень серьезно.

– Мистер Сэй, неужели вы серьезно полагаете, что это дело рук оборотня? Или правильно говорить «лап»?

– Вы шутите? Это печально... называйте это существо как хотите, но знаете, что ОН – не человек...

– Зверь?

– Нет. Не человек.

– У Вас, видимо, есть какие-то основания так думать?

– У меня есть основания. У меня есть уверенность, инспектор...

– Мне трудно принять это на веру, хотя было бы заманчиво...

– Вам никогда не приходилось сталкиваться с необъяснимым, инспектор? Вы никогда не видели привидений? Вам никогда не снились вещие сны? Необъяснимые страхи не одолевали Вас? Избавьтесь от медальона инспектор, иначе за Вашу жизнь я не дам и ломаного гроша. Это моя последняя попытка вразумить Вас. Полагаю, большего я не добьюсь ни визитами к вашему твердолобому лейтенанту, ни звонками к перепуганным соплякам вроде Вас.

– Мистер Сэй... – начал было Ким, но понял, что трубку на том конце провода швырнули.

– Плохие новости, Дейв? – лениво осведомился Роки Коуэн, потягивая кофе из пластикового стаканчика. – У тебя вид человека, обломившегося с туалетом после прокисшего молока.

– Все нормально. Звонил какой-то сумасшедший сукин сын. А насчет туалета ты прав, пора посетить храм Облегчения, – Деви попытался улыбнуться, неохотно поднимаясь из кресла и направляясь в боковой коридор, освещенный полупритушенными люминесцентными лампами, мимо кабинета лейтенанта, где в сейфе среди других вещественных доказательств – цепей от бензопил, заточек и пистолетов, лежал платиновый медальон «Живое в мертвом, мертвое в живом». При входе в туалет Дейву показалось, что от двери к кабинкам метнулась смутная, расплывчатая тень. Дверь за спиной бесшумно захлопнулась, и Деви неуверенно прошел к писсуарам, матово блестящим вдоль стены, отделяющей здание управления от огромной лесопарковой зоны, простирающейся до самой реки. Смутная тревога, закравшаяся еще во время разговора с майором, теперь всколыхнулась в Киме грязной, тошнотворной волной и ударила под ложечку.

Ладони у инспектора покрылись каплями пота, и совсем расхотелось помаленькому. Дейв посмотрел в зеркало над раковинами и увидел, что под глазами проступили синюшные круги, а правая щека с косым зубчатым шрамом нервно дергалась.

«Чертов старик», – мысленно выругался Ким и покрылся испариной, увидев, как открылась дверь крайней к нему кабинки. Ноги мгновенно стали холодными и ватными, и только рука медленно, словно боясь кого-нибудь спугнуть, ползла к подвешенной под мышкой кобуре револьвера.

Из кабинки не доносилось ни звука, хотя инспектор кожей чувствовал, что там притаился кто-то огромный, хитрый и безжалостный. Казалось, что оттуда даже доносится кисло-затхлый запах, от которого к горлу подкатывала тошнота.

Когда дрожащие пальцы инспектора добрались наконец до спасительной рукоятки «тридцать восьмого кольта» из кабинки пружинисто выпрыгнул кто-то стремительный и неотвратимый, будто молния.

Последнее, что отпечаталось в онемевшем от ужаса мозге Дейва, были красно-горящие глаза, заслонившие собой весь тот небольшой кусочек пространства, что остался Деви Киму в этой жизни.

Коуэн и Ламеста вытаскивали безжизненное тело Деви с перебитыми шейными позвонками и переломанной в нескольких местах правой рукой из туалета, когда сквозняком приоткрыло дверь в кабинет Стокка. Держа кольт сорок пятого калибра на

уровне груди, Роки протиснулся в узкий зазор между дверью и косяком и запрыгнул в помещение, прижавшись к стене и выставив грозное оружие прямо перед собой. В кабинете гулял холодный осенний воздух. Металлические жалюзи были сорваны с окна, сигнализация со знанием дела заблокирована, а само окно распахнуто настежь. Дверца маленького сейфа также была раскрыта, и в ней торчали ключи, вытасенные, по всей вероятности, у мертвого инспектора.

В окно, со своей недосыгаемой высоты ухмыляясь, смотрела багровая, словно напоенная кровью луна.

ГЛАВА 9.

Куинсборо был совсем маленьким городком, еще меньше Джойстауна, и Рикс без труда обнаружил магазин приятеля деда в двухэтажном, невероятно запущенном доме на Гауэрстрит, которая начиналась сразу же при въезде с шоссе 138. Рикс и помыслить не мог, что у деда существуют такие приятели.

Рой Стэнли оказался нервным, болезненным и чрезвычайно худым человеком лет шестидесяти – еще молодой человек по сравнению с Бобом Сзем. Боб уже учился в военной академии, а Стэнли только – только приноравливался сосать материнскую грудь и писал в пеленки.

Рой Стэнли равнодушно выслушал сбивчивые объяснения Рикса, а прочитав записку, хмуро пожевал губами и задумчиво посмотрел в грязное окно, засиженное мухами:

– Я знал, что ЭТО когда-нибудь произойдет. Не говори ничего, я все знаю. Я верю в ЭТО, – он злобно оскалился.

– Эти гниды смеялись надо мной, шептались за спиной: «Вон, вон, идет этот чокнутый Стэнли. Он торгует дохлыми крысами и жабами и еще дерьмом летучих мышей». Они строчили доносы на меня, и жирный шериф Кримен замучил меня своими дурацкими расспросами, не занимаюсь ли я вивисекцией, почему я не хожу на выборы, и где моя первая жена. Как-то со злости я сказал ему, что зарезал жену в Акапулько и скормил акулам, и он продержал меня целый день в кутузке, пока не выяснил, что Мэгги находится в психиатрической клинике далеко на севере.

– Мне очень жаль, – проговорил Рикс, только чтобы что-то сказать.

– А мне нет, – отрезал Стэнли и нервно рассмеялся скрипучим, душераздирающим смехом. – Она была никудышной женой и плохой женщиной... ты понимаешь, о чем я говорю?

Рикс кивнул и пожал плечами.

– Какое у Вас оружие, Сэй? – без перехода спросил он, и Рикс не сразу сообразил, о чем идет речь.

– Ору... ах, да... – и он вытащил из-под куртки тяжелый, тупоносый люггер и положил на прилавок. – У деда еще винчестер и «Магnum 375»...

– Я дам патроны к пистолетам, – процедил он сквозь зубы и пожевал бескровными губами. – Как бы я хотел быть там, в Джойстауне.

Из подсобки, куда сгинул продавец, несло сырой землей, мышами (наверное, летучими, подумал Рикс) и болотными травами. Прошло минут десять, прежде чем Стэнли вынырнул из затхлой темноты, словно привидение, и аккуратно положил на прилавок две коробки желтого картона, в которых глухо звякнули друг о друга серебряные пули в патронах.

– Сколько я...

– Ничего. На святое дело, не забавы ради. Ничего. Передай, паренек, привет Бобу.

Рад, что он в добром здравии. И... дай вам Бог...

Стэнли нервно закурил измятую сигарету и снова бесшумно исчез в подсобке, прикрыв за собой толстую дверь, на которой аккуратно была начертана пентаграмма с фигуркой человека внутри.

Рикс сунул коробки в карман и для верности застегнул его на молнию. «Люггер» отправился на место – под куртку за ремень. Как ни странно, с серебряными пулями он чувствовал себя намного уверенней.

С ревом выкатив на шоссе 138-мощный «Порше», за несколько секунд набрал почти девяносто миль и, рассекая холодный, свинцовый воздух, помчался по направлению к Джойстауну. На приборной доске часы показали четверть девятого. Шоссе было пустынным. Сезон отпусков закончился, и теперь редко кого можно было встретить на этом отрезке дороги между Куинсборо и Джойстауном, водители огромных, трансконтинентальных грузовиков предпочитали пользоваться новой, скоростной автострадой, проложенной много южнее, почти по склону Девил Маунтин.

Изредка светом фар «Порше» выхватывал из темноты покосившиеся знаки ограничения скорости и крутых поворотов. Настроение у Рикса было приподнятое, несмотря на мрачные мысли о приведениях, оборотнях и вампирах. Все эти понятия были сейчас какими-то абстрактными и нисколько не пугающими. Всем телом ощущая безукоризненную работу сильного двигателя и покачивая головой в такт звучащему из приемника рок-н-роллу, он с улыбкой вспоминал свои ночные страхи перед средневековой писаниной о кровавых деяниях нелюдей в опутанных лесах, горами и озерами княжествах Германии и графствах Англии.

«Но ведь кто-то разорвал на куски эту влюбленную парочку на кладбище, – откуда-то со стороны вошла в голову ехидная мысль. – Кто-то оставил в зарослях около часовни удивительный медальон с магическими надписями. Дед и сторож перепутаны насмерть». А ведь дед, насколько помнил Рикс, никогда ничего не боялся.

– Ерунда, – вслух проговорил он и закурил, приопустив стекло. – У деда на старости лет поехала крыша, а сторож давно подвинулся от беспробудного пьянства.

В салон машины, кроме шума ветра, ворвался и шум последней в этой осени грозы, громыхнувшей где-то в горах Девил Маунтин. Гроза двигалась к Джойстауну. Рикс видел белые вспышки молний над горизонтом слева от шоссе. Раскаты грома доносились даже сюда, что было уж совсем невероятно.

– Вы слушали песенку незабываемого Лонни Роуза, а сейчас экстренное сообщение, – загудел в радиоприемнике добродушный голос Арчи Хогана. – На север и северо-запад нашего штата двигается небывалой силы гроза. Метеорологическая служба оповещения сообщила нам, что ураганный ветер с ливнем ожидается в горах Шелтон, Куинсборо...

– Надо же, дрянь какая, – сплюнул в окно Рикс и нахмурился. Вот и все, хорошее настроение улетучилось, и в голову опять полезли обрывки мыслей о развороченных могилах на заросших вязах кладбищах, о полуразрушенных замках, в которых выли и стонали по ночам приведения, об оборотнях-уроках с окровавленными пастями, обгладывающими головы невинных младенцев.

Притормозив возле указателя «12 миль до Джойстауна», Рикс вставил в обойму «люггера» патроны с серебряной начинкой и вышел из утробно урчавшей машины.

Порывистый, ледяной ветер немедленно растрепал волосы, швырнул в лицо горсть сморщенных, жестких листьев, комков грязи и песка. Зрелище, представшее перед ним, было потрясающим любое воображение, ничего подобного раньше Риксу видеть не приходилось. Кровавая луна зависла над вековыми соснами, а временами ее застилали

косматые, рваные облака – предвестники идущей с гор грозы.

«Дьявольски сильная гроза», – подумал Рикс, глядя на бесконечные вспышки огромных молний, вспарывающие черное небо, и, торопясь, забраться в теплый, уютный салон. «Порше» резко взял с места, визжа и дымя шинами задних колес.

Возле размазанного щита с надписью «Добро пожаловать в Джойстаун. Здесь вам будет хорошо, как нам!» Рикс сбросил скорость до сорока миль и ухмыльнулся: «Хорошо, как нам! Учитывая все происшедшее прошлой ночью, довольно садистское приглашение. Только законченный мазохист может заинтересоваться подобным предложением».

Возле заброшенной бензоколонки он вновь остановил автомобиль. В мочевом пузыре давно постукивали маленькие мягкие монетки, и Рикс засеменил к пустому, покосившемуся магазинчику, лет пятнадцать назад торговавшему пивом, сигаретами и прочей мелочью, что обычно предлагают на бензоколонках при выезде из города. Он уже застегнул змейку на ширинке джинсов, когда в шуме ветра и скрипе деревьев различил долгий, тоскливый вой, несущийся из глубины леса, который раскинулся на всем протяжении от Куинсборо до Джойстауна.

Издавать такие звуки могло только животное.

– Гад, – неизвестно к кому обращаясь, прошептал Рикс пересохшими в один момент губами и выхватил из-за пояса спасительный «люгер». Холодная бездушная сталь пистолета подействовала успокоительно, но не настолько, что бы унять мелкую дрожь в коленях. От суеверного ужаса мочевого пузыря вжался куда-то в позвоночник, а живот втянулся так, что готовы были свалиться джинсы, только по счастливому стечению обстоятельств оставшиеся сухими. Тоскливый, потусторонний вой повторился, и Рикс готов был поклоняться, что раздавался он теперь ближе. Хотя, быть может, это была вина ветра. Он то затихал до полного штиля, то набрасывался на Рикса, наотмашь колотя упругими, колючими ладонями по лицу, по шее, по дрожащим рукам, сжимающим тяжелый пистолет. Рикс боком пятился к работающему на холостом ходу «Порше», широко раскрытыми глазами стараясь рассмотреть в крошечной темноте невидимую, хотя она и была в каких-то сорока метрах от бензоколонки, стену леса. Разглядеть ничего не удавалось. К тому же полная, огромная, словно блюдо, луна совсем исчезла за уже сплошной пеленой бешенных облаков. Лес был совсем рядом, и кто-то стремительно бежал по лесу, издавая этот, выматывающий душу вой, переходящий в хриплое урчание. Риксу казалось, что он слышит уже хруст ломаемых веток и зловонное дыхание зверя, жаждущего человеческой крови. И, не выдержав, он стал палить в сторону леса, задыхаясь, в иступленном крике:

– Тварь! Сука-а!

Пламя от выстрела на мгновение выхватило из темноты пыльные придорожные кусты, обрывки пожелтевшей газеты и облитый бензином гравий. Сделав три выстрела Рикс, наконец, добрался до автомобиля. Шаря рукой по гладкой, лакированной, как спинка майского журнала, обшивке, он никак не мог нащупать открытую дверцу, продолжая неотрывно вглядываться в завывающую темноту. С какой-то опустошающей безысходностью, он понял, что под напором ветра дверца машины захлопнулась. Гроза приближалась. Раскаты грома рывками уже где-то неподалеку от кладбища, до которого было три-четыре мили, если идти напрямик через лес.

Именно со стороны кладбища и приближался злобный вой. Рикс прижался спиной к холодному бездушному металлу и, глотая слезы бессильной ярости и смертельного ужаса, как заведенный, дергал ручку дверцы, обламывая ногти. Он не мог бы точно сказать, когда перестал слышать зверя. Грохот бушевавшей рядом грозы, надрывный скрип сосен – да. Но не было слышно воя, сводившего с ума своими переходами с почти хрипа до

самых высоких нот. Вой сорвался на лающий, истерический хохот обезумевшей женщины и оборвался. И от этого стало еще страшнее. Теперь нападения можно было ждать, откуда угодно. До крови прикусив губы, и до рези в глазах всматриваясь в ночь, Рикс неожиданно вспомнил какой-то фильм с Джеком Николсоном, где один из главных героев спасается от преследователей, разбив лобовое стекло грузовика «МАК» огромным «смитвессоном». Посмотрев безумными глазами на свой «Люгер», зажатый онемевшей рукой, он с разворота страшно ударил им в боковое стекло.

Громыхнул выстрел не поставленного на предохранитель пистолета. Пуля пробила стекло и разворотила радиоприемник на приборной доске. Со стороны все происходящее выглядело, как в фантастическом фильме. Словно сумасшедший робот крушит невозможными ударами чем-то непонравившуюся ему машину, и из-под стального кулака сыплются искры, и полыхает огонь. И действительно Рикс в этот момент чем-то походил на робота. Уставившись бессмысленным взглядом на покрытое трещинами стекло автомобиля, он с методичной яростью колотил по нему пистолетом. Даже, когда стекло провалилось вовнутрь, а костяшки пальцев посинели и опухли, он не остановился и продолжал наносить удары куда придется: по гладкой, как девичья щека, дверце, по крыше, пока не хрустнули сломанные, окровавленные пальцы.

Рикс, не выпуская пистолета, змеей протиснулся в салон «Порше», забрызгивая все вокруг кровью, и воткнул свою негнущуюся ногу в педаль акселератора. Автомобиль вздрогнул, взревел двигателем и, слегка пробуксовывая и, визжа шинами, рванул к шоссе.

И огромная ослепительная молния расколола надвое небеса прямо над пустынной, заброшенной бензоколонкой. Она ударила в облезлый, умерший давным-давно магазинчик, и тот даже не вспыхнул, а просто взорвался, разбросав покореженные листы рифленого железа на многие метры вокруг.

Когда Рикс выруливал на шоссе, ему показалось, что откуда-то вдруг пахнуло зяблостью.

кислой вонью, как от шелудивой, бродячей собаки, и в ту же секунду, не достав до руки каких-то пяти сантиметров, лязгнули громадные челюсти, забрызгав и салон и водителя липкой слюной.

Машинально Рикс крутанул рулевое колесо вправо и, снеся проржавевшее проволочное ограждение вокруг покинутой бензоколонки, развернулся на 360 градусов и вылетел на пустынную автостраду. Левая фара машины была разбита вдребезги, а крыло, задравшись вверх, торчало под прямым углом к бешено вращавшемуся колесу. К счастью, двигатель не заглох, а продолжал реветь на полных оборотах, и «Порше» на скорости сто десять миль летел к Джойстауну, еще не видящему за лесом.

Через минуту на шоссе 138 обрушилась сплошная стена дождя.

ГЛАВА 10.

Рей Стокк жил в одном из маленьких коттеджей по Ривер-драйв минутах в двадцати езды от делового центра и минутах в двадцати пяти от полицейского управления. Городок Джойстаун был хотя и не очень большой, но невероятно расползшийся по лесистым холмам вдоль реки Джой, несущей свои спокойные воды к Атлантическому океану.

Оставив «Ягуар» возле ворот, Рэй прошел сквозь заросший боярышником и польною сад, и, открыв дверь, обнаружил на пороге бумажный пакет и несколько рекламных листов, просунутых под дверь. Осторожно подняв пакет, он прошел в маленькую гостиную и положил его на журнальный столик. Достав из холодильника две банки пива, он удобно устроился в кресле, и, потягивая холодное пиво, принялся изучать пакет. Ничего особенного, на первый взгляд, тот не представлял, впрочем, и на второй взгляд тоже. Конверт был из сиреневой, плотной бумаги с отпечатанным на машинке адресом Стокка. Пишущая машинка «АЙ БИ ЭМ», – определил инспектор, – с шариковой кареткой, авторедактором и кристаллом памяти. Удовольствие не из средних.

Осторожно развязав бечевку и с удовлетворением констатируя, что предполагаемого взрыва не произошло, он медленно развернул пакет, и из того на стол выпала пачка стандартных машинописных листов и довольно потрепанного вида рукописная книга, за утерю которой в муниципальной библиотеке не задумываясь, свернули бы голову.

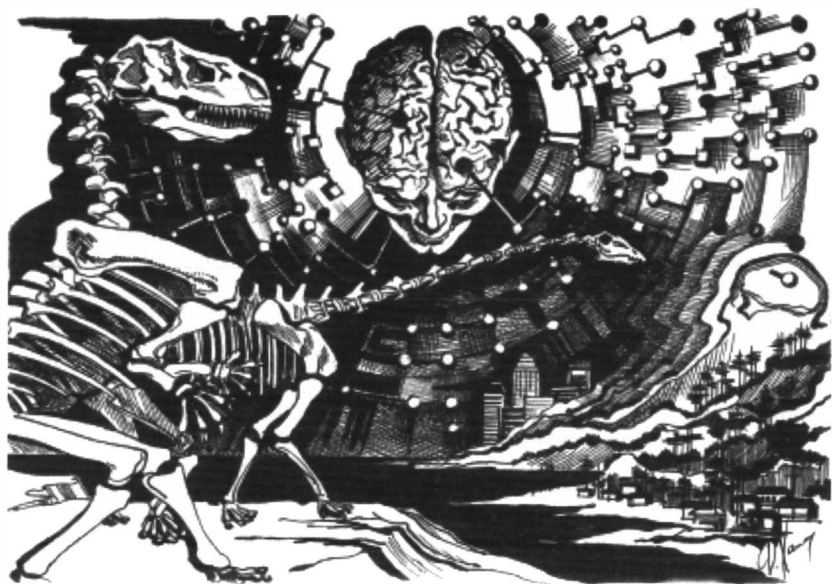
Лейтенант пододвинул к себе тщательно скрепленные между собой листы плотной с водяными знаками бумаги, в некоторых местах оживленные угрожающими черными оттисками «СТРОГО СЕКРЕТНО» и «СОБСТВЕННОСТЬ ПРЕЗИДЕНТА». Листов было около двадцати, и Стокк, смахнув со стола крошки вчерашнего ужина, аккуратно разложил их по-порядку, что, впрочем, сделать было нетрудно, так как все они были пронумерованы. Книгу, на толстой кожаной обложке которой не было ничего, кроме полурасложившейся, оскаленной морды то ли хорька, то ли избитого до неузнаваемости наркомана, лейтенант притулил рядом.

Своей «Минолтой» Стокк сделал несколько снимков, положив сверху «ИНВИНГПОСТ», на первой полосе, которой оставил свою размашистую подпись.

Подстраховавшись таким образом, он перемотал пленку и спрятал ее в свой внушительный стол, в одно из самых дальних отделений. Теперь лейтенант мог спокойно заняться изучением материалов, таким странным образом попавших к нему. О том, чтобы расспрашивать мальчишку-разносчика или молочника, не могло быть и речи.

Хищно потянувшись, Стокк закурил свою невыносимо отвратительную сигару и пододвинул к себе первый лист – несомненно распечатку компьютера, марку которого он сколько ни тщился, так и не смог определить.

На первом листе в графе сбоку значилось: «Герхемский институт нейробиологии.

Исх. 575/066. Лаборатория доктора Пэннимана Льюстона. Исх. 575/068»

Ниже шло: «По просьбе Вооруженных сил. отд. № хх 4. Копия в Федеральную службу внешней разведки. Копия Президенту».

Дальнейшее содержание послание института нейробиологии представляло такое смешение биологических, физических и медицинских терминов, что даже искушенному читателю, смел надеяться лейтенант, и то ни черта не было бы понятно, не говоря уже о руководителях разведки, разлагающихся в неотвратимом маразме.

Впрочем, последний абзац представлял собой что-то вроде квинтэссенции, этаким сжатый конспект вышеизложенного, в котором даже тупорылые боссы разведки смогли бы кое-что понять.

«... После изучения психологических, моральных и военных аспектов программы «Полнолуние», правительственная комиссия пришла к выводу о целесообразности проводимых экспериментов и дает полностью положительные отзывы о результатах данных экспериментов. Лаки-Айленд – центр, несомненно, выведет, как военную, так и гражданскую медицинскую науку в области психических исследований на передовые рубежи во всем мире»... «...наша лаборатория исходила из того, что на данном этапе человеческий мозг, как бы состоит из трех абсолютно равных, но жизненно связанных между собой элементов. Это, во-первых: мозг проточеловека – загадка для криптобиологов, предшествующий ему мозг динозавра, не считая промежуточных форм и, наконец, помимо этого, современный продукт двадцатитысячелетней истории развития цивилизации...»

Стокк, совершенно забыв о пиве, обалдело осматривался по стенам своего огромного до безобразия кабинета, роняя пепел куда ни придется.

«... в результате экспериментов на добровольцах и приговоренных к смертной казни, в мозге современного, без клинических отклонений человека, была обнаружена так

называемая «зона пробуждения»...

«... Результаты исследований направлены непосредственно на базу «Лаки – Айленд»...

«В Федеральное Бюро внешней разведки (отдел XX IY).

Копия Президенту.

Гархэмский институт с прискорбием сообщает, что в результате немногочисленных, но досадных случаев, что неизбежно при работе с человеческим материалом, предусмотренных параграфом (IY bis Z) ФБВР, во время экспериментов трагически погибли доктор Сюзанна Лонк, хирурги – нейрологи Барт Гинни, Джордж Маккуин и руководитель проекта Ник Самохофф. ... Полагаем, Правительство не оставит родственников погибших на произвол судьбы, в чем мы неоднократно убеждались...».

Лейтенант машинально выкурил, по крайней мере, с десятков самых вонючих сигар в штате, но так и не мог поверить в то, что документы таинственным образом попавшие к нему в квартиру, являются подлинными. Хотя оттиски “Строго секретно” и «Собственность Президента», неоднократно им виденные, не оставляли сомнения на этот счет.

И все-таки, то, что он узнал, с трудом укладывалось в голову, не вписывалось ни в какие рамки.

Со, все возрастающим интересом, взахлеб, Стокк проглатывал страницу за страницей, все более утверждаясь в мысли, что какой-то сумасшедший ученый описывает душераздирающие эксперименты, рожденные в его перевернутом мозгу, которых на самом деле никогда не происходило в реальной жизни, какой-бы скотской она ни была.

За окнами неожиданно страшно гроыхнуло, и даже закаленный во многих заварухах Стокк вздрогнул, плотнее прижав под мышкой «тридцать восьмой».

Метеорологи предвещали в ближайшие недели продолжительные засухи и неурожай кукурузы по всему северо-востоку и сегодня, видимо, корчились в муках стыда в своих храмах предсказаний погоды.

Лейтенант нехотя отложил документы и подошел к незашторенному окну, за которым с невиданной мощью хлестал тяжелый осенний дождь. Стокк приподнял раму пуленепробиваемого окна и выглянул на неухоженный пустырь перед домом, который должен был представлять собой аккуратно разбитый английский сад, каковым, впрочем, и являлся до того момента, пока последний камешек не ударил в крышку гроба Маргарет Стокк.

В ту же секунду со стороны шоссе № 138, а может быть, от реки, донесся вой. Это, вне всякого сомнения, был самый настоящий волчий вой.

«Боги, когда же это было?» – подумал лейтенант, вспоминая, как старый Батли, лет двадцать назад приволок в полицейский участок матерого, воняющего свалкой волка с разможенной левой стороной черепа и висевшим на тонкой ниточке глазом, мертвым и пожелтевшим (или и у живых волков глаза желтые?).

Это был последний хищник, убитый в штате. С тех пор за многие годы о волках не было слышно ничего. Не было о них вестей и из других сопредельных штатов.

А вой все разрастался, становился более надрывным и захлебывающимся, будто хищник охотится за кем-то, кто никак не хотел сдаваться.

«Неужели, и вправду волк?» – безрадостно подумал Рэй, опуская раму и закрывая ее на блокирующую задвижку, которую снаружи было невозможно открыть. Такая мера предосторожности была не лишней, если вспомнить наглое и безжалостное покушение на него – лейтенанта и единственного свидетеля обвинения, скрывавшегося тогда в доме полицейского.

Двое детективов, неслухно охранявшие свидетеля, парня, надо сказать, ничтожного,

были убиты таким способом, что у видавшего кое-что в жизни Стокка кровь стыла в жилах даже по прошествии многих лет. Один из детективов был найден за обеденным столом, где, по-видимому собирался вкусно позавтракать. С завтраком он опоздал на всю оставшуюся жизнь. В сквородке, между яичницей-глазуньей, между кусочками хорошо прожаренного бекона покоилась коротко остриженная голова с невероятно удивленными глазами. По губам мертвой головы медленно стекал коктейль из слюны и ананасового джуса. Второго инспектора нашли до половины засунутым в какую-то новую, универсальную стиральную машину. Которая как и утверждалось в рекламном проспекте, превратила все, что было у детектива до пояса, в кроваво-костлявое месиво, так что опознали его только по «Ролексу» на оторванном запястье и уцелевшим щеголеватым ботинкам из крокодиловой кожи.

Если бы такое случилось сейчас, лейтенант вполне возможно и поверил бы во вмешательство потусторонних сил...

Вернувшись к столу, Стокк взял в руки древний манускрипт и открыл на первой странице. И хотя в латыни лейтенант был так же силен, как доисторический эскимос, однако надпись на титульном листе, к его же собственному удивлению, даже ему была понятна. Готическим шрифтом, с большой изобретательностью было выведено единственное слово «Некромантика».

«Прекрасно, – кисло подумал Рэй. – По всей вероятности, дело мне придется передать в Институт древней истории».

В пропахшей плесенью книге Стокк отыскал отпечатанные все на той же «АЙ-БИ-ЭМ» листы перевода и принялся за их изучение. В другое время и при других обстоятельствах лейтенант просто выбросил бы всю эту средневековую муру в мусорную корзину. Но за последние два с небольшим дня прошло столько всякой чертовщины, что с этим поневоле приходилось считаться.

«... ОН приходит в полнолуние, неотвратимым, как Ангел Смерти Азраил, и берегись всяк выходящий вечером и ночью на пустынные дороги и лесные тропы. Зубы его остры, дыхание зловонно, сила и свирепость его неизмеримы...»

– Сила и свирепость его неизмеримы, – пробормотал Рэй, вспомнив кладбищенскую часовню, волей судьбы ставшую местом кровавой бойни. – Он приходит в полнолуние. ... Стоп!

Стокк лихорадочно перерыл пронумерованные листы документов с грифом «СТРОГО СЕКРЕТНО» и вскоре нашел то, что нужно. Вот оно!

«...После изучения психологических, моральных и военных аспектов программы «ПОЛНОЛУНИЕ», правительственная экспертная комиссия пришла к выводу о целесообразности...»

«Что за дьявол! Неужели они..., – пронеслось в голове лейтенанта. – Да нет, не может быть. Это же полнейшая дикость».

Рэй стал лихорадочно перечитывать все листы подряд, засыпая страницы пеплом, и чем больше до него доходил смысл написанного, тем более он утверждался в мысли, что весь мир сошел сума. Или же он, лейтенанта полиции Рэй Стокк, наконец-то кукукнул от одиночества. Все напечатанное в секретных документах на гербовой бумаге походило скорее на гранки научно-фантастического романа. Разумеется, затянувшаяся война в Голдмилде требовала тогда какого-то радикального решения, но чтобы кому-то в голову пришла такая дикая идея, как зомбирование отобранной специально для этого команды...

От вполне естественного шока Рэя вывела нудная трель мультитрона – позывные полицейского Управления. Подключив радиотелефон к кодирующему устройству, лейтенант настроился на нужную волну:

– Слушаю?

– Сэр, докладывает Роки Коуэн...

Сразу после доклада дежурного, Рэй по возможности аккуратно, сложил разбросанные по столу документы и запихнул их в сейф, после чего, словно сумасшедший выскочил из дома, и через секунду служебный «Ягуар» вылетел на пустынную автостраду.

Лейтенант не мог видеть, что из заросших кустов жимолости за ним с нечеловеческим упорством наблюдает кто-то огромный, воняющий кислотой и тухлой рыбой.

ГЛАВА 11.

Когда окровавленный и бледный Рикс, спотыкаясь о высокие ступени особняка, вбежал в гостиную, все еще сжимая в обезображенной руке ободранный люггер, Боб Сэй и Билл Ньюмен занимались чисткой старого, времен второй мировой войны винчестера.

Дед Рикса отбросил грязную, масляную тряпку и направился к внуку, который без сил опустился прямо на пол, и швырнул перед собой пистолет, под которым сразу образовалась небольшая лужа черной крови.

– Где? – только и спросил дед, словно ни секунды не сомневался на тот счет, что произошло. Он дрожащей рукой обтер окаменевшее лицо внука платком и попросил Ньюмена налить стакан бренди.

– Он перебьет всех нас, – хрипло сказал Рикс, залпом выпив темно-коричневую жидкость и закуривая измятую сигарету, добытую вместе с двумя коробками патронов из заляпанного кровью кармана.

– Он напал на меня возле старой бензоколонки. Огромная, мерзкая тварь. ... Нет-нет, я не ранен, – отмахнулся он, видя расширенные от ужаса глаза деда и сторожа.

– Дверь машины захлопнулась от ветра, и мне пришлось выбить ее пистолетом. А в этих коробках серебряные патроны... тебе привет от Стенли. Он странный, но, по-видимому, честный человек. ... Почему он напал на меня? Дед, почему? Он меня караулил? Ветер был в мою сторону и я слышал, что Он бежал со стороны кладбища. ... Он живет на кладбище... о, дерьмо!

Рикс отбросил сигарету и закрыл перепачканное лицо изуродованными руками. Но он не плакал.

– Почему он напал на меня, дед? У меня же нет этого чертового медальона! Будь он проклят! Будь проклята наша сатанинская семья!

Ньюмен делал вид, что все это его не касается, но украдкой поглядывал на деда и внука.

– Я убью ЕГО! Дед, ты дашь мне свой «Магnum», и я убью ЕГО! – бренди начинал действовать. – Будь Он хоть трижды оборотнем или черт его знает, кем еще!

– Успокойся! – резко оборвал его Боб. – Ты многого не знаешь.

– Достаточно! Я прочитал все, что ты мне подсунул, той дурацкой ночью, когда меня самого хотел шлепнуть серебряной пулей! Бог ты мой! Серебряной пулей!

Бил Ньюмен вытаращил глаза и застыл на месте в обнимку с блесевшим новой смазкой винчестером.

Боб устало вздохнул и проговорил, ни к кому конкретно не обращаясь:

– Этот оборотень свиреп и беспощаден не только когда в образе волка, он также, если не стократ опаснее, когда принимает человеческий облик... я полагаю – это... один из солдат исчезнувшей группы «Вервольф», оставшийся в живых и выбравшийся из болот Азии.

Трудно описать тишину, воцарившуюся в особняке; было слышно только, как потрескивают березовые поленья в огромном, как пасть дракона, камине.

— Разве это не легенда? Это спецподразделение? — осторожно спросил Ньюмен, очнувшись от столбняка.

— Так хотели внушить обывателям правительственные и военные круги, но дело в том, что в составе этой группы в Голдмидлл отправился мой сын. ... Он прошел полный курс специальной подготовки на базе Лаки-Айленд, и мне удалось повидаться с ним перед самой отправкой на фронт.

— Ну, и что из этого? — резко спросил Рикс, для которого это не было тайной.

— Кажется, сегодня утром я видел его.

В кабинете капитана Садовски, за мощной спиной которого висела огромная и очень подробная карта Джойстауна и его окрестностей, находилось двое. Сам капитан и щеголеватый, подтянутый человек в дымчатых очках.

Очкастый вел себя, как хозяин всего мира и его окрестностей и со снисходительной, но какой-то мертвой улыбкой в пол-уха слушал объяснения Садовски о случившихся в городе убийствах за три последние дня.

Капитан потел и чувствовал себя как нашкодивший школьник. И не мудрено, когда под нос тебе суют удостоверение специального штатного агента Федерального бюро внешней разведки.

— Стало быть, медальон исчез? — в который уже раз лениво спрашивал агент, — а ваш детектив убит?

— У него перебиты шейные позвонки, — упрямо ответил капитан, — и, надо сказать,

что напавший имеет отличную подготовку. Инспектор Ким не успел даже выхватить пистолет, хотя неумехой в этом отношении его не назовешь...

– Теперь его уже никем и ничем не назовешь, кроме как трупом. Итого: три убийства за два дня. Не многовато ли?

– Расследование идет полным ходом, рано или поздно мы найдем этого парня...

– Вас не смущает, капитан, что преступник смертельно рискуя, пробирается в полицейское Управление и убивает детектива только затем, чтобы похитить какой-то медальон? Ведь, задержав его на месте преступления ваши инспекторы, и газовая камера ему была бы обеспечена.

– Я полагаю, сэр, это маньяк. Мы, собственно говоря, и прорабатываем именно эту версию. Кто-то, свихнувшийся на черной магии, навешивает себе на шею амулет и в полнолуние выходит на большую дорогу... я думаю это сумасшедший.

– Это хорошо, что Вы думаете, Садовски. Жаль, что в ваши драгоценные размышления случайно не забрела мысль о том, чтобы о случившемся сообщить военной разведке.

– Но...

– Знаю, знаю. Расследованием убийств гражданских лиц занимается полиция штата, и убийства эти никак не входят в юрисдикцию Вооруженных Сил.

– На территории Джойстауна нет даже военных объектов, сэр.

– Ах, капитан, мне ли Вам напоминать, что вся северо-западная территория штата входит в зону подчинения военной контрразведки, ввиду присутствия на островах ряда объектов категории «А». Стало быть, все, происходящее из ряда вон, как в Джойстауне, так и других городах южнее Девил Маунтин, подлежит немедленному расследованию Федеральным бюро... разумеется, совместно с полицией штата.

Капитан Садовски молчал, угрюмо глядя в окно, и только красные пятна, выступавшие на его желчном лице, выдавали близкий взрыв бешенства:

– Вы, смею заметить, явились сюда не нотации мне читать, а помогать в расследовании, – хрипло проговорил он, – я, слава Богу, тридцать лет на службе и не позволю соплякам, только вчера окончившим Военную академию, поучать меня. Раз у вас в бюро все такие умные, почему бы вам часика за два не поймать этого парня и не отправить в свой зверинец на Лаки-Айленд?

Очкастый снисходительно осклабился и покачал головой:

– Вы, капитан, видимо, чего-то недопонимаете. Я отнюдь не собираюсь терять время, читая вам нотации или поучения, у меня в Джойстауне совершенно другие функции. Может быть, у нас в бюро и не все блещут интеллектом, но я послан именно за тем, чтобы обезвредить убийцу, потому что вы даже представить себе не можете, с кем имеете дело, милый мой.

– В любом случае, на моих людей можете не рассчитывать. Они будут заниматься расследованием самостоятельно, по своим отработанным версиям.

– Знаю я ваши версии, Садовски, – отмахнулся очкастый. – Небось, роется в картотеках, разыскивая аналогии, да ворошите спиритические общества и допрашиваете гадалок и бродячих астрологов.

Несмотря на всю антипатию к военным и к этому типу в дымчатых очках в особенности, капитан не мог не удивиться пронизательности последнего.

– Я посмотрел на видеозаписи интервью с Ньюмэном, рассусоливающим о громадном волке на кладбище...

– Сторож кладбища хронический алкоголик, воспринимать его слова, как свидетельские показания, не имеет смысла.

– Н-ну, как сказать, – пожал плечами агент.

Глаза Садовски округлились:

– Что Вы хотите этим сказать?

– Да ничего. Не дело военной контрразведки верить в басни о вампирах и оборотнях, но обезвредить этого молодца нужно как можно скорее. Уж если он сумел убить вашего инспектора в управлении штата полиции и обчистить кабинет лейтенанта...

Глаза капитана налились кровью:

– От сумасшедшего можно ожидать чего угодно! Поведение его невозможно ограничить рамками поведения обычных преступников.

– Вот я о том и говорю, – согласился очкастый агент. – Я о том и говорю, что это не обычный преступник и что его как можно скорее нужно обезвредить. Обезвредить любым способом, – последнее предложение агент произнес с нажимом.

– А насчет своих людей можете не беспокоиться, капитан, они мне не нужны. Я, видите ли, привык работать в одиночку. Просто предупредите своих ребят, чтобы не путались у меня под ногами.

– Я так понимаю, что контрразведке известно, что за тип терроризирует мой город.

– Вот именно. И если бы вы предупредили нас заранее обо всем случившемся, то, скорее всего, не было бы третьего убийства. И... последующих.

В третьем часу ночи Рэй Стокк припарковал машину возле ограды своего, погруженного в полную темноту дома и шаркающей походкой безмерно уставшего человека побрел через неухоженный, запустелый сад к двери, над которой одиноко горела тусклая лампочка. Убийство Деви Кима потрясло лейтенанта. Еще больше его взволновала кража платинового медальона, о чем предупреждал его не далее как утром майор, как бишь его... Сэй. Но, откуда же, черт возьми, ему было известно! Откуда он знал, что убийца обязательно должен вернуть этот медальон обратно? Может быть, старик знает больше, чем говорит? Господи, уж не он ли переслал мне секретные документы? Таким документам глупо не верить. Вне всякого сомнения, они подлинные, или он не лейтенант полиции с двадцатилетним стажем. Но откуда, черт подери, старик достал такую бомбу?! Стань эти бумаги достоянием гласности, и не один десяток голов полетит с плеч! Грандиозные финансовые скандалы последних лет покажутся мелким хулиганством. А если спецподразделение «Вервольф», все-таки, было сформировано и переброшено в Голдмидл, то командос из гитлеровской группы «Эдельвейс» выглядели бы перед ними просто сопливыми щенками.

Рэй остановился на мокром от прошедшего дождя крыльце-веранде и закурил. И впервые за много лет вкус крепкого табака был ему неприятен, но он все-таки продолжал курить, не удосуживаясь стряхивать молочно-белый столбик, засыпая пеплом костюм и подкованные ковбойские сапоги со скошенными каблуками.

Внезапно ему показалось, что за разросшимися кустами сирени кто-то прячется и неотступно наблюдает за ним. Лейтенант всегда чувствовал опасность на два шага вперед, что давало ему большие преимущества перед другими детективами, с кем ему приходилось работать. Именно эта звериная способность помогла ему остаться в живых, когда три его напарника давно уже вкушали яблоки и наяривали на арфах в кушах небесных. Он зажал сигару зубами и освободившейся правой рукой почти незаметным движением достал любимую «Беретту - 22», выгодно отличавшуюся, как он полагал, от короткоствольных «тридцать восьмых» кольтов. На всякий случай он слегка, совсем чуть-чуть, согнул ноги в коленях. Так было удобнее отпрыгнуть и перекатиться, если

придется, за дощатое ограждение веранды, укрытие, конечно, ненадежное, но все же укрытие, а не кусты жимолости и сирени.

В наступившей, как всегда после грозы, кладбищенской тишине было отчетливо слышно, как кто-то раздвигает мокрые кусты и мягкими, еле слышными шагами движется к веранде. Стокк снял пистолет с предохранителя и бесшумно выскользнул из мутного круга света висевшей над головой лампочки. Маневр лейтенанта, видимо, не остался незамеченным, и всякие звуки из сада прекратились.

Стокк старался рассмотреть в чернильной темноте пригнувшегося человека «... Или волка, – пронеслось в его голове. – Или вампира в смокинге и развевающимся плаще с красной подбивкой или, черт меня подери, самого Дьявола с «Ремингтоном» вместо вил». Как ни вглядывался Рэй в темноту, не видел ничего, кроме неподвижных кустов сирени, которые уже второй год он собирался выкорчевать или, на худой конец, привести в божеский вид, подстричь их под какую-нибудь фигуру. Скажем, зайца или слона, или... волка, Стокку на секунду даже показалось, что кусты приобрели форму этого зверя, столь неожиданно ворвавшегося в его нормальную жизнь, в которой не было оборотней, а были дегенераты-убийцы, сексуально ущербные насильники и наркоманы-грабители. «Все хорошо, все как надо, – успокаивал себя лейтенант, смутно догадываясь, что все как раз нехорошо и совсем не так, как надо. – Кима-то убил не волк. Волк грызет, разрывает свою жертву, а не ломает ей шею ребром ладони». Рэй постоял еще несколько секунд, вслушиваясь в невнятные шорохи сада, и решительно повернулся спиной к чертовым кустам сирени, до боли в пальцах сжимая в потяжелевшей руке «Беретту».

Когда гостиную залил мягкий, приглушенный свет, и Стокк, не выпуская пистолета из рук, развалился в кресле, изредка поглядывая в окно, ему вдруг почудилось, что из спальни потянуло какой-то мерзостью. Впрочем, у него не было времени ни удивиться, ни озадачиться. Дверь спальни медленно со скрипом отворилась, и на пороге возникла мускулистая грузная фигура, голая по пояс и невообразимо заросшая серебристо-рыжим волосом. Стокк рассмотрел, что на груди фигуры висит, очень похожий на тот, медальон, из-за которого закончил свою жизнь в туалете между писсуарами инспектор Дейв Ким.

ГЛАВА 12.

В руке у незнакомца была такая «пушка», что лейтенант горячо пожалел, что не сидит сейчас в тяжелом танке с наведенным в голову посетителя орудием, а «Беретта», не раз выручавшая Стока, казалась просто новогодней хлопушкой. Лейтенанту никогда раньше не приходилось видеть такого оружия и, как ни силился, он даже не мог предположить, чем же должна стрелять, по мнению конструктора, такая дурища. «Скорее всего, самонаводящимися ракетными снарядами», – вяло подумалось ему.

– Ты офицер полиции Рэй Стокк? – глухо проговорила фигура. И карманный вариант шахты для запуска атомных баллистических ракет слегка качнулся, и заглянул стволом в почерневший от осознания своей бессильности глаз Стокка.

– Да, я лейтенант Рэй Стокк.

– Ты расследуешь убийства?

– Да, – что-то было в этом мощном человеке такое, что не отвечать на вопросы лейтенанту казалось неуважительным и ...опасным для здоровья. – Убийства расследует моя группа.

– Вашей группе придется довольно тяжело, насколько я понимаю. Пистолет на стол!

Глаза незнакомца, казалось, сверлят мозг лейтенанта насквозь. И они были какие-то... «нечеловеческие», – содрогнулся Стокк. По цвету, они напоминали те картинки,

которые видишь в прибор ночного видения, какие-то зелено-голубые и мерцающие, как глаза кошки к темной комнате. И от него воняло. Как от бродячей собаки.

– У тебя есть виски, офицер?

Рэй медленно поднялся и, стараясь не делать резких движений, подошел к шахматному столу, на котором вместо шахмат были аккуратно расставлены бутылки со спиртным. Он налил полный стакан и отошел в сторону, приглашая того самому взять свою выпивку. Незваный посетитель на удивление легко, при своем телосложении боксера тяжелого веса, прошел через гостиную и залпом выпил предложенное, причем ствол незнакомого лейтенанту оружия продолжал смотреть ему в голову. Впрочем, такой необходимости не было, ибо Стокк уже понял, что справиться с этим монстром у него нет даже одного шанса из тысячи. Вонявший незнакомец повернулся лицом к лейтенанту и все так же глухо и невнятно произнес:

– Благодарю. А теперь я бы хотел получить документы, которые, по моим прикидкам, должны быть у вас.

– Вы из подразделения «Вервольф»? – тихо спросил Стокк.

Человек с нечеловеческими глазами внимательно посмотрел на него и с трудом сказал:

– Я модуль семь, четыре, три, командир спецподразделения «Вервольф» автономного действия.

«О, Боже! – мысленно ахнул лейтенант. – Он же точно не человек!.. Модуль семь, четыре, три! В документах все – правда! Господи, но это не может быть правдой! Неужели им удалось решить проблему «универсального солдата»?!»

– А у Вас есть... у Вас есть имя?

– Имя? – растеряно переспросил командир «Вервольфа» и задумался, невидяще глядя поверх головы Рэя. – У меня было имя. Давно. До поступления на базу...

– На базу Лаки-Айленд?

– Да, Лаки-Айленд. И я, действительно, был счастливым*, потому что мне первому сделали пробуждение. Меня так и звали... меня так и звали Счастливым-Терри.

– Терри... – словно пробуя на вкус это имя, прошептал потрясенный всем пережитым и услышанным лейтенант. – А Фамилия у вас была?

– Была. Фамилия... – внезапно Счастливым-Терри резко обернулся к широкому, с поднятыми жалюзи окну и без всякого перехода грубо спросил:

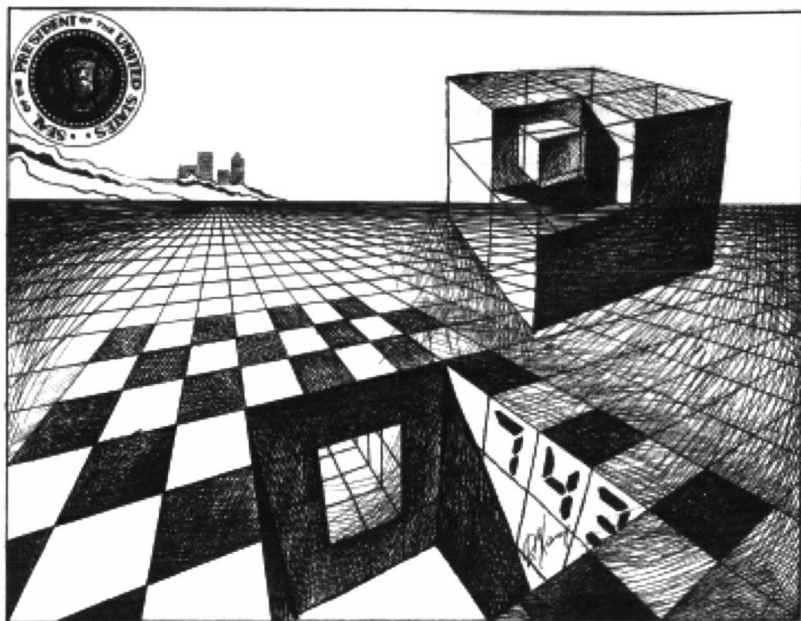
– Какие машины сейчас использует полиция?

– Машины? – непонимающе повторил Стокк. – Патрульные «Плимут 422», кроме того...

– Молчи. Сюда едет полиция. Где я могу спрятаться? Хотя, нет, пережду в саду. – Терри бесшумно и легко скользнул к выходу, но на пороге плавно обернулся и кинул указательным пальцем в свою «пушку». – Эта штука называется «Тайфун» и одного заряда достаточно, чтобы превратить твой дом в пылающий костер, я уж не говорю об автомобилях и прочей ерунде. Надеюсь, тебе понятно, что меня ты никогда в жизни не видел и никаких документов не получал. Я еще вернусь.

Как лейтенант ни старался, не услышал никакого шума или скрипа, что давало бы возможность определить, как Терри-Счастливым пробрался в дом. По размышлению Стокка, тот проделал это через подвальное окно. А затем выбрался из подвала, прошел через маленькую подсобку, где у лейтенанта хранились всякие мелочи по хозяйству: отцовский винчестер и полуавтоматическая винтовка «М-16» с внушительным боезапасом к ним, и как приведение возник на пороге гостиной. Чем и доказал Рэю, что безопасность дома на случай посещения нежелательными визитерами оставляет желать лучшего. Правда, была в этом умозаключении одна прореха – как удалось Счастливику абсолютно бесшумно

* Игра слов. Лаки-Айленд (англ.) – счастливый остров.

открыть подвальную дверь, замкнутую на английский замок. Лейтенант благодарно не стал ломать над этим голову, полагая, что загадок на сегодняшний день хватит.

Он безнадежно посмотрел на одиноко лежащую на столе «Беретту» и с отвращением сплюнул. Как всякий военный и полицейский, Стокк с уважением и любовью относился к хорошему оружию. И сравнение оружия Терри и своего собственного привело его в полнейшее уныние. Даже «Кольт 45», хранящийся в ящике письменного стола, казался ему сейчас дамской игрушкой, которой опытного и хладнокровного грабителя можно только разозлить.

Прошло довольно-таки немало времени, прежде чем Стокк услышал, что к его дому приближается полицейский патрульный «Плимут - 422».

Что-то внутри Стокка снова перевернулось, как в тот момент (хотя он не хотел признаваться себе в этом), когда на пороге гостиной возникла огромная, невообразимо заросшая фигура Счастливого-Терри. «Он за несколько миль слышал звук работающего мотора полицейской машины. Это невозможно, но это так. Он даже определил марку автомобиля. Он определил марку автомобиля, хотя не знал ее. ... Нет, это уже полнейшая чушь. Видимо, он сумел отличить звук работы форсированного двигателя от обычного – серийного. Все ясно. Это – не человек. Он на самом деле модуль. Пробудившийся. Кажется, он так сказал? Для чего его пробудили? От чего пробудили? Нормальный человек не может за несколько миль, находясь в хорошо изолированной комнате отличить работу обычного двигателя от форсированного, даже если автомобиль будет лететь на форсаже со скоростью сто двадцать миль час», – поразмыслив таким образом лейтенант утвердительно кивнул самому себе.

Когда в дом вошли помощник шерифа Доул Сани и незнакомый самоуверенный парень в штатском, старающийся всем своим видом показать, что в данной ситуации он хозяин положения и, в общем, ему на все глубоко плевать, Рэй глупо ухмыльнулся.

– Веселитесь в свое удовольствие? – жизнерадостно спросил штатский и немедленно закурил.

– А мне чихать на то, что вы думаете, – также ухмыляясь, отрезал Стокк.

– Лейтенант, это Патрик Симпсон из военной разведки. У него широкие полномочия, – смущенно проговорил Санни и руками изобразил что-то вроде «вот ведь херня какая».

– Мне и на его полномочия начихать, – ответил Стокк. – Хочешь выпить Дойл?

– Нет, нет. Я пойду к машине и послушаю рацию.

– Дело! – заржал Патрик. – Там сейчас будут передавать концерт Спрингстина.

Когда, чуть сутулясь, Санни вышел, Симпсон, совсем непохожий на военного разведчика, непринужденно опустился в кресло и задумчиво проговорил:

– Мне это совсем неприятно, лейтенант, но я должен сообщить, что ваше подразделение больше не занимается делом об убийстве студентов и инспектора Кима. Поэтому я убедительно прошу вас передать мне все сведения относительно вашего расследования. Я имею в виду те сведения, которые не занесены официально в протоколы дела.

– А я имею в виду ваши убедительные просьбы.

Патрик Симпсон поморщился и мягко сказал:

– Лейтенант, Вы же понимаете, что все это решено наверху. Я просто исполнитель, и мне совсем не хочется ссориться с полицией и с Вами лично. Приказ, знаете, такая штука, которую надо выполнять, даже если вам это не по душе.

Стокк немного подумал и пожал плечами:

– Все сведения по делу, которыми я располагаю, занесены установленным порядком в протоколы. Их вы, вероятно, уже изучили...

– А Ваше личное мнение? Для меня оно очень ценно, лейтенант. Я бы хотел знать Ваши предположения, гипотезы.

– Я не занимаюсь научной фантастикой, Симпсон. Все разрабатываемые моей группой версии известны капитану Мак Рэю, а также моему непосредственному начальнику капитану Садовски.

Симпсон удрученно вздохнул:

– Так мы никогда не договоримся.

– Симпсон, что вам известно об операции «Вервольф»?

Разведчик болезненно дернулся и, прищурившись, посмотрел на Стокка:

– А что вам известно об этом?

– Мне известно, что это был довольно скотский и очень опасный эксперимент, – прорывал Рэй. – Я знал, что все вы там придурки, но не предполагал затяжной паранойи. Если бы налогоплательщики знали, на что уходят миллиарды, Вас бы, Симпсон, несомненно, линчевали. И это при благоприятном стечении обстоятельств.

– Мы... догадывались об утечке информации, – задумчиво процедил Симпсон и покачал головой. – Но мы не знали и не знаем ее масштабов... это очень плохо, Стокк, что вам стало известно об экспериментах. Это очень плохо для Вас лично.

– Угрожаете?

– Упаси, Господи! Мне угрожать ни к чему. Я хочу предостеречь Вас. Если кто-то из... из участников эксперимента остался в живых, хотя это маловероятно по прошествии восемнадцати лет, но если кто-то остался жив, то в первую очередь он будет убивать тех, кому что-то известно об этом.

– Это почему? – ухмыльнулся Стокк.

– Потому, что они были так запрограммированы, – ядовито прошипел Симпсон.

– Понял, ты, олоуп! Потому что они были так запрограммированы!

– Тогда до встречи на том свете, – расхохотался Рэй, прищелкнув пальцами, как будто услышал от ошалевшего разведчика Бог весть какую шутку. – Хочешь выпить за это дело? Раз они были так запрограммированы, то и тебе небезопасно шататься по нашему городу, красавчик Симпсон! Тебе ведь тоже известно об этом эксперименте и даже черт знает во сколько раз больше меня! Так что уноси-ка лучше отсюда свои стройные ножки, параноик!

Симпсон с трудом подобрал отвисшую челюсть и резко поднялся из кресла:

– Уверю Вас, Стокк, Вам очень не поздоровится. Уверю Вас! Не сегодня-завтра в ваш вшивый городишко прибудет специальная команда с базы, и этим парням, наверняка, захочется потолковать с Вами с глазу на глаз. Вот тогда и посмеемся вместе.

Рэй смог унять свой полуистерический смех, только когда шум работающего двигателя патрульной машины затих где-то в лабиринте ночных улиц.

– Он соврал тебе, – раздался глухой, безличный голос от дверного проема и Стокк, вяло обернувшись, увидел Счастливирика-Терри, который стоял, привалившись к дверному косяку, и небрежно помахивал «Тайфуном» возле бедра, обтянутого штанами военного образца. – В нас не заложена программа убивать каких-то определенных людей. В нас, вообще, не заложена никакая программа.

ГЛАВА 13.

Боб Сэй придиричивым взглядом оглядел внука и Билла Ньюмена, удивительно преобразившегося после ванны и бритья, и одобритительно кивнул:

– Думаю, теперь мы в порядке. Как твоя рука Рикс?

– Нормально. Указательный палец, по крайней мере, действует.

Теперь Рикс и вправду не чувствовал боли, хотя кисть в умело наложенной повязке, по-прежнему выглядела уродливой, а пальцы выглядывали из-под нее сухими почерневшими сучьями мертвого дерева. Двух таблеток пантопона оказалось достаточно, чтобы жгучая пульсирующая боль в кисти затихла и покинула тело, и процедура обработки и перевязки прошла на удивление безболезненно. Дед никогда не показывал Риксу своей военной аптечки, и он с интересом рассматривал добротные герметические упаковки с незнакомыми, ничего не говорящими названиями: «Кодентол», «Лексодрин», «Сантрин»*. У Рикса возникло странное ощущение непонимания слов, написанных, вроде-бы, по-английски, но абсолютно ничего не значащих для него. Дед подозрительно посмотрел на внука и, как бы, между прочим, пояснил, что при частом употреблении многие из этих лекарств могут вызвать наркотическую зависимость, и употреблять их стоит только в крайнем случае. Это отбило охоту к изучению содержимого аптечки. Еще живо было воспоминание о том, как его сокурсник Дик Оверлоу, обхимичась какой-то дрянью, одним прекрасным весенним днем подошел на негнущихся ногах к постовому полицейскому и, ни слова не говоря, пырнул того ножом. А когда удивленный полицейский, растерянно улыбаясь, упал перед ним на колени, перерезал горло и себе.

Ньюмен, как заправский ковбой с дальнего запада, небрежно поигрывал лежащим на плече винчестером; тонкие вздрагивающие пальцы с обломанными ногтями нежно наигрывали бесконечные гаммы по цевью винтовки. Со слов самого Ньюмена, он в свое время был неплохим стрелком, да и теперь частенько практиковался в стрельбе, убивая время между редкими обходами своих кладбищенских владений и частыми возлияниями.

* Перечисленных препаратов в реальности не существует.

Рикс по-прежнему был вооружен «Люгером», спасшим ему жизнь. Стоило отдать должное пресловутому немецкому качеству, пистолет безотказно служил и по прямому своему назначению и в качестве молота. «Магнум» дед осторожно вложил в огромную кожаную кобуру и опоясался револьверным ремнем, свисавшим на правое бедро, какие можно сейчас увидеть только в вестернах и фильмах о золотой лихорадке в Калифорнии и на Аляске. Рикс думал, что если бы деду еще на голову пятиталлоновый «стетсон», то смело можно выходить на большую дорогу и грабить инкассаторские машины и почтовые фургоны. В довершение ко всему, чтобы как-то спрятать револьвер от любопытных глаз, Боб Сэй накинул на плечи черный плащ с капюшоном и стал совершенно похожим на главаря банды, что было совсем неплохо, если бы им предстояло запугать обычного человека. Но предстоящая встреча, на которую надеялись охотники, с кровожадным и хладнокровным хищником, спокойно распотрошившим любовников на кладбище, вряд ли бы решилась в их пользу только от крутой экипировки. Приходилось надеяться на собственную силу, а главное – на крепкие нервы.

– Ну, что ж, думаю, нам всем необходимо выпить и выехать к бензоколонке.

– Там больше нет бензоколонки, – глухо сказал Рикс, методично начиная две запасные обоймы серебряными пулями. – Я же рассказывал, что в нее попала молния. Она просто взорвалась, хотя, думаю, что бензина там давным-давно нет, просто это была такая молния, каких я не видел даже в фантастических фильмах. Это было черт знает что такое!.. Ого, – Рикс с удивлением уставился на приклад винчестера, который стоял теперь между колен Билла Ньюмена. – Что это? Это не наш винчестер?

– А, это? – дед равнодушно скользнул взглядом по винтовке. – Ньюмен ходил к себе домой, пока ты ездил в Куинсборо.

– Клево, – покачал головой Рикс, с восхищением рассматривая богато и затейливо инкрустированный приклад винчестера. Красное дерево и орех причудливо переплетались в странном и каком-то неземном узоре. По скромным прикидкам такое оружие стоило не меньше двух тысяч.

Ньюмен криво усмехнулся:

– Это воспоминание о тех днях, когда я был богатым и жил в большом городе на западном побережье.

– А-а... дьявол! И не страшно Вам было в такую грозу тащиться на кладбище?! Днем-то Вы боялись из дома выйти.

Ньюмен нервно дернулся и опять криво осклабился:

– Мы же не знаем, сколько продлится наша операция, поэтому я предупредил приходского священника о том, что уезжаю к сестре в Лэйкленд, и передал ему ключи от ворот обители и дома, а винчестер... я к нему привык. Он мой единственный друг вот уже пятнадцать лет... спасибо мистеру Сэю, он дал мне свою машину, и я смог подрулить прямо к дому, чтобы дверца автомобиля была напротив двери дома. Видел бы этого героя в ту минуту. У меня колени ходуном ходили, как после недельного запоя. Вот я завидую твоей храбрости, Рикс. После всего пережитого ты решился участвовать в охоте на дьявола.

– Храбрость тут ни причем. Просто таким злым я еще никогда в жизни не был. Какой-то вонючий, растреклятый волк чуть не откусил мне башку! Выродок трахнутый, кто бы он ни был! Дед, что там на нашем родовом гербе написано? «Спокойных Не Будет»?

– «Не отмщенных Не Будет», сынок.

– Тем более.

– Ого! – Раскрыл рот Ньюмен. – Почему же вы мне ничего не сказали, мистер Сэй, что являетесь потомками аристократического рода?

– Теперь это никто всерьез не принимает, – махнул рукой Боб Сэй. – Теперь всерьез никто ничего не принимает, кроме денег. Зачем тебе история рода и малопонятный девиз на шите, начертанный на средневековой латыни, если ты разезжаешь на «линкольне», делаешь вид, что жрешь в лучших ресторанах города, ящиками глотаешь «Шабли» и лапашешь самых дорогих шлюх в штате? Я вижу, что современным людям не только история рода, но и вообще история ни к чему. Их собственная история начинается в девять утра и заканчивается в полночь. Люди одного дня.

– Вы, мистер Сэй, как я погляжу, пессимист? Или это в Вас говорят суровые предки из далеких и мрачных веков святой инквизиции?

Боб Сэй пожал плечами и задумчиво проговорил:

– Н-да, неплохо бы сюда сейчас представителей Святой инквизиции. Вероятно, они помогли бы решить нашу проблему.

– Сомневаюсь, – очень самоуверенно заявил Ньюмен. – Ни крест, ни молитва не могут справиться с оборотнем.

Рикс мог поклясться, что в тоне сторожа ему послышались нотки... гордости – не гордости, а... превосходства что ли. Но это совершенно невозможно, тут же успокоил он себя. А когда Ньюмен повернулся к нему профилем и на огненном квадрате камина отпечатались его силуэт, Рикс внезапно поймал себя на мысли, что этого человека он уже когда-то, где-то видел.

Около трех часов ночи «Лендровер» Боба Сэя мягко и уютно урча, будто сытый и всем довольный зверь прошуршал по скупому освещенному мосту на левый берег Джой, и, минуя разбитую подъездную дорогу к кладбищу «Святого Августина», вырулил на шоссе 138, пересекающее штат с востока на запад.

Бешеный ветер, принесший страшную грозу, постепенно затихал, и косматые облака уносились вместе с ним, открывая бездонное небо, в котором словно в луже крови одиноко плавало бездушная, багровая луна.

Некоторое время машина шла вдоль полуобвалившейся кладбищенской стены, изъеденной и опутанной пожелтевшими змеями дикого плюща. Лунный свет преобразил и их. Змеи казались напоенными кровью, а кривые пасти необлещенных еще листов, жадно глядели в сторону медленно катящегося автомобиля, который траурно нес безумцев навстречу неведомой, сатанинской силе, в одночасье унесшей души трех человек.

Когда кладбищенская стена исчезла за поворотом, Рикс почувствовал, как холодеют у него ноги и злба на неуловимого зверя постепенно смешивается с волнами страха и неуверенности, неизбежных, когда идешь навстречу неведомому. Рикс успокаивал себя тем, что уж коли он один смог устоять против вервольфа, то трое неплохо вооруженных людей просто обязаны уничтожить чудовище. Другого выхода нет: или они убьют его, или оно их.

Профиль Била Ньюмена неотступно маячил перед Риксом, теперь в зловещем свете луны, отбрасывая уродливую тень на поляризованное стекло «Лендровера». Ньюмен, почувствовал взгляд Рикса, полуобернулся к нему, и в ту же секунду того будто осенило.

– Ну, конечно! Черт побери, я вспомнил! – закричал он, хлопнув здоровой рукой по бедру.

Боб Сэй притормозил машину и удивленно обернулся к сидевшему на заднем сиденье

внуку и сторожу кладбища «Святого Августина». Если бы старик был повнимательнее, то заметил бы, как напрягся Ньюмен и заходили желваки на его худом, тонко очерченном лице со следами всех пороков, существующих в мире.

– Я узнал тебя! Ты не Ньюмен!

– Конечно, нет, – хрипло сказал сторож. – Я архангел Гавриил.

– Дед, я узнал его! Это же лидер рок-группы «Премиум»! В прошлом году мы с Джереми оформляли танцевальный зал в колледже, и Джем приволок кучу старых постеров, на одном из плакатов было черно-белое фото «Премиум»! Вот черт! А я голову ломаю, где же видел его!

– Что за бред? – проворчал Боб.

– Ньюмен нервно рассмеялся:

– Инкогнито раскрыто, господа. Ты прав, Рикс. ... Завидная память.

– Это не бред, дедуля. Была в свое время популярная команда – «Премиум», ты должен ее помнить, в 70-х ей пророчили славу «Дорз». Парни вмиг стали миллионерами, а потом как водится пошло-поехало: алкоголь, наркотики, скандалы... твоя настоящая фамилия... Чи... Честер! Билл Честер! Дед, поздравляю, мы с тобой находимся в обществе рок-звезды.

– Бог мой, – простонал Боб. – Так ты еще и наркоман?

– Давно уже нет, – расслабленно промычал Ньюмен. – Теперь я просто алкоголик. В молодости, конечно, без кокаина не обходилась ни одна вечеринка. Это и было причиной распада группы. Мы честно вкалывали два года на вторых ролях, пока не появился добрый дядя из «Полар Рекордз» и закатил нам всемирное турне и миллионные контракты. Представляете себе двадцатилетнего, патлатого сопляка в драных джинсах, который заходит в салон «Феррари» и небрежно покупает колымагу стоимостью в пятьдесят тысяч? Продавцы «спасибо, пожалуйста, очень рады», телки из obsługi так просто плавают...

– Представляю, – вздохнул старик. – Такие орлы плохо кончают: или тюрьмой или пулей, а то и в собственном бассейне с петлей на шее.

– До этого дело не дошло... по крайней мере, у меня, – тяжело прошептал Билл Ньюмен-Честер. – Мне трудно вспоминать об этом.

– Подумать только, – схватился за голову Рикс. – Слава, деньги, интервью, весь мир у ног и вдруг... сторож в затерянном городке на заброшенном кладбище, среди мертвых гор! Это достойно трехтомного романа и фильма в семи частях.

– Успокойся, Рикс, – оборвал внука Боб, снова давая ход «Лендроверу». – Не видишь, что человеку неприятно об этом вспоминать? Извините его, мистер... Честер.

– Ради всего святого не надо, – выдохнул Билл. – Я навсегда выкинул это имя за борт. Уже двадцать лет я Ньюмен. Я привык быть им, и, в сущности, он неплохой парень. Мы с ним, в общем, ладим.

Ньюмен улыбнулся и сумрачно уставился в окно на неотступно плывущую вслед за ним луну.

Рикс смущенно замолчал и силялся вспомнить какие-то подробности скандала: связанного с распадом «Премиум». В каком-то старом музыкальном журнале он читал что-то такое жареное, что-то связанное с убийством бас-гитариста... впрочем, не бас-гитариста, а – а... Рикс закурил и стал смотреть на бесконечную ленту шоссе, по которому он всего пару часов назад возвращался из Куинсборо.

Вскоре фары «Лендровера» выхватили из темноты сторевавшую дотла бензоколонку и участок шоссе, усыпанный почерневшим битым стеклом, покореженными кусками рифленого железа и прибитыми к бетону дождем клочками газет, оберточной бумаги и разорванными упаковками блоков сигарет. Ветер уже совсем стих, и Рикс просто кожей

чувствовал разлитый по всей округе страх.

Крово-красные волны ужаса потихоньку вползали в машину. И внезапно Рикс понял, что это его ПОСЛЕДНЯЯ поездка в жизни. Он ЗНАЛ, что никто из них троих не уйдет отсюда живым.

ГЛАВА 14.

– Но если это не вы убили Деви Кима, то кто? – задал вопрос скорее риторический, Рей Стокк и отрешенно уставился на Счастливого – Терри, когда тот, наконец закончил свой невероятный, удивительный рассказ, в который при драматичности обстоятельств лейтенант не поверил бы и Папе Римскому.

– У тебя негусто с подозреваемыми?

– Признаться, теперь у меня их совсем не осталось.

Счастливчик издал какое-то подобие смеха.

– Я, конечно, лейтенант, был бы польщен и далее оставаться в этом качестве, но не хочу оставлять вас в приятном заблуждении. Я, разумеется, убийца... согласись, Стокк, любой солдат – это уже хиттер*... но не обязательно хиттер – это садист. Зачем мне, скажите на милость, было потрошить этих детей на кладбище и разве мы знакомы с вашим детективом Кимом, и он увел у меня жену? Где мотивы, Стокк?

Все время, пока говорил Терри, Рэй не отрываясь, будто загипнотизированный смотрел на необычный офицерский медальон Счастливого запутавшийся в густой волосе. Медальон этот был, конечно, необычным, но не имел ничего общего с тем, который был обнаружен сторожем Ньюменом на кладбище «Святого Августина», и из-за которого был убит Деви. На медальоне Терри была искусно выбита ощерившаяся волчья пасть, а под ней самый банальный, самый обычный воинский номер.

На столе лейтенанта в беспорядке, между бутылками и стаканами валялись разрозненные листы удивительных документов, непонятно каким образом попавших к нему в дом. Содержание многих из них Стокку помог понять Терри, но многое и для него оставалось загадкой.

Проект «Пробуждение» при всей своей бредовости был все-таки частично притворен в жизнь и не самая удачная часть этого проекта, как понял Стокк, сводилась, к следующему.

Исходя из предположения, что мозг человека неоднороден по своей структуре и вмещает в себя, кроме инстинктов, предрассудков и пороков современного гомо-сапиенса, еще все навыки охотиться, убивать и скрываться, плотоядных динозавров (травоядные брахио и бронтозавры не годились), акул, крокодилов, саблезубых тигров, волков и так далее, некий русский эмигрант, насмотревшийся «Франкенштейна» в исполнении своего соотечественника**, предположил, что в сером веществе любого из смертных можно найти активную «зону пробуждения».

Иными словами, где-то в мозге непременно находится некий конгломерат нервных клеток, вмещающий в себе память сотен лет эволюции от амебы до президента Соединенных Штатов.

Многие ученые, впрочем, уже давно высказывали подобные идеи, но Ник Самохофф от идей перешел, и весьма напористо, к практическим действиям. Он каким-то образом сумел увлечь этой бредней военное руководство, и то, к великому изумлению самого автора проекта, выделило деньги (и не малые) на опыты. Оборудовало специальный

* Хиттер – профессиональный убийца.

** Борис Карлов – один из лучших исполнителей роли Дракулы.

медико-биологический центр на острове Лаки-Айленд и взяло на себя труд по доставке «биологического материала» для экспериментов.

Терри попал на Лаки-Айленд, когда операции на мозге были уже более-менее отработаны. С большой степенью вероятности можно было не только оставаться в живых и вести нормальный образ жизни, насколько это возможно для крутых парней, набравших жизненного опыта в Голдмидле в первую двухлетнюю войну, но и незнаячи обнаружить в себе новые удивительные и необычные способности, простым смертным недоступные. Ради этого, пожалуй, стоило терпеть и тюремный режим базы, и бесконечные малоприятные тесты психологов и психиатров, и изматывающие тренировки с утра и до глубокой ночи. Они, разумеется, были максимально приближены к реальным условиям в Миддле.

Как имеющий среднее медицинское образование, Счастливчик пользовался определенными привилегиями. К тому же сказать, сержанта морской пехоты с Серебряной звездой особенно никто не утруждал марш-бросками по воняющим хлором и сероводородом искусственным водоемам, копирующим бездонные болота азиатской страны. Кроме малоприятных запахов в джунглях присутствовали равно малоприятные создания – электрические сомы, способные одним прикосновением усиков вызвать паралич ног, болотные гадюки, яд которых во много раз сильнее яда королевской кобры, и поразительно крупные кайманы, не брезгающие нападать на человека.

Терри не грозила смерть от одной из этих напастей, иначе он просто не сумел бы дослужить до сержантских нашивок. И в то время, когда сослуживцы по группе в болотной жиже нещадно материли офицерский состав базы Счастливчик находился в стерильной операционной и помогал Сью Лонк и Барту Гинни, которые потрошили мозги всякому отребью, что по воле Божьей не отправились в газовую камеру.

В далеком одуванчиковом детстве Терри мечтал стать чем-то вроде летающего супермена из комиксов. Ему тоже хотелось шутя останавливать товарные поезда на полном ходу, ровнять с землей неприступные горы и поворачивать вспять реки.

– А именно это и обещали милашка Сью и кровопийца Барт. Эти крысы обещали, что наша группа, о названии «Вервольф» тогда еще не было и речи, будет самой сильной, самой неуязвимой, самой высокооплачиваемой. Короче говоря, Стокк, за пару лет, проведенных на курортах Азии, я смог бы без труда сколотить целое состояние и провести остаток лет в собственном доме, плюя с балкона на английский газон собственного парка. Для меня это было очень важно, лейтенант.

– Для большинства в армии деньги – это единственное, чего они хотели бы получить от нее, – согласился Рэй. – Это не великий секрет.

– Можешь мне поверить, у меня все гораздо сложнее. Моя женушка очень верно ждала меня с первой двухлетней. А чтобы не чувствовать себя одинокой в ночных бдениях и молитвах по моей грешной душе, приглашала на литургии пару своих приятелей, не отягощенных интеллектом, но сливхой отягощенных другим. ... Старо как мир: графство Ширинка, округ Штаны...

До сих пор я ничего не знаю о своем сыне. Когда я потерял его, ему было три или четыре года, а мне нужны были деньги. Я хотел отомстить. Это не должно было быть банальное убийство, за которое к тому же пришлось бы гнить в тюрьме до конца своих дней, зная, что твой мальчонка как перекапти-поле мотается по стране, подворовывая в супермаркетах, чтобы не сдохнуть с голоду.

– Кажется, я догадываюсь, – щелкнул пальцами Рэй. – Что нибудь связанное с психикой? Вероятно, вы неплохо в этом разбираетесь после Лаки-Айленд?

– Совершенно верно, – согласился Терри. – На женскую логику легче всего оказывать определенное влияние, особенно, если знать ее склонности, интересы, привычки.

– И если обладать сверхчеловеческими чувствами, как у Вас, – продолжил лейтенант. Как Вам удалось слышать шум двигателя за несколько миль, да еще и определить тип автомобиля?

– Это самое простое из того, что я умею, – серьезно произнес Терри. – После «пробуждения» я стал «носителем», по крайней мере, восьми паранормальных способностей. «Носитель» – это словечко придумала Сью, земля ей пухом.

– А кстати, что случилось с ней? В одном из документов говорится, что на базе произошел какой-то «досадный случай», в результате которого погибли и она, и ваш кровопийца Гинни и сам автор проекта «пробуждение» Самохофф?

– «Досадный случай», – язвительно проговорил Терри. – Случай действительно, досадный, если учесть, что проект фактически был завершен.

– Их убрали?

– Ты быстро улавливаешь, лейтенант. И грамотно убрали – не подкопался. Не хотел бы я оказаться на их месте. – Терри передернул плечами, вызвав легкий сквозняк в комнате. – Целый взвод собирал их обглоданные кости по лабораторному блоку.

Рэй Сток крепко затянулся, пустив из ноздрей сизый смерч дыма. Сержант Терри сумрачно посмотрел на сигаретные облака.

– Ночью почему-то отключился ток в виварии и «гиены» вырвались на свободу. Я всегда говорил, что эти нововведенные электрические запоры дерьма собачьего не стоят. Так и произошло. Охранникам они просто отгрызли головы. Головы потом нашли в мусорном баке. Одна кудрявая, чернокожая, другая молочно-белая с короткой стрижкой и обе без глаз. Черт его знает почему, но на центральном пульте не приняли сигнал тревоги, и «гиены» беспрепятственно проникли в жилой блок базы, а крайним к лабораторному корпусу как раз и стоял коттедж Ника Барта и Сью. ... Только спустя час ночной патруль поднял тревогу. Пока охранный батальон морской пехоты оцеплял научный городок, мы прочесывали территорию жилого и лабораторного блока. Можно сказать, это и было боевым крещением, мы впервые всей группой участвовали в деле.

Видя недоумение в глазах лейтенанта, Счастливчик пояснил:

– Гиенами мы называем тех, кто неудачно перенес «пробуждение». Оно не всегда проходило удачно, особенно в первое время. Человеческим в таких случаях особям оставалось только тело, да и то со временем оно деформировалось. А поведение мало чем отличалось от звериного. Один малый придушил своего приятеля по комнате и выел ему кишки, печень... в общем, ливер, а наутро его долго не могли выманить из туалета. Он там мясом набил полный бачок... говорящая гиена. Зрелище еще то!

Отчего-то чаще всего получались «гиены» и «крокодилы». ... Вот такую братву мы и должны были уничтожить, девять уродов. Не скажу, что это было легко, у многих из них за плечами была война, и служили они не в пехоте или авиации, а в спецвойсках. Ну, мы то тоже не были обычными людьми. Короче, на всю операцию ушло минут двадцать. Мне достались два «крокодила», которые пытались пробиться к болотам. ... Крокодилы в темноте не видят...

Сток уже не знал, как реагировать на все услышанное и увиденное за последние пару дней. Одно из двух: либо он, либо весь остальной мир внезапно сошел с ума.

Вот так живешь себе спокойно до сорока лет, расследуя убийства и изнасилования, и в один прекрасный день является к тебе семифутовый громила, видящий в темноте лучше кошки и различающий марки автомобилей по шуму моторов за десяток миль, и разглагольствует о людях-гиенах и людях-крокодилах, и пистолет у него похож на ракетную установку. А два дня назад кто-то выпотрошил двух сексуально озабоченных студентов в часовне не кладбище, а твоего лучшего инспектора убивают в клозете полицейского участка из-за какой-то платиновой висюльки...

Рэй помассировал виски, и устало вымолвил:

– Я, вероятно, должен всему поверить? Или мне лучше обратиться к психиатру и попросить закрыть меня в отдельной палате, потому что мне в каждом встречном мерещатся крокодилы?

Терри опять вызвал сквозняк пожатием плеч и протянул лейтенанту свой пистолет.

– Ты когда-нибудь видел такое?

Стокс с опаской взял пистолет в руки и машинально взвесил в руке. «Килограмма два». Несмотря на сходство с танковой пулеметной двойкой, пистолет удобно лег в ладонь и Рэй, знавший толк в оружии, прищелкнул языком.

На стволе значилась надпись: «Вервольф Терри Гордон Сэй 9НХ 23 С», и что-то в этой надписи насторожило лейтенанта.

– И чем же стреляет эта игрушка? – сумрачно спросил он, возвращая пистолет.

– По желанию клиента. Можно концентрированным выбросом напалма, можно реактивным патроном с шариковой начинкой.

– Бог мой!

– Вот именно. Именно так и кричали мидлланцы. Они хотели жить, мы хотели выжить и заработать. В конце концов мне это надоело и я дезертировал, и в одиночку пробыл три года от Райгуна до родных берегов...

– Но война в Голдмидлле закончилась десять лет назад!

– Н-да?

– Не хотите же вы сказать...

– Именно. Официально война закончилась десять лет назад, неофициально еще лет семь все крупные города в порту Голдмидлла жили в постоянном страхе.

Они боялись пить воду, пользоваться газом, есть выловленную в Черном заливе рыбу.

Время от времени в столице раздавались взрывы, причем в очень людных местах – то в кинотеатре во время вечерних сеансов, то на рынке рано утром. И вот ведь что удивительнее всего: преступники были неуловимыми... или почти неуловимыми, и хотя ответственность за террористические акты брали на себя попеременно то Красные тигры, то Фронт освобождения, а правительство огнем и мечом расправлялось с ними, взрывов не становилось меньше, диверсии на заводах и фабриках продолжались.

Так что не надо мне об окончании войны и флагах на башнях. Если и говорить кому об окончании войны, то сержанту «Вервольфа» Отто Линцу и мне!

А Вы мне тут толкуете о психиатре! Семь лет, проведенные в аду, – вот хороший повод обратиться к психиатру! Отто, увязший в болоте и облепленный червями и пиявками, умоляющий, чтобы я его пристрелил – вот галлюцинация достойная дурдома!..

Зажрались вы тут все.

– Вы убили его? – тихо спросил Рэй.

– А что бы сделали Вы для своего друга, которого изнутри жрут личинки мухи-крысоедки, а глаза высосали блестящие, жирные пиявки в фут длинной? Отто был моим единственным другом, и погиб он уже на пути домой... Я так удачно удалил ему кодатор и... все напрасно.

Взгляд Терри затуманился, и он как-то весь обмяк.

– Завтра сюда прибывает отряд агентов с Лаки-Айленд. Вы видели, как ко мне приезжал некто Симпсон, они охотятся за Вами.

– Я знаю, Стокк. Они ведут меня от самого Порт-Галло.

Но я уже достиг цели своего путешествия. Джойстаун – моя конечная остановка. Пассажиры просят не торопиться и не забывать своего багажа.

– Что они с Вами сделают?

– Неужели не догадываетесь? Извинятся за доставленное беспокойство и возместят

моральный и физический ущерб, я, видите ли, из скромности отказываюсь от встречи со службами разведки и предпочитаю вести ночной образ жизни. Они, конечно, предварительно заинтересуются, как мне удалось избавиться от кодатора и выйти из-под контроля ПКП.

Вижу, не понимаете. Кодатор – это такая штука, которая не дает пробужденному выйти из-под наблюдения особой группы ФБВР, а я нашел способ удалять начинку кодатора без угрозы для жизни.

Вот этот шрам, – ткнул Терри себя в висок, указывает на широкий зубчатый рубец, – результат беспрецедентной операции на собственном мозге без наркоза. Достоинно занесения в книгу Гиннеса. Сволочь Гинни и шизофреник Самохофф и не подозревали, что всей своей беспутной жизнью пишут продолжение «Франкенштейна».

А я, надо полагать, последняя страница в этой книжечке. Между прочим, этот Симпсон, что забегал к тебе, два последних года служил в группе обеспечения пункта корректировки поведения... гнида.

Счастливчик нервно рассмеялся.

– Надо же, только сегодня я узнал, где же находится этот чертов ПКП!

Они здорово подстраховались. Атомная подводная лодка «Лизард»! Я думаю, она все время несла патрулирование в Черном заливе, мощности генератора хватает, чтобы покрыть квадрат площадью в полторы тысячи миль! А мы с Отто, как последние идиоты, целый год вынюхивали, нет ли в Райгуне здания филиала «Пасифик Бэнк», на одном из этажей которого вместо худобедрых крашенных секретарш и очкастых бухгалтеров сидит какой-нибудь Симпсон с компанией и по своему желанию превращает нас в ночной ужас Голдмидлла.

– Но как?! В бумагах ничего не сказано о лодке «Лизард»!

– Этот Симпсон очень честолобивый парень, в его голове все время прокручивается картинка торжественного вручения Серебряной Звезды группе обеспечения. Он просто раздувается от осознания собственной значимости. Но на самом деле это мелкая сошка, подвизавшаяся на грязных делах.

– Дьявол! Вы читаете мысли?!

– Не у всех и не всегда. Легче всего просвечиваются люди ограниченные, одержимые, патологически агрессивные. Как я это делаю? Не спрашивайте, не знаю. Просто это происходит.

Терри замолчал и выразительно посмотрел на документы. Лейтенант же ошалело рассматривал «Тайфун» Счастливчика, покоившийся на коленях. «Терри Гордон Сэй»... «Терри Сэй»...

Стокк с трудом поднялся из кресла и, пошарив в сейфе, вытащил старинный манускрипт в кожаном переплете.

– Что вы можете сказать об этом, сержант?

Терри повертел книгу в руках, наугад раскрыл и аккуратно положил на стол среди разбросанных бумаг с грифом «Совершенно секретно» и «Собственность Президента».

– Я могу сказать одно. Стокк. Это моя книга.

ГЛАВА 15.

В семь утра в окружной морг при полицейском управлении вошли двое. Лейтенант Стокк поздоровался с унылым и рассеянным патологоанатомом и представил своего спутника в просторной, цветастой рубашке и защитного цвета штанах.

– Это мой помощник, офицер Сэй. Мы бы хотели осмотреть трупы.

– Вы мазохист, Стокк, – вяло заметил Рой Готлиб. – Нормальный человек не может смотреть на такое, а вы по второму разу. Ну, уж коли приспичило, идите смотрите, –

Готлиб махнул рукой в сторону холодильных шкафов и закурил.

Лейтенант выдвинул первый ящик и отступил, приглашая Счастливику-Терри подойти поближе.

— Однако, — покачал головой тот и наклонился поближе. С минуту он напряженно рассматривал то, что осталось от тела девушки. — Второй?

Стокк выдвинул следующий ящик. На этот раз Терри лишь бегло осмотрел труп и медленно обернулся к лейтенанту.

— Их разорвал волк, — уверенно произнес он.

— Это полная ерунда, — Готлиб устало затягивался сигаретой и косил покрасневшими глазами на Рэя и Терри. — Я бы больше поверил в то, что они пали жертвой тигровой акулы. Ведь по...

— Вам придется поверить в истину, а истина состоит в том, что на эту парочку напал волк, — спокойно повторил Сэй, не оборачиваясь на врача. — Это было примерно в половине одиннадцатого вечера позавчерашнего дня. Они пили сухой «Мартини». Правда выпили немного, надо полагать, зверь выслеживал их и напал, когда они только собрались попить.

У Готлиба и Стокка отвисли челюсти. Врач тоскливо улыбнулся и пожал плечами:

— Ну, раз мистер прорицатель утверждает, не могу спорить. Только хотелось бы узнать, из каких краев родом этот хищник, потому как в радиусе восьмисот миль вряд ли можно отыскать зверя опаснее полевой мыши.

Терри отрешенно, как на пустое место, посмотрел на врача и в свою очередь пожал плечами, как бы говоря: «Ты дурак, парень, но я в этом не виноват».

— Извините, док, нам с лейтенантом нужно срочно переговорить наедине.

— Пойдемте, Сэй, в мой кабинет. Надеюсь, там убрали.

В кабинете лейтенанта, где, действительно, убрали и даже заменили сейф и жалюзи, Счастливику сделался необычайно возбужденным.

— Черт побери, все-таки это правда! Клянусь дьяволом! Понимаешь ли ты, Стокк, какое дело тебе досталось?!

— Еще бы, — угрюмо промычал Рэй и перекатил незажженную сигару во рту из угла в угол.

— Черта с два ты что-нибудь понимаешь! Эту парочку, действительно, убил волк и огромный, но сейчас он не отлеживается в лесу, а где-нибудь в кабаке хлещет бурбон, или развозит по деревням благотворительную литературу, или торчит у себя в квартире и смотрит по видео «Звездные войны». Их убил оборотень, Стокк. Человек-волк. Ликантроп. Вервольф. Вервольф без кавычек.

— Ты спятил, — прошептал Рэй, невольно переходя также на «ты».

— Никогда не был в более здравом уме. Не знаю, каким образом к тебе попала «Книга мертвецов», хотя, после твоего рассказа о визите моего отца догадываюсь, но я забыл тебе кое-что рассказать.

«Некрономика» хранится в нашей семье с четырнадцатого или пятнадцатого века, и как она попала в руки моих предков, никто точно не знает. Но из поколения в поколение передается легенда о том, что некий Сэр Козн из рода Сэй-Торглотов, алхимик и чернокнижник, продал свою бессмертную душу Сатане в обмен на тайные знания природы и сущности всех вещей.

— Много чего интересного, наверное, узнал Сэр Козн, — мрачно заметил Стокк.

— Наверное. И среди этих интересных вещей — обряд обращения человека в волка, ко всему прочему. Не знаю уж, рыскал ли Козн по ночным, пустынным дорогам в поисках человеческой жертвы, но на одном семейном портрете кисть безвестного художника запечатлела его в парадном камзоле с золотой цепью и волчьей мордой.

– Это интересно, – проронил лейтенант. — Но хотелось бы узнать, какое отношение имеет...

– Надеюсь, никакого. Я просто хочу доказать тебе, что неверие в очевидные, хотя и невероятные, вещи приводит иногда к очень плачевным последствиям, как в твоём случае, и к ограниченности восприятия мира в других случаях.

– Но еще не было никаких плачевных последствий, – вяло возразил Стокк.

– Неужели? Вы не захотели поверить в то, что найденный сторожем медальон имеет магическое назначение, и результат – нелепая смерть вашего инспектора, не так ли? А пока луна идет на убыль, кто знает, что еще может произойти.

И, словно в подтверждение слов сержанта, в кабинете Рэя отчаянно затрезвонил телефон.

– Лейтенант Стокк слушает.

– Пока расстроенный лейтенант принимал неслышимую для Терри Сэя информацию, лицо его из угрюмо-апатичного менялось в сторону растерянно-забоченного. А когда трубка телефона замолчала, лицо командира группы по расследованию убийств походило

на кроваво-красную луну, вторую ночь появляющуюся над Джойстауном и предвещающую очередное убийство.

– Сэй, ... мне очень жаль...

– Я слышал, – тихо, но твердо сказал Терри, пристально рассматривая свой пистолет, будто впервые в жизни видел такую забавную штуку. – И ожидал нечто подобное. Как видите, мои предостережения сбываются, лейтенант. ... Следующая ночь должна быть последней.

Стокк все еще переваривал сообщение Майка Готфрида, который находился как раз на месте происшествия.

– У нас неприятности, шеф. Еще одно нападение. Машину заметил водитель молочного фургона, возвращающийся из Куинсборо.

– Ему показалось подозрительным, что «Ровер» стоит на опушке леса, упершись радиатором в сосну, и по радио он связался с полицейским управлением, я только-только заступил на дежурство. По номерам мы определили владельца автомашины – это майор флота в отставке Боб Сэй. ... Его труп... остатки трупа находились прямо в машине.

Второе тело обнаружено метрах в десяти от машины. Это парень лет двадцати. ... Его как-будто жевал койот или... волк, черт побери! Мы отправили его в Манфредский госпиталь, док уверяет, что он останется жить... хотя я на его месте скончался бы, вся правая сторона лица, понимаете...

Терри, наконец, закончил исследовать пистолет и спрятал его под широкополую гавайскую рубашу.

– Думаю, ты догадался, что парень лет двадцати – мой сын, глухо проговорил он. – Мне нужно немедленно поговорить с этим сторожем, как его, Ньюмен? Ты одолжишь мне машину с рацией?

Стокк немедленно кивнул.

– Без проблем. А я пока навещу вашего парнишку в госпитале. Может быть, он уже пришел в себя, тогда его показания, несомненно, помогут нам.

– Само собой, – согласился Терри, и встал.

– Возьми мой служебный «Ягуар». Он без опознавательных знаков, поэтому не привлекает ненужного внимания, а в случае чего без всяких ссылайся на меня.

– У тебя будут проблемы с военной разведкой, лейтенант. Разумнее мне будет действовать в одиночку и в случае чего – машину я угнал. Не забывай, что я ожидаю почетный караул, и очень скоро. Если в том будешь замешан еще и ты, то в лучшем случае можешь готовиться к пенсии с не ахти каким жирным пособием. Это тебе нужно? А дело с оборотнем теперь мое личное дело, не так ли?

– Разумеется, но...

– Брось, Рэй. Мы же понимаем, что к чему. Ну, кто лучше, чем я, сможет справиться со зверем? Я же «Терри Гордон Сэй 9 НХ». То бишь, девять нестандартных характеристик. – Сержант выразительно похлопал по выделяющемуся каким-то диким наростом пистолету под цветастой рубашкой. – В джунглях со мной не связывались даже тигры. Знаете, что такое тигр?

– Видел в зоопарке, но...

– А я видел в своей палатке. Тигр тоже меня видел. Недолгое время, теперь не видит и, смею уверить, никогда не увидит больше ничего.

– Сдаюсь, сержант. Что вы думаете предпринять?

– Охоту, лейтенант! Охоту! «Вервольф» против вервольфа. Неплохо звучит, да? Прямо заголовок для газет. Мы оба, Рэй, существа сверхъестественные, один создан черной магией, другой «черными» руками сумасшедших хирургов. К тому же, никаких особенно важных дел на этом свете у меня не осталось, так что...

– А как же мечь? Как Ваша жена?

– За меня отомстили. В вашей дежурке висят портреты «Разыскивается». На одном из них моя жена. Она в розыске с прошлого года, безрезультатно, конечно, вы никогда не найдете ее. Река унесла тело к океану, ее обглодали рыбы, а кости разбросаны по дну на много миль. Это был несчастный случай.

Сток с трудом закрыл рот и сглотнул слюну.

– Я все никак не могу привыкнуть, черт дер! Вы узнали это, мельком глянув на портрет?

Терри криво ухмыльнулся.

– Похоже на выступление заштатного экстрасенса, а? И тем не менее.

– Ну, ладно, пойдемте к машинам, не будем терять время. Похоже, Вы правы насчет работы один на один, но Вам придется взять меня с собой. Для прикрытия. Дело-то все-таки висит на мне, а я не могу пожирать плоды руками другого.

Сток с непонятной тревогой проводил настороженным взглядом черный «Ягуар» и щелчком ловко послал окурок сигары в металлическую урну.

В тот момент, когда лейтенант Сток припарковал свой старый «Корвет» на служебной стоянке Манфредского госпиталя, Счастливчик-Терри задумчиво рассматривал жилище Била Ньюмена, окруженное безмолвными, кое-как ухоженными могилами.

Временно его заменяющий монах-доминиканец показал сержанту, кроме всего прочего, маленькую, скрытую от посторонних глаз спальню и продолжил прерванную утреннюю молитву. В спальне царил показательный для алкоголика порядок, отдающий затхлым аскетизмом. Узкая железная кровать, одинокий вытершийся коврик и большой письменный стол, который никак не вязался с нарисованным Рэем унылым портретом сторожа. Над столом висела неплохая репродукция Иеронимуса Босха.

Как ни было чисто и прибрано в комнате, Терри все-таки уловил еле слышимый запах чего-то тошно-кислого, будто где-то на шоссе проезжал мусоросборник. Запах был неясный, но сержант не мог его спутать ни с чем.

Это был похожий на вонь протухшей рыбы запах дикого зверя. И Терри мог поклясться, что зверь заглядывал сюда совсем недавно.

На массивном письменном столе из мореного дуба, лежала аккуратная стопка книг и журналов, стоял старомодный и, как видно, антикварный письменный прибор. Ручка массивного пресс-папье была выполнена в форме головы улыбающегося черта. Что-то было в этой улыбке зловещее и неотвратимое, как тень от крыльев Ангела смерти Азраила. Терри неторопливо и внимательно перелистал книги и нахмурился.

«Практическая демонология», «Оккультизм и влияние на людей», «Неомистицизм». Под зачитанными до дыр томиком дьявольской литературы Счастливчик совершенно неожиданно обнаружил три-четыре номера журнала «Мьюзик Лайф» двадцатилетней давности.

И хотя связь между национальным музыкальным журналом и библиотекой колдуна пока не просматривалась, Терри внезапно стало ясно, что разгадка судьбы сторожа кладбища «Святого Августина» кроется именно в этом.

Сержанту не пришлось изучать все сто с лишним страниц каждого журнала, интересующие его статьи были заложены десятифунтовыми бумажками. Лежащий сверху сентябрьский номер раскрылся на обширном опусе с кричащим заголовком во всю полосу: ««Премиум» солирует на шабаше!»

Честер признался, что с детства испытывал тягу к оккультизму! Некий Джо Реминз достаточно красноречиво описывал вой полицейских сирен в ночи, расколотые пополам двери и непосредственно картину, обнаруженную полицейским.

Подпольные Черные мессы – явление не особенно редкое, но в данном случае налицо

был сладостный для журналистов, грязный и низкопробный скандал.

Во время дьявола служения были арестованы сливки музыкального и киношного общества, и среди них популярная рок-группа «Премиум» почти в полном составе (не хватало бас-гитариста, которого затем обнаружили на пляже Бич-Ронз с перерезанным горлом), известная актриса с бурным прошлым и унылым настоящим, режиссер, собравший за десяток лет все первые призы на многочисленных фестивалях, и прочая, прочая...

Терри Сэя заинтересовала главным образом группа «Премиум». На прилагавшихся к статье черно-белых фотографиях сержант увидел рок-группу в полном составе в помещении студии «Полар Рекордз» – улыбающиеся мальчики в золоте и платине на вершине музыкального Олимпа, затем Билли Честера, раздающего автографы не выходя из лимузина, смахивающего на стратегическую подводную лодку, и наконец, бас-гитариста Стива Шейна, полузакопанного в грязный песок второсортного пляжа.

По всему было видно, что последний снимок журналисты раздобыли в полицейском участке, и любознательный читатель мог полностью насладиться зрелищем распоротого горла, что и называется «от уха до уха».

В самой статье слезливо описывалось детство Вильяма Честера в захолустном городишке на Востоке, в семье фанатичной католички и дважды судимого за шарлатанство папаша, который с измательства приучал мальчишку разбирать астрологические каракули и кабалистические знаки, чтобы тот в дальнейшем сумел помогать престарелому отцу в незаконной, но довольно процветающей, практике прорицателя и экстрасенса.

Местный Нострадамус использовал сына также и как очень поддающегося внушению медиума, накачивая его перед сеансом опийной настойкой. Неудивительно, что Билл вырос очень впечатлительным юношей с мистическим настроением ума, что наглядно демонстрируют его песни, полные фантастических аллегорий, потусторонних героев и неземных чувств.

Будучи на гастролях в Египте, по предположению журналиста, Билл Честер встречался со жрецами культа мертвых и привез оттуда какой-то необычный талисман, которым очень дорожил и никогда никому не показывал.

Якобы, именно после этих гастролей Честер резко изменился, и не в лучшую сторону для группы.

Он стал замкнутым, апатичным, неразговорчивым, что начисто разрушало имидж группы, старающейся возродить традиции незабвенных «Битлз» в шоу-мире. Короче говоря, были нелицеприятные объяснения с менеджерами группы, расплывчатые статейки в газетах, скандалы со срывами запланированных записей на «Полар Рекордз».

А закончилась эта не очень долгая эпопея, как уже было известно Терри, арестом «Премиум» на подпольном сборище в особняке бас-гитариста Стива Шейна, которого дома вообще не оказалось и кого нашли только на следующий день, присыпанного песком, вымоченного в собственной крови.

Терри мельком просмотрел публикации в других номерах «Мьюзик Лайф» и аккуратно сложил книги и журналы на прежнее место.

Все, что ему нужно было узнать, он узнал.

ГЛАВА 16.

– Да, вы что, лейтенант, ошалели? – ворчал высокий, седовласый и необыкновенно дерганный врач, оттесняя Стокка в коридор от дверей операционной. – Какие могут быть вопросы?!

– Важные, – не сдавался тот, держа перед носом доктора полицейский значок. – Одно

его слово может спасти кому-то жизнь.

– Придется подождать, пока жизнь спасут ему, а потом можете требовать от него целых предложений и, возможно, спасете все человечество.

– Он без сознания? Но, может быть, он что-то говорит в бреду?

– Конечно, говорит...

– Что?! Что он говорит?!

– Как и положено – бред...

– Доктор, Вы не можете так относиться! Неужели Вы не видите, что тот, кто его так отделал, способен на все! Расскажите, как он бредил, что говорил?

– А-а, черт знает что! Ничего он не говорил! Нес что-то про премию, про какого-то Честера. ... Бредил, одним словом!

– Про Честера? Честер, вы говорите?

– Ну да, Честер... Билл Честер.

– Вы уверены, что правильно расслышали?

– Конечно, не уверен.

– Ладно, спасибо, док, – задумчиво проговорил лейтенант и, резко повернувшись, зашагал к выходу. – Дайте знать, как только он придет в себя. ... Обязательно!

В машине Рэй поднял трубку радиотелефона и попросил оператора соединить его с номером Ньюмена.

Когда на другом конце подняли трубку, Стокк услышал знакомый и абсолютно спокойный, что больше всего поражало Рэя, голос Счастливого.

– Как дела, лейтенант? Как там Рикс?

– Он в операционной. Хирург говорит, что операция займет часа четыре, не меньше. Они хотят пересадить кожу и ткань на лицо... ну, Вы сами понимаете, как обычно делают. Чтобы пациент не очень страдал, когда начнет поправляться и заглядывать в зеркало.

– Само собой, – согласился Терри.

– А как Ньюмен, в порядке? Он страшно боялся оставаться на кладбище, вы встретились?

– Пока нет, – напряженно и как-то многозначительно откликнулся сержант, и Рэй почувствовал, как похолодело в районе желудка.

– Стокк, ты не мог бы описать его?

– Среднего роста, блондин, зеленые глаза. ... Когда трезвый. Худошавый, но не болезненно, а скорее спортивного типа. ... Что стряслось?

– Все сходится. Ему сейчас что-то в районе сорока?

– Вроде того...

– Я знаю кто оборотень.

– Ка-ак...

– Это Билл Ньюмен. Двадцать лет назад он назывался, Билли Честером и солировал в рок-группе «Премиум».

– Что-о... я выезжаю, Сэй! Ждите меня там!

Монах уже закончил молитву и пригласил Терри позавтракать с ним, когда тот почувствовал запах зверя. Это был еще очень далекий и очень неясный запах, принесенный порывом ветра со стороны реки, но, несомненно, так вонять мог только зверь-перевертыш, человек-волк.

Одновременно с этим сержант также расслышал рев двигателя «Корвета», который

приближался со стороны города.

«Миль девяносто в час и без сирены. Лихой парень».

– Вы не знаете, мистер Сэй, – мягко заговорил монах, которому на вид можно было дать лет двадцать-двадцать пять. – Брат Ньюмен надолго ли уехал?

– Насколько я мог судить, не очень, – ответил Счастливец. – Я даже могу с уверенностью сказать, что не сегодня-завтра он вернется. ... Хороший кофе.

– Брат Ньюмен не очень ревностный христианин, – с сожалением продолжал монах. – Он не посещает Храм Божий, вот и в доме его я не вижу Святого распятия... но мы молимся за него, всякая душа угодна Господу.

– Но думаю, – возразил сержант. – Некоторые души людские давно во власти дьявола. Не так ли, брат?

Монах смутился, но ненадолго.

– Власть нечистого призрачна и недолговечна, брат Сэй...

– Вы уверены в этом?

– Что вы имеете в виду? – нахмурился доминиканец.

– Призрачность. Вам не кажется, что деяния сатаны на грешной земле носят слишком разрушительный и кровавый характер, чтобы называть их призрачными?

– Ах, это, – почтительно и с достоинством склонил голову монах. – Вы, конечно, более меня прожили на свете...

– Точно. Лет на двадцать, брат мой. И жил я, заметьте, не в стенах монастыря, а воевал в этих проклятых джунглях и насмотрелся столько крови и вывалившихся из животов кишок, что трудно мне поверить в призрачность и недолговечность власти сатаны.

– Грешно так говорить, брат мой, – смутился монах.

– Грешно не говорить об этом, – возразил Терри и отрешенно посмотрел в окно. – Вон там точно лежит самый недолговечный продукт божеского творения. Гадкие, мелочные, завистливые, трусливые людишки. Если и есть что-то более призрачное, чем человеческая жизнь, то я этого не знаю. А ведь посмотрите, как каждый хватается за свою жизнь! Будто нет на свете ничего более ценного! Мне их жаль. Они несовершенны.

– Они созданы, по образу и подобию...

– Возможно, брат, возможно и созданы по подобию, готов даже согласиться с этим, но они так и остались жалким подобием. Могут они ходить по водам, «аки по суху»? Воскресать из мертвых? Накормить тремя кильками батальон?.. Молчите?

– Мне трудно спорить с Вами в таком тоне.

– Тон тут ни при чем.

– А чем Вы лучше их? – возвысил голос монах. – Вы такой же. Вы тоже ничего этого делать не можете, но не станете же Вы отри...

– Я не такой. И кое-что из перечисленного я, пожалуй, сумел бы.

Доминиканец испуганно перекрестился и пробормотал:

– Гордыня наша всему виной, гордыня...

– Я бы добавил: лень.

Молоденький монах вконец стушевался и под не очень убедительным предлогом вышел из дома, скрывшись в какой-то из заросших аллей кладбища, продолжая

что-то бормотать себе под нос.

Минут через десять в ворота кладбища «Святого Августина», отчаянно визжа тормозами, влетела молочно-палевая машина с поляризованными стеклами и со скрежетом затормозила возле приоткрытых дверей дома.

– Где он? – рубанул с порога Рэй и с удивлением воззрился на спокойно попивающего кофе сержанта.

– Он будет здесь. Чуть попозже. Присядьте пока, отзавтракайте со мной, а то, кажется, я немного испугал своего сотрапезника.

– Какого еще сотрапезника?

– Монаха-доминиканца. Вы любите богословские беседы?

– Нет. Какого черта здесь делает монах? Ньюмен... тыфу, дьявол. Честер собрался в монастырь замаливать грехи?

– Его вообще нет в городе, как уверяет брат Иосиф. У него где-то в захолустье срочно заболела сестра, и он вчера ночью отбыл туда, ... однако, мне кажется, что он не так далеко, как полагают некоторые.

– В спальне. ... Все найдешь на письменном столе, – пояснил Терри, обращаясь к спине лейтенанта.

– Как Вы можете после всего этого сидеть и пить кофе? – донесся уже из спальни голос лейтенанта.

– Я еще не то могу, – сообщил Терри и проглотил четвертый сэндвич с сыром. – Суэта, вообще, никогда ни к чему хорошему не приводит. Не суетись и умрешь достойно.

Минут через пятнадцать ошарашенный лейтенант медленно вышел из спальни, плотно закрыв за собой тяжелую дверь.

– Я бы выпил чего-нибудь покрепче кофе, – невнятно проговорил он, садясь за стол. – Вот чего я не могу понять, зачем Ньюмену-Честеру было отдавать мне свой чертов медальон, если он не может без него заниматься своим... ремеслом?

– Не может, – подтвердил сержант. – Медальон, видимо, и есть тот самый талисман, который он привез из Египта. А в том, что он отдал тебе эту реликвию, нет ничего удивительного, он просто подстраховывался и, как обычно в таких случаях, перемудрил. Впрочем, я полагаю, если бы не мое появление в Джойстауне, Честеру все бы сошло с рук. Не обижайся на мои слова, Рэй, но при таком правильном миропонимании местной полицией, вам вряд ли пришлось в голову сопоставить такие очевидные вещи, как полнолуние, обглоданные и разорванные люди и зверь.

– Разумеется, – проворчал Стокк. – В полицейской академии пока не преподают курс черной магии.

– Конечно. И поэтому вы бы сейчас безрезультатно допрашивали местных гадалок, глуповатых и лживых спиритов, обзванивали бы психиатрические клиники и запрашивали бы соседние штаты в поисках аналогичных преступлений. Как сами понимаете, это ни к чему бы в конечном итоге не привело.

Рэй, содрогнувшись, мысленно согласился с сержантом, но жгучая обида за свой отдел, на счету которого за последние десять лет не было ни одного нераскрытого дела, заставила его огрызнуться.

– У меня, конечно, нет ни одной «нестандартной характеристики», но, Слава Богу, кое-как с порученным мне делом я справляюсь. В юности я, к сожалению, не имел возможности в поте лица гордиться за книжками по оккультизму. Мне нужно было от нечего делать зарабатывать на кусок хлеба, а между делом играть в войну с узкоглазыми. ... Не в таких, разумеется, престижных частях, как ваша, а в пехоте, мордой пахавшей болота Голдмидлла...

– Извини, Рэй, но это не убеждает. Люди всегда склонны собственную беспомощность и ограниченность оправдывать превратностями судьбы, а ты меньше всего похож на фаталиста, – отчеканил сержант, незаметно озираясь по сторонам.

– Ну, знаешь, – прошипел Стокк и покачал коротко остриженной головой.

Не обращая внимания на обуревавшие офицера полиции чувства, Терри раздумчиво протянул:

– Не понимаю. Он приближается.

Рэй угрюмо вперился взглядом в спокойно развалившегося в полукресле десантника и изо всех сил пытался не реагировать на его слова.

– Нужно пойти позвать братца Иосифа в дом, – вставая и подходя к двери, пояснил Терри. – Сейчас не самое подходящее время осматривать родовые склепы.

Рэй, стараясь быть безразличным, закурил и пожал плечами.

Дверь плотно закрылась, и шаги Счастливого вскоре затихли в переплетении заросших кладбищенских дорожек:

«Ну, надо же, до чего самоуверенный тип. Он один способен облагодетельствовать Джойстаун своими «нестандартными характеристиками»! Нагородил огород, понимаете ли, и строит из себя супермена. Если бы я мог слышать за десять миль...»

Ясное на рассвете небо затянулось теперь тяжелыми косматыми тучами, прячущими в своем брюхе стылый дождь и первый снег, который повсюду от отрогов Девил Маунтин до побережья называют осенними или белыми мухами. О чем-то навсегда потерянном уныло завывал ветер в полуоблетевших, костлявых кронах старых вязов, нагоняя безысходную тоску.

Рэй, постепенно успокоившись, сквозь сизые клубы дыма смотрел на самое мрачное кладбище, которое когда-либо видел в жизни, и чувствовал, как в душу закрадывается безотчетный страх и тревога.

Ни монах, ни сержант не возвращались.

ГЛАВА 17.

В начале десятого в двери «Загородного трактира Монли» осторожно вошел худой, сгорбленный человек, один глаз которого был весь в ярко-красных прожилках, а второй совершенно мертвый, так, что даже цвет невозможно было разглядеть.

В этот час в трактире не было ни одного посетителя, что объяснялось окончанием курортного сезона, и отсутствием транзитных автомашин, увозящих беззаботных туристов на Север и Восток страны.

– Вечер добрый, Кейт, – поздоровался человек, подходя к стойке и потирая озябшие руки. – Вижу, торговля не особенно бойкая.

– Добрый вечер, мистер Ньюмэн, – со вздохом откликнулся Кейт Монли. – Торговля – дрянь. Как всегда в эту пору. Что-то Вы поздно сегодня. Были дела в городе?

– Какие у меня дела, так прогуливался по набережной, дай, думаю, зайду, пропущу стаканчик.

– Вот это правильно, в такую сволочную погоду как не пропустить стаканчик-другой. Я Вам грог сварю. ... Ишь, как завывает, прах его побери. Старый Хантер говорил сегодня, что не припомнит на своем веку такой ранней зимы, а Хантеру можно верить, как Вы думаете?

– Да, Хантеру можно верить, – согласился Ньюмэн, забирая из рук Монли стакан с горячим, пряно пахнущим напитком.

Непогода над Джойстауном разбушевалась не на шутку. Попавший в такой буран водитель неизбежно обречен был ночевать в своей машине. И действительно, такой ранней зимы не припомнит никто из жителей Джойстауна, даже старый Хантер.

А Хантеру можно верить.

– Ну что, согрелись? – спросил задумчиво Кейт, протирая высокий синего стекла стакан. – Что-то Вы неважнецки выглядите.

– Н-да-а. ... Прихворнул что-ли...

– Слышали, в город приехала какая-то специальная команда военной разведки, ловить этого ублюдка. Как думаете, будет толк?

– Вряд ли, – с «какой-то ненормальной улыбкой», как потом расскажет полиции Кейт Монли, ответил Ньюмэн и, быстро расплатившись, вышел из «Загородного трактира Монли» в ночную непогоду.

«Я еще тогда понял, что с парнем не все в порядке».

От заведения Монли до кладбища «Святого Августина» было не больше полумили.

Стокк с сержантом тянули уже вторую бутылку дешевого дрянного виски из запасов Ньюмена, когда таймер на часах Рэя прозвонил четверть одиннадцатого.

– По-моему, зря мы тут сидим, – пожал он плечами.

– В любом случае сидеть нам больше негде, – подумав ответил Терри.

И на самом деле сами охотники за зверем походили сейчас на загнанных в западню.

Майк Готфрид достаточно однозначно сообщил о том, что дом лейтенанта блокировали какие-то шустрые и неразговорчивые молодчики из разведки, неожиданно нагрянувшие в город.

Они прочесали все места в городе, где бывал или мог быть Рэй Стокк, и потребовали у капитана Садовски дело об убийстве студентов и инспектора Дейва Кима.

Садовски затребовал дела у Готфрида и запер в свой личный сейф, оставляя за разведкой право сыпать проклятиями в адрес самого капитана, всех полицейских вообще и властей штата.

– Поразительно, что они еще не добрались до кладбища, – Терри, казалось, к чему-то напряженно прислушивается или... «принюхивается», отметил Стокк. – А теперь, лейтенант, мне необходимо выйти прогуляться. Заодно посмотрю, кто это такой вонючий крадется

сюда. Не похоже, что у него здесь похоронены родственники.

– Ты что-то почувствовал? – оживился Рэй и потянулся за «кольцом».

– Он идет сюда, – глядя в упор на лейтенанта потемневшими глазами, сказал Счастливчик. – Он знает обо мне и... все равно идет.

– Что это значит?

– Это значит, что он уверен в своих силах. Он очень уверен в своих силах. Он же не просто зверь, а человек-зверь. ... Он оборотень, проклятье рода человеческого. И он очень хитер...

– Черт! Я вызову Майка с подкреплением!

– Хочешь, чтобы нас здесь накрыли оперативники из разведки? Они ведь не станут выслушивать рассказы о заговоренных талисманах из Египта и «Книге мертвецов»...

– Я не могу отпустить тебя одного.

– У нас нет выхода. Ты будешь только мешать мне, Рэй. Извини. ... Он рядом. Ветер швырнул в окно горсть колючих снежинок и яростно загудел в каминной трубе.

– И сейчас ему нужен только я. Зверь почуял зверя...

– Но я же не могу так просто сидеть здесь!

– Так нужно, лейтенант, – твердо повторил Терри и вышел в, не на шутку разгравшийся, буран.

Стокк достал и аккуратно разложил на столе тридцать восьмой и сорок пятый «кольты». Началось томительное ожидание, которое, подумалось Рэю, не будет очень долгим...

Чем ближе Ньюмен подходил к своим владениям, обнесенным полуразрушенной стеной, тем явственнее чувствовал присутствие какой-то непонятной, пугающей силы.

Время от времени он вставал по ветру и долго принохивался.

Обострившееся, как всегда перед ЭТИМ, обоняние среди привычных, кладбищенских запахов выделяло один, не похожий ни на что – запах сильного и безжалостного хищника. И это был человек. Ньюмен втягивал в себя холодный, снежный ветер, напоенный ароматами виски, пота и...

Первобытный ужас невидимыми волнами растекался окрест кладбищенских стен...

«Ужас может пахнуть?! Конечно. Все имеет свой запах. Страх пахнет полуразложившимися трупами. Ужас же хватает вас за горло осклизлой кистью этого трупа».

Ньюмен не боялся трупов, он жил среди них. Сейчас ОН осязал соперника и соперника достойного.

Это был не какой-нибудь охотник из облавы с «ремингтоном», воняющим машинным маслом и порохом.

Облавы Ньюмен обходил легко...

В Нейроме семь лет назад перепуганные и злые жители два раза устраивали облавы, а оставшихся в городке женщин и детей находили потом с оторванными и ободенными головами.

Нет, не облавы боялся он, его впервые пугал человек...

Стена кладбища, обвалившаяся и заросшая пожухлым плющом, словно из ниоткуда, выплыла из темноты.

Ободранными руками Ньюмен ощупал разьежающуюся кладку и осторожно и бесшумно перелез не территорию кладбища. Лишь осыпалось несколько камешков, да пару сморщенных листьев унесло в ночь.

Призрачная, лимонно-тусклая луна на секунду выглянула из тучи и тут же исчезла, как дьявольский лик потустороннего.

Несмотря на близкую опасность, Ньюмена внезапно охватил непередаваемый восторг

и нечеловеческой силой налилось тело, не оставив в нем ни хвори, ни усталости.

В это самое время Рэй Стокк напряженно всматривался в окно, когда над кладбищем «Святого Августина» разнесся торжествующий, захлебывающийся вой...

Волк-Ньюмен почти уже добрался своими страшными слюнявыми клыками до горла этого странного, сильного человека, когда огненный смерч распорол его незащищенное брюхо.

Последнее, что он услышал, были слова:

– Десятая нестандартная характеристика – уничтожение обратной.

г. Димитровград 1995 год.

ЧАСТЬ 7

Много б' надо, да мало времени...

Я за вечер схватился зубами,
Обломав желтых звезд обода.
Я ругаюсь с шальными ветрами,
Повторяя – «Судьба – ерунда!»
А когда ночь прохладную лапу
Мне положит на зеркало глаз,
Я спущусь по небесному трапу
И наплачусь в последний раз.
Я как конь, растерявший подковы
Залижу в кровь разбитые ноги,
И уйду под холодным покровом
По лениво ползущей дороге.

Так видно было суждено,
О чем печалиться?
Что было, было и прошло,
Как все кончается.
Уеду я в другой рассвет,
Где все как хочется,
Где ни тебя, ни слез, ни бед,
Ни одиночества.
И если встретимся опять,
Лишь волей случая,
А если буду вспоминать,
То только лучшее.
Я не жалею ни о чем,
И глупо каяться.
Благодарю тебя за то,
Что все кончается.

1986

Наконец-то дождик смыл твои следы,
На душе спокойно, как всегда.
Позабудь родная обо мне и ты,
Расставанье – это не беда.
Я влюблюсь в луну и в хохот облаков,
Я влюблюсь в продрогший тротуар,
Утону под утро в море из цветов,
Обнимая осени пожар.
Я уйду в туман гитарой звеня,

Пожелав всем счастья и удач.
Вы простите ради осени меня,
Ну, а ты, любимая, не плачь.

Я тебя уже не назову своей,
Ни к чему мне вспоминать потери,
Но в душе я все-таки не верю,
Что не назову тебя своей.
Отыгрался я; аккорд последний
Был не лучшим, но какой уж есть...
Я играл, быть может, слишком средне,
Может быть, фальшивил там и здесь.
Но когда рука чужого вновь играет
Мной давным-давно написанный этюд,
Больно мне, хотя я понимаю –
Жизнь останется, а игроки уйдут.

1982.

По мне уже отплакали подруги,
У них уже другие, понаглей,
Они уже целуются от скуки
Под светом желто-грязных фонарей.
Я мертв. Теперь мне легче, мир мой зыбок,
Я не боюсь за завтрашний рассвет,
Я не боюсь ошибок и улыбок,
Я не боюсь ни слова «да», ни слова «нет».
Уже никто не крикнет мне визгливо:
«Не так поешь, не там идешь, не с теми пьешь!»
Меня уже не продадут за пиво,
Не купят за блестящий потный грош.
Я ухожу, мне надоела эта драка,
Туда, где нет блатных и теплых мест,
Пусть вшивая бродячая собака
Помочится на мой могильный крест.
Покроется холм мухоморной сыпью,
Ограда проржавеет до нельзя,
И, может быть, лет через десять выпьют
На мне мои веселые друзья.

1986.

За обиды все и всем отплатится,
Я не прав, быть может, лишь в одном,
Что хотелось сразу многим нравиться
Никому не став из них врагом,
Жаль, что так не может и не должно быть,
И чужая глупость, как укор,
Ну, а, в общем, знаешь, надоело жить,
Ожидая выстрела в упор.
И другой, другим осенним вечером,
В вырез платья занырнув рукой
Будет говорить тебе доверчиво,
Что впервые встретился с такой.
Ты отдашься мягкая, дрожащая,
Позабыв давно про первый стыд,
Будешь верить в это – настоящее,
Зная, что КТО ЛЮБИТ, ТОТ ПРОСТИТ...

День вчерашний мне бьет по темени,
Кровью строки из глотки рву.
Много б надо, да мало времени,
Задыхаюсь, но все ж бегу.
Не прощенья прошу, ни жалости,
Ни дворцов золотых, ни дев,
Боже, дай же мне самой малости –
Умереть, свою песню допев.

Дуэль со временем.

Чудак жил в большом, старом доме, куда в разбитые окна частенько наведывался бродяга-ветер и тушил свечи и огонь в полуразвалившемся камине.

Чудак не занимался ремонтом своего жилища, и время украдкой, день за днем, час за часом разрушало его, приводило в негодность. Время – вот что было кровным врагом Чудака. Он ненавидел его, как ненавидит больной смертельную болезнь, поселившуюся внутри него.

Чудак вышвырнул из своего огромного, полуразрушенного дома все часы и календари, чтобы они никогда не напоминали ему о том, что через сколько-то лет, а может быть месяцев придет Смерть, от которой и теперь уже иногда веет могильным холодом.

Чудак никогда не выходил из дома, прогулкой у него считался обход восьмидесяти четырех комнат дома-лабиринта, в котором даже он сам не знал всех закоулков, тайников, ловушек, уже давным-давно вышедших из строя и никого не могущих поймать. Продукты ему раз в три дня приносил веснушчатый, подслеповатый мальчонка, который с тайным замиранием сердца осматривал мрачные серые стены умирающего дома со следами былых росписей.

Вот уже двадцать лет работал Чудак над пожелтевшей, пухлой рукописью своей будущей книги «Пловец на реке времени». Эту книгу он начал писать, когда еще был капитаном на, теперь покоившимся на дне морском, клипере «Сатурн», который погубил яростный шторм, разразившийся у мыса Доброй Надежды. Тогда он еще не знал, что книга будет, по сути, делом всей его жизни, всем его существом.

А Время? Время все также продолжало сыпать секунды небытия в бездонную чашу вечности. И Чудак понял, что ему не успеть закончить книгу.

И однажды, посмотревшись в огромное, треснувшее пополам зеркало в огромном зале, и подмигнув себе, он решил не умирать. Да просто взять и не умирать. Начихать на время, на седину в волосах, на почерневшие, потрескавшиеся губы и не умирать.

Первым делом Чудак направился в туалетную. Здесь он до боли в деснах вычистил зубы, отмыл от чернильных пятен восковые руки, аккуратно причесался и привел в порядок ногти. В гардеробе он отыскал белую, просторную, с отложным воротничком рубашку и белые же полотняные брюки, которые, как ни странно, пришлось ему в пору. Осмотревшись по сторонам, Чудак с удивлением увидел, что в кабинете все покрыто толстым слоем пыли, а на письменном столе царит неообразимый кавардак.

Он взял щетку, наполнил ведро мыльной водой и занялся уборкой. С непривычки закружилась голова и заныла спина, но вскоре это прошло. Работа захватила его. Пыль серебристыми каскадами закружилась по кабинету, солнечные лучи врезались в разбитые окна и ворвались в старый дом, который первый раз в своей долгой и трудной жизни светился изнутри. Отбросив щетку, Чудак выбежал на бесконечную веранду, змеей опоясавшую дом. Он словно помолодел. Голова кружилась, как от вина.

Все было так же, как и двадцать лет назад: и далекие синие горы, подернутые дымкой, и тихо плескавшееся море на горизонте, и даже похоже кричали диковинные птицы в заброшенном пустом парке.

Чудак зашел в кабинет, достал из орехового ящика бутылку коньяка и, осушив полный стакан, рассмеялся. Ему было весело и немного грустно. Он чувствовал, что что-то должно сегодня случиться. Что-то непременно должно. Непонятное волнение охватило его. Чудак зажмурился и вдруг почувствовал: Время сдается, оно уходит куда-то за те далекие синие горы.

Он хлопнул себя по колену и вскочил. Ему захотелось услышать музыку. Ту музыку, которая звучала двадцать лет назад, в тот памятный вечер. Чудак долго рылся в бесчисленных ящиках бесконечных шкафов и вскоре появился с пыльным помятым патефоном в руках и с черным круглым диском. Он вынес патефон на веранду, засыпанную сморщенными осенними листьями и озаренную заходящим за синие горы солнцем, завел дрожащими от волнения руками патефон и поставил старую-старую пластинку.

Тихо и мягко полилась полузабытая музыка, что звучала здесь двадцать лет назад. ... Что было здесь тогда?.. Чудак не помнил. Мелькали какие-то прозрачные тени, пахло тонкими духами и дымом дорогой сигары. Кто-то тихо разговаривал, беззвучно смеялся и шепотом звал кого-то...

Над печальным одиноким домом-призраком взошла желтая, полная Луна, озарив пустой парк светло-лимонным светом. Тихая печальная музыка лилась и таяла где-то за горизонтом у далекого синего моря, как и двадцать лет назад. На веранде слышался приглушенный смех и легкое шуршанье невесомых платьев. Чудак сидел в плетеном, полуразвалившемся кресле и ждал. Ждал чего-то удивительного, смутно чувствовавшегося и неуловимого, как шепот огня в костре. Долго еще слышалась печальная музыка у синих гор, долго слышались на веранде странные звуки...

Веснушчатый, подслеповатый мальчонка недоуменно рассматривал опрятно прибранную и наполненную каким-то странным запахом комнату Чудака.

– Эй! Есть здесь кто-нибудь? – крикнул он, испугавшись, когда шутник-это прохотелось где-то в темных, путанных коридорах дома-лабиринта. Сетка с продуктами беспомощно повисла в руке.

Мальнишка осторожно прошел на веранду и увидел возле старого поцарапанного патефона белый лист бумаги, намокший от утренней росы. Он поднял его и узнал почерк Чудака.

«Не нужно теперь носить мне продукты, бери их себе. ... И... возьми из стола, (ты знаешь где) рукопись, если хочешь, попробуй напечатать ее, а мне. ... Мне больше нет необходимости плыть по реке Времени. Я все-таки победил Его...»

Мальчик до поздней ночи стоял в кабинете Чудака и теребил в руках пухлую пачку исписанных листов, и иногда ему чудился легкий смех на веранде и запах тонких, непонятных духов...

Содержание

Вступительная статья.....	4
ЧАСТЬ 1	
<i>стихи</i>	
За таких как ты, мой друг беспечный.....	8
На машине старой и смешной.....	8
Май пришел в сирень одетый.....	9
Красива Лена в утренней заре.....	9
Я вновь на родине, я снова у дверей.....	10
<i>рассказы</i>	
Дитя во времени.....	11
Дождик в ладошке.....	16
Загадки в игрушечном доме.....	21
Три возраста любви.....	38
ЧАСТЬ 2	
<i>стихи</i>	
Утро.....	44
Спасибо.....	44
Время.....	45
Во сне ли было, наяву ли.....	47
<i>рассказы</i>	
В этот торжественный день.....	48
Встреча.....	52
Самолет.....	55
ЧАСТЬ 3	
<i>стихи</i>	
Япил твое дыхание с влажных губ.....	64
О, как мне хочется обнять тебя, малыш.....	64
Я б не резал вен, и непил бы гниль.....	64
Милая моя, моя нежная.....	65
Расплавленное солнце в голубых глазах.....	66
Вот и все, зима за окном.....	66
Обольщай же меня, обольщай.....	67
Я памяти своей порезал вены.....	67
Снова вечер дневные заботы украл.....	68
<i>рассказы</i>	
Вариации на темы осени.....	69
Любимая и единственная.....	72
А наутро была метель.....	93
И будем играть в прятки.....	105
ЧАСТЬ 4	
<i>стихи</i>	
Не возвращайтесь в минуты душевных смятений.....	114
Увы, наступит в жизни срок.....	114
Глушу димедролом бессоницу.....	114
На мраморных ступенях тени.....	115
Мне ночь ворвалась выстрелом в глаза.....	115
Театр.....	116
<i>рассказы</i>	
Ночь белого орла.....	117
Я вернусь.....	127
Ангел безумия.....	139
Бродящий по снам.....	158
Не доверяй бродячей собаке.....	177

ЧАСТЬ 5

стихи

Мне двадцать пять. Полжизни пролетело.....	186
На улице пурга и мокрый снег.....	186
Вечерний трамвай.....	187
За годом год все холодней и пустота.....	188
А за окнами земля в белом саване, Да синюшный свет фонарей.....	188
В заколоченную дверь зимняя пурга стучалась.....	188

рассказы

Бюро заказов.....	190
Вчера.....	197
Шоссе игрушек.....	214
Дьявольское отродье.....	228

ЧАСТЬ 6

стихи

Мой любимый город - город снов.....	244
Я забуду покой у стеклянной реки.....	244
И забыть бы, да нельзя.....	244
Ночь и смех. И чей-то пьянящий смех.....	245
На острие нерва.....	246

рассказы

Человек грозы.....	252
Беглец.....	260
«Вперед, сержант».....	264
Вервольф.....	268

ЧАСТЬ 7

стихи

Я за вечер схватился зубами.....	334
Так видно было суждено.....	334
Наконец-то дождик смыл твои следы.....	334
Я тебя уже не назову своей.....	335
По мне уже отплакали подруги.....	335
За обиды все и всем отплатится.....	336
День вчерашний мне бьет по темени.....	336

рассказы

Дуэль со временем.....	337

ПЕРВУШИН
Вячеслав Михайлович

Иль это я приснился этой жизни...

Редактор: *Е. Первушина*
Корректор *Е. Первушина*
Набор: *В. Король, К. Гузаева*
Дизайн-макет: *Р. Соснов*
Компьютерная верстка *Е. Абдрахманова*

Подписано в печать 20.06.04. Бумага офсетная.
Формат 60х84 1/16. Гарнитура «Таймс».
Печать офсетная. Усл.печ.л. 19,82.
Уч.-изд.л. 21,31. Тираж 1000 экз. Заказ 6/40

Издательство
«Казанский государственный университет
им. В.И.Ульянова-Ленина»
420008, г.Казань, ул. Кремлевская, 18

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии Издательского центра
Казанского государственного университета
им. В.И.Ульянова-Ленина

420008, г. Казань, ул. Университетская, 17
тел. 38-05-96

Театр абсурда – наша жизнь.
 Ты, как никто над ней смеялся.
 И в «черный фэнтези», и в стих
 Твой грустный смех всегда вливался.
 Всей кожей чувствовал ты фальшь,
 Душа металась неприкаянно,
 И ты по жизни мчался вскачь,
 Сжигая все мосты отчаянно.
 И свой трагический уход,
 Предвидя запротоколировал.
 И кто-то свыше этот код
 Мистически отрежиссировал.
 И даже смерть – абсурда знак:
 На милицейском «черном вороне»
 Увозят на погост твой прах,
 В решетки – снег по обе стороны...

Лидия Степанова

Деревья зябко приуныли –
 Хороним друга и поэта.
 Страшнее сказки правда были,
 Куплет остался недопетым.
 Могильный холм: всем как-то стыдно,
 Что не смогли, не сберегли...
 Слова, слова... До слез обидно!
 Где правда? Черт вас всех возьми!
 – Ах, вот... – Ах, надо бы... Но поздно,
 Не воскресить, не воскресить...
 Зазря не сотрясайте воздух,
 Он будет в книгах долго жить.
 А многим ныне так известным
 Не по плечу поэта сан.
 Всегда таланту в мире тесно.
 – Покойся с миром, Пьер Вышан.*

Владимир Кононов

* Пьер Вышан – один из псевдонимов Вячеслава Первушина
 (по созвучию с фамилией)